

Александр Миронов

РУСЛО
РУССКОГО
РЕЧЕНИЯ,

или

*О сокровенном
русском смысле
по-русски*



PEHOME

Санкт-Петербург
2014

УДК 800:27.247

ББК 81+86.37

М64

Автор выражает признательность за поддержку и помощь в создании книги:

*Бубнову Александру Алексеевичу
Еремееву Вячеславу Анатольевичу
Королевой Галине Николаевне
Мионовой Ольге Николаевне
Нероновой Галине Михайловне
Носачеву Алексею Александровичу
Ткаченко Алексею Константиновичу*

Мионов, А. Н.

М64 Русло русского речения, или О сокровенном русском смысле по-русски / Александр Мионов. — СПб. : «Ренومه», 2014. — 408 с.

ISBN 978-5-91918-415-7

Зачем и для чего написана эта книга? Если бы в сегодняшней России у власти находились честные и умелые правители, а не правили бы в ней откровенная подлость и узаконенное зло, то у автора вряд ли возникло жгучее желание тратить время и собственные силы на подобное сложное изыскание. Ведь успешная попытка получения ответа на вопрос об изначальном назначении Руси-России настолько труднодостижима, что даже просто мысль всего лишь о разумности подобного исследования уже представляется необоримой. Однако и простое созерцание очевидного и постыдного умирания нашего Отечества для автора оказалось не менее нестерпимым, что и привело его к идее создания книги о корнях русской истории, о самом сокровенном ее смысле. Но почему вдруг такой необычный состав ключевых ее фигур, как князь Александр Невский, царь Иоанн Грозный, святой Сергей Радонежский и барон Унгерн? Об этом автору поведал один опытный и очень мудрый русский человек, благодаря которому сия книга и увидела свет. А для получения ясного, убедительного и уже самостоятельного ответа на поставленный выше вопрос читателю и придется перечитать настоящую книгу, что, скорее всего, поможет ему и в познании важнейших начал русской судьбы, а также позволит в грядущем преображении Руси уверенней и последовательней воплотить в нем и самого себя.

УДК 800:27.247

ББК 81+86.37

Ограничение по возрасту 16+

Фото А. Мионова предоставила Г. Неронова

© А. Н. Мионов, 2014

© С. И. Ващёнок, оформление обложки, 2014

© ООО «Ренومه», 2014

ISBN 978-5-91918-415-7

Предисловие

В настоящем сборнике представлены четыре работы: разъясняющее чтение **Александр Невский: князь правды и совести?**; роман-наставление **Иоанн Грозный — страх Божий и великая надежда России...**; актуальное чтение **Сергий Радонежский: милость Божья всему русскому народу, или Святое в услужении мирскому...** и на правах послесловия к настоящей книге — **БАРОН УНГЕРН: ПРЕДТЕЧА РУССКОГО ЧУДО-ЦАРЯ?**

Целью настоящего развернутого исследования явилось изыскание основополагающих, или сущностных, смыслов всей русской истории, причин характера ее нынешнего течения, а главное — узнавание грядущих событий и приготовление к ним самого русского человека. Но почему выбраны именно такие фигуры: Иоанн Грозный, Александр Невский, Сергей Радонежский и барон Унгерн? По представлению автора, эти люди оказались средоточием всех основополагающих смыслов бытия русского мира. Первый герой создал русское православное царство, второй попытался приблизиться к решению этой задачи много ранее, тогда как третий обеспечил соединение стремления второго и появление конкретного результата у первого. Четвертый оказался единственным охранителем-практиком самодержавия в России в самый первый момент после его крушения. То есть первые три человека сформировали то духовное основание, на котором, с одной стороны, и возникла сама единая Православная Россия, с другой — четвертый выступил в роли предтечи грядущего владыки всего русско-

славянского мира. Кто-то, возможно, попытается назвать, обосновать и другие основополагающие фигуры русской истории. Как говорится, помогай им Бог. Однако кто-то должен и начать это воистину нужное дело. Вероятно, что прочтение предлагаемой книги окажет последователям необходимую помощь в этом сложном поиске, ведь русская история вне обретения ее сущностных или всеобщих смыслов, во-первых, мало понятна, во-вторых, и мало ценна, если даже не сказать вредна. Почему вредна? Да потому, что тогда она всегда будет основанием бесполезных, а значит, и погибельных споров. Заявленное же отношение к прошлому нашего Отечества заведомо снимает эту ситуацию нескончаемых пустых борений, придает ей значительный и перспективный общий смысл.

Александр Мионов

П р и м е ч а н и е

В настоящей книге автор выступает во многом в роли автора-составителя, так как не видит смысла воспроизводить своими словами уже много раз обнародованные образы известных исторических лиц.

*Александр Невский:
князь правды и совести?*

(разъясняющее чтение)



Предисловие	7
Глава 1. Два пути — две участи	14
Глава 2. Раздел отцова наследства	18
Глава 3. Поездка в Орду за правом на русские земли. Стояние князя Александра Невского в вере православной и его же малодушное политическое отступление от нее, лишь усилившее раздор на Руси	20
Глава 4. Раскол в братьях как раскол в вере Христовой	24
Глава 5. В одеждах Иуды, но во имя славы Божьей	28
Глава 6. Нежданный и мудрый союзник — митрополит Киевский Кирилл	33
Глава 7. Княжеские хлопоты во Пскове и Великом Новгороде. История первого усмирения новгородцев	38
Глава 8. И снова путь в Орду. Кровавое татарское число и непокорный сын — князь Василий	42
Глава 9. Возвращение во Владимир. Княжеский отдых в Ростове. Станный разговор, открывший будущее Руси	46
Глава 10. Народные восстания как попытка вразумления русской знати	51
Глава 11. Окончательный расчет великого князя Александра Невского в Орде как прекращение его двойственного пути	53
Глава 12. Кончина князя Александра Невского и начало присвокупления его к лику русских святых	58
Приложение. Исповедание веры святого и благоверного великого князя Александра Невского. (из Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина 1591 года в переводе Ю. К. Бегунова)	60
Послесловие.	63

Предисловие

Целью настоящей отчасти художественной книги является установление границ допустимого компромисса или сделки с совестью в истории. Подобные действия свершались, казалось, из лучших побуждений путем вынужденного принесения в жертву национальной свободы и чести во имя сохранения нации для ее же последующего расцвета. Возможно ли оное дело в принципе, если иметь в виду саму реальность достижения целей желаемого национального будущего, или это лишь нечестная игра правящих кругов во имя собственного эгоистического самосохранения в истории путем полного уничтожения своего же народа? Но сначала ознакомимся с официальными оценками сдерживания на Руси монгольского ига в период правления великого князя Александра Невского:

«Каковы же последствия иноплеменного нашествия для Древнерусского государства? Вторжение многочисленных кочевников сопровождалось массовыми разрушениями русских городов, жители безжалостно уничтожались или уводились в плен. Это привело к заметному упадку русских городов — население уменьшалось, жизнь горожан становилась беднее, захирели многие ремесла. Монголо-татарское нашествие нанесло тяжелый удар основе городской культуры — ремесленному производству, так как разрушения городов сопровождались массовыми уводами ремесленников в Монголию и Золотую Орду. Вместе с ремесленным населением русские города утрачивали многовековой производственный опыт: мастера уносили с собой свои профессиональные секреты. Надолго исчезают сложные ремесла, их возрождение началось лишь спустя 15 лет. Навсегда исчезло древнее мастерство эмали. Беднее стал внешний вид русских городов. Качество строительства впоследствии также сильно понизилось. Не менее тяжелый урон нанесли завоеватели и русской деревне, сельским монастырям Руси, где жило большинство населения страны. Крестьян грабили все: и ордынские чиновники, и многочисленные ханские послы, и просто разбойничьи шайки. Страшным был ущерб, нанесенный монголо-татарами крестьянскому хозяйству. В войне погибали жилища и хозяй-

ственные постройки. Рабочий скот захватывался и угонялся в Орду. Ордынские грабители часто выгребали из амбаров весь урожай. Русские крестьяне — пленные были важной статьёй “экспорта” из Золотой Орды на Восток. Разорение, “глады” и “моры”, постоянная угроза рабства — вот что принесли завоеватели русской деревне. Ущерб, нанесенный народному хозяйству Руси завоевателями, совсем не ограничивался опустошительными грабежами во время набегов. После установления ига огромные ценности уходили из страны в виде “дани” и “запросов”. Постоянная утечка серебра и других металлов имела тяжелые последствия для хозяйства. Серебра не хватало для торговли, наблюдался даже “серебряный голод”. Значительно ухудшилось международное положение русских княжеств. Древние торговые и культурные связи с соседними государствами были насильственно разорваны. Так, например, литовские феодалы использовали ослабление Руси для грабительских набегов. Усилили наступление на Русские земли и немецкие феодалы. Русью был утрачен путь к Балтийскому морю. Также были нарушены древние связи русских княжеств с Византией, пришла в упадок торговля. Нашествие нанесло сильный разрушительный удар всей культуре русских княжеств. В огне нашествий погибли многочисленные памятники, иконы и образцы архитектуры. Завоевание привело к длительному упадку русского летописания, которое достигло своего расцвета к началу Батыева нашествия. Монголо-татарские завоевания Руси искусственно задержали в ней распространение товарно-денежных отношений, надолго “законсервировали” натуральное хозяйство. В то время как западноевропейские государства, не подвергшиеся нападению, постепенно переходили от феодализма к капитализму, Русь же, растерзанная завоевателями, сохранила феодальное хозяйство. Нашествие явилось причиной долговременной отсталости нашей страны. Оно также оборвало прогрессивное объединение Руси и усилило княжеские усобицы.

Таким образом, монголо-татарское нашествие никак нельзя назвать прогрессивным явлением в истории нашей страны. Трудно даже себе представить, как бы дорого обошлись человечеству походы монгольских ханов и сколько еще несчастий, убийств и разрушений они могли причинить, если бы героическое сопротивление русского народа и других народов нашей страны, измотав и обессилев противника, не остановило нашествия на границах Центральной Европы. Монголо-татарское нашествие и иго Золотой Орды, последовавшее за нашествием, сыграло огромную роль в истории нашей страны. Ведь владычество кочевых врагов Руси продолжалось почти два с половиной столетия, и за это время иго сумело положить существенный отпечаток на судьбу русского народа. Этот период в истории нашей страны является очень важным, поскольку он предопределил дальнейшее развитие Древней Руси».

Что можно сказать, оценивая принятую точку зрения на вопрос об иге на Руси Золотой Орды? По мнению ее авторов, выходит то, что Русь, обе-

спечивая кочевников всем им необходимым, вполне удовлетворяла все их агрессивные аппетиты. Тем самым и полномасштабный долговременный поход монголов в Западную Европу уже не имел для них какого-либо серьезного смысла, а значит, и соответствующих огромных затрат. Но тогда получилось ровно то, что Русь, по воле своих так называемых великих князей, якобы героически спасавших ее от полной гибели, добровольно принесла саму себя в жертву мировой истории, покорно согласившись на роль неограниченного во времени крупного данника Золотой Орды. Кстати сказать, Русь перед нашествием имела 12-миллионное население, 1,5 тысячи укрепленных населенных пунктов, включавших несколько сотен городов. Видимо, это коллаборационистское решение было принято вместо того, например, чтобы перейти на режим организованной непрерывной лесной партизанской борьбы с агрессором, где татарское военное преимущество было бы ликвидировано само собой. Ведь, скажем, венгры, несмотря на страшные поражения, например, в битве при реке Шайо, где сложили свои головы 56 тысяч венгерских рыцарей, сумели отбить попытку Батые установить прочное господство над их территорией. То есть даже небольшая Венгрия не стала выгадывать, что выйдет из ее борьбы с оккупантами, когда они вторглись в ее пределы. И события марта 1238 года, когда войска Батые, увязнув в лесных краях, дрогнули, не дойдя до Новгорода всего 200 километров, явно говорили о том, что серьезное сопротивление вполне было возможно. Однако князь Александр, способный дерзко и стремительно громить небольшой шведский отряд, на сей раз мелко дрожал вместе со всем многотысячным Великим Новгородом. Да и его победа на Чудском озере над немцами, видимо, была достигнута лишь по причине явного численного перевеса русского ополчения (17 тысяч против 12 немецких), а также умелого действия засадного полка его брата князя Андрея. Кроме того, как раз во время славного побоища в апреле 1242 года вблизи Пскова, прямо на родине агрессора в битве при Лигнице татары уже громили рыцарей-тевтонов, по выражению местных жителей, как детей, а значит, ждать ему в походе на Русь какой-либо серьезной помощи никак не приходилось. Более того, сам поход ливонского ордена был подло (по причине убеждения рыцарей, что Новгород якобы уже повержен татарами) спровоцирован римским папой, совсем не имевшим тогда права прямого командования рыцарями, подчинявшимися по вассальному закону лично императору Священной Римской империи германской нации Фридриху II Штауфену. Кстати сказать, этот самый император был основательно и неоднократно проклят католической церковью. То есть никакой фундаментальной немецко-католической угрозы в 40-х годах XIII века Новгородской республике не было, тем более, если учесть, что только ее 300 «золотых поясов» (богатых жителей) имели свои собственные вооруженные дружины. И это совсем не считая гарнизонов многочисленных пригородов Новгорода. Взятие же немцами Пскова случилось

исключительно по причине добровольной сдачи его самими псковичами как своим вчерашним поделщикам в минувшей совсем недавно и позорно обанкротившейся затее совместной вооруженной колонизации Литвы. Кстати, о литовском уроке для Руси. В 1258–1260 годах татары пытались покорить ее, однако ее король Миндовг сумел организовать оборону, решительно уводя свои силы в недоступные монгольской коннице болотистые места. В результате никакой дани ордынцам литовцы не платили.

Также «благоразумно» легендарный князь повел себя и тогда, когда его брат князь Андрей в явном меньшинстве (35 тысяч воинов) смело противостоял в 1252 году в районе Переяславля-Залесского 100-тысячной монгольской рати, которую на Русь привел уже татарский воевода Неврюй. То есть русские князья в целом взамен очевидного пути организации всеобщей народной борьбы с захватчиками с позиции «лесной чащи» избрали, видимо помимо своей воли, постыдное многовековое рабство всего русского народа, как раз и послужившее такому же по времени масштабному культурно-технологическому отставанию Руси от передовых стран Европы. То есть когда одни князья с явно недостаточными силами боролись с врагом, другие за их спинами хлопотали себе во вражеской ставке ярлык большего достоинства. В результате Русь снова подверглась погромам и разграблению. Итог печален. Достаточно сравнить народонаселение Руси в XVI веке (6,5 миллиона человек) с 12-ю миллионами начала XIII века, чтобы оценить тот огромный урон, который понесла Русь благодаря политике таких князей, как Александр Невский. Впрочем, еще следует понять, а был сей князь авторитетным правителем на самом деле или он был лишь мелким воеводой, выдаваемым ныне нам за великого князя? Факты упрямо говорят лишь о том, что, например, новгородцы использовали его дружину в качестве эффективного подразделения спецназа той эпохи для борьбы с балтийскими соседями. При этом новгородцы не давали ему ровно никакой заметной поддержки в каких-либо вопросах организации жизни горожан, фактически прогоняя его каждый раз со скандалом после окончания им очередной выволочки соседей Новгорода. Упомянутую выше поддержку, но только от всего слоя богатых горожан, он получил исключительно под давлением татарского ярлыка на его правление в Новгороде. Или лишь при могущественной поддержке Золотой Орды он, собственно, и становится нам всем известным великим князем, устраняя своего брата Андрея с позиции главного русского князя — князя Владимирского. И еще. Известное ныне «мудрое» решение Александра Невского, представляемое нам как «быть Руси с Востоком против Запада», нельзя рассматривать иначе, как спекулятивное, ведь масштаб угрозы с Запада (набеги совсем небольших отрядов, исчисляемых крайне редко более чем 10 тысячами человек) не идут ни в какое сравнение с рейдами татар минимум в 160 тысяч воинов. Именно поэтому совсем невозможно говорить всерьез о каком-либо выборе, так как изна-

чально ясно, что князь просто испугался тягаться с Ордой. Но, может быть, Орда свалилась на Русь как гром среди ясного неба? Еще к 1236 году на Руси хорошо знали о приближающейся угрозе. В 1229 году разбитая на Яике болгарская степная стража и половецкие отряды с низовьев Волги принесли вести о грозном движении Орды. Об этом знал составитель Лаврентьевского летописного свода, а значит, знали и князья. Попали в летописи и сведения о боях на границе Волжской Булгарии в 1232 году. Уже в 1236 году Орда численностью в 139 тысяч воинов переправилась через реку Урал и обрушилась на Волжскую Булгарию. Селения болгар, чувашей, мордвы и буртасов были сметены, население перебито. Масса беглецов была принята великим князем Юрием Всеволодовичем и расселена в русских землях. По поведению князей, продолжавших свои усобицы, нельзя сказать, что столь явное выражение большой опасности их обеспокоило. Отец Александра в это время брал Киев, а Михаил Черниговский планировал, как его оттуда выбить. Между тем Орда не отдыхала, а планомерно продвигалась по мордовским и буртасским землям, громя все опорные пункты между Булгарией и Русью. Истреблению подвергались и русские крепости на торговых путях, например Сурское городище (рядом с современной Пензой). Город на 10 тысяч жителей с сильным гарнизоном был, судя по раскопкам археологов, забросан ядрами из легких камней и буквально затоплен дождем стрел, оставленных татарами в земле. И вот уже первые русские поражения конца 1237 года. Казалось, пора было спохватиться и сорганизоваться, вывести людей из крупнейших городов Руси в зоны, где мощь татарской конницы утрачивала саму себя естественным образом — в леса, на пути ее возможного продвижения, где следовало также сконцентрировать и военную мощь для блокирования, рассечения вражеских колонн и уничтожения их по частям. Ведь это было совсем несложно понять в условиях фактически полного отсутствия каких-либо серьезных укреплений русских поселений. И пусть бы тогда кочевники попробовали повоевать с Русью. Тем более, что, скажем, монголы никак не были готовы погибать. Иначе говоря, военачальники Чингисхана, умело используя ужас, бежавший впереди их коней, лишь изображали себя непобедимыми. То есть они прекрасно понимали ограниченность своих сил, не спешили ломить стеной без разведки, предпочитая победить хитростью и поберечь воинов, связанных не только своим отрядом, но и кровным родством. В этом смысле потеря даже одного бойца ощущалась намного острее. Поэтому командиры были готовы на все, чтобы избежать потерь. Представления, будто татары воевали, заливая поля сражений своими бесчисленными телами, — просто вздор. Случалось, они гнали на убой толпы людей из покоренных народов, но мысль подставить под удар хоть одного своего воина показалась бы им крамольной. Как и на Руси, девизом татар была победа без своих потерь. Кроме того, дикая сила завоевателей не была подавляющей, и победа

далеко не всегда им сопутствовала. Упорно сражался с татарами Тимур-мелик, один из хорезмских воевод. Много лет изводил их отважный и жестокий наследник хорезмшахов султан Джелал-ад-Дин. Даже грузины и армяне, объединившись, сумели отбиться от завоевателей. А крепости Шамхору и Баку так и остались для кочевников неприступными. Кстати сказать, в результате осуществления предлагаемой выше стратегии сама Русь из сборища разрозненных областей мгновенно бы превратилась в единое мощное государство. Но, к сожалению, природная нерешительность русских князей, помноженная на очевидную бездарность, и привела всю Русь почти к 250-летнему рабству. Причем с момента кончины Александра Невского в 1263 году Русь постепенно с его подачи переходит в рабство уже к тем, кто ее и не завоевывал вовсе — к кыпчакам (половцам). С этого времени в Орде начинает господствовать куманская речь, языком же татарских документов становится «туран теле», а их вера с языческой меняется на мусульманскую. То есть русские князья так попривыкли к собственной вассальной позиции, что и не заметили, как Русью вместо монголов завладели кыпчаки, или наемники монголов.

Можно ли сегодня признать сие добровольное рабство Руси разумным или стоит, наконец, понять его как самое трагическое предательство всего русского народа вполне корыстными и бездарными вождами, совсем не желавшими переносить со своим народом его тяготы и лишения в момент вполне возможной суровой борьбы с кочевниками? Ведь достаточно взглянуть на нынешнее время, чтобы увидеть схожую картину этого дрящегося в веках древнего предательства русского народа и в наши дни, когда всевозможные инородцы-кочевники также очень стремительно заполняют наши города по измышленной современными, очевидно подлыми властями причине стойкой неспособности русских людей решать насущные хозяйственные проблемы самостоятельно. Снова нам упрямо твердят о том, что таковы реалии современного мира, что, мол, Россия просто вынуждена завозить миллионы рабочих рук из-за границы. А впереди еще захват Сибири китайцами, который нам опять же преподнесут как результат мудрого правления. Иначе говоря, как тогда, так и сегодня правители в России упорно преследуют, прежде всего, антинародные эгоистические цели. Впрочем, это пока что самое предварительное суждение, которое еще следует перепроверить подробным изучением самой истории правления князя Александра Невского, как раз и лично заложившего печальную стратегию полного умиротворения всякого мощного как военного, так и экономического агрессора по причине якобы отсутствия иного способа спасения Руси от ее исчезновения с карты мира. Иначе говоря, скрывая свою фактически хроническую управленческую некомпетентность или фактически узурпаторский характер власти, многие и многие правители Руси-России лишь использовали ее для удовлетворения своих непомерных амбиций, приводя ее народ к непрерывной череде унижений

и страданий. Видимо, русские правители — это наиболее подлые правители во всей мировой истории, так как они исстари активно насаждали и также упорно использовали в личных целях невероятную покорность русского люда. И более всего сия подлость верхов, скорее всего, как раз и выявилась во времена господства Золотой Орды.

Но вернемся во времена Александра Невского. Так что же, выходит то, что наш прославленный князь зря прославлен? Да, трудно не соблазниться и не признать сие утверждение сущей правдою, говорят нам либералы и добавляют, что Александр Ярославович был банальным коллаборационистом. Однако он же свят, а значит, за ним посредством явленных у его мощей чудес и сам Бог! Впрочем, некоторые исследователи истории мощей Александра Невского утверждают, что оных нет в природе (сгорели вместе с ракой в 1491 году). Именно по этой причине мы и не знаем, как он выглядел на самом деле (утрачен череп, по которому возможно было бы реставрировать его облик, почему-то не исследована по останкам возможная причина смерти). Конечно, для атеиста все эти аргументы с позиции веры в Бога не имеют ровно никакого значения и для него иного очевидно грустного вывода нет и быть-то не может. Но для сколь-нибудь верующих людей другой вывод вполне возможен. Какой же? Давайте рассуждать. Изучение той эпохи дает одно ключевое положение: ни один из русских князей не имел в XIII веке серьезного общерусского авторитета, а значит, абсолютно никто из них объективно не смог бы самостоятельно организовать фронт общерусской борьбы с кочевниками. Попытки же сотрудничества князей в деле организации военного отпора татарам по этой же причине изначально были обречены на провал. Иначе говоря, в политическом смысле Русь тогда была явно в недоразвитом состоянии и легко могла стать жертвой любой крупной централизованной и хорошо управляемой силы, коей и явилась Золотая Орда. С другой стороны, всякие разговоры о серьезной аналогичной угрозе с Запада, включая идею насильственной замены на Руси православия на католичество, всегда имели лишь характер идеологической спекуляции. Может быть, римский папа и хотел бы окатоличить всю Русь, да только вышло как в поговорке «Съест-то он съест, да кто ж ему даст». В отличие от Орды в XIII веке у Святого престола руки были не в пример татарам ну уж очень коротки. А кроме того, ему тогда было бы счастье и самому себя сохранить в нештучной вооруженной борьбе с империей Фридриха II и его решительных потомков. То есть пошлое непонимание прошлыми и нынешними российскими патриотами, в силу их природной неспособности вообще вникать в сложные социальные явления, истинных причин поведения Александра Невского и толкает их непрерывно на подобные громкие, но заведомо ложные объяснения, которые, кстати сказать, и компрометируют князя как форменного придурка. Вместе с тем Орда, помимо собственного желания, выступила в роли учителя для всей Руси в вопросе становления в ней же

самодержавного строя, который и был вполне установлен много позднее Иваном Грозным. Кстати, именно этот государь и довел Великий Новгород, как говорится, до нужной кондиции покорности, которой ему удалось ловко избежать во времена Орды. Поэтому совсем и не случайно то, что все русские князья, побывавшие в ставке великого хана Батия, обращались к нему исключительно как к царю. Другими словами, встать на путь реального строительства единого русского царства русские князья тогда могли только под неборимым военным давлением извне. Получилось ровно как в поговорке «Не было бы счастья, да несчастье помогло». С другой стороны, может возникнуть вполне закономерный вопрос: а зачем нам единое самодержавное русское государство? Ответ на него может быть лишь один: для обретения царства правды и совести! То есть вне духовной цели русское государство избыточно в этом мире изначально, а значит, оно просто бы не возникло. Вопрос: а как возможно стяжать подобный непростой мир? Единственно возможный ответ: только через твердое становление сверху (через помазанника Божьего) всенародной православной христианской веры путем выявления и изобличения любых отступлений от нее, прежде всего в русских правящих кругах. Именно этой сложной цели и служил всю свою жизнь святой князь Александр Невский, защищая, в частности, западные и северо-западные границы Руси как вполне вассальной территории Орды. Иначе говоря, в те суровые времена только монгольский владыка мог гарантировать шансы достижения когда-нибудь в будущем заявленной выше великой цели. А нынешний постсоветский торговый выкидыш под названием «Российская Федерация», конечно же, канет в Лету в самом ближайшем будущем. И на нем уже, как на своеобразном перегное, и возникнет долгожданная православная Русь.

*Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь
Защититель живота моего, от кого утрашуся? Внегда приблизатися
на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои,
тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце
мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю...*

Псалом Давиду, прежде помазания, 26

Глава 1

Два пути — две участи

Уже далеко позади славные победы русского меча над шведами и немецкими псами-рыцарями, и даже над подлыми литовскими агрессорами, которые, кстати сказать, полностью уничтожили сами весь орден меченосцев в сражении под Шауляем, утопив в болоте его магистра с 50 рыцарями. Кстати, там же нашли свою горькую участь 180 наемников из чис-

ла жителей Пскова. И уже спасена Русь от католического нашествия, желавшего смерти самой душе русской. Уже славный ореол наименования князя «Александр Невский» в честь блестящей победы над шведами известен далеко за пределами земли Новгородской. В результате подписан мирный договор 1243 года, по которому установленные границы просуществовали без изменений до середины XVI века, когда под ударами московских ратей царя Ивана Грозного хищный агрессор — Ливонский орден — прекратил свое существование. Впрочем, в XIII веке немецкие войска еще не раз пересекали эту границу. Взять хотя бы 10-дневный штурм Пскова в 1269 году 20-тысячной тевтонской ратью, который тогда сдержал литовский князь Довмонт (в православии Тимофей). Кстати сказать, этот князь для защиты западных пределов Руси сделал многократно более Александра Ярославовича, так как он регулярно побивал и немцев, и литовцев в течение огромного периода с 1266 по 1299 год. В последний раз он успешно отразил агрессию Ливонского ордена накануне своей смерти в 1299 году. Но зато никуда не делось невероятно мучительное монгольское иго, наоборот, оно приняло выраженный характер уже новой и страшной участи для всей Руси, только усилившейся со смертью Александра Невского.

И вот уже зримое доказательство того много горького суждения об иге: князь Александр Ярославович по праву старшего сына получил письмо-завещание от своего отца великого князя Ярослава Всеволодовича, который был демонстративно отравлен в Каракоруме неожиданно пришедшей к верховной власти ханшей Туракиной, матерью недавно воссевшего на монгольский престол великого хана Гуюка. Открыв сей скорбный документ, князь Александр прочел следующее:

Благословение чадам, шести сыновом.

О возлюблении мои сынове! Плод чрева моего — храбрый и мудрый Александре, и споспешный Андрей, и удалый Константине, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле! Будите благочестию истинии поборницы и величеству державы Русския Богом утверждению настольницы! Божия же благодать, и милость, и благословение на вас да в земли Суждальстей умножится в роды и роды во веки. Аз уже к тому не имам видети вас, ни в земли Суждальстей быти: уже бо сила моя изнеможе и жития кончина приблизися. Вы же не презрите двоих ми дочерей Евдокеи и Ульянии, сестер ваших, уже бляше им настоящее сии время горчайши жельчи и пельны, понеже матери и отца лишени суть. Изнемогая болезни от многих истощений и нужи, предаю со многим благодарением душу свою в руке Божови во иноплемненных землях. Месяца сентября, в 30-й день. Лета 6754 (1246)-го. Аминь.

Окончив чтение, Александр Ярославович крепко задумался. Ему были также ведомы и подозрительные обстоятельства внезапно случившейся

кончины отца, состоявшие в том, что причиной отравления великого князя стал донос черниговского боярина Федора Яруновича. Тот будто бы узнал, что князь Ярослав в присутствии рыцаря Жемера пообещал папскому легату Иоанну дель Плано Карпини перейти в католическую веру. А для монголов союз Руси и Рима был крайне опасен.

Князь Александр невольно вспомнил, что примерно в те же дни или чуть ранее уже в Сарае случилось еще одно убийство монголами другого русского князя, Михаила Черниговского, и его спутника боярина Феодора. Однако обстоятельства их смерти были совсем иными. Черниговский князь Михаил Всеволодович и его боярин Феодор были замучены монголами 20 сентября 1246 года. Вызванный ханом Батыем Михаил попросил благословения у своего духовного отца епископа Иоанна и получил его.

— Многие князья ездили в Орду, — сказал епископ князю, — и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, кланялись идолам, вкушали оскверненную пищу. Но ты, князь, не подражай им.

Князь отвечал:

— Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую.

То же сказал и боярин князя Феодор. Кстати сказать, о том же, отправив князю письмо, просила отца своего Михаила и монахиня святая Ефросинья, в прошлом невеста старшего сына князя Ярослава Федора, обладавшая признанным даром пророчества:

— Батюшка, не склоняйся на волю цареву, твердо стой за нашу веру и слушайся своего боярина Феодора — «философа из философов».

Когда князь Михаил с боярином Феодором и князем Борисом Васильковичем Ростовским прибыли в стан Батыея, монгольские волхвы предложили им пройти очищение огнем и поклониться кусту и войлочным куклам, которые олицетворяли изображения ханов, — словом, сделать все то, что требовали ханы от русских князей — своих вассалов. Только после этого им дозволялось преподнести хану и его вельможам и женам подарки и обратиться к хану через толмача. Михаил же отказался исполнять противные христианину обряды. Узнав об этом, Батый расвирепел и приказал насильно привести к нему русского князя.

— Я готов поклониться царю, — твердо отвечал ему князь Михаил, — ему вручает Бог судьбу царств земных, но я христианин и не могу поклониться идолам и твари.

Слуги с ненавистью вытолкнули князя Михаила из шатра и проводили до отведенного ему места. Вскоре пришли мурзы и объявили Михаилу:

— Идут от хана люди убить тебя. Покорись и останешься жив!

Скоро явились и убийцы. Соскочив с коней, они схватили Михаила за ноги и за руки и, растянув его, принялись бить кулаками и палками, потом повернули лицом к земле и били ногами. Закончил же расправу телохранитель хана, который долго бил князя своими пятками в живот,

пока тот не скончался. Какой-то отступник из Путивля, по имени Домант, отрезал убитому голову. После того стали уговаривать боярина Феодора и обещали ему почести в случае повиновения. Он же отвечал:

— Не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа, как государь мой!

Его мучили так же, как и князя, и тоже убили. Тела мучеников были брошены псам, но остались невредимыми. Господь явил знамение: над святыми мощами встал столп света, зажглись огни и было слышно ангельское пение. Верующие перевезли их тела на Русь, в Чернигов, и там погребли в кафедральном соборе Святого Спаса. Впоследствии церковь причислила князя Михаила и боярина Феодора к лику святых.

«Как похожа кончина отца и князя Михаила с Феодором, но как и разнится при этом? — подумал уже прославленный русский князь. — И где тот самый верный предел стоянию русского духа? На что допустимо соглашаться ради сохранения Руси? Неужели ради нее все-таки стоит идти на внешнюю измену вере своей, а может, как знать, и не только внешнюю, ведь трудно поверить в то, что отец ради политических выгод пошел бы на заведомую ложь, утрачивая при этом окончательно и собственный авторитет? Неужели сие предательство не погубит Русь, в которой уже будет не отличить подлинное иудство лишь от его демонстрации? И потом, в таком случае и сама Русь дорога ли будет хоть кому-нибудь?» Вдруг в памяти князя всплыли детские годы, когда он со старшим братом Федором остался княжить в Новгороде. Они наблюдали, как знатные новгородцы («золотые пояса») меняли церковную власть, а бедные — «простая чадь» — резали людей живых и ели; а иные, трупы обрезая, ели, а другие конину, псину, кошек. Таких юные князья приказывали казнить: жечь, сечь и вешать. Ничего не грозило тем, кто пытался есть мох, сосну, липовую кору и листья. Не могли справиться князья и с толпами, поджигавшими и грабившими дома, в которых, по слухам, имелись запасы ржи. Это же горе было не в одной земле Новгородской, но во всей области Русской, кроме Киева одного. Но обидным в воспоминании было то, что немцы из сотрудничавших с Новгородом торговых городов вроде Любека привезли продовольствие тем, кто, будучи богаче и имея более сильный флот, не пожелал обеспечить им собственный город! Аналогичная ситуация сложилась и в Пскове. Но сразу, как бы в противовес самому худому помышлению о Русском мире, вспомнилось одно из наставлений святой Фросины:

— Счастлив дом, в котором господа благочестивые, счастлив корабль, который управляется искусным кормчим, блажен и монастырь, в котором обитают воздержанные иноки. Но горе дому, в котором обитают нечестивые господа; горе кораблю, на котором нет искусного кормчего; горе монастырю, в котором нет воздержания; дом обнищает, корабль разобьется, а монастырь опустеет...

И еще пришел на ум князя Александра рассказ о том, что в день казни в Орде князя Михаила и его боярина Феодора оба в видении Ефросинье предстали перед ней, поведали о своей кончине и благодарили за молитвенную помощь в смертный час.

Глава 2

Раздел отцова наследства

Весной 1247 года князь Александр спешно приехал из Новгорода во Владимир на официальные похороны своего отца. Здесь, в Успенском соборе, на погребение тела великого князя Ярослава собрались все князья Северо-Восточной Руси, потомки Всеволода Большое Гнездо, какие еще оставались в живых. После отпевания к гробнице приблизился владыка Кирилл, «зело учителен и благочестия исполненный», и произнес «Слово похвальное самодержцу Ярославу», им же сочиненное. Вот что им говорилось:

— Сей великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, доброплодная отрасль князей Мономашичей, был в той Орде, в пагубной земле татарской, и все беззаконных их несправедное умышление на благочестие узнал и сердцем разгорелся по Бозе, божественной ревностью преисполнился, не стерпев зреть людей земли своей погибающими душою и телом, за них он не пожалел дорогой своей жизни ради истинного благочестия, а более всего, зная исконное отеческое благородие великих князей Рюриковичей и Богом им дарованное скипетродержание, вспомнил о том, как все страны трепетали от их имен — Владимира, Ярослава, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо, — не только ближние, но и дальние земли и царства, и даже греческие цари, и как повсюду в Русской земле процвела православная вера христианская, в той Русской земле, какая исполнена всякой божественной благодати и всего земного доброплодия и изобилия, и не было там тогда у великих князей киевских ничего ущербного, когда нам присягали и повиновались многие страны и дань давали от моря и до моря... И того ради Богу подражающий самодержец, храбрый душой и телом, великий князь Ярослав во второй раз пришел в Орду к беззаконному царю Батыю. А тот послал его к Кановичам. И там он смертную чашу от Канович испил, и стал Божиим угодником. Слава Богу Творцу, Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и пришло и во веки веков. Аминь.

И когда окончил владыка свою речь, все присутствующие, словно едиными устами, возгласили:

— Буде тебе, Ярославе, Царствие небесное! Аминь.

Но Александр снова крепко задумался о судьбе отца, а также всех князей русских:

«Нет ли в ней чего-то зазорного, что незаметно губит Русь, возможно, превращая ее в личную поживу самих князей, ведь в положении многих князей со времени установления монгольского ига мало что изменилось? Другое дело, что им все же приходится во имя своего княжеского права много унижаться перед татарами, регулярно получать от них ярлык на собственное княжение, что, конечно, их пугает и тяготит весьма. Но и выбора-то у них, собственно, и нет: хочешь княжить — подчиняйся Орде вполне. С другой стороны, князьям уже можно править Русью легче, чем прежде, ведь теперь вряд ли какое вече народное сможет опспорить татарский ярлык. И как долго и к чему это все должно привести Русь многострадальную? Зато кто-то из князей, видимо, попытается с помощью татар возвыситься на Руси или укрепить собственные властные позиции, принося при этом в жертву все и даже саму веру православную. Вот чего следует опасаться в первую очередь! Ведь именно от подобной напасти и пал мой отец. Кто-то из русских князей, на манер иудейских первосвященников, с помощью доносчика предавших римлянам на казнь Иисуса Христа, и подвел моего отца Ярослава Всеволодовича под расправу татарскую через подлый донос черниговского боярина Федора Яруновича, узнанного в толпе и удивительно скоропалительно убитого во время похорон отца. Зачем без дознания сие учинили? Скрывали заказчика сего мерзкого дела? И был ли отец на самом деле виновен в том, что для видимости, на литовский манер, согласился перейти в католическую веру, или все-таки был намеренно и полностью оклеветан, теперь уж и не столь важно. Великий князь Ярослав Всеволодович в могиле, его наследство будет поделено, причем, уже очевидно, что не за один раз. Вот где беда великая для самого бытия русского!»

На княжеском снеме (съезде), по обычаю, великим князем Владимирским выбрали старшего из дядьев — князя Святослава Всеволодовича. Святослав утвердил сыновей Ярослава на тех же столах. Александр, кроме Новгорода, получил Переяславль, Зубцов, Нерехту, земли в Торжке и Волоке Ламском, но Тверь — бывшее новгородское владение — была дана его брату Ярославу, и с той поры тот стал князем Тверским, как и все его потомство впоследствии стало княжить в Твери. Потерял Александр и город Дмитров, вошедший в новообразованное Галичско-Дмитровское княжество. Младшие братья Александра Невского — Андрей Суздальский и Михаил, прозванный Хоробритом, — казались обиженными. Они считали, что сами могут быть великими князьями. Так, князь Андрей отлично помнил, что именно его засадный полк нанес немецким псам-рыцарям на льду Чудского озера решительный удар с тыла, приведший к решительной победе всего русского воинства. И эта их обида и нетерпеливость очень скоро выплеснулись наружу. Спустя немного времени Михаил Хоробрит согнал своего дядю Святослава с великого стола Владимирского

и сам занял его. Но пробыл он великим князем недолго. В 1248 году Михаил был убит в столкновении с отрядом литовского племени голядь, которое искони жило по рекам Москве и Протве. Другой Ярославич, Андрей, который по возрасту был старше Михаила и так же, как тот, был недоволен разделом, не стал прибегать к силе, но отправился в 1247 году к Батюю за ярлыком на Владимир. Такой оборот дел заставил Александра Невского призадуматься. Ведь он, будучи старше Андрея, имел больше прав на Владимирский великий стол. А значит, предстояло также ехать в Орду, к Батюю, и там решать все споры. Недолго пришлось ждать и приглашения. В Новгород, на Городище, прискакал гонец от монголов из Какарума с посланием от ханши Туракины:

— Приди в Кановичи, в мой дворец, как повелел тебе твой отец. Увидишь честь царства Монгольского и землю твою Новгородскую в дар от меня получишь!

Александрю был ясен возможный и отчетливо коварный план уже знаменитой отравительницы: она хотела покончить с ним — сильнейшим и опаснейшим для монголов князем Руси — так же, как покончила с его отцом. Впрочем, еще оставалось подозрение, что татары все-таки искали себе верного и способного слугу, с которого всегда можно было бы спросить за Русь сполна, не втягиваясь в княжеские споры, ведущие заведомо к необходимости нового карательного похода на Русь.

Глава 3

Поездка в Орду за правом на русские земли.

Стояние князя Александра Невского в вереве православной и его же малодушное политическое отступление от нее, лишь усилившее раздор на Руси

В то время, когда Александр Невский собрался ехать в Орду, Новгород был свободен и не платил даней татарам. Русский князь оказался перед выбором: с кем идти ему — с Западом в лице Римского папы Иннокентия IV, который давно звал к союзу и его отца, и самого Александра, или с Востоком? Поговорка «Брань славна — лучше есть мира стыдна» была мерилom княжеской доблести. Но отражать крестоносную агрессию лучше, чем воевать с бесчисленными полчищами восточных завоевателей. Значит, надо выбрать меч — Западу и мир Востоку. И времени на раздумье у него оставалось совсем немного.

В декабре 1247 года князь Александр выехал из Владимира на Рязань и оттуда в Половецкую степь, донским путем, до первых татарских застав. С ним была свита, дружина, слуги, братья-князья и большой обоз, в котором везли припасы и подарки. Уже к югу от Рязани открылась горестная

пустынная картина: равнина была безмолвна и безжизненна, кругом «печально и унынливо, и не видно тамо ничтоже — ни града, ни села, точию пустыни велиа, и зверей множество». В сторону Дона уходила Половецкая степь. Все бывшие станы разрушены, кое-где белели едва заметенные снегом черепа и кости погибших да время от времени попадались каменные памятники — половецкие бабы, или каменные истуканы, не то в шляпах, не то в шлемах, сидящие и стоящие, сутулые, с отвисшими грудями, с руками, соединенными под толстым животом. Таков был своеобразный вход в Тартарию. Попадались вооруженные татарские разъезды и заставы, а уже от застав начиналась конная ямская служба — ямская гоньба, которая соединила отдаленные кочевья со столицей Сараем и далее с Каракорумом. Отсюда стала распространяться молва:

— Князь Александр едет!

До Сарая-Бату доехали ямской гоньбой. Ханские слуги хорошо встретили князя и его людей, поселили их в роскошных шатрах. На следующий день русичи пошли осматривать город. Трудом рабов от многих покоренных народов Сарай превратился в красивейший город, он достиг чрезвычайной величины — до 30 верст в разные стороны, имел красочные базары и широкие улицы. Однажды князь Александр с братом Андреем и со свитой выехали на конях утром и доехали до другого конца города только в полдень. В городе имелось 13 храмов разных религий. Здесь жили монголы, половцы, черкесы, русские, греки, аланы, персы, арабы. Всего более 100 тысяч человек. А за городом — несметные стада и повозки, шатры, кибитки на многие десятки верст. Бывшие кочевники мало-помалу становились земледельцами и начинали распахивать землю и сеять хлеб, чтобы затем продавать его в иные земли.

Было тяжело, но следовало ждать. У монголов не принято торопиться, напоминать о себе суетливо, а гостью говорить раньше хозяев, тем более улусникам — покоренным. Наконец пришло время, и беглярибек позвал князя Александра к хану. Его привели на ханский двор и поставили перед дорожкой, где с двух сторон горели костры, между которыми он должен был пройти, чтобы подвергнуться обряду очищения, и затем, поклонившись на юг тени Чингисхана и онгонам-куклам, бросить в огонь часть подарков и, не задев высокого порога, войти в ханский шатер с восточной стороны и немедленно пасть ниц перед тронем хана.

Придворные могли видеть белокурого широкоплечего гиганта, стоящего в безмолвии у начала дорожки поклонения в течение длительного времени. Многократно к нему подходили то волхвы, то татарские чиновники, спрашивая, не пришло ли время князю поклониться и очиститься. Александр молчал, вспоминая судьбу своего родича — черниговского князя Михаила и его боярина Феодора. Наконец, он перекрестил ся и сказал:

— Не подобает ми, христианину сущу, кланяться твари, кроме Бога; но поклонитесь Святой Троице, Отцу, Сыну и Святому Духу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже в них суть.

Мурзы, беки, волхвы поспешили к хану, чтобы сообщить ему о неповиновении князя Александра, который, подобно святому Михаилу, не захотел кланяться твари. Можно думать, что мученическая кончина Михаила, случившаяся за год до того, произвела на Батюя сильное впечатление. Он умилился, признавая силу христианского Бога, и подивился мужеству Александра. Желая лично лицезреть его дивный образ, о котором в «немецких странах» сложили легенду, хан приказал привести к нему в шатер князя Александра, минуя дорожку поклонения. Войдя в шатер, князь увидел хана, сидевшего на высоком троне, и приветствовал его как царя. Он поклонился ему по монгольскому обычаю, то есть четырехкратно пал на колени, простираясь затем ниц по земле, и сказал:

— Царь, тебе поклоняюся, понеже Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняюся: та бо человека ради сотворена бысть, но поклоняюся единому Богу, Ему же служу и чту Й.

Батый милостиво выслушал его, кивнул головой. Князь и его слуги преподнесли хану богатые подарки, в числе которых были двенадцать мешков серебра и три бочонка золота, а также драгоценности и украшения для 26 его жен.

Батый был удовлетворен и даже подарил князю перстень со своей руки:

— Воистину сказали мне, что нет подобному сему князю, — произнес он и продолжил: — а не перейдешь ли ко мне на службу?

Александр отказался, спокойно ответив хану, что достоинство новгородского князя выше и что не подобает христианину служить царю-язычнику. При этом князь вдруг понял, что он сказал нечто странное. Из сказанного им выходило то, что он торгуется, требуя себе честь более высокому. И даже его последние слова о службе христианина царю-язычнику никак не снимали уже высказанного до того смысла. Батый же так и не дал ярлыков русским князьям, не разрешил спора между Андреем и Александром. Князьям предстоял путь еще дальше — в Каракорум.

На этот раз хан определил провозжатых, и русское посольство избрало более легкий, хотя и не менее долгий путь. От Каспийского моря дорога шла через кипчакскую степь к городу Сыгнак на Аральском море, оттуда в Хорезм, затем в страну карлуков и далее через горные перевалы в Кара-Китай, где жили уйгуры, а оттуда через пустыню Гоби на северо-восток Амура, где и стоял Каракорум. Князья Александр и Андрей ехали с татарским конвоем, на каждой станции-яме непременно меняя лошадей. Путешествие продолжалось три долгих месяца, и путники страдали от стужи, голода и жажды.

В конце 1248 года Каракорум еще более вырос в размерах, до 50 верст в диаметре. Из кочевых племен возникла Монгольская империя разных народов. Взаимодействуя с Китаем, Индией, Персией и Афганистаном, с арабским миром, бывшие кочевники меняли свой облик, свою культуру.

К тому времени, когда Александр Невский прибыл в Каракорум, хан Гуюк уже умер и всеми делами в государстве заправляла ханша Огуль-Гамиш, лояльно настроенная к Батью. Ее правление продолжалось несколько лет. Монголы готовились к великому курултаю, на котором предстояло избрать нового императора Монголии. Сами приготовления к выборам затянулись и сопровождались ожесточенной борьбой двух группировок: потомков Угедея и Толюя. Старшим в последней группировке был внук Чингиса Мункэ, который, как и дед, отличался сумрачностью и неразговорчивостью. Он не любил пиров и роскоши, предпочитал войну и охоту, придерживался старинных обычаев монголов. У Мункэ были сильные сторонники, среди которых выделялись главные — хан Бату и великий судья и воевода Мангусар. Партию потомков Угедея возглавлял мурза Ширанон.

Князь Александр приехал как раз в то время, когда был раскрыт заговор Ширанона на жизнь Мункэ. Александр видел, как на главной площади могучего Каракорума казнили около 70 заговорщиков.

После долгих ожиданий и предварительных переговоров было решено, что князья русские и их спутники исполнят обряд поклонения хану по монгольскому языческому обычаю. Князь Александр решил:

— На этот раз уже не могу рисковать судьбой Русской земли и ее народа. Вдруг татары возмутятся и лишат князей жизни, кто тогда вступит за Русь?

И он подчинился. Конечно, в этот момент внутри он все равно чувствовал себя виноватым, вспоминая горькую и, несомненно, великую участь князя Михаила Черниговского, который, несмотря ни на что, сохранил свою христианскую честь и веру.

Русские князья после преподнесения великих подарков, которые они специально везли семь с половиной тысяч верст, добились благоприятного решения от ханши Огуль-Гамиш. Александр получил ярлык на великое княжение Киевское, сохранив за собой и Новгород. А Андрей получил великое княжение Владимирское. После этого оба были отпущены на Русь.

Это было коварное решение. Хань любили ссорить русских князей между собой и на этот раз не изменили своей привычке. Дело в том, что Киева как столицы и даже как города после Батьева разгрома уже не существовало. В руках Александра, таким образом, оказался лишь символ, эмблема, но не реальная власть над Южной Русью, где правил великий князь Даниил Романович Галицкий. Создалось запутанное, двусмысленное положение: как киевский князь, Александр стоял выше своего брата Ан-

дрея, но, с другой стороны, как князь Новгородский, зависел от последнего. Завязывался гордиев узел, который надлежало разрубить. Но кто и как, а главное, чем должен был разрубить его? Татарской ли саблей или русским мечом? А может быть, мечом святого Петра? Князь Александр вдруг осознал, что его поклонение языческим богам получило своеобразную оплату. Да и в самом деле:

— Разве мог Господь Бог поощрить мое очевидное малодушие, а фактически мое же маловерие, всегда живущее поговоркой «На Бога надейся, а сам не плошай»? Впрочем, еще не вечер, а значит, можно и поправить допущенное недавно отступление от веры.

Глава 4

Раскол в братьях как раскол в вере Христовой

Вернувшись на Русь, князья Александр и Андрей пошли противоположными путями. Получив от ханши ярлык на Великое княжение Владимирское, князь Андрей, не мешкая, бесцеремонно выгнал из Владимира родного дядю Святослава, даже не устыдившись его старости, тогда как он, будучи братом покойного Ярослава Всеволодовича, наследовал Владимирский престол по праву старшего в роду. А затем с геройской дерзостью, но политически недальновидно решил продолжить сопротивление на Руси власти монголо-татарских завоевателей. Он заключил антиордынский союз с князем Даниилом Романовичем Галицким, женившись на его дочери, а также со своим другим братом — тверским князем Ярославом. Участники этой новообразованной коалиции начали готовить совместное выступление против татар. Кроме того, Андрей прямо объявил, что заключает «союз со шведами, ливонцами и поляками, с благой целью избавиться от монголов». На все это князь Александр, уже не надеясь быть услышанным братом, как-то заметил ему:

— Андрей, ты разве не понял, что тебе и твоим союзникам будет не совладать даже с одним туменом татарским? Ты вспомни, как мы обсуждали с тобой, что даже их кони, на которых они ездят без седла, невероятно крепки, привычны к усиленным переходам и к голоду, что они, хотя и подкованные, взбираются и скачут по пещерам, как дикие козы, и после трехдневной усиленной скачки довольствуются коротким отдыхом и малым фуражом. И люди их много не заботятся о своем продовольствии, как будто живут от самой суровости воспитания: не едят хлеба, пища их — мясо и питье — кобылье молоко и кровь. Почти нет реки, которую они не переплыли бы на своих конях. Хотя их огромное полчище, но нет в их таборе ни ропота, ни раздоров, они стойко переносят страдания и упорно борются. Андрей, положи руку на сердце, разве ты веришь, что твои дружины смогут выдержать напор этих воинов?

Князь Андрей, подумав несколько, отвечал своему старшему брату: — Да, все так, Александр. Господи! Доколе нам между собой ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить, как ты, с татарами и служить им!

— Так уезжай сразу! Зачем вводить себя и других русских людей в соблазн возможной победы над монголами, которые обладают безграничными и во всем им послушными людскими морями, а вся их империя — это единый военный лагерь? Не губи людей напрасно. Побойся Бога, Андрей! Не подвергай опасности веру Христову, — возразил брату Александр.

— Ну, нет, не бывать мне трусом во Христе! И давай кончим этот напрасный разговор, я от своего не отступлюсь, а ты делай, как знаешь! — попытался завершить серьезный разговор младший брат.

— Андрей, я вынужден буду тебе противодействовать, дабы твои страсти не сгубили еще более русских людей, — подытожил старший брат и продолжил: — но сначала подумай вот о чем. Сейчас я тебе прочту фрагмент из первого послания римского папы ко мне:

«...Итак, желая, чтобы ты, как законный наследник отца своего, подобно ему обрел блаженство, мы, вроде той женщины из Евангелия, зажегшей светильник, дабы разыскать утерянную драхму, разведываем путь, прилагая усердие и тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезей по стопам своего отца, достойного подражания во все времена, и с такой же чистотой в сердце и правдивостью в уме предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви, чтобы ты, покинув путь греха, ведущего к вечному проклятию, смиренно воссоединился с той церковью, которая тех, кто ее чтит, несомненно, ведет к спасению прямой стезей своих наставлений.

Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша (с которой обращаемся к тебе), исполняя наш долг, которая служит твоей же пользе; ибо весь спрос с тебя: чтобы убоялся ты Бога и всем сердцем своим его любил, соблюдая заветы его. Но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишен, коль скоро откажешь в своем повиновании нам, мало того — Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновании же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступит своей честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величие служить стремится.

Вот о чем светлость твою просим, напоминаем и ревностно увещеваем, дабы ты мать Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повинованию апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что, коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам,

более того — Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем.

Ведомо, что от опасностей легче бежать, прикрывшись щитом мудрости. Потому просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедленно известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы, как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать.

За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней».

— Это финальная часть первого послания папы ко мне. Как ты видишь, Андрей, тебе в твоих планах борьбы с татарами непременно придется пойти на услужение католикам, фактически отрекшись от веры отеческой. Ты к этому стремишься, брат? И ежели не будешь им угождать вполне — жди доноса от них же на себя в Орду клеветнического, как, видимо, и случилось с отцом нашим. Ты этого желаешь?

— Лучше по своей воле служить папе, чем хороводиться с дикарями! — мгновенноотреагировал Андрей.

— А вера наша, Андрей? Ведь отход от нее — это же погибель души твоей! Подумай, что ты говоришь! — возмутился Александр и добавил еще к сказанному до того: — Лучше вникни в то, что эти лицемеры уже делают, ни с чем не считаясь. Зачитываю тебе целиком второе послание папы ко мне:

«Александр, сиятельному королю Новгорода.

Господь отверз очи души твоей и наполнил тебя сиянием света своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брата, архиепископа Прусского, легата Апостольского престола (Альберта фон Зуербеера), ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских. Однако ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь, как Матерь нашей веры, и не почитающих папу — заместника Христа, с сердцем, исполненным послушанием и радости. А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в граде твоём Плескове (Пскове) соборный храм для латинян.

За это намерение твое мы воздаем искреннейшую хвалу Спасителю всех людей, который, никому не желая погибели, искупил грехи наши,

пожертвовав собой, и смертью своей подарил нам жизнь, а множеством своих унижений даровал нам защиту от несправедливости. Мы, нежно заключая тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обретающийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогу-т по примеру твоему достичь того же единения.

Итак, мужайся, дражайший сын наш. Забудь прошлое, устрями все помыслы к цели более совершенной, дабы, непоколебимо и решительно храня верность Церкви, о чем мы уже говорили, и усердствуя в лоне ее, ты взрастил бы цветы сладостные, кои принесут плоды, навеки избавленные от тлена. И не думай, что подобное послушание чем-то принудительным для тебя будет. Ведь требуя его, мы ждем от человека одной только любви к Богу и возрастания праведности. Ибо, покинув тело, он, по заслугам своим, будет причислен к лику праведных и внидет туда, где сияет свет неземной и где яства сладкие, коими нельзя пресытиться, и где крепки объятия милосердной любви, коей нельзя насытиться.

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя. Поэтому мы обращаемся к твоему королевскому величеству с молитвами, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена Церкви, дабы ты отнесся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных. Мы же, следуя совету того же архиепископа, позволяем тебе воздвигнуть упомянутый храм».

— И много у тебя таких сладких посланий? — спросил решительно Андрей, обращаясь с нескрываемой насмешкою к брату.

— Ты, Андрей, зря насмехаешься. Ведь за такие речи папе, как минимум, следовало бы язык укоротить. Неужели тебе еще не понятно, что иметь дело с такими прохвостами не просто опасно, что идти у них на поводу — это все равно, что Бога Святого Духа хулить всем сердцем своим, увлекая при этом за собою также многие слабые сердца?

— Так ты и не собирався возводить в Пскове католический храм? — попробовал напирать опять ехидно на брата Андрей.

— Андрей, что ты спрашиваешь пустое, обидеть меня хочешь? — возмутился Александр. — Ты лучше пойми меня и постарайся избежать беды, в которую стремишься с головой.

— Так, может быть, как в Каракоруме, когда ты со мной молился языческим идолам, я буду с католиками поступать? — решил поспорить с братом Андрей.

— Прав, прав ты, Андрей, не следовало нам с тобой сие нечестие вершить. Да уж что теперь голову пеплом посыпать. Наперед же следует остерегаться подобного посрамления веры своей, — горько ответил Александр и присовокупил: — Однако с католиками это допущение еще хуже будет,

ведь они есть еретики, отступники закоренелые. Вот о чем тебе пытаюсь сказать, чтобы тебе не вляпаться с ними по уши. А ты все ершишься, считаешь себя умнее и честнее меня. Что ж, твое право, но и тебе же за грядущие скорбные плоды как для тебя, так и всей Руси ответ держать.

— Согласен с тобою вполне, Александр. Вот на этом предлагаю совет наш и завершить, — вдруг совсем весело заявил брату Андрей.

— Жаль, что не услышал ты меня, брат. Думаю, еще будешь каяться за упрямство свое, но без серьезных потерь сему делу не быть, — закончил разговор старший брат.

Оставшись один, князь Александр Ярославович невольно загрустил. На ум ему пришли невеселые мысли о том, что теперь-то уж его точно ждет судьба одиночки, которого вполне искренне вообще мало кто примет. Если раньше его уважали за способность побеждать в бою с недругами Руси, то ныне он будет воспринят многими как иуда, который вместе с татарами ярмо для Руси:

«Но разве после подробного знакомства с вожаками Орды их нельзя уважать в сравнении с русскими князьями? Ведь они хоть и злы и весьма дики, но вполне достойны и способны не на словах достигать своих великих целей, тогда как среди наших таковых и вовсе что-то не видно. Сплошь и рядом либо гордецы непомерные, либо мечтатели лукавые, не могущие и собою-то толком обладать, не говоря о правлении мудром и долговременном. Вот и выходит, что у ордынцев учиться нашему брату надо, а не перечить им безумно. Но как и кому объяснить сие сложное дело? Видимо, не пришло то время, когда поймут вполне. Может статься, что и мне не увидеть его. Но все равно делать нечего, придется и в одиночестве сражаться за участь русскую, полагая, что Богу и такое мое бремя непонимания приемлемо станет. Спаси, Господи, раба твоего и дай твердой веры в правоту замышляемого мною пути».

Глава 5

В одеждах Иуды, но во имя славы Божьей

В середине 1251 года при дворе великого хана в Каракоруме произошли большие перемены. Закончилось весьма томительное междуцарствие вдов-регентш, и великим ханом стал старший сын Толуя, внук Чингисхана Мункэ. Это не замедлило сказаться и на русско-татарских отношениях. Положение очевидно строптивного князя Андрея, считавшего себя великим князем Владимирским, пошатнулось. После смерти его родного дяди великого князя Владимирского Святослава Всеволодовича на великий стол могли претендовать двое: Александр и Андрей. Батый не любил Андрея, считая его заносчивым, скрытным, непривет-

ливым и недобрым. Он видел в нем врага, который никогда не смирится с игом. Другое дело Александр. Бату благоволил к нему за то, что князь отверг все домогательства папской курии, не изменил вере отцов и не хотел ссориться с татарами.

Бату пользовался огромной властью во всей Монгольской империи. Избрание на курултае в Каракоруме великим ханом его двоюродного брата Мункэ, сына Толюя и внука Чингиса, было результатом его умелой политики. Теперь Бату и Мункэ могли развернуть крупномасштабную агрессию против стран Запада. Она затронула бы и Русь, ибо через русские земли должны были пройти на Запад монгольские полчища.

Впрочем, великий хан Мункэ нуждался в войсках и вооружениях прежде всего для того, чтобы вести военные действия в Китае и на Ближнем Востоке. Поэтому в начале 1252 года он повелел собирать денежную дань — «туску» — во всех улусах империи. Своему родственнику хану Бату он доверил сбор дани в улусе Джучи. Бату же передоверил дело сие своему сыну Сартаку, а тот обратился за помощью к русским князьям. На его предложение откликнулся только князь Александр Ярославович. Братья же Андрей и Ярослав отказались подчиниться ханам. Это и стало причиной конфликта.

В это же время заволновались и новгородцы. В самом городе назревал мятеж против князя Александра, которого новгородцы заподозрили в сговоре с татарами. Видимо, к тому волнению приложил свою руку и князь Андрей. Александру пришлось срочно прибегнуть к помощи своих других родичей, и на его зов в Новгород явился князь Борис Василькович Ростовский со своими дружинами. Ему и удалось усмирить новгородцев более силою слова, чем оружия:

— Новгородцы! — начал говорить князь. — Разве мы не дети одной матери, что зовется Русской землей? Разве не Пресвятая Богородица нам Покров и Заступница? Разве не Святая София Премудрость Божия одинаково простирает свои крылья над Новгородом, Полоцком и Киевом? Не отличаюсь я ничем от вас, новгородцы, так как душа моя русская, чистая, вольная бьется, как голубица в груди! Любим мы все свои города святорусские, как каждый палец на двух руках! Который-то из них нам люб более? Разве достойно есть котороваться на своих князей, а поганые тогда будут нести Русскую землю розно? Не вечно поганым быть на Руси! Но не настало еще время на подвиг свержения ига татарского, хотя на развалинах городов на Суздальщине уже разгорается другое пламя. Это пламя любви к Отечеству! Разве князь Александр Ярославович не показал вам подвиг служения, побив на Неве и льду Чудского озера шведских и немецких рыцарей, отразил набеги ратей литовских, побарая за Новгород и Русскую землю в Орде как страстотерпец? Разве отец его великий князь Ярослав не принял там мученический венец? Подождите, братья, накопите сил, поострите сердца мужеством, соберите полки и оружие!

Тогда настанет час Господина Великого Новгорода и всей земли Святорусской, когда укажет Бог!

Ответом новгородцев на речь князя Бориса Васильковича были дружные крики одобрения:

— Живи сто лет, славный князь Александр Ярославович, Храбрый, Невский! — ликовали горожане. — Живи сто лет и ты, князь Борис Василькович, верный сподвижник его! Все пойдем за вами и умрем за Святую Софию!

А у князя Александра тогда хоть и отлегло от сердца, была на душе все ж печаль-кручина:

«Вот бы воистину так! Но ведь и сейчас уже ясно, что ненадолго сие воодушевление народное, что очень скоро совершенно эти же люди начнут снова и яростно проклинать меня. Господи, дай силы устоять тогда, дай не смалодушничать и не впасть в обиду!»

Рано захотели поднять на татар Русскую землю братья Андрей и Ярослав. Одного мужества мало, коли сил нет. Бату-хан послал на них карательные войска числом до ста тысяч человек во главе с ханом Алексой Неврюем и двумя темниками — Котьем и Алабугой. Вместе с ними выступили на Русь еще 60 тысяч татар во главе с ханом Хуррумшой (Куремсой). Первые шли на Андрея, вторые на его тестя Даниила Галицкого.

В это самое время (начало июля 1252 года) князь Александр отправился в Орду за ярлыком уже на великое княжение во всей Руси. Он ничего не знал о том, что татарские войска уже двигались с целью наказания князей-ослушников. Тайно в обход Владимира шло ордынское войско. 23 июля татары переправились через Клязьму и подошли к Переяславилю-Залесскому. Здесь укрылся князь Андрей. Узнав о приближении к себе противника, он быстро вышел навстречу ему. Уже 24 июля, в Борисов день, и произошло несчастное для русских ратей сражение. И так как силы были неравными (татары почти в три раза имели численный перевес), русское войско оказалось легко поверженным, князь Андрей бежал в Новгород, потом — во Псков, затем — в Кольвань, а оттуда — в Швецию. С ним вместе бежали жена Доброслава и бояре. В Швеции их радушно встретил ярл Биргер. Союзник же Андрея князь Ярослав укрылся в Ладоге, откуда затем переехал во Псков.

Неврюево же нашествие всей своей тяжестью обрушилось на простой народ. При этом татары рассыпались по всему Владимиро-Суздальскому княжеству, пощадив только город Владимир. Они грабили, жгли, убивали, уводили скот и пленных. Сильно пострадал город князя Андрея — Суздаль. В Переяславле-Залесском убили тверского воеводу Жидислава, супругу князя Ярослава, а двух его детей-княжичей увели с собой. Затем Неврюй с полоном и добычей возвратился в Орду.

Тем временем князь Александр со свитой и великими дарами для хана и его вельмож прибыл на Дон, в летнюю резиденцию сарайского хана Сартака, соправителя отца хана Бату, который тогда сильно болел: у него отнялись ноги. Князь Александр, узнав о новом вторжении татар на Русь, воздал, не мешкая, честь новому монгольскому властителю, как полагалось по обычаю. Не забыл он и про подарки — пять больших мешков серебра. Только ими можно было купить благоволение хана. Когда встал вопрос о цели визита князя в Орду, он решительно заявил:

— Младший брат мой Андрей несправедливо овладел ярлыком на великое княжение, не по закону взял себе отцовские города, которые по праву принадлежат старшему брату. К тому еще он не полностью платит хану «выходы и тамги» Суздальского княжества, ставя остальные города в ситуацию необходимости покрытия ими недостачи.

Сартак, выслушав Александра, согласился с ним, но добавил к сказанному следующее:

— Вижу, князь, что ты предан нам. Но все же хочу предложить тебе закрепить тобою выраженную честь обрядом побратимства твоего со мною. Закон нашего побратимства гласит, что анды, или названные братья, становятся одной душой и никогда уже не оставляют друг друга в беде и всегда спасают друг друга от смертельной опасности. Так сказано в «Сокровенном сказании» монголов. А твои подарки мне как раз и помогут скрепить такой обряд.

Александр вдруг почувствовал странную симпатию к молодому хану и совсем без затруднения ответил:

— Почту за великую честь возможность стать твоим побратимом, великий царь.

Сартак моментально, видимо, догадываясь заранее о согласии Александра, распорядился провести обряд побратимства. Слуги сразу же внесли сосуд с кумысом, куда хан и князь по очереди слили немного своей крови из своих рук. Затем они также по очереди опорожнили всю ритуальную чашу до дна и обнялись, как братья.

Князь друг осознал, что ему много ближе эти странные и внешне совсем чужие люди (лица плоские и без бороды, носы тупые, а маленькие глаза далеко отстоят друг от друга), чем свои родные братья, лишь кичащиеся свои природным благородством, подтвердить которое не могут ни умом, ни делом. В тот же момент своей причудливой судьбы Александр оказался как бы в забытьи, плохо понимая, что с ним происходит на самом деле. Очнувшись, он услышал смысл доносившихся слов названного брата:

— Отныне, Александр, ты получаешь от меня ярлык на великое княжение во Владимире, где, надо полагать, твоего брата Андрея уж и след простыл, а также получаешь ярлык и на старейшинство во всей русской братья твоей. Доволен ли ты таким решением?

Александр снова совсем неожиданно пришлось устыдиться, но устыдиться всему тому, что тогда происходило с ним. Он вдруг почувствовал острое угрызение совести, говорившей ему, что он слишком уверовал в татарскую честь, что ему дорого придется заплатить за свое побратимство с монголами русской кровью, ведь русский люд ни за что не поймет остро необходимого ему бремени ученичества в плену у Орды. Дело не только в малых силах русских, дело в том, что их-то как раз и мало по причине необученности русских, по причине их неспособности понимать друг друга и договариваться по совести или по действительному достоинству, избегая подлога и удара исподтишка. Придя в себя, Александр увидел на лице Сартака недоумение и понял, что непростительно замешкался с ответом ему:

— Прости, великий господин, вспомнил нечаянно своих братьев. А твоим благоволением ко мне очень, очень доволен. Надеюсь, что побратимство наше послужит много и тебе, и мне не принесет никакой серьезной беды.

Князь Александр возвращался на Русь от хана Сартака по первой сакме (пути): дорога шла по правому берегу Дона на север до брода у нынешней станицы Казанской, потом по левому берегу Дона до городища Казар; после переправы через реку Воронеж сакма шла в северном направлении на Рязань, а оттуда на Коломну и Москву и далее по реке Москве до Клязьмы и по ней до Владимира.

Князь дремал в крытой повозке и думал о том, что будет с Русью и как дальше править ею. У него был великий и особо милый его сердцу предшественник — князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Сын основателя Москвы и Суздальского княжества, великого князя Киевского Юрия Долгорукого, князь Андрей, словно невесту, украсил свой стольный град Владимир, сделал его выше Ростова и Суздаля. Из далекого Вышгорода на Днепре он перенес сюда чудотворную икону Божией Матери, ставшую ныне главной святыней Руси. По преданию, кони с повозкой, перевозившей икону, встали у Боголюбова на Клязьме, и никакие силы не смогли их сдвинуть с места. Ночью во сне Андрею явилась Пресвятая Богородица с хартией в руке. Она сказала ему:

— Не хочу, чтобы ты нес Мой образ в Ростов. Поставь его во Владимире, а на сем месте воздвигни церковь каменную во имя Моего Рождества и устрой обитель инокам.

Князь Андрей так и поступил. Он построил церковь, монастырь и дворец в Боголюбове и стал жить там, отчего и получил прозвище «Боголюбский».

Пращур Александра был крутым и суровым властителем. Не жалуя удельных князей, он угрожал самостоятельности Новгорода и Рязани и хотел быть единственным хозяином земли Русской. Он умел лихо сги-

бать спины непокорных бояр и жаловать своих дружинников и слуг — самых первых русских дворян — угодами и деньгами за верную ему службу. Князь Андрей был хозяином и радетелем Владимиро-Суздальской земли и правил самовластно. Потому здесь не было ни веча, ни сильного боярства, а только покорные его воле горожане. Будучи самодержцем, он опирался на святую Церковь и хотел сделать Владимирскую митрополию независимой от Киева. Он мечтал сосредоточить в своих руках огромную власть, такую именно, чтобы все народы и властители страшились бы его. Александр в душе мечтал о том же, а потому вспоминал деяния своего пращура с одобрением и гордостью за него. Александр знал также и о том, что князь Андрей начал с «духовного делания», с религиозного обоснования своей будущей политической мощи, ведь за ним зорко следили греки, верно угадывая растущую в глубине Восточной Европы созидательную Русскую силу. В 1158–1161 годах он построил внутри кремля над самым обрывом, на городском холме, «небеси подобный» великолепный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы, которому и суждено было стать общерусским кафедральным собором. Подобно тому как Константинополь и Византия считались родным домом Пресвятой Богородицы, так и Владимир, и Владимиро-Суздальская Русь прослыли Домом Пречистой. С тех пор великие князья Владимирские и чудотворная икона стали неразлучными на берегах Клязьмы.

Думая так, Александр стал молиться, чтобы и его княжение унаследовало частицу этой благодати небесной, а Владимир-на-Клязьме стал бы подлинной пуповиной земли Русской, ее средоточием, политическим центром будущего объединения Руси, «отцом городов русских», подобно тому, как прежде Киев был «матерью городов русских». Помолвившись, князь вдруг вспомнил, как скорбно окончил дни свои князь Андрей, которого подлые бояре-заговорщики и убили как раз в Боголюбове. В это мгновение его опять постигло большое сомнение, что ему вряд ли под силу будет борьба с русской знатью, а тем более с простым людом, хотя бы новгородским. И тут прямо к слову подумалось уже о себе:

«И снова он один, и снова он печален...»

Глава 6

Нежданный и мудрый союзник — митрополит Киевский Кирилл

1 сентября 1252 года уже великий князь Александр Ярославович въехал во Владимир — город отца, деда, прадеда. У Золотых ворот его встречал митрополит Кирилл. Он носил титул митрополита Киевского, но жил большей частью во Владимире. Все духовенство, епископы и священники в ризах, с хоругвями, иконами и крестами, игумены и монахи, все миряне,

простые и знатные, воины и горожане вышли ему навстречу. Торжественно гудели колокола, заглушая церковное пение. А большой хор пел слова святого псалма:

— Да воздаст Господь каждому по Правде его... Возлюбил еси Правду и возненавидел беззаконие: сего ради помаза тя Боже, Бог твой, елеем радости паче причастник твоих.

Перед входом в Успенский собор князь вышел из повозки и подошел к митрополиту под благословение:

— Благословляю тебя, сын мой, — возгласил Кирилл, — с благополучным прибытием к отнему столу. Вокняжись над стадом овец своих, сколь можешь, борони землю Русскую от ворогов!

Митрополит высоко поднял свой крест и осенил им великого князя, дав ему приложиться к кресту губами:

— Будь во всем подобен отцу твоему, великому князю Ярославу!

Затем митрополит ввел князя и посадил на великокняжеский престол, возложив на голову великокняжеский венец, а в руку дал скипетр. Кирилл помазал его чело мирром и провозгласил:

— Буди здрав великий князь Александр Ярославович на столе Владимирском! Многая лета!

— Многая лета! — раздавалось на площадях и на улицах. Народ ликовал, приветствуя своего князя.

Александрю показалось все случившееся приятным сюрпризом, удивительным и очень неожиданным, ведь его появление с ярлыком на Владимирское княжение из Орды должно было бы, по его опыту общения с новгородцами, насторожить владимирцев. Но вышло иначе и, видимо, кто-то к сему приложил основательно свою руку:

«Неужели это все благодаря стараниям митрополита Кирилла? Видимо, сам Господь посылает мне через него свою помощь, призывая не унывать на выбранном мною пути. Хорошо, если бы так!»

Владимир был милее Александру Невскому с его внутренним порядком и законностью. Новгородцы с их необузданностью, шумливостью, неумностью являли прямую противоположность владимирцам. Первые жили по Русской правде и по распорядку веча, вторые — слушались закона и слова княжеского. Первые были непредсказуемы в своих действиях, вторые — законопослушны и рациональны.

Начались будни нового великого князя Владимирского. Вставал Александр Ярославович на рассвете, молился. Спешил по крытому переходу из княжеского дворца в храм Святого Димитрия Солунского, построенный его дедом Всеволодом Большое Гнездо. Затем, после заутрени, завтракал, вершил княжий суд, справедливый и скорый. Потом обстоятельно беседовал с митрополитом Кириллом, почитая его как отца.

Порой общался со странниками и убогими, приходившими к княжескому двору, слушал диковинные рассказы калик перехожих о других странах, раздавал милостыню. Общался он и со священниками и монахами, ибо любил священнический и иноческий чин. Наступал черед бояр, и князь советовался с ними, если ему был важен их совет. Потом диктовал писцам свои распоряжения и послания, выслушивал гонцов. После вечери иногда слушал гусельников и сказителей. Если приходило время ловитвы, ездил по рощам Боголюбова или отправлялся на соколиную и лебединую охоту в дремучие леса ростовские или двинские. Но государственные дела требовали постоянного внимания, самоотдачи, кропотливого и необычайного труда: ведь во всем великом княжестве было 30 городов.

Подражая во всем своему отцу, Александр начал с того, что собрал в города и веси людей, разбежавшихся по окрестным лесам, спасаясь от Неврюева нашествия. Утешил их, успокоил, одарил милостыней, выдал ссуды из княжеской казны. Он возвратил крестьянина к плугу, ремесленника к ремеслу, священника к алтарю, купца к товару. Он пригласил на постоянное жительство 2 тысячи семейств из южной и юго-западной Руси, помог им построить дома и насадить сады, засеять нивы, наполнить луга пасущимся скотом. Он строил дома и храмы, открывал монастыри, прокладывал дороги и чинил мосты, заботился о мастерских, где писцы переписывали книги, а изографы писали иконы. Не забывал он и торгах и торжищах, охранял торговые пути. Особо заботился о княжеской дружине и народном ополчении, следил за оружейными мастерами, чтобы те не испытывали ни в чем недостатка. Твердая державная рука рачительно-го хозяина чувствовалась во всем.

В конце 1252 года во Владимир приехали послы от римского папы Иннокентия IV — два кардинала, Галд и Гемонт. Они привезли послание папы, а также свое видение перспектив сотрудничества Рима с Русью.

Князь принял послов в княжеском дворце и оказал им подобающую честь. Затем толмач прочел переведенный с латинского языка текст послания, который был выслушан в тишине и с большим вниманием. В начале послания говорилось о том, что земля великого князя велика и богата, а имя его прославлено по всему свету, и потому папа предлагает ему познакомиться с учением католической церкви. Он, папа, знает, что его отец, великий князь Ярослав, находясь в Каракоруме у великого хана, по совету одного боярина якобы дал слово ученому монаху Иоанну дель Плано Карпини принять латинскую веру и исполнил бы это обещание, если бы не скончался внезапно в Каракоруме. Папа уверял Александра, что сын, если он любит отца, обязан следовать его благому примеру и послушать католического учения, а после того принять веру святой Римской

католической церкви. Это он должен сделать, если хочет душевного спокойствия и мира...

Выслушав послание папы, Александр Невский в свою очередь поинтересовался у послов:

— Прежде чем отвечать вам по существу послания папы, я хотел бы знать: каковы отношения самого Святого престола со священной империей династии Штауфенов, ведь еще совсем недавно велась нешуточная борьба Рима с нею?

Заметно смутившись, послы папы попытались уйти от точного и ясного ответа на поставленный им вопрос. Вместо него они решили выразить то мнение, что сей раскол со смертью Фридриха II будет устранен и весьма скоро.

— То есть вы хотите сказать, что в случае какой-либо военной угрозы Риму папа сумеет заручиться ее военной мощью? — стал напирать Александр, чувствуя развязку.

— Нет, то есть не совсем так, — сказал, несколько замешкавшись, посол по имени Гемонт, — сегодня говорить о каких-то гарантиях защиты пока рано.

— Но ведь Русь гораздо ближе к Орде, чем Рим, а значит, она в случае заключения военных союзнических обязательств с Римом, которые он будет просто не в состоянии выполнить, окажется под очевидно большим, чем папа, ударом со стороны хана Бату. Иначе выходит так, что заключение подобного договора для Руси совсем невыгодно и даже очень опасно. Разве не так?

— Конечно, в словах герцога Александра много убедительности. Однако следует также заботиться и о перспективе, а значит, следует идти на известные риски во имя обретения ее плодов, — ответил довольно высокомерно посол по имени Галд.

— А вот к вопросу перемены нашей веры на католическую предлагаю вернуться несколько позже, так как мне, как вы понимаете, следует держать еще совет по нему с митрополитом. Кроме того, ведь если я сейчас соглашусь, то Русь должна будет защищать своим пока еще скромным мечом не только саму себя, но и папу тоже. А это для нас слишком накладно будет. То есть ныне я не вижу политического смысла в этом соглашении.

Князь Александр поблагодарил послов и отпустил их с миром, пообещав, что скоро им будет вручен окончательный ответ.

Затем он, не мешкая, призвал к себе митрополита Кирилла и долго советовался с ним. В ходе состоявшегося разговора великий князь Александр Ярославович неожиданно затронул судьбу своего предшественника, князя Андрея Боголюбского:

— Владыка, а как ты думаешь: почему с ним случилось то, что он пал от рук заговорщиков? В чем была его ошибка? Неужели Господу была

угодна его такая горькая кончина, когда он всей своей душой пытался объединять русские земли под своей верховной властью? Значит ли сие, что он согрешал, свершая сие дело?

— Великий князь, судьба твоего предшественника, великого князя Владимирского Андрея Боголюбского изначально была очень тяжела. И он знал о том, ясно понимая, что большие силы станут противиться его начинаниям, ведь единая Русь многим вельможам окажется неудобной. Именно поэтому по смерти своей он и был причислен нашей церковью к лику святых, — начал отвечать митрополит Кирилл, — и твоя участь, сын мой, будет не легче. Но я не думаю, что сие тебя отпугнет от уже зачатого тобою. И в этом деле своем можешь твердо полагаться на мою поддержку без сомнений. А Русь впереди ждут еще долгие годы усобицы. Не сразу свершится большое дело становления Русского царства истинной христианской веры. Будут на этом пути еще немалые жертвы, впрочем, угодные Богу. Ведь только с их помощью удастся Руси стать самодержавной. Ну а послам папы можешь отвечать так:

«От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от Давида до начала царствования Соломона, от Соломона до Августа-Кесаря, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем».

То есть вышло так, что ни князь Александр, ни митрополит Кирилл не могли принять требование папы о перемене на Руси веры с православной на католическую, так как оно противоречило основному принципу всей русской государственности: верности православной греко-славянской вере, утвержденной семью вселенскими и девятью поместными соборами.

Отказ великого князя посланцам папы укрепил его позиции на Руси, где не любили латинян, где сохранение веры отцов и дедов означало верность русскому национальному самосознанию и власти, опирающейся на веру и народное единство. За политикой великого князя Александра и его отношениями с Западом внимательно следили и в Монгольской империи. К тому времени великий князь Литовский Миндовг уже переменял свою веру, а великий князь Галицко-Волынский Даниил был близок к этому, хотя удержался и не сделал последнего шага. Своим отказом от переговоров с папой Александр Невский приобрел и прочную незыблемую поддержку православной церкви, что было особенно важно в тот момент, когда греко-православная вера находилась из-за латинской оккупации

Константинополя в поношении в самой Византийской империи. Это все свидетельствовало о росте международного авторитета Владимиро-Суздальской Руси и имело огромное значение для ее же будущего.

Глава 7

Княжеские хлопоты во Пскове и Великом Новгороде. История первого усмирения новгородцев

Город Плесков, или Псков, названный так по имени реки Плесковы (Псковы), впадающей в реку Великую, был основан в земле кривичей в 903 году по пророчеству святой княгини Ольги. Уроженка ближнего к Пскову села Выбуты и супруга великого киевского князя Игоря Рюриковича, она, как гласит предание, стояла однажды на возвышенном берегу реки Великой, где ныне находится псковский кремль. И, воздев свои руки к небу, пророчествовала о том, что здесь, на мысу двух рек, будет построен великий град и воссияет благодать во славу Божию. На другом берегу реки тогда шумел дремучий лес: там позднее возник Спасо-Мирожский монастырь.

Ольгино пророчество сбылось. Спустя много лет после смерти княгини Псков стал большим торговым городом, западными воротами в Русь, оплотом рубежей земли Святорусской.

С 1132 года Псков считался «пригородом» и «младшим братом» Новгорода Великого, то есть частью Новгородской вечевого республики, — «Господином Псковом», или «Городом Святой Троицы», управляемым собственным вече и князьями-наместниками, которые по преимуществу принимались из дома святого великого князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха.

В XIII веке в связи с возросшей опасностью немецкой агрессии увеличился и политический вес Пскова как порубежной крепости, что ярко проявилось в событиях 1240–1242 годов.

После великой победы князя Александра на льду Чудского озера более десяти лет ливонские немцы не угрожали Пскову. Однако в 1253 году они вновь появились у городских стен, сожгли посад, убили людей, хотели даже штурмовать крепость, но тут подоспела подмога из Новгорода. Когда новгородский полк и отряд карел подошли к Запсковью, немцы бежали прочь. Новгородцы с псковичами стали их преследовать, догнали и побили. И поделом им: сами виноваты окаянные нарушители «Правды», то есть договора 1243 года.

Князь Александр Ярославич лично встретился в Новгороде с магистром Андреасом Стирландом и заключил «Докончание», согласно которому обе стороны обязались забыть о прошлом, торговать друг с другом, а князь Александр пообещал построить в Пскове католическую церковь

для иноземного купечества, ведь «Худой мир лучше доброй ссоры», как любил повторять князь Александр. И на деле доказывал верность этой поговорки. Впрочем, в будущем России будет действовать уже другая поговорка: «Не всякий мир благ, иной следует пресекать и войной». Что здесь имеется в виду? В случае явных атак на православную веру, причем все равно с какой стороны, хотя бы под предлогом предоставления на Руси равных с нею возможностей всяким иным верам, борьба с атакующими не на жизнь, а на смерть становится неизбежной. В этом смысле Александр Ярославович еще не совсем понимал степень опасности для Руси действия всевозможных ересей, а также иных, или ложных, вероисповеданий, все-таки полагая допустимым некие политические компромиссы по этим вопросам. Кстати сказать, именно по причине этого рокового непонимания опасности компромисса с ересями и ложными верованиями жизнь князя так рано (в 43 года) и пресеклась. Его ранняя кончина произошла, видимо, потому, что Александр Невский в своих действиях готов уже был перейти некую черту, нанеся тем самым трудно исправимый вред как Руси, так и собственной душе.

А в это самое время, после разорительного Неврюева нашествия, которое косвенно затронуло и Новгород, в нем возникло разделение новгородцев на две враждебные партии («меньшие» и «вятшие»). Одна, суздальская, во главе с семьей посадника Степана Твердиславича, стояла за союз Новгорода с Владимиро-Суздальским княжеством и только оттуда желала иметь князя-наместника. Вожди этой партии отличались особой расчетливостью и отстаивали государственные интересы всей Русской земли, причем, имея при этом значительные личные материальные преимущества от этого. То есть их патриотизм был во многом корыстный, или нечистый. Другая партия стояла за волю «по старине» и готова была принять любого князя, признававшего новгородскую вольность и противостоявшего Владимиру и Суздалю. Иначе говоря, это были сторонники своего рода анархии, которые усматривали в патриотизме своих противников очевидный подлог или двойной стандарт, а также собственное неизбежное угнетение ими. Если в первой партии преобладали бояре и зажиточные купцы, торговавшие на Суздальщине заморскими товарами, то во второй были в основном простолюдины: смерды да худые мужики-вечники, славившиеся безудержным буйством. Когда споры между двумя партиями накалялись, то только архиепископ с крестом в руках мог остановить побоище. То есть выходило так, что каждая партия никак не хотела понимать подлинные причины самого их столкновения между собой. Каждая из сторон видела в противной себе партии исключительно упрямых нечестивцев. Тогда как хитрое обирание знатью простолюдинов никак не могло иметь какого-либо мирного исхода.

Князь Александр Ярославович в течение всей своей жизни пытался лавировать между этими двумя партиями. Он равно любил и Новгород

и Суздаль, ибо и тот и другой город были для него прежде всего частью единой Русской земли. Ее он лелеял в своих мыслях, заботясь, чтобы Свеча Рода Русского не угасла. Однако выходило так, что он вынужденно всегда склонялся, в конце концов, к отстаиванию интересов богачей той эпохи, жертвуя правами бедняков, протесты которых безжалостно подавлял.

И вот князю пришлось столкнуться с тем, что его младший брат, князь Ярослав Ярославович, чувствуя себя обделенным, захватил престол во Пскове — «младшем брате» Великого Новгорода, а затем стал зариться и на сам Новгород. И новгородское вече из желания досадить Владимиру-Суздальскому ставленнику — сыну Александра Невского князю Василию, выгнало его из Новгорода и пригласило на княжение упомянутого выше Ярослава. Александр Невский, прознав сие дело, стал размышлять:

«Что же случилось? Почему сын Василий оказался отторгнутым новгородцами? Только ли по причине действий брата Ярослава, ведь правитель на то и правитель, что он должен своевременно узнать и также вовремя упредить развитие подобных волнений и подобных претензий народа на свой счет? Видимо, сын оказался еще слабым, что не смог предотвратить сей бунт. Или он не просто слаб, а еще и лукав вполне, полагая возможным использовать отца своего для получения в Новгороде еще большего влияния? Как бы знать наверняка причину этого беспорядка...»

Князь Александр двинул свои войска на Торжок, где уже находился Василий. Там он соединился с дружиной сына и пошел на Новгород «в силе тяжце». Ярослав же испугался и стремительно бежал во Псков. «Меньшие» новгородцы решили, в свою очередь, стоять насмерть «за Правду новгородскую, за свою вотчину». Они собрали свое собственное вече на Торговой стороне, возле Николо-Дворищенского собора, на Ярославовом дворе. По требованию горластых мужиков-вечников были смещены и посадник — участник Невской битвы Сбыслав Якунович — и тысяцкий. Великий князь прислал с Городища на вече суровую грамоту с требованием выдать ему зачинщиков мятежа. В ответ вече избрало посадником своего любимца Ананию, человека, бескорыстно служившего новгородской вольнице. Вечники поклялись на иконе Пресвятой Богородицы стоять всем заодно за Святую Софию, за «Правду новгородскую». Свою конную рать они поставили у церкви Рождества, а пешую — у церкви Святого Ильи, напротив Городища.

Между тем «вятские» собрали другое вече на Софийской стороне, у храма Святой Софии, и выбрали посадником Михалка Степановича, внука Твердислава. Они тоже стали собирать свое войско у Юрьева монастыря для того, чтобы, переправившись через Волхов, ударить на «меньших» возле Городища. Там стояла дружина князя Александра, и «вятские» намеревались соединиться с ней.

Князь Александр колебался. Он хотел избежать кровопролития, а потому вновь послал к «меньшим» своего посланника, боярина Бориса, и потребовал выдать Ананию-посадника:

— Или не выдадите, — говорил он, — то я не ваш князь, но враг, иду на город ратью.

«Меньшие» заволновались и послали к князю архиепископа Далмата и тысяцкого Клима, умоляя увести рать из города и оставить им Ананию:

— Ступай, князь, — говорили они, — а злодеев не слушай, на Ананию не наступай, а на всех мужей новгородских перестань сердиться.

Князь категорически отверг просьбу владыки. А «меньшие» по-прежнему стояли твердо:

— Если князь не согласится с нами, — говорили они между собой, — то пусть будет Бог ему судья и Святая София, а князь без греха в наших глазах.

Три дня и три ночи продолжалось противостояние. На четвертый день князь опять послал грамоту:

«Если лишите посадничества Ананию, то я вас помилую».

«Меньшие» не выдержали напора. За четыре дня их рвение поубавилось. Новгородцы послушались уговоров бояр. Анания добровольно сложил с себя посаднический чин и покинул город. Восстание прекратилось.

Великий князь Александр с войском выступил из Городища в город. У Прикуповичева двора его встретил архиепископ Далмат с духовенством и со всем народом. Посадничество Михалки Степановича было подтверждено. Уезжая, великий князь вновь оставил наместником своего сына князя Василия.

Боярская партия победила. Получилось так, что Александр Невский действовал в ее интересах, но одновременно и в интересах всего Новгорода, а также всей Руси. При этом он действовал в духе суздальского единой державы великого князя Андрея Боголюбского.

Он так и правил Новгородом — предельно властно, жестко, по своей воле, невзирая на прежние льготы, вольности Великого Новгорода. В многочисленных договорах различных князей с Новгородом нередко ссылали на притеснения, которые творил новгородцам князь Александр. Он отнимал у бояр земли, захватывал их покосы, рыбные тони и охотничьи ловы. Чинил суд в Торжке и Волоколамске как суздальский князь, подчинял себе «закладников» и «холопов», а потом освобождал их от кабалы. Он отнял у бояр Терский берег на восточном побережье Кольского полуострова, посылал за богатой меховой данью своих ватажников, пред-

течей ушкуйников, покупал у новгородских бояр села и раздавал их своим сторонникам.

Новгородцы возмущались, но терпели. Своими действиями Александр Невский показывал возможность возрождения Руси через преодоление многовластия и утверждение единодержавия.

Глава 8

И снова путь в Орду.

Кровавое татарское число и непокорный сын — князь Василий

Новая страшная беда, словно черная туча, нависла над Русью. Татары потребовали огромную дань с покоренной страны. Впрочем, на то и иго, чтобы страдать и мучиться покоренному народу. Иначе говоря, злодей не зря свое имя носит и вполне желает свое ранее доказанное действием право конвертировать в зримые подношения себе от им покоренного.

Князь Александр, сцпив от охватившей его тоски зубы, поехал в Орду. К тому времени в 1255 году уже умер хан Бату, следом был отравлен своим дядей сын Бату Сартак и на ордынском престоле сидел уже третий сын Бату Улагчи. На Руси его звали Улавчий. Он потребовал подтверждения покорности русских и обновления ярлыков на княжения. Великий князь согласился. Вместе с ним в Орду поехали его братья — Андрей Ярославович Суздальский, вернувшийся из Швеции и покаявшийся перед старшим братом своим, и Ярослав Ярославович Тверской, с которым Александр также успел примириться. Кроме того, в Орду поехали еще Борис Василькович Ростовский и Глеб Василькович Белозерский.

Выполнив безропотно положенные по монгольскому обычаю обряды поклонения хану, князья торжественно преподнесли ему богатые подарки: огромные мешки серебра, серебряные сосуды и кубки, украшения из драгоценных камней. Улавчий, видя сие изобилие, сменил гнев на милость, и князья Андрей и Ярослав, в недавнем прошлом бунтари, были прощены. Получили подарки и ближайшие вельможи, и родственники хана. В свою очередь Улавчий объявил волю великого хана Мункэ, который еще в 1253 году повелел упорядочить сбор даней на всей территории империи, а в 1257 году назначил Китата главным баскаком улуса Джучи. А это означало, что отныне на территории Руси будут действовать особые военные отряды, частью из местного населения, частью из татар, а командовать ими непосредственно будут нойоны, темники, мурзы, наместники. Эти отряды поступали в подчинение баскаков, которые уже сидели в главных городах Центральной Руси. Во Владимире при великом князе находился баскак, которому подчинялись все другие баскаки. Власть его была безгранична. По сути, баскаки и вводимые отряды заменяли собою оккупационные войска монголов. Такое нововведение не могло не ухушить

и весьма заметно положение великого князя Александра. Теперь всякий на Руси мог узреть его унижительную и полностью подчиненную монголам роль без всяких прикрас. То есть каждый русич теперь мог наглядно видеть, что великий князь уже не является таковым на самом деле, наоборот, он становился в их глазах только старшим пособником оккупантов.

Русским князьям в Сарае было объявлено, что они обязаны принять на Руси чиновников из Орды для поголовной переписи населения (видимо, с конечной целью кардинального повышения эффективности взимания оккупационных налогов). На Руси эту перепись называли «число». Эти меры должны были накрыть собою всех потенциальных данников, которые обязаны были платить за использование каждой лошади, а также отдавать часть заработанных денег, приобретенных съестных припасов, изделий ремесленного труда на содержание монгольской администрации. Эту систему даней, закрепляющих порабощение всех покоренных народов, придумал китаец Елей Чу-цзы, советник Чингисхана, еще в 1230–1240-е годы. Именно с введения этой системы на Руси началось подлинное ее порабощение татарами. А сомнительная честь учреждения системных поборов и пала на плечи Александра Невского в полной мере.

Чиновники Орды появились на Руси вместе с князьями уже в феврале и 4 марта 1257 года начали свою бурную деятельность в Суздальском, Ростовском, Рязанском и Муромском княжествах. По большей части люди не оказывали им сопротивления, ибо хорошо помнили Батыево и Неврюево нашествия. Переписав жителей этих мест поголовно, монгольские чиновники поставили над ними десятников, сотских, темников и наместников или мурз для собирания даней. Освобождались от даней только представители духовенства и все церковные люди.

Но кое-где баскаки все же встречали ожесточенное сопротивление. 3 июля 1257 года на Туговой горе, близ Ярославля, произошло сражение княжеской дружины с отрядом татарских грабителей. В нем был убит ярославский князь Константин Всеволодович, позднее причтенный к лику святых. Через то выходило нечто странное, так как церковь зачисляла в святые как борцов с оккупантами, так и их явных пособников.

Спустя несколько месяцев, в 1258 году, великому князю в сопровождении тех же родичей вновь пришлось отправиться в Орду. Там ему была объявлена новая воля великого хана Мункэ: Новгород и Псков, не подвергшиеся ранее разорению и не завоеванные татарами во время рейдов на Русь, также должны впредь платить поголовную дань, а для этого они должны дать «число», то есть пройти перепись всего населения.

Князь Александр, всегда бывший ревностным поборником соблюдения русской чести и вольностей, теперь был вынужден взять на себя

тяжелейшую и неприятнейшую обязанность: склонить к рабству новгородцев, народ исключительно гордый и пылкий, всегда славившийся особым свободолюбием. Вместе с татарскими численниками он сам отправился в Новгород «в силе тяжце», то есть с большим войском. По дороге он невольно размышлял о грядущих волнениях горожан:

«Ну, вот и пробил час подлинных испытаний для моего ума и моей души. Ныне, по всему видно, что придется люто карать русских людей ради сохранения бытия самого русского мира. Неужели это можно понять и простить, если быть искренним и честным? А может быть, следовало бы сначала предложить новгородцам уже давно организовать военное сопротивление татарам, заранее уповав на то, что они, как разумные люди, сообразят свои малые шансы и откажутся от него же загодя? Впрочем, что уж теперь о том вспоминать, когда сам все за них решал, полагая, что они поддержат меня само собой. Только сегодня в этом нет никакой уверенности, а значит, придется применять против них силу от имени монгольской власти. Господи, дай силы тогда не дрогнуть, не отступить!»

Когда до новгородцев дошла весть о намерении татар взять «число» с их родного города, они сразу же пришли в великое возмущение. Тут же на вече был схвачен и убит посадник Михалка. Напрасно он упрашивал новгородцев подчиниться, уверяя, что воля сильных есть закон благоразумия для слабых. Посадничество вручили Михаилу Федоровичу из Ладоги. А тысяцким выбрали Жироху, который, впрочем, понимал, что численникам придется уступить, иначе — беда.

Все лето 1258 года кипело народное негодование. В городе царили смятение и хаос. Даже юный наместник князь Василий, по наущению бояр, говорил жарко, что не хочет повиноваться своему отцу, который якобы везет с собой оковы и стыд для людей вольных. Узнав о приближении отца с войском, он стремительно бежал во Псков.

Наконец собралось роковое вече. Татарские численники по вечерним ступеням вошли на помост и объявили свои требования:

— «Числу» быть!

— Вольные мужи новгородцы! — гремел на вече голос князя Александра. — В чем упорствуете? Жизнь братий гибнет, а вы жалеете золота и серебра! Смиримся, укрепимся Богом и Святой Софией, верою и единодушием, покорностью и смирением!

— Нет, нет! — бушевало вече. — Не быть Новгороду под погаными.

Новгородцы отклонили требование численников и согласились только послать хану обильные подарки. С тем и отпустили послов.

Послы уехали во Владимир, возложив строго исполнение ханской воли на великого князя:

— Тебе, князь, дали ярлык на великое княжение. Ты и должен исполнить «число» в Новгороде. Иначе сам знаешь, что будет!

Тяжело пришлось Александру, однако иного выхода, кроме как добиться повиновения, не было, иначе Руси грозило новое нашествие и уничтожение народа.

«А нужен ли Господу такой трусливый народ на Руси, ведь он тогда, по привыкнув сгибаться перед всякой большой силой, никогда и не сможет стать иным? — пришло вдруг и зачем-то на ум князю. — А может быть, стойкое сопротивление народное смогло бы с Божьей помощью одолеть татарщину и прекратить ее вконец? Как знать сие наверняка?»

Видно, уж лучше платить гривнами, чем жизнями людей. Князь ввел войска на Славно и Торговую сторону и приготовился силой выбить из новгородцев покорность. Но те уже не могли сопротивляться ему.

«Ну вот, — опять подумалось князю, — они сами своей слабостью подтверждают мою правоту, а значит, буду ломать через колено всех и каждого, кто вздумает мне перечить!»

Князь жестоко расправился с послушниками. Сына он велел схватить во Пскове и под стражею и в оковах доставить в Суздальскую землю. Так князь Василий Александрович сошел с политической сцены. Он умрет в изгнании в 1271 году в возрасте тридцати одного года. Отец же вспомнил прошлые волнения в Новгороде, когда он своей силою вернул сына на престол:

«Вот, оказывается, каков на самом деле Василий, а я полагал его сыном своим достойным. Или я что-то не понимаю, а он только пытался меня остановить, образумить? Неужели мне не суждено иметь разумных детей, кои смогут служить Руси за совесть? А я ли служу за совесть, не выгадывая ничуть себе самому поблажки? Но разве сии метания могут пойти кому-либо впрок?»

Мятежных бояр, тех, кто науськивал сына на отца, в том числе некоего воеводу Александра, князь казнил, других ослепил, третьим повелел урезать носы. Однако после этого новгородская беднота, голь кабацкая, продолжала бесчинствовать, убивая княжеских людей. Так погиб боярин Миша с Прусской улицы, герой Невской битвы. Тем временем ханское войско якобы уже собиралось на Волге и готовилось идти на Новгород. Об этом стало известно новгородцам. В результате вече, не мешкая, подчинилось неизбежному концу. Немедленно было сообщено во Владимир, что татарские численники могут приехать и приступить к переписи.

Вскоре на берега Волхова приехали суздальские князья и с ними татарские численники Бецик-Беркэ и Касачик. Численники начали было перепись населения и сбор дани в окрестностях Новгорода. Однако новгородцы снова заволновались и потребовали созыва веча. Татары запросили охрану у великого князя, так как опасались за свои жизни. Александр приказал стеречь их сыну посадника и служилым боярам с дружиной.

Перепись продолжилась, но новгородцы по-прежнему всячески уклонялись от нее и грозили послам. Раздосадованные этим численники предъявили вече ультиматум:

— Дайте нам число или бежим прочь.

А это означало неминуемый приход татарских войск в Новгород. Если новгородские бояре лукаво сумели столкнуться с монголами, то простой люд кипел от возмущения:

— Бояре сделали себе легко, а меньшим зло.

Люди вновь бушевали на вече. Одни собирались на Торговой стороне возле храмов, другие на Софийской стороне. И те и другие готовились к схватке: собирали оружие, налаживали лодки.

На следующий день великий князь выехал с Городища, а за ним потянулись все его войско и татарские чиновники с женами и со свитой. Это означало, что мирные средства исчерпаны.

По совету «вятших», то есть «лучших», богатых, новгородцы наконец согласились «дать число». Послали за татарами и князем, и те вернулись с дороги.

«И начали окаянные татары ездить по улицам и переписывать дома и души христианские», — отметил тогда летописец.

Основная тяжесть всех даней легла на бедных людей, ибо подушная подать была установлена одинаковой для каждого, независимо от его доходов. Вышло так, что «лучшие», или богачи, фактически откупились «меньшими», или бедными (кстати, и сегодня, в XXI веке, на Руси, видимо, подражая опыту Александра Невского, бедные и богатые несут равное налоговое тягло).

Закончив перепись и нагрузив многие возы серебром, мехами и большими припасами, окаянные «сыроядцы» удалились восвояси. А великий князь татарский Александр Невский покинул Новгород лишь после того, как заключил новый ряд с новгородцами, помянув «число», и посадил на новгородском столе своего малолетнего сына Дмитрия. Тому шел тогда лишь шестой год. Начиналась весна 1259 года. Так вольный город Новгород признал над собой власть Орды.

Глава 9

Возвращение во Владимир. Княжеский отдых в Ростове. Странный разговор, открывший будущее Руси

Ранней весной 1259 года великий князь Александр с чадами и домочадцами выехал из Новгорода во Владимир. Наступила коварная распутица. Путь был нелегок. Горько и тяжело было на душе у князя Александра. Его одолевали тоскливые мысли:

«И что теперь делать? Как облегчить очевидное умножение народных страданий? Неужели только такой очевидно печальный ход событий на Руси Богу угоден? Чем мы так провинились, что теперь будем долгие-долгие годы нести это позорное тягло? Разве эта покорность может нас спасти или нам все-таки следует делать что-то иное? Кто подскажет, кто научит наверняка?»

Несмотря на блистательные победы над шведами на Неве и в Емской земле и над немцами на льду Чудского озера, новгородцы дружно восстали против него, и в этой крамоле пострадали его сын Василий, многие бояре и храбрецы, участники Невского сражения. Ох, как нелегко согнуть было выю под татарский ярем свободолюбивому городу. Тяжело отдавался в сердце князя незаслуженный укор новгородцев:

— Князь-то заодно с сыроядцами и оковы нам привез!

«Но ведь и не поспоришь же: и привез и оковал основательно новгородцев, а несогласных к тому еще люто наказал. Впрочем, ловкие богачи выторговали себе весьма серьезную поблажку, уравнившись данью с беднотой, и от этого горший осадок еще больше. Как убедить в разумности и справедливости сих уступок обиженных много? Дай-то Бог, чтобы само время все уладило!» — подумалось князю скорее для самоуспокоения, чем в твердом расчете.

После перенесенного волнения князь захотел отдохнуть душою и для того заехал к своим родичам в Ростов. Кстати сказать, после разрушения Владимира цветущий Ростов стал главным городом Северо-Востока Руси, хотя формально столицей княжества все еще считался Владимир. Ростов же мало пострадал от татар. В нем жила старшая в роде княгиня Мария Михайловна, вдова князя-страстотерпца Василька Константиновича и дочь другого страстотерпца — великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Сыновья княгини Марии Михайловны, Борис и Глеб Васильковичи, находились большей частью при ней. Они получили блестящее образование, а среди их учителей выделялся некий Всевед, человек княжеского происхождения. Ростовские князья принимали политику Александра Невского и всегда сочувствовали ему.

Великий князь хотел успеть в Ростов к Вербному воскресенью, но его задержала распутица. Наконец он добрался до города, где его встречали князья Борис Василькович и Димитрий Борисович, княгиня Марина, вдова того князя Константина Всеволодовича Ярославского, что не стал гнуть выю свою перед татарами, и ростовский владыка Кирилл.

— Отче и господине! — воскликнул князь Александр, подходя под благословение к маститому пастырю. — Благодаря тебе и твоей молитве я благополучно и в добром здравии съездил в Новгород и твоею же молитвою благополучно возвратился, веление Божие исполнив!

Великий князь вошел в храм Успения Пресвятой Богородицы и, пав на колени, горячо молился, а затем поклонился мощам великого проповед-

ника ростовского, святителя Леонтия. Здесь же молодые князья Глеб и Дмитрий, сопровождавшие Александра Ярославовича, обмолвились князю о своем наставнике Всеведе, который предрек им как-то печальные последствия для Руси от ее покорности Орде. Князь Александр решил встретиться с мудрецом и лично разведать смыслы его скорбных предсказаний.

На святую Пасху, 12 апреля 1259 года, Александр Невский с княгиней Марьей Михайловной, князьями Глебом и Дмитрием и княгиней Мариной побывали в селе Угожь, где молились в местной церкви Богоявления Господня и дали большие вклады во здравие души. Затем великий князь возвратился в Ростов, где жил до 2 мая — дня празднования перенесения святых мощей князей Бориса и Глеба. Он совершал молебны с великим торжеством и благоговением и творил великие милостыни храмам и людям. Особенно рада была поездке в Ростов великая княгиня Дарья Изяславна, вторая супруга великого князя Александра, мать его детей Дмитрия и Андрея.

По договоренности с Александром Ярославовичем князья Глеб и Дмитрий привели к нему на беседу своего наставника Всеведа. Князь Александр и гость уединились. Пришедший человек уже почтенных лет оказался приземистого роста, вполне крепкого телосложения, уверенного в себе вида и спокойного, почти кроткого нрава. Его глаза, поражавшие первым делом всякого, казались лучистыми и очень чистыми, как бы отменно промытыми водой невероятной прозрачности. Князь Александр спросил мудреца:

— Так ты учишь, что монгольское иго принесет Руси в будущем большую беду?

Всевед, помолчав несколько, в свою очередь вдруг спросил вельможу:

— Великий князь, а ты правду хочешь знать или меня изболбить как врага своего?

Александр Ярославович аж опешил от спрошенного у него, но вида не подал и спокойно уточнил цель предстоящего разговора:

— Хочу знать правду, впрочем, не верю пока, что ты ее ведаешь.

Всевед неожиданно заговорил как бы и не своим голосом:

— Иго Ордынское с твоей помощью, князь, на Руси надолго установилось. Пройдут еще сотни лет, прежде чем она сможет освободиться от него. За это время сильно изменится мир, сильно изменится и русский люд. Изменение сие приведет Русь к многовековым деспотическим порядкам. Русские власти веками будут себя вести так, как будто татарское иго никуда не делось даже в то время, когда его и след в памяти русской вовсе простынет. Сами русские люди нравом станут много хуже своих предков. Они разучатся изобретать новые ремесла, станут ленивы и безразличны во многом

к собственной судьбе. К этому состоянию их настойчиво будет толкать наполовину чужая власть, которую они уже не будут больше уважать, как это было до ига. Люди из власти, за редкими исключениями, будут отвечать народу русскому неизбывным презрением. Сами будущие русские правители станут много жадными и одновременно заносчивыми, необязательными и жестокими. Много веков пройдет до того времени, когда этот горький порядок вдруг, с Божьей помощью, переменится на благой. Твое имя князь сначала будет прославлено, однако затем, перед самым преображением русского мира, оно будет изобличено как ложнославное.

— Ты хочешь сказать, мудрец, что я прямо как враг Руси повел ее погибельным путем? — прервал Всеведа рассердившийся князь.

— Нет, великий господин. Я просто говорю то, чему быть на Руси непременно. Ты же, князь, все равно не сможешь предложить Руси спасительный выход. У тебя просто нет такого умения и влияния, чтобы пойти путем умелого сопротивления игу Орды, а значит, ты не можешь ни проводить ту политику, которую начал. Но ты не должен обольщаться, что твое правление славно. Это совсем не так. Твое правление совсем как тяжелая болезнь, наступающая человека внезапно, только она сама и Бог, попускающий ее, решают, когда и как ей уйти. Кстати сказать, роль христианской церкви в судьбе Руси окажется двуликой, с одной стороны, вера будет спасать, и укреплять многих в лихие времена, с другой — она же и будет вызывать их к жизни. Вот все, что я могу тебе сообщить о подлинных смыслах твоего правления на Руси, — закончил свою речь удивительный наставник.

— Хотя ты и огорчил меня безмерно, мудрец, но все равно благодарю тебя за правду твою и постараюсь впредь не иметь на тебя обиды. А сейчас иди, хочу обдумать речи твои и, может быть, найти себе слова утешения, поскольку верю тебе вполне и страдаю от того очень. Верю также, что иго делает многих русских людей злобными, двуличными, лицемерными, безразличными, жадными, завистливыми, бездумными и одновременно горделивыми. Всему этому и впрямь, видимо, быть, ведь покорность рабская никого не возвышает, она лишь калечит душу всякого.

На следующий день, 3 мая, князья Глеб Василькович и Димитрий Борисович проводили Александра Ярославовича до самого холмистого возвышения на суздальской дороге и простились с ним. В момент расставания великий князь поблагодарил провожавших за помощь и сердечное внимание к нему молодых людей и спросил их:

— А вы сами поверили предсказанию Всеведа вашего?

Глеб, оглянувшись на Димитрия, ответил князю:

— Видимо, такова воля Божья, чтобы быть Руси под татарами долго. Видимо, без ига Ордынского нам не стать теми, кем нам стать на роду написано.

— Вот и я так думаю. Спаси вас Бог, — завершил грустно свое расставание с родными душами великий князь.

Приехав во Владимир, Александр удостоился торжественной встречи митрополита Кирилла со всем освященным собором, с черноризцами и мирскими, с боярами и горожанами. Люди несли хоругви и иконы, распевая псаломские песни.

После литургии митрополит возгласил с амвона:

— Слава тебе, великий князь Александр Ярославович! Ты ведь уподобился святому Константину Великому, леств агарянскую преодолевшему! Не преступай, княже, завета, что положили твои пращурьы — святой Владимир, богоизбранный Ярослав, мудрый Владимир Мономах и другие иже с ними доблии отпрыски благородного корени славных Рюриковичей, ибо ты стяжал Константинову доблесть, Владимирову веру, Ярославле мужество. Помни, что заповедал царь Соломон Премудрый: «Золото не в сокровищнице познается, но когда помогает сирому и вдовице, когда хранишь правду и завет нищелюбия».

Великий князь, ухватившись мысленно за слово «правда», подумал:

«Вот почему мне быть одному, вот почему и церковь наша не сумеет в будущем уберечь Русь нашу от еще многих бедствий и страданий. Нет еще у русского сердца острой потребности знать правду во всей полноте ее. Отсюда ныне и неспособность Руси бороться с Ордой умело. Как горько знать сие и не мочь изменить оное, ведь Бог не в силе, а в правде! Мало веры еще на Руси, ох как мало! Через то и судьбу скорбную примем по чести своей».

С этого времени великий князь еще больше стал заботиться о русских полоняниках, оказавшихся в Орде. Дважды он посылал подарки хану и серебро для выкупа пленных с епископом ростовским Кириллом. И грамоту новому хану Берке, чтобы тот позволил открыть в Сарае православную епархию, включавшую бы земли по Дону и его притокам, а также земли Переяславля Южного.

Хан Берке согласился, и епархия была открыта. В 1261 году в Сарай приехал епископ Сарский и Подонский Митрофан. Вскоре он построил и открыл в Сарае первый православный храм и крестил много народа, в том числе и татар. Хан дал иерархам Русской церкви особый ярлык, в котором говорилось:

«Кто будет хулить веру русскую или ругаться над нею и ничем не извинится, пусть тот умрет злою смертью».

Владыка Ростовский Кирилл стал часто ездить в Орду. Хан не раз вызывал его для врачевания, ибо Кирилл славился и как искусный лекарь. Однажды он исцелил сына Берке, наследника престола. Хан любил слу-

шать рассказы владыки, владевшего монгольским языком, о святых апостолах Петре и Павле, о святом епископе Ростовском Леонтии, особенно о том, как тот учил детей. В конце концов, вышло так, что многие представители русской знати стали входить в родственные отношения с представителями знати татарской. Подобные действия русской и татарской знати и подтвердили предсказания мудрого Всеведа, что иго на Руси установилось надолго.

Глава 10

Народные восстания

как попытка вразумления русской знати

Отстояв Русскую землю от уничтожения, великий князь должен был согласиться на повсеместное взимание тяжелой дани, на колоссальные унижения, которым подвергался простой народ со стороны восточных завоевателей. Александр Невский видел, с какой жадностью, грубостью и бесцеремонностью обращаются татары с русскими людьми. Поругание и насилие стали нормой их поведения (кстати сказать, сия мерзкая поведенческая норма властей сохраняется в какой-то степени в России и сегодня, будто иго монгольское никуда и не девалось вовсе). Князь понимал и до конца прочувствовал всю трагедию жестокого века своего, когда жизнь человеческая ценилась ни во что, когда свободолюбивый народ должен был привыкать к постоянным злодеяниям, рабской покорности, терпеливому перенесению невзгод. Отныне не стало как встарь, когда власть собственных князей и бояр не была обременительной для народа: дани платились хлебом, воском, медом, плодами и овощами, рыбой, дичью и мясом. Взамен князья и их дружины защищали и смердов и горожан от врагов, отчески заботились о подданных в полном соответствии со славянскими традициями взаимопомощи, доброты и кротости. Праведный суд и милость — для своих, гнев и гроза — для врагов. Все это было в чести у потомков Всеволода Большое Гнездо. Слова властителя «Да будет мне стыдно» служили порукой верности и нерушимости принятых на себя обязательств (кстати, нынешний властитель России открыто заявляет всему миру обратное, что ему совсем не стыдно).

После монголо-татарского нашествия положение изменилось. Теперь уже во властвовании не было отцов и детей, а только властители и подданные. После всеобщей переписи татары без церемоний ставили на правеех неимущих должников, секли их кнутом, истязали пытками для того, чтобы вытянуть из жертвы последнюю гривну. Бывало и так, что казнили должника смертью для того, чтобы добиться полной покорно-

сти от оставшихся в живых. То есть выходило так, что русская знать совместно с татарами стала воспринимать свой народ как совсем ей чужой, а значит, достойный всяческого умаления и самой нещадной эксплуатации. Особенно зверствовали хивинские, хазарские, персидские и иные откупщики-бесермены, которые за мзду откупали у баскаков право взимания дани в той или иной области либо в том или ином городе. Хитрые торговцы, придумав целую систему вымогательства, назначали различные сроки платежей с применением «резов», то есть процентов. В результате бедняки попадали в кабалу и превращались в полных, или обельных, рабов. Их хозяин мог продавать «живой товар» в рабство. Бесермены открыто ходили по весям и городам с военными отрядами, забирали должников, беспощадно их били палками на улицах и площадях, допытываясь, не спрятали ли они где-нибудь гривны или другое имущество. Убедившись, что их должник полностью неплатежеспособен, откупщики забирали у него в счет долга сыновей, дочерей или уводили его самого в рабство. Глубокую ненависть к восточным завоевателям затаил русский народ, сохранивший среди своих пословиц и такую: «У них, что у собаки, души нет: один пар» (кстати сказать, у многих нынешних управителей и богачей в России все ровно так — вместо души один пар; видимо, такая необязательная перед народом власть и богатство всегда губят или черствят душу всякого человека).

В 1262 году летом чаша терпения наконец переполнилась и народ восстал против мусульманских откупщиков, которые творили людям «великую пагубу» и «лютое томление». В тот год ростовский летописец записал: «Вложи Бог ярость в сердца христианские, не тръпяще насилия поганых, и созвониша вече».

И началось. В одной из стычек в Ростове русские разграбили восточных купцов, издевавшихся над народом, и убили булгарина-баскака Гази-Бабу. Княгиня Мария Михайловна попыталась сдержать ростовчан от большого кровопролития и все-таки не смогла этого сделать. Загудели разом вечевые колокола. Граждане быстро собрались на вече в Ростове, во Владимире, в Суздале и в Переяславле. Тогда же они единодушно решили наказать своих притеснителей. Откупщикам и их слугам пришлось бы серьезно поплатиться за свои злодеяния. Но Бог удержал руку мщения, и из татар никто не пострадал. Ярость народная утихла в тех случаях, когда виновные каялись в своих прегрешениях и просили у веча прощения. Так случилось в Великом Устюге. Народ простил обиды главному откупщику монголу Буге, когда тот, явившись с повинной на вече, согласился принять крещение. Буга был назван во святом крещении Иоанном. Женившись на своей бывшей наложнице, христианке Марии, Иоанн старался искупить свои грехи и заслужить полное прощение.

Кем же были организованы городские восстания? Устюжский летописец прямо свидетельствует об этом так:

«Приде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославовича, что татар бити».

Грамота эта, видимо, читалась на вече, так как о ней услышала Мария и посоветовала Буге поскорее прийти на вече и покаяться, пока не поздно. Можно предположить, что Александр Невский все рассчитал заранее. Он знал, что изгнание откупщиков нового монгольского царя Кубилая не вызовет гнева хана Берке, так как между Сараем и Каракорумом уже произошел разрыв, и Берке вовсе не хотел отдавать Кубилаю самые лакомые куски своей добычи. Сам князь в это время был занят подготовкой военного похода на Юрьев (Дерпт). К тому времени русский князь заключил союз с непокоренной монголами Литвой. Но вынужденный ехать в Орду на поклон хану Берке, он решил поручить командование русским войском своему девятилетнему сыну князю Димитрию Александровичу и дал ему в помощь своего брата князя Ярослава Ярославовича Тверского и иных князей. В их число вошли полоцкий князь Товтивил Ердзивилович и его сын, и зять Александра, витебский князь Константин-Август Товтивилевича, со многими полками. К ним присоединился полк литовцев во главе с князем жмудским Тройнатой с 500 воинами и без числа новгородцев. По словам княжеского Жития, обращаясь к князьям и войску, великий князь сказал:

— Служите сыну моему, князю Димитрию, так же, как мне, всею жизнью своей.

Эти слова стали политическим завещанием великого князя, отъезжавшего в далекую Орду.

Восстание народа русского не привело к отмене ига, но преподало суровый урок как ордынцам, так и сотрудничавшей с ними русской знати: русский народ готов отстаивать свою честь, и с его желаниями необходимо впредь считаться.

Глава 11

Окончательный расчет великого князя Александра Невского в Орде как прекращение его двойственного пути

Вскоре после восстания прошел слух, что разгневанный хан собирает на Волге огромное войско, чтобы наказать Русь. Александру Ярославовичу следовало срочно убыть в Сарай с оправданием и дарами. Летописцы называют и другую причину поездки великого князя в Орду: летом 1262 года татары потребовали с Руси вспомогательное войско из русских

рекрутов для того, чтобы использовать его на Кавказе и в Персии против армии хана Хулагу, с которым тогда воевал хан Берке. Александр искренно надеялся «отмолить» русских людей у хана от тягостной обязанности проливать свою кровь за чужие интересы на чужой земле.

Из всех поездок в Орду эта оказалась самая трудная и вместе с тем самая ответственная. Малейший промах — и на Русь обрушилась бы тяжелейшая кара. Князь помнил мученический подвиг святого Михаила Черниговского и боярина его Феодора: они не подчинились хану и погибли. Но теперь не подчиниться было нельзя. Там, за степью половецкой, Русская земля ждала приговора, ждала решения своей судьбы. Как обреченный, ехал Александр к Берке. Может быть, и ему уготована в Орде участь святого Михаила Черниговского или участь отца его, великого князя Ярослава Всеволодовича? Он знал, что во время восстания на Руси не пролилась монгольская кровь, и это позволяло ему надеяться на лучшее.

Берке был одним из хитрейших, коварнейших и жестоких ханов. Приняв мусульманство от хорезмийцев, Берке решил опереться на ордынских мусульман. Он жестоко вырезал христиан-несториан в Самарканде, отправил двух племянников, а также вдову брата Бату Боракчин, установил в ханстве мусульманскую диктатуру и рассорился с великим ханом Монгольской империи Кубилаем, сыном Тогуя, своим двоюродным братом. Кубилай же сильно расстроил могущество монголов, переселившись из Каракорума в Бейпин, превратив тем самым Монгольскую империю в Китайскую. Он пошел на это, поддавшись очарованию древней китайской культуры. А Берке, властвуя над Улусом Джучи, в том числе над Русью, данницей Улуса, сохранил первобытный кочевой образ жизни, хотя и отверг родную религию и родной язык, заменив последний тюркским (половецким), то есть татарским. Новые друзья мусульмане настаивали, чтобы Берке покарал язычника Хулагу, ставшего иранским шахом, или иль-ханом, и завоевавшего Афганистан, Иран, Ирак и восточную часть нынешней Турции, Закавказье. Основатель государства Хулагидов, он страстно мечтал завоевать и Большую Орду. Поэтому двоюродные братья Берке и Хулагу стали непримиримыми врагами. В 1261 году Берке вступил в союз с сирийско-египетским султаном Байбарсом, врагом Хулагу, и надеялся с его помощью отнять у Хулагу Азербайджан. Однако наместник Хулагу в Дербенте и Ширване разбил войска царевича Буки. Теперь Берке были необходимы русские вспомогательные войска. Хан заметно колебался в том, как ему использовать свое трехсоттысячное войско: послать его на Русь или в Азербайджан.

Именно в этот решающий момент в Орду и прибыл великий князь Александр. Впрочем, хан совсем не спешил с приемом русского визитера. Складывалось даже впечатление, что он либо чем-то занят, либо собирает какие-то сведения об Александре Ярославовиче, либо ожидает

свершения каких-то событий. Князю пришлось ждать вызова три месяца. Все эти дни, расположившись за Ахтубой (на дальних кочевьях хана), Александр проводил в думах о Руси и о той судьбе, которую готовил ему Господь:

«Как-то там наш поход на Дерпт. Видимо, без меня мои помощники вряд ли смогут действовать быстро и решительно, а ведь без этого умения воевать в компании с литовским князем Миндовгом — пустое дело. Любопытно, а знает ли хан об этой моей затее? Ежели знает, то как ее понимает? Не воспримет ли изменою себе? Что тогда сказать ему в оправдание? Мол, просто вынужден укреплять границы вассальной Орде территории. Союз же с литовцами вовсе не против хана, а ради способности Руси и далее отправлять в срок и в указанном размере дань. О русских рекрутах уже знаю годные слова, что, видимо, помогут остановить их отправку в Орду. Но очевидно и то, что просто так Берке меня не отпустит: либо признает виноватым и примерно накажет хотя бы за восстания против сборщиков дани, либо усмотрит во мне выгоду себе и тогда отпустит с миром, ожидая от меня прибыток. Как бы знать расклад его претензий заранее, чтобы продумать речь свою с тщанием? А может быть, здесь неподалеку люди от папы, которые интригуют по привычке против Руси? Надо бы прознать о том».

Только в конце марта 1263 года хан пригласил к себе князя. Берке сидел в своем большом шатре на очень высоком троне. Из-за этого даже казалось, что хан никак не собирается разговаривать с кем-либо, так как находившиеся поблизости люди могли и не слышать великого правителя вполне. Но эти опасения оказались напрасными, так как слышимость была отменной. Александр торжественно передал хану богатые и многочисленные подарки-подношения, большое количество серебра.

Хан Берке был старше Александра почти на 14 лет. На его расплывшемся лице желтого цвета выделялась жидкая борода. Волосы были зачесаны за оба уха, на одном из которых сверкало золотое кольцо с большим драгоценным камнем. Хан был одет в цветную царскую одежду, перепоясанную широким ремнем с драгоценными камнями. На его голове — монгольский колпак. Ноги Берке были обуты в башмаки из красной шагреновой кожи. На кушаке виднелись изображения черных витых рогов. За тронем стояли 50 младших ханов и мурз.

Хан взял золотую чашу и, отпив из нее глоток, подал князю Александру из своих рук. Это была высокая честь по-татарски. Потом повелел князю стоять возле себя и говорить.

Александр сразу же попросил прощения за массовый отказ русских платить дань Орде. В качестве причин сего бунта он назвал намеренное и нарочитое зверство многих откупщиков-бесерменов, которые самовольно установили систему жестоких вымогательств. В результате бедняка

попали в полное рабство, что и привело русских в ярость, справедливо полагавших уже бессмысленным делом дальнейшую выплату дани.

— Князь, так ты хочешь сказать, что откупщики стали брать себе непомерные резы? — прервал хан рассказ Александра.

— Великий хан, именно это и случилось во многих городах Руси, — подтвердил догадку Берке русский князь.

— И что ты предлагаешь взамен? — снова спросил Александра хан.

— Предлагаю отдать сбор дани русским князьям, которые смогут увеличить «выход» дани без восстаний данников, — решительно заявил хану Александр Ярославович.

— Хорошо, окончательный ответ о сборщиках дани я дам тебе, князь, позднее, — ответил хан и продолжил: — Теперь я желаю спросить тебя об участии твоих русских воинов в качестве вспомогательной военной силы в нашей борьбе с ханом Хулагой за Азербайджан. Что ты мне ответишь?

Александр Ярославович ждал этого вопроса, но все равно он прозвучал внезапно и тяжело для сердца русского князя. Через небольшую паузу великий князь заговорил:

— Использование русских воинов в войне, как я понимаю, против монгольских войск хана Хулаги неизбежно будет сопряжено с тем печальным обстоятельством, что русичи, как и тевтоны, к своему стыду, и ныне испытывают панический ужас перед монгольскими туменами. Это первое. И они вряд ли станут серьезной силой в походе на Азербайджан, а дрогнуть в решающий момент брани вполне смогут. Второе же возможное осложнение из-за выполнения этого замысла привлечения русских войск скорее всего приведет к тому, что эти рекруты в случае победы великого хана, которая и без них весьма вероятна, принесут на Русь заразный дух соблазна военной борьбы с Ордой. А этого вполне пагубного влияния следует избегать непременно. Таким образом, не вижу серьезной выгоды использования русских воинов в войне против сил хана Хулаги.

— Что ж, князь, разумны речи твои. Но свое решение об этом деле я сообщу тебе позже. А пока что жди нового приглашения ко мне, — закончил первую встречу хан Берке.

Александр вдруг показалось, что он сумел выстоять, а значит, у него еще есть шанс убить из Орды без существенных потерь. Потом хан и князь еще не раз уединялись и беседовали с глазу на глаз, благо князь Александр в совершенстве овладел языком своего господина. Они обсуждали между собой политическое положение современного им мира. Говорили, например, о том, как в прошлом году греки освободились от латинского господства, как никейский император Михаил VIII Палеолог завладел Константинополем, как восстановил государство отцов — такое

же могущественное, как и в прошлом. Свою дочь Ефросинью император Михаил отдал замуж за хана Ногая из орды Берке.

— Отношения между Большой Ордой, Византией и Русью будут улучшаться, — объяснял Александр хану, — к тому же Сарай стал теперь центром православия. А Большая Орда, развязав войну с Хулагу, вступила в союз с Сирией и Египтом. Теперь нужно наладить взаимовыгодную русско-татарскую торговлю с Египтом через Константинополь и проложить новый торговый путь в Средиземноморье.

Хану нравились эти беседы. Он оценил ум и широту политического кругозора князя Александра. Но видел и понимал отчетливо и другое:

«Этот князь опасен для Орды. Он даже в положении моего раба все равно невольно пытается держать себя на равных со мной, заискивая, пробует почти нагло управлять мною. А эти его военные связи с непокоренным нами литовским князем Миндовгом, о которых упорно говорят мне люди папы, прямо говорят о его скрытой непокорности. Видимо, следует, не мешкая, подготовить ему замену. Например, взять хотя бы его младшего брата князя Ярослава, который уж точно по своим качествам никак не сможет стать серьезным русским вождем. Только убрать князя Александра следует по-тихому...»

И вот наступила осень 1263 года. До уха Берке, видимо, по папским каналам дошел слух об убийстве 12 сентября князя литовского Миндовга. Этот князь обидным Римскому престолу образом отбросил принятую им ранее от папы корону и вместе с нею католическое крещение, вернувшись с легкостью в лоно своей языческой веры. За это Миндовг и должен был понести кару. Однажды — а был уже конец октября — в шатер великого князя Александра вошел суровый темник и сказал:

— Великий хан Синего и Чистого Неба зовет тебя, Искандер, на пир.
— Хорошо, приду, — сумрачно ответил князь.

Самые тяжелые предчувствия бередили его душу. Оказавшись на пиру, Александр Ярославович сразу догадался, что это его прощание с ханом. На память о себе великий господин подарил своему вассалу чудесный восточный шлем. Александр тяжело вздохнул, получив подарок, и несколько обрадовался решению хана Берке не брать рекрутов с Руси и даже царев выход или сбор дани отдать на откуп великому князю Владимирскому в обход баскаков. Не услышав своего имени при упоминании престола великого князя Владимирского, князь Александр догадался, что дни его сочтены. Эта горькая мысль тут же приняла и конкретное выражение, когда последняя на пиру золотая чаша с мастикой была услужливо преподнесена беглярибеком. А в ушах зазвучали прощальные слова Берке-хана:

— Искандер! Служи мне верно! Наш ты будешь, татарин! (Кстати, это слово означает буквально: «наемный человек, идущий на смерть ради хана».) Великую власть от нас примешь на Руси. Ступай в Русь и помни: от нашей ханской грозы не уйдешь, не скроешься, как и от «Ясы» Чингисхана и заветов его. Я мог бы поднять на Русь сто тем воинов и уничтожить тебя и твою землю, ибо управляю могущественным народом, который собрали мой дед и его дети. Нынче я отпускаю тебя домой, так как милостив без меры и могущество мое беспредельно!

Глава 12

Кончина князя Александра Невского и начало присовокупления его к лику русских святых

Был конец октября 1263 года. Проливные дожди сменились снегопадом. Снег покрыл землю. Непролазная грязь на дорогах промерзла и образовала жесткую корку. Из Сарая-Берке, что близ Волги, выехали на конях. Дорога шла по левому берегу Волги. Князю Александру было мучительно на душе, несмотря на сознание добротной выполненной работы. Во всем теле ощущалась какая-то тяжесть, к горлу подступала противная тошнота, на губах держался металлический привкус. Сил становилось все меньше и меньше. Князю трудно стало сидеть в седле. В Нижнем Новгороде Александр Ярославович пересел с коня в повозку.

В Городце Радилове на мысу Волги начинались владения брата князя Андрея Ярославовича. Александру видны были белые стены и башни, колокольня, деревья монастырского сада. Этот монастырь основал в 1164 году псковский князь Георгий Всеволодович в честь чуда Федоровской иконы Божьей Матери, которую нашли еще в начале XII века в деревянной церкви святого Феодора Стратилата близ города Кидекши. Эта чудотворная икона охраняла Городец Радилон и всех его жителей, а также монастырь, прозванный Федоровским; в нем в 1177 году похоронили великого князя Владимирского Михаила Юрьевича, который отомстил убийцам своего брата, великого князя Андрея Боголюбского.

У монастырских ворот повозку и конников встретил игумен Пафнутий. Он низко поклонился князю и бесконечно повторял:

— Слава Господу, слава Господу, великого страдальца в мой монастырь приведшего!

Рослые новгородские дружинники помогли князю выбраться из повозки, бережно поддерживая Александра, не давая ему ступить, перенесли на руках в игуменский покой. А там уже было приготовлено ложе, покрытое мехами, с балдахинном. Дружинники уложили князя.

— А ведь, поди, не чаял и живу быть, — промолвил князь и добавил: — Что, ребята, пораторбуем еще?

Бояре и дружинники не отозвались. Монахи столпились у двери. Вдруг лицо князя дрогнуло, исказилось, лоб покрылся испариной. Живот обуяла страшная боль, такая, будто острые ножи пронзили все недра. Князь застонал, запрокинув голову, и чуть погодя забылся.

Немного времени спустя пришел монастырский служка и принес теплое питье и греческое снадобье. Князь выпил, принял порошок. Немного полегчало.

Александр остался один в полной тишине наступившей ночи. Он стал вспоминать всю свою жизнь, осознавая смыслы своего земного пути. С одной стороны, умирать в 43 года было очень обидно, с другой — сам избранный им путь в жизни как раз и вел к скорому уходу из нее. Нельзя было долго держаться без личной жертвы, срок принесения которой, видимо, и наступил.

«Но не зря ли все свершенное мною было? Смогут ли мои потомки удержать взятый курс на сохранение Руси даже путем ее закабаления могучим врагом? И не станут ли смыслы сохранения Руси самовластными или оправдывающими любую мерзость в ней? Да, Русь изначально предназначена Богом для сохранения в миру истинной христианской веры, без которой и русский человек никому не нужен. Только многие ли русичи о том знают и понимают сие твердо? Объявят меня святым и успокоятся этим, возгордившись много. Жаль, если станет именно так. Как же им объяснить, что *только жертвы княжеского служения* способны помочь обрести Руси свое благое будущее? Без них все погибнет наверняка».

А князю становилось все хуже и хуже. Чувствуя приближение кончины, он призвал игумена и стал просить его о пострижении в иночество, в схиму великую, ибо сказал:

— Давно уже страждет душа моя сподобиться ангельского чина.

Начался обряд пострижения. К нему приступил игумен Пафнутий, клякнул ножницами, состригая локон волос его. Князь Александр был пострижен в схиму великую с именем Алексий. На него возложили куколь и переодели его в иноческое одеяние. И отрекся от мира князь Александр, и стал отныне монах Алексий. После пострижения «нача изнемогати зело». Тогда призвал всех своих и начал прощаться с ними, прося у каждого прощения.

— Об одном скорблю, — тихо проговорил князь, — борозда моя на Русской земле не доралена. Раньше срока оставляю вам плут свой тяжкий.

Пусть мои потомки с помощью Божией воссоединят Русскую землю! Аминь.

Окончив говорить, уже инок Алексей прикоснулся устами к чудотворной иконе, причастился Святых Тайн и совсем тихо преставился. А случилось это под утро 14 ноября 1263 года.

Погребение состоялось 23 ноября во Владимире, в храме Рождества Пресвятой Богородицы — «Архимандритии великой». Рождественский Богородицкий мужской монастырь располагался в юго-восточной части Кремля, на возвышенном месте над Клязьмой. Он был основан великим князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в 1191–1192 годах и считался первым в церковной иерархии. В нем с 1250 по 1274 год жил митрополит Кирилл, управлявший митрополией и владимирской епархией.

На панихиде митрополит сначала прочел отходную молитву, потом духовную грамоту. Затем зазвучали псалмы, а рыдания народа заметно заглушали погребальное пение. Сами певцы на клиросах едва могли петь: их пение прерывалось рыданиями. Митрополит с трудом совершал погребальный чин. Наконец пришло время главного действия.

Когда митрополит и митрополичий эконо́м Севастьян подошли к находящейся в центре храма гробнице, чтобы вложить в руку усопшего духовную грамоту, рука инока Алексея согнулась, затем распростерлась и взяла грамоту, после чего снова сжалась.

В самом чуде с духовной грамотой увидели явное проявление святости усопшего. Позднее митрополит Кирилл и эконо́м Севастьян заказали некоему книжнику написать Житие святого Александра Невского для местного почитания князя, ибо святость его, подтвержденная нетлением его тела и чудесами от мощей, есть освидетельствование о Христе, прославляющем Бога Творца со Святым Духом в жизни и смерти, в телах и душах во имя спасения.

Приложение

Исповедание веры святого и благоверного великого князя Александра Невского

*(из Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина
1591 года в переводе Ю. К. Бегунова)*

Вера наша есть Отец, Сын и Святой Дух, Троица во единстве и единство в Троице.

Не в три ведь Бога мы веруем, но в единого Бога в едином существе и Божестве. Ведь единое Божество это и есть троица, и Троица — единое Божество. Разделяем же мы Троицу на три переходящие одно в другое нераздельные и совокупные в единстве ипостаси, не созданные и не смешавшиеся, но божественные и сверхбожественные, видимые всеми, а отнюдь не искусственно созданные, непостижимые и непонятные, творящиеся, а не сотворенные, живые сами по себе, самобытные, безначальные, всегда сущие, бесконечные. Всему творению, видимому и невидимому, мы поклоняемся. От него же все и происходит и в него все входит: тождество ведь и единство мы исповедуем в Троице и Троицу славим в тождестве и в единстве, Отца же не прежде Сына понимаем: ведь не было Отца, когда не было Сына, и, наоборот, не было Сына, когда не было ни Отца, ни Сына без Духа Святого. Но все вместе они есть: Отец и Сын, и Святой Дух; Отец, родивший Сына, не есть рожденный Сын, от Отца родившийся безначально, а не рожденный; Дух же Святой, исходящий от Отца и в Сыне опочивший, не является только родившимся или рожденным. Тремя составами, считающимися нераздельными, исповедуем мы Божество тождественно, равноценно, самовластно и единовластно, в ипостасях Его славим. Веруем же без сомнений в единство Единосущной Троицы и из того же естества появившегося Сына Божия, а не из иного, а Того, который от Приснодевы Марии ради нас родился неизреченно и в нашу плоть совершенно облекся, исповедуем истинно, одушевленно, умно, словесно. Человеком же совершенным и истинным считаем Его, состоящего из двух естеств и в двух волях, обладающего двумя желаниями и действиями, нераздельного от Отца и Святого Духа, который на этой земле во плоти пожил, но вместе с тем с Отцом и Святым Духом и на небе, и на земле, не отступив от Них, если бы Он был, но принят ими, если бы Он не был, пребывает же Он в них обоих совершенно, в Божестве, говорю, и в человечестве. Единое сыновство принял, а не двойственное: ведь он единственный Сын Божий и Богородицы. Принял по своей воле и пострадал плотью, а не Божеством ради нас, согрешивших, на кресте от жидов кровью своею очистив нас от греховной скверны. Не только Он весьма доволен был человеколюбия ради милостью своей, когда на кресте распят был нас ради, но и смертью своей Он доволен был ради нашего спасения. И в ад Он сошел и там отступившегося дьявола вместе с его отступной силой неразрывными узами повязал и ад пленил, и смерть победил и испокон веков там спящих, Адама, всех пророков и праведных, оттуда вывел вместе с Собою, воскрес на третий день. Сам же Он воскрес в той же плоти, которую от нас принял, и не оставил ее в аде и не другую принял, как думают еретики, но в той же самой воскрес, в нашей, говорю, в которой родился от Богородицы, и в ней же на небеса вознесся и сел справа от Отца, рядом со Святым Духом.

Его мы ожидаем пришествия и Страшного суда, когда он придет судить живых и мертвых и воздаст кому что положено по его делам. Ожидаем мы воскресения мертвых и жизни будущего века.

Приснодеву же Марию, Матерь Его Богородицу, называем истинной подобно тому, как от Той Сына, родившегося Бога, открыто исповедуем, так и Эту, родившую Того, Богородицей, без сомнения, зовем. Побожескому ведь Она — Богородица, по-царски — Царица, а по владычному — Владычица. По Его воле и желанию Отца, Того Сына Отца и Богородицы, действием Святого Духа породил без участия мужчины, неизреченно и неведомо, и недоуменно, но только для нас, земных людей, что недостижимо и непонятно даже небесным существам, то есть ангелам, херувимам и серафимам. Это одному только известно Родившемуся от Нее.

Храним мы с великим тщанием честным иконам поклонение. Храним не просто то, что видим на доске, изображенное красками, но образу честно поклоняемся, как говорят, первообразному лицу: чей образ написан, тому и воздаем поклонение. Христову же Богоначертанному изображению поклоняемся как образу Божию Сына Божьего, принимая во внимание милосердное Того к нам с неба сошествие, воплощение и жизнь на земле, и на кресте страдание ради нас, грешных, и в ад сошествие, и смерти вкушение, и тридневное из мертвых Воскресение, и на небеса преславное Его Вознесение, на престоле с Отцом и Святым Духом во плоти Его сидение, и избавление нас от смерти, и всеми милостями от Него нам, людям согрешающим, благоволение.

Всемудрый же премилостивой Богородицы, Матери Его, честно чтим образ Ее святой, как будто бы сами Ее умственно воображаем, честное поклонение образу Ее святому творим, за то, что Та Сына Божия и Бога плотью своей нам породила, а мы, земные, к Богу присоединяемся и с ангелами вместе хотим жить. Это Она с земли на небо показала нам путь, древом жизни напитала нас и хлебом небесным утробы наши насытила и от смерти нас избавила, и прощение грехов нам даровала, и в рай к себе жить пригласила, царство нам открыла и все блага небесные и земные вместе с Сыном нам даровала.

Святых угодников мы чтим как святых Божиих угодников, так как они всему миру наставники благодати являются. Они на земле своей небесной жизнью стали ангелам сопричастниками, и о нас к Богу ходатаями, и искренними молитвенниками, и христианскими заступниками от всяких зол.

Мы придерживаемся честно поучений святых апостолов и святых вселенских и поместных соборов отцов и честно храним жития прочих святых отцов. Это и есть наша вера.

А кто не так верует и не поклоняется образам святых и не почитает написанных нами первообразных и честных икон, как это делают преоканные латиняне, мы проклинаем!

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Послесловие

Так кто же есть князь Александр Невский на самом деле? Является ли он князем правды и совести или он лишь ловко придуманный герой русской истории? Как определить сие честно и правильно? Кто-то, видимо, скажет, что, мол, сами последующие исторические события вполне подтверждают такую лицеприятную оценку. А что, собственно, может в ней свидетельствовать о сущей правоте этого исторического лица? Разве Русь без него канула бы в небытие? Вряд ли, ведь русские князья все равно не позволили бы этого. Тем более, что никто тогда всерьез и не собирался, например, как Гитлер, избавлять мир от этой страны. Приходили на Русь в то время многие. Но зачем? А пограбить ее в меру собственных appetitov и сил. Да, юго-западная часть Руси была на время даже приватизирована соседями. И что из того? Мы ведь ныне потеряли гораздо более земель, включая и эти земли, чем это случилось после ига Орды. И снова спросим сами себя: и что с того? Россия же все равно продолжает свое бытие. То есть выходит то, что совсем не в том дело, что Северо-Восточная Русь с помощью сознательной сдачи самой себя Орде в рабство сумела себя же сохранить в истории. Дело, скорее всего, в том, что по-другому она и не могла тогда существовать в принципе. Иначе говоря, не умея себя толком защитить, она просто должна была уступить всякому действительно сильному агрессору свои наличные ресурсы. Как говорится, кто бы ее тогда спрашивал о том всерьез. Даже римский папа в ту эпоху, пытаясь насадить на Руси католичество, использовал христианскую идею лишь как своеобразный мировоззренческий ресурс для наращивания собственного влияния в мире с целью его же последующего конвертирования в материальные ценности. Другими словами, никто в XIII веке не собирался всерьез стонять русских с занимаемых ими земель с целью заселения их же другими народами. Поэтому вести речь об угрозах, которых не было вовсе, вряд ли стоит. Другое дело, что соблазн перехода в латинство у некоторых русских людей вполне был. Именно его стоило бояться, именно с ним тогда стоило вести борьбу не на жизнь, а на смерть. В этом Александр Ярославович весьма преуспел, а значит, и память о нем должна быть, прежде всего, как о князе веры православной. Вот, видимо, что следует знать и чтить всякому рус-

скому человеку, когда речь заходит о князе Александре Невском. Поэтому-то и выходит, что он все же и есть *князь правды и совести*, без которых и вера православная вполне мертва, а значит, и святость его мощей никак не выдумка.

Использованная литература

Богданов А. П. Александр Невский. М.: Вече, 2009.

Пронина Н. Александр Невский. Национальный герой или предатель? М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Великие государственные деятели России. Под редакцией А. Ф. Киселева. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996.

Бегунов Ю. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия, 2003.

Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. Екатеринбург: КоЛибри, 2005.

*Иоанн Грозный —
страх Божий и великая
надежда России...*

(роман-наставление)



Вместо предисловия. Царь Иоанн Грозный как символ сущностной неочевидности великой судьбы России	67
Глава 1. Речи митрополита Макария и мрачные позывы царской природы	74
Глава 2. Обретение царского звания и царская женитьба	78
Глава 3. Сильвестр и Адашев — первые учителя царя на поприще государственном	81
Глава 4. Избранная рада и ее ключевые дела	83
Глава 5. Взятие Казани	89
Глава 6. Болезнь царская	100
Глава 7. Начало отхода царя от Избранной рады	107
Глава 8. Угроза безначалия	130
Глава 9. Опричнина как кара Небесная	148
Глава 10. Митрополит Филипп как последняя попытка царя примириться с церковными иерархами	166
Глава 11. Боярский заговор и его разгром	174
Глава 12. Разоблачение митрополита Филиппа и его изгнание	183
Глава 13. Конец князя Владимира Старицкого и его семьи	191
Глава 14. Усмирение еретиков-изменников в Новгороде Великом и на ему сопутствующих территориях	194
Глава 15. Подведение итогов усмирения новгородцев: вершина опричного террора	203
Глава 16. Первое нашествие крымского хана Девлет-Гирея на Москву и его мрачные последствия	218
Глава 17. Попытки новой царской женитьбы. Марфа Собакина и Анна Колтовская	223
Глава 18. Второе нашествие крымского хана Девлет-Гирея на Москву и его позорное бегство	227
Глава 19. Смертный час Малюты Скуратова и наказ царский потомкам	230
Глава 20. Жуткие причуды царя Ивана, или Наглядный урок русскому лукавству	234
Глава 21. Неразгаданные историей царские маневры: татарский хан на московском престоле	239
Глава 22. Баторий и польское нашествие. Горькое окончание войны за Ливонию	243
Глава 23. Нежданно запланированная смерть царевича Ивана	257
Глава 24. Закат правления и скоропостижная кончина первого русского царя	261
Глава 25. Измена князя Курбского русскому царю: фрагменты переписки Иоанна Грозного с Андреем Курбским. (На правах приложения)	266
Глава 26. Ответ русского царя в диспуте с лютеранином Рокитой. (На правах приложения)	277
Глава 27. Последнее важное для достоверного понимания сути фигуры Иоанна Грозного его послание. (На правах приложения)	282

Вместо предисловия

Царь Иоанн Грозный как символ сущностной неочевидности великой судьбы России

Сначала некоторые существенные пояснения. Перед вами, уважаемый читатель, впервые роман-наставление о смысле бытия русского государства. Иначе говоря, в настоящем произведении речь пойдет о родоначальнике русского царства, который объективно и заложил изначально все ключевые его смыслы. Другими словами, решая задачу получения ответа о том, что есть такое явление Иоанна Грозного, видимо, возможно будет решить и саму проблему отыскания заявленного выше смысла русского мира. Но почему вдруг «наставление», вероятно, спросит всякий взыскательный читатель? Обычно романы приятны читателю тем, что соблазняют и развлекают его как сюжетом, так и приятным языковым стилем. Редко случается, что роман еще и нравоучителен. Впрочем, сие нравоучительство, как правило, неудачно (субъективно). По этой причине читатели справедливо и сторонятся его. В данном же случае предпринимается попытка откровенного разговора, как раз и направленного на достижение убедительного для всех без исключения нравоучительного результата, который и может быть получен через показ *внутреннего мира* главного героя и его основных оппонентов. В этом смысле какой-либо альтернативы художественной форме достижения названной выше цели и вовсе не имеется. То есть, узнавая истину о герое, мы либо в конце концов осуждаем его морально, либо все-таки оправдываем, но снова морально. Или третий вывод в данном случае и вовсе невозможен. В свою очередь, автор представляемой работы далек от надежды, что сумел исполнить ее в лучших канонических литературных традициях, понимая свою роль в другом — в получении ясного и по возможности убедительного ответа на поставленный им же вопрос о самой сути фигуры первого русского царя. Именно поэтому в предлагаемом к прочтению *романе-наставлении* читатели, вероятно, и обнаружат весьма заметные заимствования из совершенно

разных источников и произведений, связанных с образом Ивана Грозного. Тем самым автор не стесняется использовать наработки своих многочисленных предшественников и совсем не боится смешения в своем труде различных стилей и жанров, полагая свою заслугу лишь в постановке и решении заявленной им исследовательской проблемы, для снятия которой он и рискует использовать чужие образы в качестве всего лишь необходимых ему специфических красок. Иначе говоря, прибегая к разнообразным художественным средствам, автор романа ищет все-таки истину, а вовсе не удовлетворения чье-либо эстетического чувства. Другими словами, не личные писательские заслуги в глазах читателей беспокоят автора, наоборот, он во имя решения обозначенной им задачи готов «раствориться» лично, а значит, вовсе не претендует на какие-либо писательские лавры. Или использованные в романе художественные и иные наработки предшественников автора, в его замысле, должны сообщить произведению дополнительно лишь искомую убедительность. С другой стороны, сами использованные художественные образы, максимально приближенные к человеческой природе по причине их обобщенного происхождения, видимо, и смогут уточнить некоторые важные детали искомой истины. И еще. Перечитывая многие работы, посвященные первому русскому царю, автор настоящего романа никак не мог освободиться от одной мысли, что практически все историки и писатели, располагая во многом одними и теми же фактами, изобразили Ивана Грозного каждый на свой лад. Причем никто из них так и не смог передать сам *державный дух* своего героя, превращая его каждый раз безотчетно лишь в свое личное и вполне уязвимое представление о нем, вытекающее из недр натуры или характера самого конкретного автора. Поэтому роман-наставление как раз и призван восполнить нехватку самого державного духа *главного* русского царя, так и остающегося в веках донныне фактически недоступным читающей публике. Впрочем, все это лишь авторские надежды, судьба которых все равно полностью остается во власти читателя.

Уже более пяти столетий русский мир пытается осознать смыслы правления своего первого царя — Иоанна Васильевича Грозного. Казалось бы, все уже узно и понято. Однако ни в каких опубликованных на сегодняшний день оценках честный ум и честное русское сердце не находят полного удовлетворения и успокоения. Вопрос: почему так? Ответа как не было, так нет и поныне! Разве можно не признать очевидного величия и такого же по масштабу греха этого лица? Разве можно сравнить с ним какого-либо правителя нашего Отечества по степени личной набожности и по степени же личной жестокости? Разве способен признать кто-нибудь подобное царство в принципе возможным в действительности, ведь оно, по скудной логике обывателя, должно было разрушиться изначально хотя бы по причине очевидного душевного недуга его главы? Иначе говоря,

никто из либеральных экспертов так и не находит внятного объяснения почти 40-летнему стоянию, почти 50-процентному приросту населения и трехкратному территориальному умножению царства Иоанна Грозного, которое впоследствии, при фактически демократических правителях — царях Федоре и Борисе Годунове, заметно шатается и рушится. Именно по этой причине так и неявленного русскому миру ключевого смысла автор настоящего романа и решился «взяться за перо». И еще небольшое добавление к сказанному выше. Ныне, в начале XXI века, в России очевидно царит новоявленное самозванное боярство, устанавливая для себя любые самые немыслимые преференции. Оно царит совершенно отчаянно или как никогда в истории нашего Отечества бесстыдно и подло, обдирая русскую страну как липку, сдавая ее фактически ко всему прочему еще и в аренду инородцам. Обобщая, заметим, что демократия в России сегодня реализована абсолютно. Другими словами, практически все беззащитные проходимцы ныне получили право на *беспредельное* бесчинство, понимаемое сегодня лишь как умение вести *большой* бизнес. Хорошо ли это для народа России? Вряд ли. Именно поэтому прояснение подлинной роли Ивана Грозного в истории столь важно. Иначе говоря, нет ничего более существенного для спасения нашей страны, как решение этой наисложнейшей задачи. Но почему Грозный был уместнее для России любого иного правителя своей эпохи? Да потому, что он, во-первых, был просто рожден таковым, а во-вторых, он был прочно защищен личной небывалой в княжеской (боярской) среде периода его царствования православной христианской верой и гарантировавшей ему верность собственных государственных решений для дела сохранения самого будущего православного царства. Кстати, именно личное маловерие или суеверие Николая II и привело уже Российскую империю к краху, или явная нехватка у последнего царя упомянутой выше православной веры и привела Россию в конце концов к катастрофе именно по причине, собственно, неправославного лукавого управления страной, выразившегося в страстной погоне за выгодой во всех ее видах и формах. Или так и не овладев твердой верой в Бога, последний самодержец всероссийский «бросился во все тяжкие», легкомысленно посчитав доступное ему суеверное правление вполне возможным замещением правления пламенной православной веры, выразившееся в приближении ко двору религиозного авантюриста Г. Е. Распутина.

С самых первых дней своей непростой жизни будущий царь всея Руси столкнулся с очень неприятными реалиями жизни русских верхов — родовитого боярства. Трудно было найти более подлых и более амбициозных людей в то сложное время формирования будущей великой страны. Вот в таком жутком окружении и складывался будущий владыка всего русского мира. Как мог будущий царь овладеть им вполне? Разве гуманное умиротворение боярских страстей и разумность справедливого правления

могли бы сколь-нибудь урезонить этих нечестных и очень коварных людей? Кроме того, разве православная вера как оселок всего мира Древней Руси не обязывала своего царя стать выше всяческих земных оценок человеческой жизни? Только превзойдя в лютоści каждого из бояр и всех их вместе взятых первый русский царь мог стать несомненным авторитетом для этих в целом совсем неправедных людей, всякое иное правление имело бы в себе самом очевидную проблему — проблему нескончаемой борьбы за центральную власть. Другими словами, тогда ничто на свете кроме непосредственной абсолютизации греха, возведения его в ранг единственно возможного жуткого лекарства, кроме доведения его до самых фантастических или поистине адовых размеров не могло бы урезонить окружавших русского царя лиц, способных на любую подлость и жестокость во имя собственных самолюбивых похотений. Всякий клин частного греха тогда выбивался решительно одним могучим державным клином, вызывавшим неотвратимо неподдельный ужас у всякого борца за личный интерес. Или сокрушающее действие «царева греха» буквально парализовывало всех и всякого, вызывая тотальную оторопь, намертво блокирующую одурачивающий русский блуд. То есть будущий русский царь должен был буквально раздавить всякую попытку лишь даже помышления об умалении его божественных прав. Или ничто тогда в жизни страны не имело такого решительного значения, как только утверждение царского практически абсолютного полновластия. И никакие особые заслуги и полученные ранее привилегии конкретных лиц в окружении царя никак не могли служить им надежной защитой или броней. Иначе говоря, именно решению этой наиважнейшей задачи приносилось в ту эпоху в жертву буквально все остальное вместе взятое. Лишь неукротимая ярость царя могла тогда стать твердыней или основой будущего всего русского мира. Да, густой «замес» сей имел в себе самом очевидную проблему — проблему грядущего крайне противоречивого исторического пути нашего Отечества. Но по-другому в тех условиях ничего путного быть-то и не могло вовсе. Иными словами, совокупный нрав русских верхов никак не был бы укрощен или он обязательно дал о себе знать новым витком жутчайшей и смертельной для страны междоусобицы. Новому царю следовало тогда принести смыслу или понятию русского царства в жертву все остальное, могущее само по себе как умаляться, так и множиться по историческому случаю. Конечно, русский человек изначально много талантлив, и многие бояре тех суровых лет также могли вполне занять место повелителя русского мира. Кроме того, они же лукаво или безотчетно, но фактически все без исключения пытались «овладеть царем», сделать его послушным инструментом в своих иногда даже внешне благочестивых руках. Однако уже в части подлинной или не ритуальной крепости веры православной значительного таланта всем этим претендентам на престол

явно недоставало. И потом, сам генеральный смысл этой веры укладывался и укладывается и донныне в то, что русскому человеку уготовано быть «не от мира сего», а значит, всякое привязывание его души к миру сему есть *грех воистину непростительный*. Впрочем, речь не идет о том, что русские люди должны сесть на хлеб и воду. Речь идет о том, что русские люди во главу угла своей жизни должны ставить смысл веры в Троицу, а значит, смысл соответствующего молитвенного подвига, как раз и направленного на стяжание даров Духа Святого или на спасение собственной души. Возвращаясь к самодержцу, скажем еще и то, что потрясло и продолжает потрясать и сегодня многие непрочные умы и многие впечатлительные души: *царь Иоанн Грозный — запредельная гроза для всех русских элит и всех последующих вслед ему времен*. Мог ли кто-то тогда из его слуг сохранить себя от царского гнева? Видимо, только лично предельно праведный человек и к тому же предельно послушный слуга мог рассчитывать на это. Были ли таковые в окружении царя? Несомненно, что подобные лица, включая церковных иерархов, вряд ли имелись. Именно поэтому никто из слуг царя не мог чувствовать себя в полной личной безопасности. Но был ли сам великий владыка во всем себя понимающим лицом? Отнюдь, он им не был. Был ли он своего рода жертвой великому делу грядущей России? Несомненно, он был еще и ею. Имелись ли для русского царства издержки от такого положения дел? Непременно имелись, причем весьма и весьма чувствительные. Но все равно они все-таки перевешивались главным делом — делом слома любых или малейших поползновений со стороны родовитого боярства и церковных иерархов, всегда явно и более тайно претендовавших на соуправление с царем во всех важных государственных вопросах. Казалось бы, неопытному царю следовало пойти навстречу этим естественным настроениям. Но Иоанн Васильевич в конце концов избрал иное — полное самодержавие, переходящее порой в совершенно отчаянное самовластье. Впрочем, закваска сия не пропала в веках, и она еще послужит как русскому, так и всему остальному миру.

В конце настоящего вступительного слова уместным будет также короткий ответ всем сторонникам лютой либеральной ненависти к первому русскому царю, подробно представленной в книге Н. Евреинова «История телесных наказаний в России» (М.: КНИГОВЕК, 2010). Так, упомянутый автор в числе прочего пишет: «Сладострастие Грозного равнялось его жестокости. Зачастую хватали женщин в домах и отвозили во дворец, где царь со своим другом Басмановым и другими надругивались над пленницами, а изнасиловав их и задушив, развозили трупы по домам, причем вешали их над столами, за которыми мужья и родственники несчастных обедали. Во время разгрома Немецкой слободы над бедными немками творили нечто ужасное: их вытаскивали за волосы на мороз, обнажали,

зверски били кнутом. Одерборн, например, дает следующее описание разрушения немецкого пригорода Москвы: “Молодые девушки насильовались и умерщвлялись на глазах Иоанна, который сам принимал участие в избивении, прокалывая жертвы своим охотничьим копьем. Многих женщин секли до крови; им вырывали ногти, а когда они Христом-Богом просили о пощаде, чудовище приказывало вырывать им языки. Наконец, их убивали, вонзая в их тела раскаленные докрасна копья”». И еще много, много подобного жутчайшего описания. Как относиться к подобным рассказам? Ведь лишь по тому, как они преподносятся современному читателю, уже можно заключить, что первый русский царь был абсолютно психически нездоровым человеком и сколь-нибудь управлять Русью он был не способен, тогда как по факту он крепко управлял державою, которую сам же и создал. Вот и выходит, что кто-то очень путается в показаниях о русском царе, полагая, что наивные читатели, забывая об элементарной логике, все примут за правду. И в самом деле, ежели описанные выше истязания не выдуманы, то и смысл в них также был. А каков он? Об этом лютые либералы говорить и вовсе не желают, полагая, что это и не важно совсем. Если же помянутые истязания имели своей причиной только душевный недуг царя, то и тогда ничего не получается. Ведь в таком случае царь был просто невменяемым лицом, которое не удержалось бы на троне сколь-нибудь продолжительное время. Вот и выходит, что истязания без причины все равно не бывает, а причина находится либо в области разумного начала, либо в области безумия. Поэтому, видимо, ниже к месту будут и мудрые слова В. Г. Белинского:

«Это была сильная натура, которая требовала себе великого развития для великого подвига; но как условия тогдашнего полуазиатского быта и внешние обстоятельства отказали ей даже в каком-нибудь развитии, оставив ее при естественной силе и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать действительность — то эта сильная натура, этот великий дух поневоле исказились и нашли свой выход, свою отраду только в безумном мщении этой ненавистной и враждебной им действительности... Тирания Иоанна Грозного имеет глубокое значение, и потому она возбуждает к нему скорее сожаление как к падшему духу неба, чем ненависть и отвращение как к мучителю... Может быть, это был своего рода великий человек, но только не вовремя, слишком рано явившийся России — пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дел в мире; может быть, в нем бессознательно кипели все силы для изменения ужасной действительности, среди которой он так безвременно явился, которая не победила, но разбила его и которой он так страшно мстил всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого в болезненной и бессознательной ярости... Вот почему из всех жертв его свирепства он сам наиболее заслуживает соболезнования; вот почему его колоссаль-

ная фигура, с бледным лицом и впалыми сверкающими очами, с головы до ног облита таким страшным величием, нестерпимым блеском такой ужасающей поэзии...»

И еще. Работая над темой первого русского царя, автор предлагаемого на него взгляда в некоторых главах активно прибегает к историческим примечаниям. Для чего он их вводит в текст настоящей работы? С одной стороны, автор предлагает читателям романа самостоятельно и оперативно сопоставить изложенное в художественном виде с давно известными историческими фактами, с другой — задуматься уже над их достоверностью. Как так, ведь факты на то и факты, чтобы на них опираться? Только вот таковых (фактических документов) в чистом виде ныне насчитывается лишь семь. Все эти документы представляют собой послания Ивана Грозного адресатам вовне России. Кстати, два из них как раз и помещены в предпоследней и последней главах. Так вот, все основные сведения об Иване IV нами, к сожалению, получены из рук враждебно настроенных к нему иностранцев, к тому же авантюристов по складу своей натуры. В дальнейшем они и легли в основу исторического повествования Н. М. Карамзина, который ненавидел Грозного и в последнем странствовал свой взгляд многим своим последователям. Стоит ли доверять им всем безоговорочно? Вряд ли. Однако, как известно из личного опыта многим людям, наши враги часто подмечают то, что мы так или иначе пытаемся скрывать от окружающих. То есть их пристрастность помогает иногда видеть некоторые детали весьма и весьма подробно. Другое дело, что за деталями часто исчезает целое, пропадает даже его общий смысл. Поэтому-то работа по сопоставлению деталей и подходов к их оценке может иметь важное значение для постижения искомой истины. Кроме того, приводимые в некоторых главах исторические примечания призваны также восполнить отсутствующие сведения, помогающие лучше понять описываемые в романе события.

Завершая своеобразное предисловие к роману-наставлению, его автор хотел еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что никакие факты русской истории вне понимания совокупного духа их подлинных причин никогда и никому не позволят всерьез познать и ее саму. Иначе говоря, русская история — это прежде всего религиозное явление, общий смысл которого открывается лишь верующему исследователю. Или она есть поле борьбы, с одной стороны, всех сил веры Христовой, с другой — всех остальных, являющихся объективно богоборческими. В ряды последних входят все мыслимые еретики (отступники), иноверцы (включая язычников), атеисты (так называемые светские или масонские круги). И скорбный удел всех богоборческих историков — это нескончаемый спор вокруг многочисленных и неодолимых вне веры в Бога ее странных противоречий.

За службу верную и мудрую слуги волю у царя отняли!

А он им за то — участь горькую учинил...

Помни всяк о том, и не умничай наперед без наказа строгого — царского.

Глава 1

Речи митрополита Макария и мрачные позывы царской натуры

Иван смотрел вперед, но никого и ничего не видел. Его взор был направлен в глубь самого себя. Там, в самых укромных тайниках его памяти, ему открывался целый мир воспоминаний, в котором, как по заказу, являлись давно позабытые картины сиротского детства. Так, он вдруг буквально увидел свой собственный страх, что его вот-вот убьют. Ему даже показалось, что он точно обречен на смерть, но благодаря какому-то невозможному чуду о нем неожиданно забывают те, кто оспаривает друг у друга власть и его царство. Сколько их? Всех не перечесать. Среди них практически нет никого, кто бы встал на пути творившихся тогда бесчинств. Бельские, Шуйские, Глинские попеременно берут верх и — горе их противникам: ничто не остановит прямо-таки бешенство и невероятную злобу ухвативших власть, которые огромными волнами накатывают на врагов, вдруг оказавшихся в слабости жертв. Вот вооруженные лица преследуют до спальни великого князя, где вроде бы можно укрыться, митрополита Иосафа. Побитый камнями, оплеванный, в рваной одежде, Иосаф молит о защите юного князя, который, лежа в постели, сам дрожит за свою жизнь и не произносит ни слова. Стража уводит митрополита. Разве это люди? Разве им можно доверять? И почему они такие? Чего им не хватает? Что в них такого, что буквально толкает их в нарочитый срам, что превращает их практически в нехристь? Неужели ради обладания правом господина они готовы удушить весь мир? Неужели им не взять в разум, что только природный царь есть царь подлинный, что только для него интересы царства есть и его личные интересы, что даже сама вера в помазанника божьего совсем недалеко отстоит и от веры в Господа нашего Иисуса Христа, а значит, умаляя первую, непременно умалишь и другую? Как не понять, что только подчинение царю непререкаемо, а значит, и вполне истинно, или лишь оное выше всякого искреннего подчинения даже личному разумению правды или государственных интересов, которое по слабости человеческой натуры всегда уязвимо? Неужели они всерьез хотят править на Руси только голосованием самоизбранных, всегда корысть личную или групповую ищущих? Неужели они не могут сообразить, что в православном царстве не только обильные земли, воды и многие холопы желанны? *Разве им неведомо, что подлинные христиане «не от мира сего», так как ищут не своего (мирского), но горнего (божьего)?*

И что же это за несчастный народ, в котором непрестанно распоряжаются такие горе-поводыри, всякий раз ловко убегающие ответственности как за содеянное, так и за несодеянное по своему властному положению? К тому же никак не могущие взять в толк, что подлинная ответственность господ всегда и много выше ответственности слуг. Откуда в этом народе могучая нелюбовь людей к себе подобным, хоть чуть преуспевшим лично, рождающая к тому же такую необыкновенно алчную и запредельно подлую аристократию? Откуда в нем же самом лень и какая-то фатальная бестолковость в упреждении вполне возможных и даже уже всем очевидных бедствий и напастей? И наконец, как же надо править таким странным народом, чтобы удерживать его бытие и давать ему же шанс на будущее? Возможно ли добром его научить, или он создан Господом лишь для особой — злой учебы, в которой только непрерывные беды и страдания ведут к благу? Впрочем, вот и она — первая яркая попытка обрести достоинство природного господина. Звучит сам собою приказ Ивана о показательном наказании Андрея Шуйского, которого живьем загрызают охотничьи собаки. Следом вершится казнь уже друга отроческого — Федора Воронцова, возмнившего себя наставником будущего царя. Но была ли вина этого человека вполне? Не было ли тогда избытка в наказании? Тут же всплыл когда-то прозвучавший судьбоносный диалог будущего царя с митрополитом Макарием, как бы только ждавший подходящего предлога для себя:

— Все ли ты рассказал мне? — спросил Макарий.

— Все как есть, — ответил Иван.

— Стало быть, в виновности Воронцова не уверен?

— Не знаю, Федор простил меня, на плахе простил, но я сам себе простить не могу.

— И не прощай, государь. Федор простил, люди простят, а ты себя не прощай. Виноват был Федор — ему перед Богом ответ держать, а не виноват если, ну что ж, тогда Бог простит тебя, ежели жизнь свою подвигу во имя Господа посвятишь.

— Как же?

— Ведаешь ли ты, что в твоих жилах течет кровь великого кесаря Августа? Ибо Рюриковичи прямые их потомки, прапрапрабабка твоя — сестра византийских императоров — бабка Софья Палеолог — племянница последнего из них. То бишь в роду московских князей и в тебе тоже соединились два Рима — Рим кесаря и Византия. Но погиб Рим, пала под турецким игом Византия, но есть, есть град Москва — третий Рим! И последний, ты сбережь его должен!

— Но мне еще и 17 не исполнилось, а уже третий Рим на себя взваливать, не вынесу я ношу такую, не готов!

— Стало быть, и дальше в пустых забавах жизнь проводить станешь, а державу по ветрупустишь? Византия нам огонь веры передала, мы последние ее свет храним, а царь — это же как верховный игумен. Есть

он, и православному люду спокойно. Пойми, великий князь, не о тебе сейчас речь, о христианстве, каким сохраняли его апостолы-мученики, святые люди. Самый простой человек, самый последний может быть свободен, потому что только сам за себя ответственность перед Богом несет, а ты, ты в ответе за весь народ, за чистоту паствы, тебе вверенной. За каждую душу и камень в душе твоей, дабы укрепить тебя. Пойми, государь, без монарха русскому государству не быть! И отец твой, и дед твой о том помышляли потому, что мы наследователи греческого православия, которое ныне Византией предано под давлением османского ига. А коли Русь наследница греческой веры, ей и пристало иметь и царя, и блюстителя вселенской церкви. Убедил ли я тебя, великий князь?..

А вот в памяти сцены визита осенью 1546 года в Псков и Новгород в компании младшего брата Юрия, когда они «христианам много протор и волокиты учинили», когда он самолично ночью вывозит древнюю, сокровенную казну из стены Софийского собора в Новгороде. Далее жалобщики псковские в коломенском сельце Островке. Иван недоволен тем, что его обеспокоили, чинили доuku «на прохлад поездити потешитися». Он «опалился на псковичь, их бесчестовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы да свечью зажигал и повелел их покласти нагих на земли». Неужели толпа своим количеством полагала всерьез напугать своего государя и добиться от него своего? Разве он владыка тогда, когда его волю ломают количеством? Отвечая на эти поползновения на свою волю, юный владыка в ответ демонстрировал своим подданным свой некротимый нрав, вызывавший у них оторопь.

Следом в памяти Ивана всплывают совсем другие картины. При свечах великий князь погружен в чтение Библии, житий святых, сочинений Иоанна Златоуста, хроник Нестора. Пророчества Апокалипсиса в его мыслях переплетаются с древними славянскими легендами. Митрополит Макарий помогает ему в Законе Божьем и в изучении истории отечества. Иван узнает о нештучном прошлом всей Московской земли и церковных таинствах. Приобщаясь к своим корням, оба чувствуют душевный подъем. Как будто вновь зазвучали слова мудреные. Но сначала вопрос Макария:

— Жизнь свою подвигу во имя Господа посвятишь ли?

Затем снова незабываемые слова старца:

— Рим кесаря и Византия пред нами, а Византия нам последним огонь веры передала. Поэтому не о тебе, великий князь, сейчас речь, она о христианстве. Ты в ответе за весь народ! Но без монарха русскому государству впредь не бывать. А если Русь наследница веры православной, то и участь ее — царская, самодержавная. Царь же — это вершина снежной горы. И зимой и летом одним светом всем светит. Так и ты: и своими речами, и своими делами должен этим светом быть...

Но в чем же она — вера православная? Почему она лучше иных вер, ведь без твердых ответов на эти непростые вопросы нельзя же всерьез

и стоять за нее? Пришлось ей как много и совсем непросто учиться как самой вере православной, так и пониманию ее непреходящей правоты. Хорошо, что учитель Макарий был много крепок в ней, чувствовал ее душой, понимал ясно и до конца всем разумением своим. Многие ереси сразу же были названы и растолкованы будущему царю до последних мелочей. Главная в них — «ересь Жидовствующих» особенно запала в юную душу. Именно в ней воплотилось совсем густо все антихристианское: сторонники ереси отрицали монашество и духовную иерархию, отвергали поклонение иконам и ругались над последними, не верили в таинство причащения, отрицали троичность Божества и божественность Христа; некоторые шли еще дальше в просветительском направлении, отказываясь признавать бессмертие человеческой души. Впрочем, сами жида не играли, кажется, в этом учении особенно видной роли. Однако разве не они своим очевидно антихристианским образом жизни указывают на свою сакральную вину перед ним? И потом, не сама ли верхушка иудеев, имевшая своим отцом дьявола как лжеца и отца лжи (слова Иисуса Христа), руками недалеких римлян распяла Богочеловека? В существе же своем ересь Жидовствующих — это очень яркое отражение на русской почве того религиозного брожения, какое уже происходит в Западной Европе, выражаясь, между прочим, в создании ряда рационалистических или вполне безбожных учений, яростно обожеествлявших ум человеческий. Именно поэтому задача военной борьбы за Ливонию столь насущна. Без нее сама будущность веры православной так и останется под вопросом. Как не разумеют этого мои соратники? Кроме того, на деле все без исключения радетели и носители ереси Жидовствующих так или иначе ищут себе лишь личной славы и богатства. Вот в чем их суть. Именно поэтому они нагло возгласили «великое равенство в праведности», якобы дающей всякому спасение. Тогда как вовсе не праведность, а только твердая вера в Господа нашего Иисуса Христа и жаркая любовь к Нему же есть подлинное благо всякого христианина. Ведь вовсе не праведность открывает человеку царствие Небесное. Оно для него лишь результат Божьей милости.

Со временем Ивану стало понятным, что нет нигде подлинного христианства вне православия, что только оно сохранило самую его основу, что все иные христианские верования много блудят, а значит, и предают его на манер Иуды, предавшего Господа Иисуса Христа. Именно тогда появилась у него непреходящая уверенность, что названное дело веры православной как истинно христианской есть самое важное в жизни русского царства. Все так или иначе в нем должно быть направлено на ее укрепление. В противном случае ничего не свято и всем без разбора можно жертвовать во имя собственных похотей и прихотей. Тогда ничего не устоит и ничего не жаль... Но следует ли вообще сдерживать самого себя в мерзости и даст ли сие воздержание пользу царскому правлению?

Неужели царь-праведник сумеет управлять этими ненасытными в пакости и мерзости людьми? Совсем нет, только непреходящий ужас скорой и жуткой расправы остановит и урезонит их, ведь другой язык им просто неведом. Они все без исключения должны наконец усвоить, что как ересь умственная (богословская), так и ересь житейская (поведенческая) ведут их непременно к наказанию мучительной смертью. Да будет так!

Глава 2

Обретение царского звания и царская женитьба

На семнадцатом году жизни, 13 декабря 1546 года, Иван объявил митрополиту, что хочет жениться. На другой день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже опальных, и со всеми отправился к великому князю. Иван сказал Макарию:

— Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль оставил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал; если приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет; поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит по твоему благословлению.

Митрополит и бояре заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем уж ни с кем не советуется. Но молодой Иван тут же удивил их еще другою речью:

— По благословлению отца митрополита и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители цари и великие князья, и сродник наш Владимир Всеволодович Мономах на царствие и на великое княжение садились; и я так же этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть.

Бояре обрадовались, хотя некоторые и не очень, тому, что шестнадцатилетний великий князь пожелал принять титул, который не решались принять ни отец, ни дед его, — титул царя. В январе 1547 года совершено было *царское* венчание, подобное венчанию Дмитрия-внука при Иване III. В невесты же царю выбрали Анастасию, дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Свойства Анастасии были таковы: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благодать, не говоря уже о красоте, соединенные с основательным умом. Как же все это было в подробностях?

Знаток писали и рассказывали, что Мономах, умирая, отдал царскую утварь шестому сыну своему, а именно Георгию. Он также велел хранить ее как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления, доколе Бог не умилостивится над бедною Россиею и не воздвигнет в ней истинного самодержца, достойного украситься знаками могущества. Сие предание вошло

в летописи XVI века, когда Россия действительно увидела самодержца на троне, и Греция, издыхая в бедствии, отказала нам величие своих царей.

16 января 1547 года Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все бояре, а воеводы, князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник государев, благовещенский протоиерей, взяв из рук Иоанновых на золотом блюде Животворящий Крест, венец и бармы, отнес их (провожаемый конюшим, князем Михайлом Глинским, казначеями и дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и великий князь, перед ним духовник с крестом и святою водою, кропя людей по обеим сторонам. За ним князь Юрий Васильевич, бояре, князья и весь двор. Вступив в церковь, государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие. Святитель (митрополит) Макарий Московский благословил его. Служили молебн. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые золотыми наволоками; в ногах лежали бархаты и камки: там сели государь и митрополит. Перед амвоном стоял богато украшенный налож с царскою утварью: архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего христианского Давида силою Святого Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и милостивое око для послушных. Обряд заключился возглашением нового многолетия государю. Приняв поздравления от духовенства, вельмож, граждан, Иоанн слушал литургию, потом возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Васильевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *царское* место. Всякий хотел иметь хоть лоскут наволоки на память великого дня для России.

16 февраля 1547 года семнадцатилетний Иоанн Васильевич женился на Анастасии Захарьиной. Род Захарьиных был не из знатных, но Анастасия пленила царя своей красотой и, главное, своей мягкой женственностью. Иоанн узнал женщин с тринадцатилетнего возраста. Бояре, стремясь отвлечь его от дел правления, наперерыв устраивали ему любовные связи. Среди бояр об Иоанне сложилось мнение, что он любит бойких, страстных женщин. И вот среди претенденток на вакантное место царицы прямо перед молодым царем стоит целый строй победивших в предварительном отборе девиц. Среди них оказались как высокие и статные, так и дородные (богатые телом) образцы самой русской красоты. Тут же были аккуратно и компактно сложенные молодые женщины, с любопытством и надеждою взглядывавшие на нового владыку Руси. Он неспешно прошелся вдоль каждой, неожиданно и одновременно игриво вступая в общение почти со всеми. Затем вдруг как бы невзначай Иоанн зашел к стоявшим женщинам с задней стороны и стал выглядывать между ними,

нашептывая при этом некоторым из них какие-то слова, вызывавшие невольные смешки как у женщин, так и у собравшихся на смотр невест ближних бояр. После завершения обхода пришедших во дворец женщин царь внезапно попросил крайнюю слева, как раз и оказавшуюся Анастасией, подойти к нему. В этот момент он сам уже успел подойти к своему царственному месту и ожидал приглашенную, стоя перед ним. Анастасия подошла к царю, не поднимая при этом своей головы.

— Значит, замуж за меня хочешь? — спросил Иоанн.

Анастасия ничего не ответила.

— Немая! — смеясь, воскликнул царь. — Как зовут-то?

— Анастасией, государь, дочь покойного окольного Романа Юрьевича Захарьина! — ответил за девицу помощник царя, отвечавший за церемонию.

— Кто ж тебя воспитывал-то?

— Вдова матушка, да братья старшие Григорий, Даниил и Никита Романовы, — сказала будущая царица.

— Взор-то подыми!

Анастасия подняла лицо и взглянула внимательно в глаза Иоанна.

— Ты что, душу греешь?

— Сумагоха у тебя там да смятение, государь.

— Знаешь, как покой обрести?

— Молитвой, тоска сама собой и развяжется.

— А ежели не уляжется?

— Я за тебя, государь, молиться стану.

— Ты что ж, пожалела меня что ли?.. Готовьте ее к венчанию. Остальных угостить, одарить и по домам развести.

Тут же после невольного возгласа отверженных невест раздалось сначала сдержанное их рыдание, затем стремительно перешедшее в совсем уж отчаянное, что, впрочем, никак не заинтересовало молодого самодержца, который тут же вышел в дверь, ведущую во внутренние покои дворца.

Спустя полчаса царю доложили, что княгиня Старицкая с сыном князем Владимиром готовы предстать пред его очи.

— Княгиня, брат Владимир, — возгласил Иван, увидев входящих, — вырос-то как, и не узнать, держи, — сказал и снял он с пальца своей правой руки перстень, который тут же и надел на палец правой же руки своего брата. Владимир с подчеркнутой покорностью ответил целованием руки Ивана.

— Все эти годы помним, как ты нас из заточения вызволил. Каждый день молимся о благополучии твоём, — заметила княгиня.

— Моя мать заточила тебя, боялась, что ты угрозою мне станешь, за мужа мстить будешь. Но я вижу — зла не удержишь, раз согласилась стать посаженной матерью мне, сироте.

— То великая честь для нас, — ответила сухо княгиня.

И вот в Успенском соборе при торжественном стечении московского духовенства, бояр и прочих достойных людей послышался величественный голос митрополита Макария:

— Венчается раб божий Иоанн рабе божией Анастасии.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь...

— Венчается раба божия Анастасия рабу божиему Иоанну.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь...

По очереди Иоанн и Анастасия поцеловали венчальные короны, которые митрополит поочередно водрузил на их головы. В этот самый момент князь Юрий Глинский вдруг увидел глаза княгини Старицкой и поразился их совсем неживому выражению. Тогда как одновременно с этим митрополит Макарий, обернувшись к лику Христа, произносил такие слова:

— Господи, Божий наш, славою и честью венчай-йя!

Прервавшись, митрополит окрестил двумя руками молодых. Затем он снова повернулся спиной к Иоанну и Анастасии и повторил прежнее изречение. Обернувшись опять, он продолжил говорить:

— Несть таинством церкви соединены вы навеки. Да поклоняйтесь вместе Всевышнему и да живите в благодетели, а благодетель ваша — правда и милость. Государь, люби и чти жену свою, а ты, христоролюбивая царица, повинуйся ему. Как Христос — глава церкви, так и муж — глава жены.

Ровно по окончании последних слов митрополита раздался удар большого колокола Успенского собора, за которым уже последовал хор остальных.

Глава 3

Сильвестр и Адашев —

первые учителя царя на поприще государственном

Сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел.

Иоанн Грозный (о правлении Адашева и Сильвестра)

В день воскресный после апрельского поразительного пожара Москвы 1547 года, после обедни, царь Иоанн Васильевич вышел из Кремля в сопровождении духовенства, с крестами, с боярами, с дружиною воинской, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен, Иоанн обратился к митрополиту и сказал:

— Святый владыко! Знаю усердие твое в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели о мне: хотели быть

самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали что хотели, злые крамольники, судии несправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилось? Я чист от сия крови! А вы ждите суда небесного!..

Тут государь поклонился на все стороны и продолжил:

— Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю нашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет; оставьте ненависть, вражду; соединим-ся все любовью христианскою. Отныне я судия ваш и защитник.

В тот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот, обиженных и сказал ему торжественно:

— Алексей! Ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клеветает на богатого!

В самом начале помянутого ранее пожара Москвы, когда юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная царица Анастасия молилась слезно, явился удивительный муж, именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новгорода. Названный странник приблизился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою царя легкомысленного и злострасного; что огонь небесный испепелил Москву; что сила Вышнего волнует народ и лиет фиял гнева в сердца людей. Иоанн вдруг сделался кротким человеком; обливаясь слезами раскаяния за легкомысленные поступки, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и принял оную. Смиранный иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с названным выше любимцем Иоанна Алексеем Федоровичем Адашевым.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Священник Благовещенского собора в Кремле Сильвестр и царский постельничий (государев дворовый чин) Алексей Федорович Адашев были крупнейшими государственными деятелями времен Избранной рады.

Сильвестр приобрел огромное влияние на молодого Ивана IV, указав тому на его пороки и на путь к их исправлению в критический, страшный для царя час — во время московского восстания в 1547 году. Сильвестр имел в правитель-

стве высокий авторитет. Он влиял как на государственные дела, так и на личную жизнь самого государя «во всех малых и ничтожных вещах, до обувания и до спанья» (так писал позднее сам Иван IV). Некоторые историки связывают с именем Сильвестра появление книгопечатания в Москве, предполагая, что у него в доме в 50-е годы XVI века была организована первая московская книгопечатня. Во всяком случае, точно известно, что Сильвестр создал редкое в те времена начальное училище, а в доме его работали иконописная и книгописная мастерские. Он же считается автором и по сей день хорошо известного сочинения «Домострой», содержащего наставления Сильвестра, обращенные к его сыну. Эти наставления касаются семейной жизни, ведения хозяйства, религиозных и нравственных проблем. «Домострой» в наши дни рассматривается историками в качестве настоящей энциклопедии семейных порядков и быта XVI столетия. Однако известны также обвинения Сильвестра в поддержке еретика Матвея Башкина. Как и Сильвестр, Матвей Башкин решительно осуждал рабство, также дав холопам вольную. Вслед за влиятельным старцем Артемием, с которым у Сильвестра тоже были связи, он принимает нестяжательские идеалы, но идет в критике официальной церкви значительно дальше. Возможно, не без влияния распространившегося в это время в Польско-Литовском государстве позднего арианства, он отрицал божественное происхождение Христа, а это было ересью и с точки зрения даже ортодоксального арианства. То есть увлечение нравственной сферой жизни неуемно вело самого Сильвестра в еретическое руло, так как фактически утверждало спасение человека вне Христа.

Алексей Федорович Адашев происходил из провинциального костромского рода дворян Ольговых, не отличавшихся особой знатностью, и выдвинулся благодаря своим исключительным способностям. Одно время он возглавлял Челобитный и Казенный приказы, принял активнейшее участие в подготовке всех крупных реформ времен Избранной рады и получил в свидетельство своих заслуг высокий думный чин окольничего. Адашеву приходилось также выполнять функции дипломата и воеводы. Вместе с тем он, как и Сильвестр, также оказался в стане еретиков по причине своего страстного стремления к воплощению своего собственного понимания блага для России. Алексей Адашев имел самое непосредственное отношение к восточной политике Москвы в военных и дипломатических вопросах. Многие тонкости ее он познал едва ли не с детства, когда его отец выполнял ответственные дипломатические поручения (в поездке к султану в конце 30-х годов с отцом был и сын Алексей). И неудивительно, что он был в числе тех (или возглавлял тех), кто на первый план ставил борьбу с Крымом. Именно расхождение с царем в этом вопросе и привело Адашева в стан еретиков, всегда искавших земных выгод вперед торжества целей духовных или целей православной веры, главными врагами которой и были еретики или всевозможные модернизаторы христианства. Последние же всегда стремились к земной или телесной целесообразности как к главному смыслу человеческой жизни.

Глава 4

Избранная рада и ее ключевые дела

Около 1549 года к власти в Московии пришла новая группировка под названием «Избранная рада». Одним из видных деятелей, стоявших во главе Избранной рады, стал священник Сильвестр, служивший в Благовещенском соборе Московского Кремля. Автор знаменитого «Домостроя»

Сильвестр обращался с поучениями и к царю, обвиняя молодого монарха в «буйстве» и «детских неистовых нравах». Другим деятелем Избранной рады был Алексей Федорович Адашев из рода не слишком знатного, но «доброего», он, несомненно, обладал умом и талантом, был суров и властен, отличался религиозностью и аскетизмом. Возможно, кружок был неофициален и не имел твердого названия.

Как-то, наблюдая за странными действиями с камнями своего глухонемого брата Юрия, Иван сказал Адашеву следующее:

— Как совершенны законы, как просты. Ведь если бы каждый из нас смог возлюбить ближнего так, как Бог любит... Ведь каждый вот тут вот (в сердце) правду чувствует, а творит все так, будто не слышит вовсе.

— У нас чуть не в каждом соборе службу всяк по-своему ведет, да суд свой особый вершит. Где уж тут услышать, — заметил в ответ Алексей.

— Да не мы ли устройство это недеянием своим одобряем?

— Что задумал, государь?

— Великое задумал, Алексей. Дабы устройство земли русской пошло на лад и всем на благо, избрал я себе раду из верных, честных и толковых помощников: святой отец Макарий, благочестивый протопоп Сильвестр, князя Курбский, Пронский, Палецкий, дьяк Висковатый и ты, как я вижу, преданный мне искренне. Совместно подготовим мы новый судебник — вторую после Ярослава Мудрого Русскую правду. В ней во искоренение в судах произвола и взяточничества чиновников строго будет указано избирать во всех городах и властях старост и целовальников, чтобы и они участвовали во всех судах вместе с наместниками. А соцкие и пятидесятники, также избираемые, должны заниматься земскою управою, чтобы сановники царские не могли действовать самовластно, и народ отныне не был бы безгласным. Создадим также мы полки стрелецкие с жалованьем для каждого воина. Главное же будет в том, что соберем великое и постоянное войско. Каждый умелый воин получит от нас поместье.

Ричард Ченслер, английский посланник, о результате помянутого выше начинания русского царя:

«Во всей стране нет ни одного земельного собственника, который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем необходимым. Точно так же, если какой-нибудь дворянин или земельный собственник умирает без мужского потомства, то великий князь немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы с ним выдать замуж дочерей умершего. Точно так же, если зажиточный человек, фермер или собственник состарится или несчастным случаем получит увечье и лишится возможности нести службу великого князя, то другой дворянин, нуждающийся в средствах к жизни, но более годный к службе, идет к великому князю с жалобой, говоря: у вашей милости есть слуга, неспособный нести службу вашего

высочества, но имеющий большие средства; с другой стороны, у вашей милости есть много бедных и неимущих дворян, а мы, нуждающиеся, способны хорошо служить. Ваша милость пусть посмотрит на этого человека и заставит его помочь нуждающимся. Великий князь немедленно посылает расследовать об имении состарившегося. Если расследование подтвердит жалобу, то его призывают к великому князю и говорят ему: «Друг, у тебя много имения, а и государеву службу ты негоден; меньшая часть останется тебе, а большая часть твоего имения обеспечит других, более годных к службе». После этого у него немедленно отбирают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и его жене».

— Тебя, Алексей, жалую в околичьчи, бери под опеку дела челобитные, принимай, разбирай тяжбы от кого бы то ни было. Все рачительно испытывай, доноси мне истину, страшась единственно суда Божия. Ибо желаю я, как дед мой великий Иван III, быть царем правды! — закончил государь.

На следующий день к царю явились главные духовные лица Москвы. Иван, не мешкая, начал словами:

— Отец мой, Макарий, митрополит всея Руси и все архиепископы и епископы, посмотрите же вы строго в свои дома, порученные вам от Бога, чтобы заботились вы о святых, божиих церквях и о честных иконах, и о всяком церковном строении, чтобы по святым церквям звонили и пели по божественному уставу и по священным правилам. А что, однако, видим мы? Кроме божественного устава, многие церковные чины не сполна свершаются и не по священным правилам, и не по уставу! Рассудите же обо всех церковных чинах и составьте указ по божественному уставу и по священным правилам сполна.

— Слова государя нашего да услышаны будут, — возгласил по старшинству митрополит Макарий и продолжил: — Источником наших решений могут стать постановления прежних поместных соборов, писания преподобного Иосифа Волоцкого, митрополитов Петра, Киприана, других...

— Да могут ли духовные отцы, что в тщете да в мирских богатствах славы себе ищут, канон творить? — заметил весьма возмущенно видный церковный подвижник Доминиан.

— Знаю тебя, Доминиан, — среагировал мгновенно митрополит, — всю жизнь ты преподобного Нила Сорского чтить. Вы, нестяжатели, как вас народ зовет, в вашей несуетности, в отказе от богатств мирских, от земель монастырских большое уважение снискали. И последователей у вас много, да только преподобный Иосиф Волоцкий не для себя земель стяжал, а думал о всенародном служении Богу, чтобы святая церковь оплотом была любому христианину, оплотом, да надеждою!

— Известно откуда ветер дует, отец Сильвестр слева то от государя нашептывает, — жарко заметил Макарию один из сторонников Иосифа Волоцкого.

— Ты сначала посмотрел бы что в твоём доме делается, — тут же возразил протопоп и добавил: — В доме, вверенном тебе Богом, грязь, пьянство, разврат, бесчиние. Вечную душу променяли на сытую жизнь. Преподобный Нил Сорский говорил: инок отрицается от мира и от всего, я же в нём есмь!

— Преподобный Нил Сорский у преподобного Иосифа в учениках ходил, али забыл? И учений его последователей не счесть! — уже яростно вступил в перепалку поклонник Волоцкого.

— Да, преподобный Нил, — заговорил снова Доминиан, — сколько раз себя за это казнил? Сказано: отдай рубашку ближнему, не заведи, а отдай! А вы что делаете?

— Рубашку отдай? А прежде, чтоб её отдать, иметь её надобно! Или ты думаешь, что преподобный Иосиф рубашки не дал бы для ближнего своего? Или ты думаешь, что я не дал бы рубашки? На! (Снял свою верхнюю одежду и протянул Доминиану, который невольно взял её.) Возьми, возьми же, покрой свою наготу, дабы каждый христианин наполнился почтением к тебе и ко Господу, которому ты служишь, потому что ты не бродяга, а верный служитель Его, али забыл? В гордыне кротости пребываете вы и все заволжские старцы, в гордыне (резким движением руки к себе разорвал по шву свое же церковное одеяние), — закончил почитатель Волоцкого.

— Вот так, вот так и церковь нашу на части рвете, — вмешался отец Макарий, — о ближнем говорите, а Господа забыли! Да неужто и дальше будем раздоры сеять, не пора ли о мире подумать!

— Да рубаха такая кому нужна? — спросил неожиданно собравшихся архипастырей царь. — Ну зашить её надобно, зашить...

Оказавшись спустя два часа наедине с Адашевым, Иван сказал ему:

— Митрополит, однако, хитрец, одолел-таки духовенство, и все так вышло, как он и хотел. Церковные земли они тронуть не дали. Ничего, не враз разрешим. Это малое, всему свое время. Несогласных многое число, так вы ведь только 37 вопросов затронули, а впереди ещё 32. И на все ответ получен загодя. Теперь нужно разночтения в богослужебных книгах исправить и единые обряды сделать.

— Государь, враги говорят, что ты власти хочешь над церковью святой, — заметил тихо Алексей, — и не Сильвестр тому виной. Земли церковные — сытные государю покоя не дают. Говорят: войско большое собрал, а его кормить и поить нужно.

— Да, войско большое собрал! И кормить, и поить буду, и каждому кусок земли дам! — ответил резко царь.

— А единство в каноне церковном насилием большинство получил и к большому расколу ведёт, — снова стал роптать царский помощник.

— Не приведет. Церковь наша единая будет, — уже спокойно сказал Иван.

— Ну, дай-то Бог, дай-то Бог, — примирительно заметил Адашев.

Некоторое важное отступление, составляющее образ боярский.

Что ни говори, а русский боярин являл собою зрелище величественное и примечательное. Худеньких среди них было мало — считалось, что кому-кому, а уж боярину «для чести» необходимы длинная борода и солидный живот.

Боярин одевается... Шаровары из дорогой иноземной ткани, сорочка из лучшего тончайшего полотна, подпоясанная дорогим кушаком. Поверх нее длинный кафтан, чаще всего из золотистой парчи и с пристегжным воротником — «kozyрем», обильно расшитым жемчугом и драгоценными камнями. Поверх кафтана — неважно, зимой дело происходит или летом — дорогушая шуба до пят, подбитая и отороченная лучшими мехами, с широченным воротником пониже лопаток. Воротник этот частенько застегивался массивной золотой застежкой с самоцветами. На голову надевалась сначала расшитая золотом шапочка-мурмолка наподобие еврейской ермолки (названия к тому же подозрительно схожи), а уж на нее — высокая меховая шапка, именовавшаяся «горлатной», высотой чуть ли не в метр. Сапоги из мягкого сафьяна, расшитые жемчугом. Драгоценный, из золота с самоцветами пояс, перстни, нагрудные цепи, а то и браслеты — «запастья». Сабли, как правило, нет, она надевается только в военных походах — зато уж за голенищем сапога непременно «засапожный» нож, штука серьезная.

Во всем этом великолепии особенно не разбежишься — но боярин как раз и обязан выступать медленно, плавно, с достоинством (бегают холопы, посланные с поручением). К тому же ради пущей чести нашего героя ведут под руки прислужники.

Выходит он на улицу, с помощью дюжины рук влезает на лошадь — ей опять-таки полагается быть дородной. Седло — из заграничного сафьяна или бархата, в любом случае расшито золотом сверх меры. Лоб коня украшен золотой или, по бедности, серебряной бляхой с эмалью и самоцветами — но серебра избегают, чтоб достоинства своего не ронять...

На шею коня науз — здоровенная кисть из золотых, серебряных и жемчужных нитей. Сбруя увешана бубенцами (желательно опять-таки из благородных металлов), а также волчьими, лисьими и куньими хвостами...

Тронулись! На коне полагается ехать ша-а-гом, с величайшей степенностью, быстро скачут только люди подневольные, вынужденные торопиться по чужому повелению, а нам приказать редко кто может, даже государь лишь просит...

Длиннющая борода расчесана, заплетена в косички, украшена лентами и всевозможными драгоценными подвесками. А едет наш герой, боже упаси, не в одиночестве, а в сопровождении немалой свиты, число которой может переваливать за сотню. Если дело происходит зимой — вереница саней или возков, если летом — множество верховых. И при любой

погоде впереди знатного боярина плетью расчищают дорогу особые холопы, вокруг кортеж из вооруженных дворян, а позади, для почету — толпа дворовых, частенько босоногих, но в пышных ливреях. Чем больше народу, чем сильнее они поднимают гвалт, тем богаче боярин, тем ему больше уважения от окружающих...

Как видно из приведенного выше только внешнего описания, царские помощники были ему в пору и понимали себя очень высокочтимыми величинами, вполне совладать с которыми не всякий государь смог бы. Иначе говоря, править мирно и твердо в кампании таких горделивых господ, видимо, не смог бы и сам Господь Бог.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В этот период шла напряженная реформационная деятельность. Начали создаваться первые приказы — органы, которые управляли отдельными отраслями государственной жизни, в то время они назывались «избами».

Один из первых — Посольский приказ, который возглавил дьяк Иван Михайлович Висковатый, — около 20 лет руководил внешней политикой.

В ведении Адашева была Челобитная изба. Это учреждение должно было принимать челобитные на имя царя и проводить по ним расследования. Это был высший контрольный орган. Поместный приказ ведал распределением поместий между служилыми людьми. Разрядный приказ был своего рода штабом вооруженных сил. Разбойный приказ занимался борьбой против «разбоев» и «лихих людей». Земской приказ управлял Москвой, отвечал за порядок в ней. В 1550 году был создан свод законов — «Судебник», систематизированный и отредактированный, в нем впервые вводились наказания для взяточников. В более жесткой централизации нуждалась и церковь единого государства. Возникла необходимость унифицировать обряды, остававшиеся различными в разных землях, поскольку кроме общерусских и московских святых в каждой местности были еще и свои: ярославские, новгородские. Митрополитом Макарием был создан охватывающий всех общерусский пантеон.

В 1551 году был созван церковный собор, вошедший в историю как Стоглавый, его решения были сведены в 100 глав. Кроме вышеизложенного целью было также улучшить нравы духовенства и поднять его авторитет.

Активную роль в этом соборе играл сам царь, решения собора даже озаглавлены «Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах». Очень серьезные реформы касались организации класса феодалов. Одной из них было ограничение местничества — т. е. спора феодалов относительно своего места в иерархии служебных положений.

Преклоняясь все более и более перед значением единого властителя и самодержца, члены дружины, теперь принявшие название людей служилых, ревниво берегли родовую честь при служебных столкновениях друг с другом, число местнических случаев значительно увеличивалось.

Исторически складывалось так, что во время усиления Московского княжества дружина князей московских пополнялась пришельцами, служба была нова, а служебные отношения предков были на памяти у всех, не давая повода к спору о назначении на место. Но чем старше становилась служба, чем больше число поколений прошло в этой службе, чем многочисленнее становился государев двор, тем запутаннее складывались отношения между служилыми людьми, чаще встречались местнические «случаи» — споры по поводу назначения на должность. Служилые люди цепко держались за местническое положение, так как местнический счет был

основан на прецедентах — «случаях», и, приняв «невместное» назначение, служилый человек наносил урон своим потомкам и другим родичам.

Царю поступали челобитные «в отечестве о счете». Царь использовал местничество, чтобы возвысить тех, кто был «во времени», т. е. приближен, и унижить тех, кто был в опале. Однако местничество создавало большие неудобства во время военных действий, когда не было времени для разборки родовых преимуществ и наносило урон государственной расширяющейся службе чиновников. Поэтому в 1550 году был введен служебный наряд — указ, где быть на службе боярам и воеводам по полкам. Из него вытекало, что, во-первых, было ограничено число случаев, в которых воеводы разных полков могли местничаться; во-вторых, уничтожено право молодых служилых людей знатного происхождения местничаться с воеводами менее знатного происхождения до того, как они сами становились воеводами. Подчиненная служба не имела влияния, не считалась прецедентом. Таким образом, местничество ограничивалось либо отказом соискателю вообще в какой-либо должности, либо указанием, что данное назначение не является прецедентом. «Приговор» сохранил местничество, но ослабил его негативные последствия в практической деятельности. В 1555–1556 годах было принято «Уложение о службе», которое ввело точный порядок службы феодалов. Была установлена норма, с какого количества земли — поместья или вотчины — должен выходить один воин на коне.

Согласно этой реформе, власть на местах переходила в руки выборных из местного населения. Грамоты, которые волостям давали право управляться своими выборными, назывались «откупными», волость известной суммой откупалась от наместников и волостелей. Правительство давало ей право откупаться вследствие ее просьбы, если же она не била челом, считала для себя невыгодным новый порядок, то оставалась при старом.

У Избранной рады, видимо, не было тщательно разработанной программы действий, идеи рождались у правителей в самом процессе преобразований.

Не все Избранной раде удалось осуществить. Вопрос о степени личного участия Ивана IV в правительственной деятельности 50-х годов остается открытым, ведь в официальных документах невозможно отделить то, что сделано самим Иваном от результатов деятельности советников. И хотя, разойдясь с Избранной радой, Иван IV обвинил ее в узурпации власти и отказался от осуществления части реформ, главным было то, что он призвал к правлению таких политиков, как Адашев и Сильвестр и, видимо, подчинился их влиянию. Возможно, не случайно, что от этих лет жизни грозного царя нет известий о вспышках гнева, казнях и т. д.

Глава 5

Взятие Казани

Первоначально казанский вопрос в Москве пытались решить дипломатическим путем, посадив на казанский престол московского ставленника. Эта политика не принесла успеха. После вторжения татар в 1548 году в Галич в Москву из Казани прибыл ханский гонец.

— Дорогу казанскому посланнику! — возгласил глашатай на въезде во дворец московского царя.

— Мне дай, — сказал, увидев татарский свиток, Иван своему двоюродному брату князю Владимиру Старицкому.

— Моего наместника Шигалея в Казани сменили на вашего Саид-Геря? Набеги татар на окраины моего царства прекратятся? — поинтересовался русский царь у прибывшего во дворец посланника.

В ответ последний только отрицательно покачал своей головой.

— Ты языка не знаешь или не хочешь говорить? Не можешь говорить? — спросил Иван и, вытащив из привязанных к поясу ножен кинжал, направился к нежданному гостю, стоявшему перед ним на одном колене.

Посланник не дожидаясь, приоткрыл царю свой рот, в котором Иван не увидел языка.

— У него нет языка, — произнес разочарованно русский владыка.

— Даже под пытками ничего не скажет, — проронил с усмешкою Владимир Старицкий.

— Под лютыми, — добавил, смеясь, Иван, — не скажет, нет. Кто отсек? Наши?

Посланник в ответ снова отрицательно покачал головой.

— Свои? Татары?

Гонец молча, взглядом медленно опустившихся век подтвердил царское предположение.

— Моего наместника в Казань вернете? Набеги прекратите? Не пойду на вас войной! Хорошее дело послам языки отрезать, — сказал Иван под смешки своего брата.

Казанский представитель горько склонил свою голову. Затем встал и покинул царскую палату, по пути из нее почти столкнувшись с царицей Анастасией, как раз входившей туда.

— Кто это был? — спросила Анастасия ласково Ивана.

— Гонец с Востока.

— Что случилось?

— Татары снова на границах грабят. Наши войска на окраинах не справляются, помощи просят.

— Что ж думаешь делать?

— Турция оружие переправляет в пользу Казани. На Москву хан собирается идти, и в ближайшее время. Столько лет татары мира добивались, чтобы Русь только их не трогала, а ныне и сами дань требуют за этот мир или разорением грозят. Никак забыть не могут, как русские князья к ним на поклон ходили.

— Надо бы владыке Макарию сказать, чтобы святыни подальше из Москвы отвезли.

— Святыни трогать не будем. В Москве Саид-Геря не будет! — решительно завершил разговор с царицей Иван.

Оказавшись наедине с Анастасией в спальне, Иван вдруг начал говорить:

— Ведь ежели каждый полюбит и соседа своего, и врага, и любую тварь на земле, как же сможет он солгать или обокрасть кого? Чистота и правда сами б по себе были? А есть ли царство такое на земле, где законами его не пренебрегали бы, где все было бы так, как Бог задумал? — задумчиво спросил Иван супругу.

— Нет, Иван, нет такого царства, — ответила нежно Анастасия.

— Так построить надобно! — заметил царь и обнял свою жену.

— Вот возьмешь Казань и будешь строить свое царство, — улыбнувшись, сказала царица. — А взамен себя брата своего Владимира оставишь?

— Владимир со мной на Казань пойдет, сам просился, — ответил Иван.

— Юродивый наемни говорил, что сын у нас будет, — продолжила беседу Анастасия, — Иван, я жду ребенка.

Иван, услышав последние слова, еще крепче обнял жену и поцеловал ее в губы.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Началась затяжная военная компания. Впрочем, первые военные походы против Казани (1547–1548 и 1549–1550) не принесли успеха. В 1551 году началась подготовка к новому походу. По приказу Ивана IV весной 1551 года в 30 км к западу от Казани у впадения в Волгу реки Свяги в кратчайший срок была построена деревянная крепость — Свяжск.

И снова в Москве у царя уже известный читателю казанский немой гонец.

— Ну с чем пожаловал? Читай! — сказал грозно Иван князю Владимиру Старицкому, взявшему из рук посланника свиток.

— «Народ казанский шлет поклон великому государю да желает великому государю еще тысячу раз увидеть дневное и ночные светила. Велико царствие твое, государь, велико и могущественно. Нужна ли война нам? Обещал ты не нападать на казанское царство. Слово твое драгоценное как сапфир», — читал Старицкий.

— Однако же не татары ли грабят окраины моего государства? А? Ну, читай дальше! — повелел царь Иван.

— «Многие и самые влиятельные не хотят враждовать с Русью, — продолжил Владимир, — в слове, данном тобой, они видят залог величайшей дружбы...» Так ты теперь не от хана? — удивился князь, осознав зачитанное.

— Не я это слово нарушил. Потому откуда мне знать, что в письме одно написано, а твой хан при этом собирает силы против меня. Собирает силы против меня? — обратился Иван к гонцу.

— «Государь, назначь своего наместника в Казани, коему доверяешь и коего сочтем достойным», — завершил чтение свитка Старицкий.

— Значит, на прежних условиях мириться будем? Я бы тебе не только язык обрезал, но и руки, — произнес с усмешкою Иван, которую уже нарочито громким смехом поддержал двоюродный брат царя — князь Владимир Старицкий.

Царская палата. Иван, сидя на троне, услышал голос входившего Алексея Адашева:

— Государь, Симеон Микулинский.

— Зови! — возгласил решительно царь.

Вошел князь Микулинский, согнувшись быстро почти пополам и приложив правую руку к сердцу своему.

— Поедешь наместником в Казань, да тут же шли вести как приняли, каковы настроения, — определил строго государь.

— Слушаюсь, государь, — ответил князь.

— Если примут сразу и хорошо, войне не быть, — заметил снисходительно Иван.

— А ежели тянуть начнут? — спросил новый наместник.

— Ежели тянуть начнут, то войско Шигеля в Свияжске дожидается, да и наши войска к тому времени подтянутся. Но я думаю, что они все это прекрасно понимают и примут тебя как положено. Ступай! — закончил русский царь.

Князь Микулинский вновь согнулся в пояском поклоне и покинул, отступая спиной к двери, царскую приемную.

И вот назначенец царский у ворот Казани. Однако никто из казанцев не спешил встречать нового наместника из Москвы.

— Странно, должны были встречать, — обронил помощник князя.

— Нечего стучать, Михайло, — обратился князь к своему слуге, который продолжал настойчиво и громко стучать в массивные деревянные городские ворота.

— Немедленно скажи к царю и сообщи ему, как нас казанцы приняли, — добавил так и несостоявшийся наместник своему ретивому слуге. — А нам похоже в Свияжск дорога, к Шигаляю с его войском, — сказал князь уже заметно тише своему помощнику.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Под влиянием обстоятельств обострившейся борьбы с Русью татары были вынуждены принять к себе царем Шах-Али, ставленника Москвы, жестокого и двуличного правителя. Однако казанцы остались недовольны промосковской политикой Шах-Али, и тому в феврале 1552 года пришлось уйти. Затем татары согласились принять царского наместника, русского воеводу. Однако когда князь Семен Микулинский подъехал к Казани, они заперли ворота и не пустили русских. «Ступайте, дураки, — насмеялись они, — в свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вам не сдадимся; мы и Свияжск отыжем!» Все прежние враги Москвы помирились на том, чтобы воевать, и послали за помощью к ногайцам. От ногайцев прибыл астраханский царевич Ядигар (Едигер Магбет) с 10-тысячным отрядом. Казанское ханство

стало вооружаться. Муллы распяляли в мусульманах ненависть к христианам, воскрешали угасавшие доблести времен Чингисхана и Батгя.

По совету думных людей, царь Иван решил тогда покончить с мятежной Казанью и пожелал сам принять участие в походе. Ратные люди получили приказание собираться в Коломну и Каширу, а из дальних мест — под Муром и Рязань.

Царский стан вблизи Казани. В походном шатре царь Иван диктовал: — «А не хочешь приезжать? — Сдай Казань миром. Я же со своей стороны обещаю проявить и к воинам твоим, и к жителям города великодушие, править по законам и без насилия, и все оставить как было. А ежели будешь и далее безумствовать в надменности — большой грех на себя возьмешь». Как думаешь, сдастся? — отвлекся Иван, обратившись к брату Владимиру.

— Нет, — ответил коротко и быстро князь Старицкий.

— Вот и я так думаю. Пиши, — обратился уже к писарю Иван: — «Царь и Великий князь всея Руси Иван IV». Отошли с гонцом, — закончил русский владыка.

Свиток царский писарь передал Владимиру Старицкому, который свернул его и стремительно вышел с ним из шатра.

Казань. В открывшиеся ворота татарские воины вводят русского гонца. Раздается по-татарски клич: письмо от русского царя!

— Иван письмо прислал, — сказал один из встретивших гонца татар по имени Гафар богато одетому татарскому всаднику, передавая тут же ему в руки царское послание.

— «Тишиною и верностью к нам можешь ты, Едигер, продлить бытие свое в виде особенного мусульманского царства. Смирись, Едигер! Приезжай в мой стан без боязни, живи и далее в магометанстве под началом наместника моей державы. Народ твой брат нам. Многие татары славно служили и служат моей стране. А потому не война нам нужна! А будешь и далее безумствовать в надменности — большой грех возьмешь на душу...» — закончил чтение письма казанский вельможа.

— Кто передал? — спросил минуту спустя читавший письмо сановник.

— Вот этот человек, — ответил передавший царский свиток татарин, — и продолжил: — посадить его на кол?

— Умерь свою кровожадность, Гафар, — сказал небрежно вельможа и спросил уже русского гонца: — Сам вызвался грамоту доставить?

— Сам! — ответил дерзко русский посланник.

— А заодно и разузнать, как тут у нас дела? А потом своим доложить? Он нам еще пригодится — ответ доставит, — поддел уже вполне свирепо гонца, видимо, очень влиятельный татарин.

Вновь царский стан. Прозвучали выстрелы из пищалей. Из шатра стремительно вышел царь Иван, за которым едва поспевали его помощники с возгласами:

— Государь, погоди! Кто, кто стрелял?

— Что там? — закричал на ходу Иван.

— Ловите его! Это гонец! — ответили почти хором в царской охране.

— О, господи! Голову отсекли! — запричитали царские слуги, увидев обезглавленное тело посланника, туго привязанное к лошади.

— Похоже, послание Едигера! — крикнул князь Владимир Воротынский, приняв клинок и свиток от убитого гонца.

Иван нетерпеливо выхватил из рук князя татарский свиток и развернул его.

— «Твои прадеды 250 лет были нашими данниками. Не в первый раз мы видим москвитян под нашими стенами, не в первый раз побегут они от нас и мы будем смеяться над ними. У нас все готово. Ждем на пир», — закончил Иван чтение и с жаром стал тут же разрывать прочитанное послание на части.

Уже в шатре Иван прервал тяжелое молчание и заговорил первым:

— Не будем ждать, будем стены взрывать!

— Понадобится несколько подкопов, — заметил Алексей Адашев.

— Тебе поручаю, Алексей, — мгновенно среагировал Иван, — поставь надежного человека управлять работами.

— Есть такой человек, — уточнил Адашев.

— Если что, пусть головой отвечает, — окончил разом государь.

— Как думаешь, Андрей, одолеем их? — обратился Иван уже к князю Курбскому.

— Должны одолеть, — твердо ответил князь и добавил: — только много людей поляжет.

— Нам надо взять крепость, надо! Тогда последний оплот державы Батяя падет, что Русь столько лет в страхе держал, падет. А ежели нет?.. Ступай! — приказал Курбскому Иван, желая остаться один.

— Пойду посты проверю, — сказал вслух как бы самому себе князь и вышел вон из шатра.

Когда все было готово к началу штурма Казани, в царском шатре на коленях в молитвенном чине стояли трое: царь Иван непосредственно перед иконами, позади него на одной линии — Алексей Адашев и Владимир Старицкий. Иван произносил вслух молитву:

— Боже, сотворивый небо и землю и вся, яже суть Твоя създания, и ведый Ты, Человеколюбец, тайная человеком, ничтоже есми иное помышлях, но токмо требую покою христианьского! Се же врагы креста Твоего злые казанцы ни на что иное упражняются, но токмо снадати плоти раб Твоих сирых и поругати имя Твое святое, Егоже не могут знати, и осквернити святыя церкви Твоя: мсти им, Владыко! По Пророку реку: не нам, Госпо-

ди, не нам, но имени Твоему дажь славу, настави нас, Господи, на путь спасения и даруй ми пострадати за имя Твое святое и за порученное мне от Тебе христианство!

Вдруг раздался голос Адашева:

— Взрыв будет, когда свеча догорит.

Медленно и томительно догорала свеча. Однако в свой последний момент ее огонь необычайно стремительно, почти мгновенно превратился в дымок.

— Почему нет взрыва? — возмутился Иван, оглядывая Адашева и брата Владимира.

— Должен быть, — ответил Старицкий.

— Адашев, где твой надежный человек? — продолжал яриться Иван.

Адашев и Старицкий споро вскочили на ноги и бросились искать виновного.

— Ты головой, головой отвечал! — снова закипел государь, увидев организатора подрывных работ. — Сам тебе башку снесу, — уже стоя на ногах, закричал Иван в гневе, мгновенно выхватив из ножен саблю.

В этот самый миг один за другим раздалась три мощных взрыва. Прекрестившись, Иван уже спокойным голосом произнес:

— Спасибо тебе, Господи. Наградить его, — закончил государь, указывая перстом на упавшего перед ним на колени слугу, уже мысленно простившегося с жизнью.

Тут же Иван вновь опустился на колени и продолжил страстно молиться:

— О Владыко премилостивый Христе, помилуй раб Своих! Се время прииде милости Твоя, се время! Подай крепость на съпротивных рабом Твоим! Помилуй, Милостиве, помилуй падшихся раб Твоих, Человеколюбче! Възстави в благо и плененых сирых свободы, пошли, Милосерде, милость Свою древнюю свыше, и разумеют погании, яко Ты еси Бог наш, на Тя уповающе побежаем. И Ты, о Пречистая Владычица Богородица, умоли рождышагоя ис Тебе Христа истиннаго Бога нашего, да не помянет грехов моих и беззаконий великих, елико съгрешил есми пред величеством славы Его, но помилуй мя великиа ради милости Своя! Ты, Владычице, помощница нам буди и всему воинству нашему, на Тя надеющася, не посрамимся в бранех молитвами Твоими и всех святителей Руских чудотворцов и сродников наших, молитвенников и помощников на съпротивных.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Основную силу московского войска составляла конница. Русские всадники умели одновременно править конем, управляться луком, саблей, плетью, а иногда и пикой. Дворяне надевали кольчуги или дощатые металлические доспехи; голову прикры-

вали шлемом или металлической шапкой; себя прикрывали круглым небольшим щитом. Численность дворянского конного ополчения достигала 100 тысяч человек (служивых людей «по отечеству»).

Серьезным новшеством в военном деле стало создание в 1550 году постоянно-го войска из стрельцов (служивых людей «по прибору»), получавших денежное и хлебное жалованье. В мирное время они держали стражу, а во время войны употреблялись при осаде и защите городов. На вооружении стрелецкого войска были пищали, или самопалы, а также сабли и бердыши; спереди, на берендейке, перекинутой через левое плечо, у них висели заряды, рог с порохом и фитиль.

Кроме конницы и стрелецкой пехоты, в войсках числился «наряд» — так называли тогда артиллерию. Ее составляли орудия разной величины: «затинные пищали», «гафуницы» и «можжиры». Орудийную прислугу составляли пушкари. Под Казанью было сосредоточено полтораста пищалей, не считая малых полковых орудий, стоявших у царских шатров. Управление дворянским войском чрезвычайно усложнялось обычаем местничества. Перед каждым походом, а иногда и в походе возникали затяжные споры между воеводами, многие из которых считали для себя недостойным («невместным») подчиняться другому воеводе. «С кем кого ни пошлют на которое дело, — признавал Иван IV, — ино всякой разместничается». Поэтому в 1550 году был принят указ, ограничивший местничество при назначении на командные должности.

16 июня 1552 года царь оставил столицу и во главе основных военных сил выступил к Коломне. В это время крымский хан Девлет-Гирей, стремясь воспрепятствовать походу Ивана IV, вторгся в русские пределы. Хан полагал, что русский царь с главными силами уже находится под Казанью, и не рассчитывал встретить русских на своем пути. Обескураженный своей неудачей, он повернул назад и после безуспешных попыток взять Тулу бежал «с великим срамом», оставив часть обоза и артиллерии. После этого русское войско двинулось под Казань, преодолевая в среднем 30 км в сутки: сам царь шел на Владимир и Муром; большой полк и полк правой руки — на Рязань и Мещеру; Михаилу Глинскому было приказано стать на берегах Камы, а боярину Морозову — вести Волгой наряд. Со всех сторон сходились войска; их вели князь Владимир Андреевич, князья Турунтай, Пронский, Хилков, Мстиславский, Воротынский, Щенятев, Курбский, Микулинский, Владимир Воротынский, бояре Плещеев, Серебряный и братья Шереметевы.

19 августа русское войско численностью в 150 тысяч человек расположилось под Казанью, на луговой стороне. На другой день перебежчик из неприятельского стана поведал о численности татарского гарнизона (30 тысяч), моральном духе, царившем в неприятельском стане, запасах продовольствия и т. д. Крепость находилась на высокой и крутой возвышенности, примерно в 6 км от Волги, вверх по речке Казанке. Она была обнесена двойными дубовыми стенами, заполненными землей и камнем, с деревянными же башнями, окопана рвом и имела двенадцать ворот; посередине крепости шел овраг, прикрывавший большие каменные здания ханского двора и мусульманские мечети. Дальше, к востоку, на плоской возвышенности, стоял сам город, также обнесенный деревянными стенами с башнями, а еще дальше — Арское поле, с обрывами по обе стороны; с третьей стороны примыкал к нему густой лес. Подступы к Казани были трудны; местность изобиловала болотами, зарослями кустарника, лесами.

Переправившись через Казанку, русские расположились вокруг города таким порядком: большой полк — тылом к Арскому полю и лесу, лицом — к городу; полк правой руки — правее, за Казанкой, против самой крепости; полк левой ру-

ки — напротив него, за речкой Булак (притоком Казанки). Тут же разбили и царскую ставку. Еще не успели войска занять своих мест, как татары совершили вылазку. Князя Пронский и Львов после жаркого боя прогнали их в город.

Начало осады было омрачено страшной бурей с дождем и градом, повалившей все шатры, в том числе и царский; на Волге погибло много судов с запасами. Это происшествие едва не посеяло панику среди ратных людей, но царь не упал духом: он велел двинуть новые запасы из Свияжска и объявил, что не отойдет от Казани, хотя бы пришлось под ней зимовать. Русские воеводы, обложив город, решили применить систему параллелей, то есть создать вокруг крепости две линии из туров с позициями для артиллерии. Вскоре под прикрытием пищальников и казаков были поставлены первые туры; боярин Морозов прикатил к турам большие пушки, и с того времени орудийные залпы не утихали до конца осады. Казанцы предпринимали ежедневные отчаянные, но безуспешные вылазки, стремясь уничтожить русские огневые позиции.

Тем временем ногайский князь Япанча ударил в тыл передового полка из Арского леса. Хотя воеводы успели дружным натиском отбить Япанчу, однако он с этой поры не давал покоя. Как только поднималось на высокой городской башне большое татарское знамя, он тотчас кидался из леса, а казанцы атаковали спереди. На праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) поставили туры и со стороны Казанки. Таким образом, в течение семи дней весь город был окружен параллелями: в сухих местах турами, в низких и сырых — плетнем.

Чтобы облегчить осаду, часть войск — 15 тысяч пехоты и 30 тысяч конницы во главе с воеводой князем Горбатым-Шуйским и князем Серебряным — получила задачу нейтрализовать ногайцев. Главные силы Шуйский расположил в засаде, а небольшой отряд выслал к лесу — выманить ногайцев. Действительно, Япанча вышел из лесу, погнался и попал в засаду. Тут его охватили со всех сторон, изрядно потрепали и загнали в лес.

По возвращении Шуйского царь предложил татарам сдаться, иначе грозился перебить всех пленных. Ответа не последовало: пленных казнили на виду у города. На другой день государь призвал военного инженера и приказал ему сделать два подкопа: один — под тайник, у реки Казанки, где находился водоисточник, а другой — под Арские ворота. День и ночь работали русские; вкатили под тайник 11 бочек пороха, и 4 сентября тайник, а вместе с ним и часть стены взлетели на воздух; при этом погибло много казанцев; с этого времени защитники крепости вынуждены были пить гнилую воду, отчего между ними пошел мор. Многие мурзы хотели было просить мира, но другие, более упорные, а также их муллы, ни за что не соглашались.

Осада продолжалась. Между делом князь Горбатый-Шуйский после кровопролитного боя взял в Арском лесу сильно укрепленный острог, который стоял на крутой горе, между болот, и служил военно-вещевым и продовольственным складом. Все неприятельские запасы достались русским. Управившись здесь, Шуйский повоевал Арскую землю вплоть до самой Камы. Через 10 дней отряд вернулся под Казань с богатой добычей, в обозе пригнали множество скота, доставили на подводах муку, пшено, овощи. Кроме того, воевода вернул много русских пленных. Тем временем дьяк И. Г. Выродков построил осадную башню в шесть сажень вышиной. Ночью ее подкатили на катках к городской стене, против Царских ворот; втащили туда пушки, а с рассветом начали обстрел внутренней части города; пищальники выбивали живую силу врага. Казанцы искали спасения в ямах, прятались за насыпными валами, не отказываясь при этом от вылазок и продолжая нападать на туры.

Прошло пять недель осады; наступала осень, и русские ратники с нетерпением ждали конца. Несмотря на голод и на жажду, значительные потери, казанцы продолжали храбро отбиваться. Тогда русские воеводы придвинули туры к самым воротам. Татары опомнились, бросились на вылазку, и бой продолжался у самых стен, у ворот. Наконец русские осилили и на плечах неприятеля ворвались в город. Воротынский просил у царя подкреплений, но Иван проявил осторожность и приказал отойти. Арская башня осталась за стрельцами; ворота, мосты и стены были подожжены. Татары всю ночь ставили против этих мест срубы, засыпая их землей. На другой день — это был праздник Покрова — воеводы палили из пушек ядрами и камнями до тех пор, пока не сбили городскую стену до основания; в этот же день заполнили рвы бревнами, землей, а где нельзя было это сделать, приготовили мосты. На 2 октября, в воскресенье, объявили всем ратным людям, чтобы готовились идти на общий штурм.

В первой линии было назначено идти казакам и полкам боярских дворовых людей. В таких отрядах считалось по 5 тысяч конных людей да при них по тысяче стрельцов с пищальями и по 800 казаков с луками и рогатинами; пешим надлежало катить перед собой щиты на катках или на колесах. Во второй линии должны были идти воеводы с главными силами, наступая каждый против указанных ворот; в третьей линии находились царская дружина и запасные воеводы для поддержки второй линии. Царь, прежде чем начать кровопролитие, послал в город мурзу Камая предложить казанцам капитулировать. Казанцы снова ответили отказом.

Наступила ночь. После тайной беседы с духовником Иван IV начал вооружаться. Когда Воротынский доложил, что порох подложен и мешкать нельзя, он послал оповестить полки, а сам пошел к заутрене, отслушав короткую велел «наволочить» на древко царское знамя. Как только развернулось великое знамя, то во всех полках тотчас были распущены свои знамена; под звуки набатов и зурн войска стали расходить по своим местам.

И вот раздался мощный взрыв, разрушивший Арские ворота и часть стены. Вскоре послышался второй взрыв, еще более сильный. Тогда русские люди, воскликнув: «С нами Бог!» — пошли на приступ. Казанцы встретили их криком: «Магомет! Все помрем за юрт!» Бестрепетно стояли татары на обломках стены, презирая смерть. Они кидали в русских бревна, стреляли из луков, крошили саблями, обливали кипящим варом. Но это не остановило штурмовавших: одни кинулись в пролом; другие карабкались на стены по лестницам и бревнам; третьи подсаживали друг друга на плечах наверх.

Когда царь подъехал, на стенах уж развевались русские знамена. Казанцы дрались на ножах в тесных и кривых улицах. В эту решительную минуту удача чуть было не отвернулась от русских. Многие «корыстовники» бросились грабить дома, таскали добычу в лагерь, снова возвращались за тем же. Передовые бойцы изнемогали, а помощи не было — сзади царили сумятица и грабеж. Казанцы, заметив это, бросились в контратаку. Царь, стоявший неподалеку со своей дружиной, был поражен постыдным бегством; одно время он подумал, что все кончено. По его приказанию половина царской дружины сошла с коней; к ней пристали седые, степенные бояре, отроки, окружавшие царя, и все вместе двинулись к воротам. В своих блестящих доспехах, в светлых шлемах царская дружина врубилась в ряды казанцев; хан Едигер быстро отошел к оврагу, потом к ханскому дворцу. В обширных каменных палатах дворца татары защищались еще часа полтора.

Выбитые из ханского дворца казанцы бросились в нижний город, к Елбугиным воротам, что выходили на Казанку; но тут их встретили полки Андрея Курб-

ского. По трупам своих, лежавших вровень со стеной, казанцы взобрались на башню и стали говорить: «Пока стоял юрт и ханский престол, мы бились до смерти за хана и юрт. Теперь отдаем вам хана живого и здорового. А мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу!» Выдав хана, татары бросились прямо со стен на берег Казанки и, снимав доспехи, побрели через реку. Воеводы перехватили им дорогу, и почти все они, тысяч до шести, погибли в рукопашной свалке. В городе не осталось ни одного защитника — лишь женщины да дети. Князь Воротынский прислал сказать царю: «Радуйся, благочестивый самодержец! Казань — наша, ее царь в плену, войско истреблено».

Владимир Андреевич, бояре, воеводы и все ратные чины поздравили царя с победой. Толпы русских пленников встречали царя, обливаясь слезами: «Избавитель ты наш! Из ада нас вывел; для нас, своих сирот, головы не пощадил!» Царь приказал отвести их к себе в стан, накормить, а потом разослать по домам. Все сокровища Казани, кроме пушек и ханских знамен, Иван Васильевич приказал отдать ратным людям.

Таким образом, Казанское ханство было ликвидировано. Однако победа Москвы была закреплена лишь после подавления восстаний на территории бывшего Казанского ханства (1552–1557). После этого Среднее Поволжье окончательно вошло в состав России. Казанские татары, чувашаи, вотяки (удмурты), мордва, черемисы (марийцы) стали подданными московского царя. Этими событиями была predetermined судьба Астраханского ханства (Нижнего Поволжья), присоединенного к России в 1556 году. В следующем году Большая Ногайская Орда, кочевья которой располагались между средним и нижним течением рек Волга и Яик (Урал), признала свою зависимость от Ивана IV; русское подданство приняли башкиры. С этого времени весь волжский торговый путь оказался в руках России. Для московской колонизации открылись огромные пространства плодородных и малонаселенных земель. В 80-е годы XVI века здесь возникли города — Самара, Саратов, Царицын и Уфа.

Царский шатер. К нему приблизилась многочисленная группа русских воинов, ведших высокородных татарских пленников. Во главе процессии находился Алексей Адашев, который, приблизившись к шатру, возгласил: — Государь, Едигер Магбета привели!

Из шатра вышли Владимир Старицкий и царь Иван. Присутствующие сановники молча склонились в поясном поклоне.

— Ты обещал милость и великодушие. Прости, великий государь! Ты победил! Моя жизнь в твоих руках, — закончил короткую речь плененный хан.

Один из сопровождавших хана пленников, выхватив ловко не полностью связанными руками саблю у рядом стоявшего русского воина, попытался ею убить своего господина, возглашая слова проклятий в адрес отступника. В ответ поваленному на землю слуге Едигер произнес:

— Нет более Казанского ханства, Гафар... нечего и предавать. Можешь меня казнить, великий государь. Я готов.

— Ты, ты настоящий воин, Едигер. Лишать тебя жизни не хочу! Хочу, чтобы отныне ты нашему общему Отечеству послужил. Согласен ли? — спросил русский владыка.

— Преданней воина тебе не найти, — ответил торжественно Едигер и опустил на колени.

— Прощаю тебя, бывший казанский царь! — Иван собственной саблей освободил символически связанные веревкою руки бывшего врага.

— Воины мои, воеводы, в сей знаменитый день, страдая за имя Божье, за веру, вы обрели неслыханную славу! И все сыны любезные, на поле чести лежащие, верьте обету моему любить и жаловать вас до конца дней моих... Не я великий царь — вы победители! — проникновенно завершил речь Иван.

— Многая лета государю! — дружно зазвучало со всех сторон. Окружавшие шатер воеводы и воины, уже не сдерживаясь, бросились в объятия друг друга.

Глава 6

Болезнь царская

Во время венчания Едигера (в православной вере Симеона) и его русской невесты царю Ивану вдруг стало плохо. Он закачался и стал валиться на пол. Однако подоспевшие Адашев и Курбский сумели удержать его на ногах. При этом многие в окружении царя посчитали вполне опрометчиво: царь более не жилец. Так, мать князя Владимира Старицкого Ефросинья, уединившись после события в храме со своим сыном, решительно стала навязывать ему эти поспешные мысли, отвечая ему же на вопрос о погребальном церковном звоне:

— Ивана хоронят.

— Так ведь жив еще, — возразил удивленно матери ее сын.

— Жив, да считай мертв. Со дня на день преставится, — небрежно ответила Ефросинья.

— А ты, матушка, будто и рада? — спросил снова удивленно Владимир.

— Отца твоего в темнице голодной смертью уморили. Не в жизнь им этого не прощу, — уже гневно заговорила гордая женщина.

— Так ведь не он же, а мать его — Елена, — справедливо заметил матери князь, — а Иван нас с тобой из заточения освободил! Забыла?

— Однако давно уже жалеет, что тебя в живых оставил. Василий III накануне кончины главой опекунского совета твоего отца Андрея Старицкого назначил. Иван знает, случись что, ты трон по законному праву займешь, — заключила Ефросинья.

— Это раньше было, а сейчас у него сын есть, — парировал Владимир.

— Да сын младенец! Что же теперь к люльке на поклон ходить? Знаешь, что тогда будет? Да бояре так Русь растащат, что и не соберешь

впредь. Сын, вон из боярской думы к тебе приходили, чтобы сказать, что ты им на престоле угоден. Сам Сильвестр к тебе благоволит! Уразумел? — закричала княгиня.

— Он против царя не пойдет, — усомнился Старицкий.

— Против живого — нет, а как преставится, так не станет он перед царицей и ее родней Захарьиными-Юрьевыми спину гнуть! — отрезала Ефросинья.

— Матушка, не хочу я власти и никогда не хотел. Ты б сжалилась надо мной, — запричитал по-женски Владимир.

В ответ Ефросинья ударила наотмашь сына по лицу и уже открыто заорала:

— Расстраиваешь ты меня! Не сын, кисель!!!

Затем, несколько успокоившись, продолжила:

— Тяжело, тяжело, умру!

— Нет! — среагировал Владимир и, упав на колени, обнял ноги матери.

— Ладно, что кадить. В могилу загнать меня хочешь? — уже спокойно заговорила Ефросинья.

— Типун тебе на язык! — в сердцах прокричал князь.

— Тогда дай слово, что сделаешь все, что я тебе скажу, — потребовала суровая мать от сына, подняв с колен его голову.

— Сделаю, матушка. Только о смерти не думай! — отозвался Владимир, склонившись снова к ногам матери.

— Ну и ладно. Сразу бы так, — закончила разговор с сыном Ефросинья.

Во дворце в царской опочивальне на своем ложе неподвижно лежал внезапно захворавший государь. Рядом находились царица Анастасия, митрополит Макарий и князь Курбский.

— Почему звонят? — спросила в слезах Анастасия Макария.

— Видно, купил звонарей кто-то, — тяжело вздохнув, ответил митрополит.

— Кто купил? — вступил в беседу Курбский.

— Да ты не слушай, государыня, — посоветовал Макарий плачущей царице, — любой звон он всегда о душе человеческой.

— Слышу звон, звон, — вдруг тихо отозвался Иван.

В опочивальню вошел Алексей Адашев и с порога заявил:

— Бояре отказались крест Димитрию целовать.

— Крест, крест цело... — снова простонал и умолк Иван.

Прошло некоторое время. Присутствующие около царя лица сидели молча, думая, видимо, каждый о своем.

— Целовали? — спросил Иван, открыв глаза.

— Не думай об этом, государь. Обратись душою к Богу, — промолвил митрополит.

— Отвечайте, целовали или нет? — настаивал на своем Иван.

— Не все присягнули твоему сыну, государь, — ответил за всех Адашев, и, помолчав, продолжил: — Только Мстиславский, Воротынский Владимир, Шереметев, Морозов, князь Палецкий, Вишняков и мы с Курбским.

— А остальные? — прохрипел царь.

— Не желают, государь. Хотят целовать крест твоему двоюродному брату Владимиру Старицкому, — разъяснил князь Курбский.

— Сильвестр целовал? — снова заговорил самодержец.

— Пока нет, — заметил Алексей, — старается помирить тех, кто за Старицкого, и тех, кто супротив него.

— А он, брат мой? — снова заговорил царь.

В ответ ничего не прозвучало. Курбский с Адашевым лишь отрицательно покачали головами.

— Они сына нашего не пощадят, — уже к жене обратившись, произнес Иван, — тебя в даль, в монастырь сошлют.

Анастасия растерянно смотрела на мужа, ожидая от него дальнейших разъяснений.

— Адашев, Курбский, заставьте всех, чтобы крест Димитрию целовали, — приказал русский царь.

Окольничий и князь, поклонившись в пояс, покинули опочивальню.

В тронном зале собрались все лично заинтересованные в акте престолонаследия царедворцы, включая пришедших Адашева и Курбского. Слово взял Алексей Адашев:

— Государь велел всем крест Димитрию целовать!

Один из присутствующих направился к аналою с крестом.

— Спешись, дьяк Висковатый, — заметил вдруг протопоп Сильвестр, направлявшемуся к кресту царедворцу, — ох, спешись.

Но дьяк сделал вид, что ничего не услышал и спокойно совершил указанный ему обряд крестоцелования.

— Государь велел всем крест целовать! — заговорил уже князь Курбский.

— За Старицким послали, — произнес один из царедворцев.

— Уж что-то долго нет их, — заметил другой вельможа.

— Откажется Старицкий престол принимать, — заговорил третий.

— Не откажется, матушка его уж сколько лет надежду лелеяла сына на престоле видеть. Удельное войско из Старицы вызвала. Всех служивых людей деньгами одаривает, чтоб если что... — ответил последнему первый боярин.

Царская опочивальня.

— Отче, оставь нас. Прости, Макарий, — произнес Иван.

— Храни тебя Господь, — ответил, выходя из опочивальни, митрополит.

— Будем прощаться, — сказал жене Иван.

— Бог поможет тебе, — воспротивилась Анастасия, прильнув своими губами к губам Ивана.

— Сама видишь, не жалец я, — стал грустно настаивать еще вчера грозный муж, — ты и Дмитрий — бегите. Братьям твоим не доверяю. Они Старицких боятся. Старицких же все равно предадут...

— Сына отправлю, сама никуда не поеду, с тобой останусь, не проси, — решительно заявила царица и снова поцеловала в губы своего супруга.

— Иди к сыну, иди к Дмитрию сейчас, — распорядился Иван.

Анастасия вновь поцеловала мужа и покинула в слезах опочивальню.

— Ну, слава богу! — сказал первый боярин, склонившись в поясном поклоне в сторону вошедшего в тронный зал Владимира Старицкого.

— Новому государю многая лета... — поддержал первого энергично второй боярин, также склонившись в сторону Старицкого, пугливо озиравшегося на собрание влиятельных особ.

— Государь жив еще, — заметил Владимир.

— Однако ж, ничего не видит, ничего не слышит, — продолжил настаивать первый перебежчик.

— Да уж, колокола в Москве звонили, чую я, что смерть за этой дверью, — загудел басом молчавший до того крупный вельможа и продолжил: — Одно слово — смерть.

— Вот и опять, опять звонят, — сказал родственник Анастасии Захарьин.

Присутствующие в зале дружно, как по команде, перекрестились.

Вдруг раскрылись створки двери, ведшей в покои Ивана, и в тронный зал со стуком об пол посоха в одной постельной рубахе, сильно прихрамывая, вошел русский самодержец.

— А-а-а, решили, что я падалью смердеть уже начал, бояре мои блудливые, — заявил с усмешкою Иван.

К царю бросились Адашев и Курбский. Иван же, оттолкнув их, двинулся к центру тронного зала.

— Государь, рады мы, — робко произнес кто-то из присутствовавших в зале царедворцев.

— Молчи! — среагировал мгновенно Иван. — Значит, отказываетесь законному наследнику крест целовать?

— Государь, выслушай! — вновь раздался неведомый голос.

— Что ж слушать вас? — досадливо заметил Иван.

— Государь, вспомни, малолетство свое вспомни. Все мы тогда, сколько натерпелись от Шуйских, а в юность твою — от Глинских. Сыну твоему четыре месяца, четыре месяца. Случись тебе Богу душу отдать, кто властвовать над нами будет? Братья жены твоей? Захарьины? Или дядя

твои — Юрьевы? — продолжил говорить волю большинства собравшихся царедворцев голос.

— Захарьин, ты у бояр первый мертвец будешь! — сказал вдруг Иван, обратившись к родственнику Анастасии.

— Государь, зачем ты нас в смертных грехах подозреваешь? — вмешался протопоп Сильвестр. — Твой сын уцелеет, если настоящий государь царствовать будет, а не опекуны, которых никто слушать не станет!

— Сильвестр, я тебя к себе в наставники выбрал. Вместо твоего благословения и наставления ни одного шага не делал... И что сейчас? — спросил Иван.

— Но я считаю, что прежде времени ты крестоцелование затеял, — заговорил в свою очередь Сильвестр. — Вот видение мне было: многие лета здравствовать ты будешь. Так зачем же нам напрасные ссоры и брани? Ни к чему! Поэтому помирить вас желаю.

— А мне видится, что ты прогадать боишься. Скончаюсь, вот Старицкий тебя под крыло возьмет как приятеля. А нет, так останешься на своем месте, до которого я тебя сам возвысил.

— Государь, да какая выгода? Ну не поцелую я крест Дмитрию, ты же от меня отстранишься. Или ожидает меня плаха — вот вся выгода, — заметил уже обиженно Сильвестр.

— Не твоя ли мать заказала звон мне погребальный? — сказал Иван, приблизившись к Старицкому и ухватившись крепко за ворот его кафтана. — Не она ли войска вызвала в Москву, свои удельные, и деньгами их ссудила? Думаешь, не знаю? А, князь?

— Ты б Сильвестра послушал... — начал было отвечать царю Владимир.

— А-а-а, он за государство ратует. А власти не желаешь? Нет? — прервал резко речь брата Иван.

— Власти не желаю. Однако слаб ты. Что будет без тебя, когда брат на брата пойдет? — продолжил говорить Старицкий.

— Целуй крест, — снова прервал Владимира Иван и потащил Старицкого силою к кресту, — говори, что о царстве больше не помышляешь, а ежели умру я, то повинешься сыну моему Дмитрию, как своему законному государю. Говори: клянусь!

Владимир изо всех сил сопротивлялся и упрямо уговаривал Ивана не принуждать его к крестоцелованию Дмитрию:

— Не надо, не надо, государь, принуждать меня к крестоцелованию Дмитрию. Ты ведь проживешь еще многая лета...

Однако оное под давлением силы все-таки случилось. Сам Владимир Старицкий после этого вынужденного обряда, лишившись внезапно чувств, свалился на пол.

— Всех, всех заставьте крест целовать, — продолжал уже кричать Иван, — мать его княгиню Старицкую заставьте... А я всех, как христианин, всех, кто искал выгоды в смерти моей, прощаю... тебя, брат, прощаю... — закончил, задыхаясь от болезни и волнения, Иван.

Адашев с князем Курбским, поддерживая царя под руки, вывели его обратно в покои, где Иван на время впал в забытие. Очнувшись, он вспомнил происшедшее в тронном зале и подумал:

«Вот как узнается, кто царю служит, а кто — лишь своему разумению царского положения. Выходит так, что все они всерьез не видят во мне царя, считают в глубине души себя ровней природному государю, а значит, получается, что и не верят в цели моего царства? Ничего, Бог даст, поучу каждого и проучу их всех старательно. Не должно им попустительствовать даже в мысли коварной! Никто из них не получит от меня гарантий личной неприкосновенности, ведь тогда и народ мне не поверит, что царство православное вполне основательно и всякое местничество, как еретическое начало, в нем все равно будет искоренено».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Едва кончилась зима 1553 года и наступили первые весенние дни, царь занемог «тяжким огненным недугом», и в случае его кончины трон должен был наследовать младенец Дмитрий.

Царь составил «духовную грамоту», то есть завещание. Оно не дошло до сегодняшнего времени, но историки не сомневаются, что, объявив наследником престола сына Дмитрия, царь передал регентские полномочия царице Анастасии и ее ближайшим родственникам, боярам Захарьиным-Юрьевым, Василию и Даниле. Это был самый логичный шаг: оба в данном случае защищали бы не просто царицу и родственницу, а еще и свое собственное благополучие. Тут-то и началось...

Ближняя дума, состоявшая из самых доверенных лиц, тут же принесла присягу на имя наследника. Общая присяга всех членов Думы была назначена на 12 марта 1553 года.

Церемонию проводили в передней избе царского дворца, куда царь направил князя Владимира Ивановича Воротынского и Ивана Михайловича Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин Думы князь Иван Михайлович Шуйский отказался от присяги. «Целовать крест невозможно, — сказал он, — да и перед кем его целовать, коли государя тут нет?»

Протест князя Шуйского носил чисто формальный характер. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена князю Воротынскому, который был простым боярином.

Выступив после князя Шуйского, Федор Григорьевич Адашев обратился к Думе со следующим заявлением: «Ведает Бог, государю и сыну его царевичу Дмитрию крест целуем, но Захарьиным нам не пристало служить. Сын твой, государь-бабушка, еще в пеленицах, а управлять нами будут Захарьины, мы же от бояр уже многие беды видели».

Это означало, что Адашев-старший недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил недоверие новым родственникам царя,

Захарьиным. И его можно было понять, ведь Захарьины уже готовы были учредить регентство царицы Анастасии (наподобие регентства Елены Глинской), с тем чтобы самим управлять государством в случае смерти царя. Однако высшая знать вовсе не собиралась уступать власть царице и ее родне...

Родня царя — Старицкие втайне готовились к захвату власти в случае смерти Ивана IV. В дни царской болезни князь Владимир и его мать вызвали в Москву удельные войска и демонстративно раздавали им жалованье. Верные Ивану люди потребовали объяснений, тогда Старицкие стали «вельми негодовати и кручиниться на них». В итоге удельному князю воспретили доступ в покои больного.

В день общей присяги удельно-княжеская семья вела себя вызывающе. Приглашенный во дворец князь Владимир наотрез отказался присягать младенцу-племяннику и даже угрожал боярину Воротынскому немилостью. Протест Старицкого не имел последствий. Подходящее время было упущено: все члены думы уже присягнули наследнику. Ближние бояре пригрозили Владимиру, что не выпустят его из хором, и принудили целовать крест поневоле. Мать претендента Евфросинья оказалась более упорной. Ближние бояре трижды ходили к ней на двор, прежде чем она согласилась скрепить крестоцеловальную запись княжеской печатью. Князь Владимир не имел достоинств, которые могли бы подкрепить его претензии на трон. Не очень смывленный, вялый юноша, проведенный раннее детство в тюрьме, не играл в событиях самостоятельной роли. Душою интриги была Евфросинья, обладавшая неукротимым характером и глубоко ненавидевшая царя Ивана. Она не могла простить племяннику и его матери гибели мужа и последующих унижений.

Многие знатные бояре выражали сочувствие Старицким. На то были свои причины. В случае перехода трона к «пеленочнику» Дмитрию управлять страной от его имени должен был регентский совет во главе с братьями царицы боярами Захарьиными. Но в глазах княжеской аристократии Захарьины были людьми совсем «молодыми» и худородными. Их стремление «узурпировать» власть вызвало сильное негодование в Боярской думе. Осуждению подверглись не только Захарьины, но и вся царская семья. Сторонник Старицких боярин князь С. Ростовский во время тайной встречи с литовским послом, происшедшей вскоре после болезни царя, четко выразил отношение бояр к возможному регентству Захарьиных, сказав, «что их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьиного) дочер взял, поднял рабу свою и нам как служить своей сестре?» Знать, пережившая правление Елены Глинской, недвусмысленно заявляла, что не допустит к власти царицу Анастасию Романовну и ее родню.

Когда князь Ростовский был взят под стражу и подвергнут допросу, он сознался, что в марте 1553 года княгиня Евфросинья звала его на службу к князю Владимиру и что в тайных совещаниях сторонников Старицких вместе с ним участвовали многие бояре. Накануне дня присяги боярин князь Д. И. Немой тайно убеждал членов думы служить дяде (мимо племянника). «А как де служит малому мимо старого? — говорил он. — А ведь де нами владети Захарьиным». Бояре — князь П. Щенятев и другие — также втихомолку говорили: «Чем нами владети Захарьи-

ным, а нам служить государю малому, и мы учнем служить старому — князю Володимеру Ондреевичу». Если верить летописным припискам, симпатии Старицким выражали даже близкие люди царя. Князь Курлятев уклонился от присяги, сказавшись больным. Другой ближний боярин князь Палецкий, поцеловав крест наследнику, тут же уведомил Старицких, что готов им служить. Наставник царя Сильвестр открыто осудил решение Захарьиных не допускать Старицких в царские палаты. «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Брат вас, бояр, государю доброхотнее», — будто бы заявил он. «И оттоле,— заключает автор приписок к летописи,— бысть вражда межи бояр (Захарьиных) и Селивестром и его съветники».

Исход династического кризиса зависел в значительной мере от позиции церкви. Но официальное руководство церкви ничем не выразило своего отношения к претензиям Старицких. Замечательно, что летописные приписки вовсе не называют имени Макария и не упоминают о его присутствии на церемонии присяги, немыслимой без его участия. Это наводит на мысль, что ловкий владыка предпочел умыть руки в трудный час междоусобной борьбы и сохранил нейтралитет в борьбе между Захарьиными и Старицкими.

Дело клонилось к заговору против наследника и регентов. Но заговорщики не успели осуществить своих намерений. Планы дворцового переворота потерпели неудачу: царь выздоровел, и вопрос о престолонаследии утратил остроту.

Глава 7

Начало отхода царя от Избранной рады

Летнее погожее утро. Иван с царицей и сыном собирались отбыть на богомолье, в котором первому царскому сыну Дмитрию было суждено утонуть. Два всадника из сопровождения — князь Курбский и главный царский порученец Алексей Адашев тихо переговаривались:

— Как не на богомолье, все в тайне, никому ничего не сказал, даже не предупредил, — посетовал на царя Андрей Курбский.

— Иван подозрительный стал. Никому не доверяет, — ответил Адашев.

— И то понять можно, — согласился князь.

— Можно, только он различать перестал, кто друзья, а кто враги. Намедни у Макария угощали, так он есть отказался. Приказал, чтобы я первый еду пробовал. А уж Макария ли подозревать в предательстве? — удрученно поведал Алексей.

— Ну а Макарий что? — спросил с интересом князь.

— Старик, конечно, смолчал, потому что он верит, что государь временно добро от зла отличать перестал. Но только временно. Вот и троих лучших людей в монастырь вперед велел выслать, чтобы служения под их наблюдением готовились. На родной земле как у супротивников, — ответил грустно Адашев.

— Я думаю, пройдет это все, — завершил беседу царский воевода.

— Дай-то Бог, — поддержал несколько уныло Алексей, видимо, в душе уже полагая худшее.

В карете по дороге в Троице-Сергиеву лавру Анастасия заметила супругу:

— Сильвестр заботливый стал. Последнее время целыми днями то со мной, то с Дмитрием сидит. Раскаялся он.

Иван посмотрел на жену долгим взглядом и отвернулся. Затем неожиданно произнес:

— Бойтся он. Что мстить буду бойтся.

— Но ты ведь не будешь? Иван, ты же простил их всех? — заволновалась Анастасия.

— Простил, — ответил Иван.

— Зачем ты пепел в душе ворошишь и снова огонь из него возжечь хочешь? Ты на волосок от смерти был! Господь спас тебя, спас потому, что ты простил их всех: и брата, и бояр мятежных, и Сильвестра. И правильно он сделал, — подвела удовлетворенно черту разговору царица.

В лавре по приезде царя состоялась его беседа с многоумрым старцем Максимом Греком...

— Ты что сказать хочешь, что я зря на богомолье отправился? — раздраженно спросил монаха Иван.

— Сам сказал, государь, что слова мои пророческими оказываются, — ответил старец и продолжил: — Поверь, ты мне, псу дряхлому, жизнью битому и ею умудренному: отложи богомолье, вернись в Москву, и сына своего береги.

— Пастыря ли я слышу? Ты что ж отговариваешь меня от служения Господу из-за пустых страхов твоих, старик? — возмутился русский самодержец.

— Напрасен гнев твой, государь. Мне не о прошлом печалиться надобно, да гневом сердца за былые обиды помнить, а о будущем думать. И страх-то мой не пустой, в сердце тоска нехорошая, когда о царевиче думаю, — спокойно закончил свою речь Максим Грек.

— Смерть твоя близка, жалкий старик. А судьба моя и сына в Его руках, а не в твоих! — возбужденно возразил монаху Иван.

Но судьба Дмитрия на деле оказалась известной старцу, который безошибочно предрек погибель младенца, повергшей Ивана в тяжкую тоску. Размышляя о случившемся, царь сокрушенно вопрошал у Бога:

— Господи, я ж благодарить ехал тебя, а ты забрал дитя! Господи, скажи за что забрал Дмитрия? Где моя вина?

Скрипнула дверь, ведущая в царские покои. В дверях появился человек, назвавшийся Иваном Федоровым. Государь вдруг вспомнил, как о нем

говорили ему князь Курбский и Максим Грек, характеризуя последнего сметливым и дельным человеком, могущим после учебы за границей наладить на Руси печатное дело.

— Ну, что молчишь? — спросил Иван, подошедшего к нему гостя.

— Прости, государь, в гибели сына твоего большая беда для всех. Да только тоска твоя ни к чему. Уныние — это грех тяжкий, — высказал общую тревогу гость.

— Тебе ли меня судить? — спросил укоризненно Иван.

— Не сужу я, государь. Я сам знаю, что значит дитя родное потерять, — уточнил Федоров.

— Знаешь? Уныние — грех. А куда от тоски бежать? — спросил вяло Иван.

— Куда ж бежать тебе, если ты государь? — удивился будущий печатник.

— Не хочу им быть! А вместо меня сядешь на престол? — лукаво поинтересовался у Федорова царь.

— Нет.

— А многие рвутся.

— Каждому Господь свое место определил.

— Твое место какое?

— Мое место народу служить. Хочу я, чтобы народ духовный и грамотный был. И для того хочу дело печатное наладить.

— Народ духовный и грамотный? А какая тебе корысть с этого?

— Хочу я, чтобы народ сам себя уважать научился. Вот ты военное дело наладил. Городов и крепостей понастроил. Но били и будут бить Русь нашу!

— Почему?

— Из-за невежества. Потому, что темный народ никогда не сможет свое Отечество защитить!

— Ты что ж, книгами своими Русь защищать будешь?

— Книгами и буду.

— Ладно. Поедешь в Краков. Учись прилежно. Ступай.

Федоров, пятясь задом, двинулся в поклоне к двери.

— Стой! А ты и впрямь для себя ничего не хочешь? — спросил его самодержец.

Будущий печатник в ответ лишь головой покачал.

— Как твоего сына звали? — вдруг спросил царь.

— Не было у него имени, государь. Не успели имя дать. Он как родился — в пожаре сгорел. Так и схоронили безымянным, — спокойно пояснил Федоров.

— Ступай.

Оставшись один, Иван задумался:

«Неужели этот Федоров ровно то, что говорит о себе? А ежели так, то где, Господи, сыскать подобных людишек поболее, ведь без таковых задуманное дело не выйдет вовсе?»

1554 год. В Москве стояла суровая русская зима. Во дворе царского дворца Сильвестр придирчиво осматривал прибывший с иностранцами обоз, в котором находились многочисленные подарки ее величества английской королевы русскому государю.

— Хорошее сукно, — заметил вслух слугам Сильвестр, — несите во дворец.

В тронном зале английский посланник через своего толмача рассказывал русскому царю о цели своего визита:

— Английская королева Елизавета шлет поклон великому государю всея Руси. Путь к тебе, великий государь, был долог. Пришлось держаться Северного пути через Студеное море и причалить в устье Северной Двины. При этом потеряли два корабля.

— Что же не через Балтику? — поинтересовался Иван.

— На Балтике, великий государь, Англии мешают свободно ходить немецкие и шведские посредники.

— Да и с наших кораблей немецкие купцы три шкуры дерут через Ригу, Ревель и Нарву, которые они к своим рукам давно прибрали. А шведы русским судам грабительские сыски прямо в море чинят, — поддержал англичанина русский царь.

— Выходит, у нас общие интересы: Англия стремится на восток, а Россия на запад. На нашем пути одни и те же недоброжелатели. Я усматриваю в этом знак Свыше. Сам Бог благословляет наше сотрудничество, — закончил свою вступительную речь посол, имя которого было Ричард Ченслер.

— Что мы можем сделать для ее величества? — деловито спросил Иван.

— Англия, как вам известно, находится во вражде с испанским королем Филиппом II. Ее величество спешно строит большой флот. И мы нуждаемся в товарах, которые нам способна предоставить Русь: древесина, кожи, смола, канаты, мачты, много мачт.

— А вы нам взамен что? Интересы у нас тоже военные: порох, селитра, сера, вооружение новейшее, боеприпасы к нему; да спецов, сведующих в артиллерийском деле; аптекарей, зодчих в каменном деле, оружейников и прочих ваших спецов. Как с этим? — напористо заговорил государь.

— Перед моим отплытием из Англии наш парламент высказался за создание Московской кампании, которая бы на государственном уровне вела все торговые сделки с вашей страной. Разумеется, если ваше величество согласится на утверждение оной.

— Я согласен, — завершил деловую часть Иван.

Англичане с явным удовлетворением на своих лицах приняли участие в прослушивании русского хорового пения в сопровождении колокольного звона. В этот момент к царю приблизился Адашев и тихим обиженным голосом заговорил:

— Ты избегаешь меня в последнее время, государь. Отчего ж так?

— Показалось тебе, Алексей. Как и прежде, ты да Рада избранная — мои вернейшие помощники, — с некоторой усмешкой ответил Иван.

— Значит, просто показалось, — грустно подытожил Адашев и продолжил: — Когда поход на Астрахань решил начать?

— Весной думаю направить войска Волгой, — сухо ответил царь, — командовать поставлю воеводу Юрия Пронского.

— Государь, правильно ли моя догадка, что Московскую кампанию с англичанами ты для того одобрил, чтобы в случае войны с Ливонией они стали твоими союзниками?

— А если и так?

— Но сам же знаешь: начнись война, Польша поддержит ливонцев, она давно на этот кусок земли претендует.

— Вот что, Алексей: нам выход к Балтике нужен. Иначе как отставали мы, так и будем впредь отставать от Европы, пока ливонцы будут богатеть за счет наших купцов.

— Литва, Польша, Швеция, дружественная нам Дания не хотят видеть наши торговые суда, чтобы они свободно проходили через Балтику в большой мир. Они страшатся еще большего могущества России, и стоит нам завоевать хоть несколько городов Ливонского ордена, как тотчас все эти страны объединятся против Руси, и это приведет нас к небывалому унижению, — буквально отрапортовал Адашев.

— Унижение, говоришь? А не унижение мы терпим 50 лет? Их Дерпт, наш исконный Юрьев, обязан платить нам дань! Где она? Всякий раз эти прохвосты приезжают к нам выказать свое почтение с пустыми руками. Не унижение ли сие, что из года в год они делают из нас дурней? Поэтому хватит, я решил. Ступай.

Протяжное русское хоровое пение в тронном зале дворца наконец-то завершилось обильным и освежающим колокольным звоном.

Иван сидел за столом в своем рабочем помещении, склонившись над ворохом свитков, коими он был завален с верхом. Рядом с царем стоял Алексей Адашев.

— Ты читал это? — спросил Иван, показывая рукой на стол.

— Читал, государь, — ответил главный царский помощник.

— Сколько злобы на ближнего! — произнес в сердцах самодержец.

— Сам позволил холопам челобитные на всех и вся писать, — заметил укоризненно Адашев, — теперь столько бумаги исписано, что за год не перечтем.

— Неужели непонятно: другого хотел я, — заключил Иван.

— Не сразу вершится дело, государь, — попытался пояснить Алексей, — время нужно.

— На что время? На что, спрашиваю я? — стал допытываться царь. — Ведь для того и дело начали, чтобы порядок и простота были.

— Ты сам знаешь, государь, бояр и воевод прежний порядок устраивал, — ответил грустно Адашев, — а народ — глуп и глух. И те и другие только силу понимают.

— Это ты мне говоришь? Ты, опора моя! Точно слова бояр повторяешь, что я зря силы и средства извожу! — раздраженно почти прокричал самодержец.

— Работа писцов и тех, кто челобитные читают, дорого обходится, государь, — тихо ответил царев слуга.

— Ну и не надобны мне они! Не надобны! Сам все буду делать! Сам читать буду! А ненавистников этих и злодеев... Ступай, Алексей, — заключил беседу государь.

Адашев, поклонившись, оставил русского владыку наедине со свитками. Иван, перебирая свитки, стал читать вслух:

— Челом бьем, заступись за нас...

— Заступись...

— Рассуди, бьем челом...

— Государь...

Самодержец крепко задумался:

«Почему никто из челобитчиков не пишет о не личном? Почему жалобщики столь унылы и корыстны? Неужели среди них нет путных, дельных людишек? Неужели таков и сам русский народ? С другой стороны, а как ему быть иным, коль его бояре столь строптивы и столь же нечестивы? Как ими править? Неужели только страх телесного наказания и телесной смерти понимают они вполне? Разве пытки и казни излечивают душу? Разве добро не всеильно, Господи? Видимо, против непомерной боярской гордыни и они вполне станут сущим благом».

— Прости за беспокойство, государь. Ты давеча просил выбрать из челобитных те, что по делу. Вот они, — сказал вошедший к царю Адашев.

— Оставь.

— А те, что прежде принес, читал ли?

— Нет.

— Так что делать с этими челобитными, государь?

— Сжечь.

Во дворе царского дворца горел костер, пламя которого поддерживали царевы слуги, помещая в него многочисленные свитки. Иван скорбно и одновременно раздраженно смотрел на открывшуюся его взору картину горения народных чаяний.

1556 год. Колокольный звон. Во дворце Ивана чествовали победителя Астраханского ханства князя Пронского. Царь поднял и передал чарку князю в честь одержанной им победы.

— Пало Астраханское ханство. Отныне вся Волга — русская река. За государя нашего светлого Иоанна Васильевича! — возгласил царский воевода.

— Да не за меня надобно пить. За вас — победителей! Уверен был, что с победой вернешься! Князь, молодец! Отныне держава наша крепка. Убоятся ее враги наши! Неверные — покорятся! А кто враждует с нами — пусть дрожит! Потому что силен русский меч! А скоро — еще сильнее будет, — подытожил чествование царь.

— Многая лета, государь! — возгласили собравшиеся на чествование князя Пронского царедворцы.

По окончании церемонии к Ивану приблизился князь Курбский и спросил его, указывая на новое лицо, присутствовавшее на чествовании:

— Кто это, государь? Я не видел ранее этого человека.

— Малюта Скуратов. Так, помощник по мелким поручениям, — пояснил небрежно Иван.

В царских покоях Иван, Анастасия, их малолетний сын Иван, которого мать ласково успокаивала.

— Боюсь я за него, — сказал царице Иван, показывая взглядом на сына, — особенно боюсь в связи с гибелью Дмитрия.

— Чего боишься? — спросила в свою очередь царя Анастасия.

— Многие смерти его хотят.

— Зачем, зачем так говоришь? Напрасно, Иван, напрасно пугаешь сам себя. Даст Бог, у нашего сына брат или сестра будет. Я давно с тобой поговорить хотела. Помиришь с Владимиром. Он давно уже раскаялся. Он мира с тобой ищет. А то и покою не будет. То и Сильвестр советует.

— Сильвестр? Не верю я этой хитрой лисе, Сильвестру твоему...

В тронном зале в связи с рождением царского сына, будущего царевича Федора, беседовали царь Иван и его двоюродный брат князь Владимир Старицкий.

— Государь, я приехал еще просить простить нас с матушкой. Да думал, что не примешь. Бес тогда попутал. Да и раздоров мы совсем не хотели.

— Нет нужды вражду нам помнить, брат. Прости ты меня.

— За что ж? — спросил царя Владимир, избегая смотреть на него.

— За то, что заранее не подумал своему двоюродному брату место достойное определить! А сейчас, — Иван взял лежащий рядом свиток, — вот, читай!

— Духовная грамота, — зачитал Владимир и задумался.

— Читай же! — нетерпеливо произнес Иван.

— Я, царь всяя Руси Иван IV, сим новым завещанием повелеваю: в случае нашей смерти назначаю князя Владимира Андреевича Старицкого не только опекуном юного царя, не только государственным правителем, но и наследником трона, ежели царевич Иоанн скончается в малолетстве... — замолчал вдруг Владимир.

— Читай же далее! — раздраженно заговорил Иван.

— Князь же Владимир дает клятву быть верным совести и долгу, не щадить ни самой матери княгини Ефросиньи, если замыслит какое зло против Анастасии или сына... — снова совсем ненадолго затих Старицкий и продолжил: — Клянется не знать ни мести, ни пристрастия в делах государственных, не вершить оные без ведома царицы, митрополита, думных советников и не держать у себя в московском доме более ста воинов...
Государь!

— Как видишь, желание дружбы делом подкрепляю, — прервал чтение брата Иван.

— Государь, не пожалеешь... До конца дней буду предан тебе...

— По чести сказать, то не моя идея. Сильвестр мне эту мысль внушил. Мол, братья, и врозь, не по совести это.

— Лично, лично его поблагодарю! — обрадованно возгласил Старицкий.

— Поди, часто захаживает к вам? — лукаво поинтересовался Иван.

— Бывает, не забывает нас, отшельников! — легкомысленно ответил Владимир.

— Вечером будут потехи огненные в честь рождения сына моего. Хочу чтобы ты...

— С непременною радостью! Побегу к матушке. Скажу, что больше не держишь на нас зла!

Вечером того же дня царь Иван, наблюдая издали сверху огненное веселье, говорил своему новому помощнику:

— Ну что, Малюга, хорошо служишь, будешь и впредь мне помогать! Видишь, как народ да бояре рады наследнику?

— Не верю я им, в минуты твоей слабости все, даже самые преданные, рыло свое покажут, — презрительно заявил новый царедворец.

— Да за что ты так знать не любишь? — поинтересовался самодержец.

— Да за что же мне их любить-то? Я еще малолетком был, когда они — знатные юнцы при нас с отцом мамку мою и сестрицу изнасиловали.

— За что ж?

— Да не за что, государь. Просто так, из увеселения. Матушка тогда руки на себя наложила. А сестрица в монастырь ушла.

— Да разве не простить ты их должен как христианин, а? Сказано же: прощайте врагов ваших.

— Да, государь. Да еще сказано: око за око, зуб за зуб.

— А меня тоже ненавидишь? Да?

— Тебе предан буду, как собака. Собака силу чувствует. Она сильного хозяина любит, слабого кусает. Скажи слово, государь: любую кровь на себя возьму.

— Знаешь, кто это? — спросил Иван, указывая на веселящегося в толпе Владимира Старицкого.

— Это брат твой двоюродный — князь Владимир Старицкий.

— Так вот. Хочу знать все о нем, о каждом его шаге.

— Сделаем. Приставлю человечка в ближайшее же время.

— Никому ни слова.

— Молчать буду, даже если на дыбу вздернут, — энергично заключил Скуратов, направляясь споро для исполнения царского желания.

— Подожди! Еще людей поставь за протопопом Сильвестром да за окольным Адашевым, приглядеть.

— В заговоре их подозреваешь? — озадачился Малюта.

— Не твоего ума дело! Собака вопросов не задает, — отрезал Иван.

— И то верно, больше вопросов не будет, — подытожил Скуратов.

— Исполняй! — уже почти крикнул русский царь.

В горнице дома Адашева гости: князя Горбатов-Суздальский, Курбский, Курлятев и протопоп Сильвестр.

— Все ж пойдет Иван войной на Ливонию, — заметил присутствующим Горбатов-Суздальский.

— А не пойдет, — возразил в свою очередь Курлятев, — Боярская дума его не поддержит, и мы не поддержим.

— Нужна ли ему наша поддержка? Тревожно мне. Уж очень он изменился, — вступил в разговор протопоп.

— Изменился. Доверять-то никому не доверяет, — поддержал Сильвестра князь Горбатов-Суздальский.

В сенях дома Адашева двое бедняков получили из рук хозяйки дома подношение и спешно покинули дом влиятельного сановника. Сама хозяйка по имени Магдалыня — супруга царского сподвижника и полька по рождению выглянула за входную дверь и заметила подозрительного человека, умело скрывшегося от ее внимательного взгляда. Неожиданно в сени вошел сам хозяин дома и обнял свою жену, которая не стала скрывать от него своего беспокойства из-за виденного только что ею подозрительного лица:

— Человек тут ходит вблизи дома, все время здесь увивается.

Адашев отпер входную дверь и выглянул наружу. Заметил тоже, как и его жена, незнакомца. Затем, закрыв дверь, спокойно сказал:

— Что ты в голову взяла? Это кто-нибудь из твоих нищих. К тебе столько бродяг ходит.

— Нет! Нет! Это не бродяга. Он что-то здесь высматривает. Я его боюсь! — ответила с большим волнением жена Адашева.

— Ты что ж, думаешь он ограбить дом хочет? У нас столько слуг, что никто не сунется! — невозмутимо ответил царев слуга и крепко поцеловал свою любимую жену. — Все, иди ложись, нечего из-за бродяг сна лишаться.

В горнице в это самое время князь Горбатов-Суздальский снова взял слово молвить:

— На англичан надеется.

— Думает, что союзниками будут. Как бы не так! У них у самих война с Испанией на носу, — продолжил мысль Курлятев, — до нас ли им?

— Ну что вы все словно в раде заседаете, — вступил в разговор вошедший в горницу Алексей Адашев, — я вас не для того в гости звал! Давайте выпьем!

— Славная у тебя жена, Адашев! А я уведу ее! — во хмелю полушутливо заговорил князь Курлятев.

— Давайте выпьем за славную хозяйку этого дома, за ее голубые польские глаза, которые похитили нашего друга Алексея, — вполне трезво вступил в беседу молчавший до того князь Курбский.

Все с энтузиазмом выпили. Помолчали, впрочем, недолго.

— А вообще мы не о том говорим, — взял опять слово князь Горбатов-Суздальский, — я так вам скажу. В глубине души, особо после своей смертельной болезни, ненавидит Иван всех лютой ненавистью, и бояр, и нас всех заодно.

— Чего же это нас и ненавидит? — поинтересовался насмешливо Адашев.

— Да ты и сам все видишь. Не нужны мы ему более. Помеха мы теперь ему. Потому и говорю только, что пьян, — усмехаясь, криво ответил Горбатов-Суздальский, — каюсь я. А вот если что случится, тюкнет он нас всех!

— Как? — раздалось разом.

— А вот так! — закончил свое горькое пророчество подвыпивший князь и стукнул громко ребром ладони по столу.

— Князь, страхов-то уж не напускай! — решительно оборвал Сильвестр. — Ну изменился государь. Ну пренебрегать стал Избранной радой. Но ведь не разогнал? И с любовью его уговорить можно.

В храме на молитве царь Иван.

— Господи, в грехах я весь, в гордыне неуемной. Господи, вразуми раба твоего, укажи путь. Господи, спаси и сохрани, прости грешного... Дав-

но здесь стоишь? — самодержец позвал своего слугу Малюту Скуратова, вошедшего в храм по-тихому.

— Да только вошел, государь, — ответил робко Скуратов.

— Ну что? Какие новости?

— Да все по-прежнему, государь. Некоторые из тобой Избранной рады в доме окольничьего Алексея Адашева собираются. Горбатов-Суздальский, князь Курлятев, князь Курбский. Только заполночь разъезжаются.

— По ночам, будто воры и душегубы? А о чем они там говорят?

— Сие мне пока неизвестно. Может, за здоровье твое пьют? Может, за здоровье сына твоего и, особенно, царицы?

— Чего ж по ночам-то? А как Сильвестр?

— Протопоп Сильвестр часто эти собрания посещает. Кроме того, к брату твоему князю Старицкому ездит. Вроде как приболевшую княгиню, магушку его, навещает. Да и к боярам зачастил, каждого из них посетил, и не единожды.

— Вот как? Ну ладно.

В тронном зале Иван, сидя на царском месте, держит строгую речь:

— Итак, Боярская дума поддержала меня в моем намерении отвоевать обратно у Ливонии наши исконные земли.

— Государь, не вся Дума, — возразил твердо протопоп Сильвестр.

— Государь, я хотел бы повторить то, что говорил ранее. Ибо ласкателем никогда не ходил и не стану. Начинать войну с Ливонией неразумно, потому что их войска сейчас гораздо сильнее наших, — поддержал противников царского плана Адашев.

— Тебя, Алексей, я устранию от посольских дел и отправляю в Ливонию готовить войска вместе с Андреем Курбским. Позже будешь ходить там под началом князя Мстиславского. Ступай! — отрезал Иван IV.

— Спасибо за доверие, государь. Буду служить тебе как всегда, с совестью, — ответил царю Адашев и склонился ему в пояс.

— Что думаешь, Курбский? — царь стремительно обратился к смущенному происшедшим с Адашевым князю.

— Ты государь. Что прикажешь, тому и подчинюсь. Я воин, — заговорил в ответ царю Курбский.

— Государь, я всей душой поддерживаю Алексея Адашева, — неожиданно сказал Сильвестр, — наступление на запад — это безумие!

— Безумие! Значит я, который доселе без твоего указания не сделал ни одного самостоятельного шага, безумен? А? Отвечай! — буквально закричал в ответ Иван. — Может, вся Избранная рада считает меня безумцем? Вместе с Курлятевым, с которым вы науськивали бояр, чтобы они выступили против моего намерения начать Ливонскую войну?

— Не науськивали, а убеждали, государь, — ответил протопоп, — что нападение на ливонцев может обернуться для Руси погибелью. А мы с Адашевым от тебя своих убеждений никогда не скрывали.

— А что сокрыли?

— Ты о чем, государь?

— А о том, что вы, голуби непорочные, своими науськиваниями соблазнили думских бояр, чтобы они выступили против меня.

— Я так понимаю тебя, государь, что ты все уже решил. И только ищешь ссоры. А брань в делах не помощник! Так что поступай, как знаешь, — закончил Сильвестр.

— Ступайте, — обратился уже несколько рассеянно к присутствующим царедворцам русский царь.

В тронный зал вошла Анастасия и спросила Ивана о смысле только что происшедшего у царя собрания, имея в виду совершенно подавленный вид Сильвестра, попавшегося ей навстречу:

— Что? Что здесь было?

Иван приобнял жену и постарался успокоить ее очевидное волнение:

— Дела государственные разобрал, дела...

— А Сильвестр, что таким вышел?

— Сильвестр твой тварь, тварь двуличная!

Анастасия обмякла в руках Ивана и стала оседать на пол. Царь изумился происходившему с женой, но вовремя спохватился и удержал супругу от падения, вспомнив о ее слабости в результате последних родов. Вызвав подмогу, он отнес жену в ее покои. Уложив супругу в постель и отдав необходимые распоряжения привести лекаря, Иван крепко задумался о происходящем вокруг него. Наперебой в голове возникали мысли об измене ключевых советников, твердо навязывавших ему свои решения важнейших государственных вопросов. Снова, уже в который раз, он ощутил тяжесть необходимости выбора, сопряженного с неизбежными и чувствительными потерями. Вновь противно задрожали руки, стало трудно дышать и во всем теле пропала привычная легкость членов. Иван мысленно спросил самого себя о правоте своего выбора. Ответ не заставил ждать:

«Только в Ливонию, иначе сомнут царство православное! Пускай сразу не выйдет, но зато потом все равно сможем одолеть. Да, будут серьезные издержки и значительные потери, но только так в грядущем сможем идти вровень с передовыми державами мира, а значит, выстоим наверняка и спасем веру нашу. Иное — трусость и погибель, пускай даже еще не скорая, но сопряженная с неизбежным общим отставанием».

Лето 1560 года. У постели занемогшей вторично Анастасии митрополит Макарий, пришедший укрепить захворавшую сильно царицу.

— Отец, как я рада тебе, — проговорила тихо Анастасия.

Митрополит вложил в свою руку бледную ладонь царицы и ответил ей с улыбкой:

— А ты все лежишь.

— Да, видно, не встану.

— Ну это ты брось. В молодую голову и мысли вдруг такие. Ничего, государыня.

— Отец, я с тобой поговорить хотела...

В храме на молитве Иван сокрушенно вопрошал:

— Что же ты, Господи? Моя, моя вина в болезни, не оградил, не уберег. Указал ты мне, окаянному, что самое главное сокровище мне подарил. А я, Господи... спаси, сохрани, прости грешного, Господи. Все против меня, Господи!!! Спаси, Господи!!!

Анастасия вдруг отвернулась от Макария, как бы что-то услышав:

— Иван? Боюсь. Сердце его черствеет. С самыми преданными людьми разругался очень. Поговори, поговори с ним.

— Поговорю, — ответил старец.

— Совсем не видит он добра, только зло замечает. Умру я. Что будет с ним? Господи, Господи, пощади! Боюсь я за душу его, — зарыдала тихо царица, — отец, не оставь его. Боюсь я. Господи, что будет с ним? Поговори с ним, прошу тебя. Не оставь его.

— Поговорю.

— Страшно, — произнесла уже совсем тихо Анастасия.

— Не думай об этом. Я поговорю, — постарался успокоить царицу владыка.

— Не думать?

— Не думай.

— Спасибо.

— Ты бы спала, родная. Поспи, милая. Поспи.

— Поспать?

— Поспи.

— Да, я посплю.

Макарий выпустил из своей руки ослабевшую вконец ладонь Анастасии и со скорбным лицом покинул покои царицы...

У гроба Анастасии в полном одиночестве Иван. Он припал лицом к ее челу и замер. Сзади к нему, постукивая посохом, приблизился митрополит Макарий. Спустя короткий миг он прикоснулся к спине царя и произнес вслух:

— Надобно об упокоении служить. Пора уже...

В тронном зале в присутствии Ивана поминальное собрание. В числе прочих присутствуют: братья Анастасии Захарьины, митрополит Макарий, князь Горбатов-Суздальский, князь Курлятев.

— Двадцать шесть лет. Ей бы жить, да жить еще. И лекарь не может сказать, от чего она умерла, — посетовал старший Захарьин.

— Какая-то слабость странная была, — поддержал старшего Захарьи-на младший.

— Вот-вот, государь. Отравили они ее, — заключил старший Захарьин ранее робко выдвинутое обвинение.

— Кто ж они-то? — спросил недоверчиво Курлятев.

— Сильвестр и Адашев, — снова заговорил старший Захарьин.

— Государь, нездоровится тебе, жар, да ночи без сна. Такое горе. Тебе бы отдохнуть, а уж потом суд вершить. Сам ведаешь: Сильвестр с полгода как в Белозерском монастыре. Адашев давно в Ливонии воюет. Наговоры все это! — вмешался Горбатов-Суздальский.

— Через сообщников они все это. У них таких в Москве превеликое множество, — пояснил свое обвинение старший Захарьин, — особенно у беса Сильвестра.

— Государь, возможно ли слушать такие обвинения? Опомнитесь, вы все! Горе для всей Руси православной, для вашего государя горе нестерпимое, а вы личные обиды простить не можете! — заговорил возмущенно митрополит.

— А на суд бы надлежало самих обвиняемых позвать. А так за спиной любого из нас оговорить можно! — снова взял слово князь Курлятев.

— А может быть, ты с ними заодно был? — мгновенноотреагировал старший Захарьин. — Они-то не в Москве, а ты в их защитниках? И здесь был, когда сестра наша умирала.

— Бога побойся! — ответил обвиненный князь.

— Бесы они, судить их немедля надобно! Судить и предать справедливому наказанию за убийство жены твоей! — стал распаленно настаивать glavный обвинитель.

— Вы что, Захарьины, белены что ли объелись? — взорвался Курлятев. — Да пастыря благочестивей, чем Сильвестр, я в жизни не видел. Адашев наряду с государственными делами питал нищих в свое доме! По десять прокаженных держал! И вместе с Магдалыней обмывал их собственными руками, исполняя долг христианина! Из кого колдунов да отравителей собрались сотворить? — закричал князь Курлятев.

— Слушать тебя не желаю. Отправись в Смоленск, сегодня же, — внезапно заговорил Иван, обращаясь к Курлятеву.

— Государь, лгут они! — попытался оправдаться опальный царедворец.

— Вон!!! — закричал в гнев русский царь.

Курлятев вздрогнул всем телом и стал пятиться спиной к выходу из зала. В дверях же растерянно попытался сотворить поясной поклон, но из этого вышло нечто совсем неясное.

— Магдалыня — кто это? — спросил оставшихся Иван.

— Полька, вдова-приживалка, полюбовница Адашева, — ответил старший Захарьин, прознавший о ее невенчанном состоянии с Алексеем по причине ее католической веры.

— Они отравили. Она защищала, обеляла их передо мной. Не прощу их, — заключил Иван.

— Государь, выслушай, прошу. Не суд это, судилище. Ты в отчаянии, горе ослепило, твой ум будто опьянен, сам не ведаешь, что творишь. Анастасию не вернуть. Не бери грех на душу. Она бы сама тебя об этом просила! — попытался урезонить царя Макарий.

— Не сметь! Никому не сметь ее именем меня убеждать! Отравили... — ответил Иван.

— Отравили... — поддержал царя старший Захарьин.

— Помощники Сильвестра и Адашева отравили. И эта Магдалыня — колдунья, ведьма. Один, один я. Удавлю!!! Утоплю!!! Живыми на огне сожгу!!! — отозвался царь.

— Государь! — снова попытался заговорить митрополит.

— Молчи, Макарий! Молчи! — ответил порывисто Иван.

— Что же, вы, делаете, окаянные! Зачем в грех вводите? Знаете, что ваши слова ложь! — возвысил голос ко всем присутствующим церковный пастырь.

— Уйди, Макарий! — снова загремел русский царь — Молю, уйди. Уйдите все.

Участники поминального собрания с опущенными головами поспешили из тронного зала, оставив Ивана одного.

В государевой палате Иван в возбужденном состоянии читал свитки, подаваемые ему Малютой Скуратовым. У выхода раздался стук посоха митрополита Макария, который почти с порога обратился к царю:

— Государь...

— Что тебе, отец? — нетерпеливо отозвался Иван.

— Поговорить с тобой.

— Не могу сейчас. Позже, старик. Дел много.

— Давно обещаешь.

— Просить за кого пришел? За кого? За Адашева? А еще за кого? Вот, вот что творят те, кого ты защищаешь! Вот! Зговоры готовят! — нервно заговорил царь и протянул Макарию свиток, переданный ему перед тем Скуратовым. — Сколько они мне дней отмерили? Сколько уготовили? Может быть, ты их попросишь о милосердии государю своему?

— Доносы читаешь.

— Доносы. Был донос пленника на Адашева. И предательство его вполне подтвердилось. Что прикажешь мне делать, Макарий? Помиловать и вознаградить Адашева?

— А пленник-то сей не подкуплен ли был, дабы очернить Адашева, ввести тебя в заблуждение?

— Опять ты, опять ты как блаженный? Все оправдания ищешь?

— А пленник сей дал показания под пыткой, под лютой пыткой, — вмешался в разговор Малюта.

— Слышал? — спросил Макария с явным вызовом царь.

— И что же? Сразу казнишь Алексея Адашева, даже не выслушав его? — поинтересовался митрополит.

— Я сладкий яд лстивых речей изменников принимать не желаю! Довольно! Я все иудино проклятое Адашевское племя под корень сведу. Все его близкие и дальние родственники на плахе полягут! Чтобы никто из них не смог быть знаменем последующей измены! Ибо ясно теперь: они, они Анастасию ядом отравили! Так пусть теперь и отвечают все скопом!

— Опомнись, опомнись, государь! — снова стал звать к справедливости Макарий. — Алексей Адашев Казань для тебя геройски воевал!

— Нет заслуги в том, что мой холоп свой долг исполнял! Не было у него возможности с учетом явного русского перевеса в силах не взять Казань! — отрезал жестко русский царь.

Вдруг митрополит рухнул перед Иваном на колени.

— Ты что, отец? Что ты? Лекаря, Малюта! — бросил испуганно Иван. — Лекаря! Отец, встань, прошу тебя!

— Нет, на коленях тебя прошу: пощади хоть Алексея. Ну не мог он быть предателем, не мо-о-ог!

— Уйди, уйди, старик. Подобру-поздорову уйди. Ты не ведаешь, во что вмешиваться пытаешься. Не тебе решать участь этих людей, кои встали поперек самой воли царской!

Макарий приподнялся. Иван, поддерживая старца под руку, вывел его из своей палаты.

Дерпт (Юрьев). Место пребывания Алексея Адашева. Во двор его дома въехали всадники из Москвы, посланные за ним царем. Однако им не суждено было найти его живым. По одним данным, он помер от простудного заболевания, по другим же — отравился.

— Что с ним? — спросил слугу Адашева прибывший с отрядом царский представитель, осматривая лежащее тело окольничьего и отвечая, видимо, самому себе: — Мертв, не успели, отравился сам.

Москва. В тронном зале царь Иван и протопоп Сильвестр.

— Прости, государь, за настырность мою. Но не могу более пребывать в немилости души твоей. Не виновен я. Казни меня, но не виновен. Царицу я почитал. Один Господь знает, как я скорблю, — начал говорить царю Сильвестр.

— Не смей говорить о ней своим поганым ртом! — зарычал в ответ Иван.

— Государь, а ты казни меня. Я все стерплю от гнева твоего. И гнев твой прошу. Заступница Анастасия сколько раз спасала меня от гнева твоего. Теперь спасать некому.

— Уходи, Сильвестр. Уходи, — ответил твердо царь.

— О том я и просить тебя пришел, государь, — проговорил уже хрипло протопоп и упал на колени у ног Ивана, пытаясь поцеловать его руку, — отпусти, отпусти меня на Соловки. Все оставшиеся дни молиться о твоей душе буду.

— Молиться о моей душе будешь, Сильвестр? Да? Уйди.

— Как же ты? — поднял взор на царя протопоп.

— Не гляди на меня. Не гляди-и-и! Божьей овцой прикинулся, а сам ко мне в душу червем залез! А? Вон!

— Да будет, Господи, на все твоя воля, — проговорил горько бывший царский наставник, вставая с колен и покидая своего царя навсегда.

В пыточном подвале царь Иван, князь Курлятев, палач и голый человек, подвешанный за руки и за ноги лицом к полу.

— Значит, говоришь, заблудился, князь? — проговорил Иван, обращаясь к Курлятеву.

— Не по своей вине, государь. Возница, возница напутал! — заискивающе произнес князь. — А кругом поле, снег. Не доглядел, как заплутали!

— Я же говорил тебе в Смоленске быть, не покидать его. Говорил или не говорил, а? — спросил князя Иван.

— Окрестности города проверял, не притаился ли где враг поблизости к краю границы государства! — торопливо стал объяснять Курлятев свое нахождение вблизи Литвы.

— С огромным обозом, да? Со всей семьей своей, с добром в сундуках? — насмешливо и одновременно гневно прокричал Иван. — Значит, так, поганец, отправишься теперь с семьей в монастырь в Коневец грехи за предательство отмаливать. Жена и дочери тоже в пострижение в Челмогорскую пустошь. Хватит им в собольих шубах разгуливать! Пшел вон, собака! — завершил свою огненную речь грозный царь, взявшись рукой за раскаленное железо, которое тут же поднес к телу истязаемого человека со словами:

— Где яд взяли?..

Князь Андрей Курбский прибыл срочно из Ливонии во дворец Ивана и сразу же направился к царю, ожидавшему его в тронном зале.

— Князь Курбский, государь! — объявил привратник о прибытии воеводы.

— Князь! — произнес радостно Иван и стремительно двинулся навстречу Курбскому, ставшему на одно колено и склонившемуся у царских ног.

Царь обнял и приподнял с пола князя и отошел от него к трону.

— Отчего честь такая, государь? — произнес царский воевода.

— Князь, видеть тебя рад! Живой! В прежде избранном мной совете ты единственный, кому я безраздельно доверяю. А сам-то доверяешь мне?

Не судишь ли меня за Сильвестра, Адашева и его приживалку-польку, казенную вместе с детьми?

— Нет, помазанника Божьего лишь Господь судить вправе! Не его подданные.

— Что, что за вести привез?

— Вести тревожные. Сигизмунд решил взять под свою опеку ливонцев как вассалов и хотят они объединиться против нас со шведами.

— Знаю, но у меня есть ты. Ты мой спаситель! Ты талантливый воин, Андрей! Ты все сделаешь, ты победишь! Ты под Казанью себя проявил и ныне в Ливонии проявишь. К тебе одному лежит душа моя. Тебе одному доверяю.

— А как же Басмановы, Вяземский, Скуратов? Ты их возвысил наравне с Захарьиными.

— Захарьины братья Анастасии. Басмановы, Скуратов и Вяземский — холопы мне преданные. А ты, а? Ты мне друг? Назначаю тебя главнокомандующим наших войск в Ливонии. Увеличиваю там наше воинство до 80 тысяч.

— Государь, — смущенно заговорил Курбский, — войско Сигизмунда и его союзников больше и вооружение их не чета нашему!

— Ничего не хочешь слышать! Ты победишь! — заговорил быстро в ответ Иван, направившись снова к князю, торопливо опять ставшему перед царем на одно колено. — Отбери у них новые города и крепости. Невель! Возьми его. Он будет твой. Возьмешь?

— Говорил и говорю, государь, я воин. А посему приказ твой исполню!

— Воюй, Андрей Михайлович, воюй! И не на жизнь, а на смерть! Невель нужно взять. А там мы с тобой такие дела будем делать, что вся Европа о нас говорить будет!

— Целую крест, государь. И клянусь до гроба служить Отечеству верой и правдой!

— Ты мой спаситель! — произнес русский царь, положив свою руку на плечо вставшего воеводы.

— Просить думал, государь! Заступиться!

— За кого ж?

— За Курлятева.

— Да что ж просить то за него? И так участь не худшая выпала на него! Сослал я его в монастырь со всей семьей! И больше ничего сделать не могу!

— Далее он там же находиться будет?

— До конца жизни своей! Пусть собаки замаливают свой грех за измену!

— Только это и хотел просить, государь.

— Ступай.

Князь Курбский, поклонившись, стремительно покинул тронный зал. Оставшись наедине, Иван задумался. Его мысли обратились к досаде на русских вельмож:

«Что ж они только о личном усердно пекутся? Что ж они не любят совсем дело, поручаемое мною, изыскивают сплошь и рядом причины не делать его? Откуда в них столько непомерного самодовольства, совсем не подкрепляемого серьезными личными успехами? Ведь вполне же очевидно, что без твердой веры в Господа и личного самопожертвования из любви к царской службе ничего воистину значительного им никогда не свершить! Ну ничего, погодите, я преподам нужные уроки, вы еще прозреете, что значат царская служба на самом деле и как пробовать самовольно пересматривать уже решенное мной. И первым уроком будет участь князя Курбьева. Она наперед сообщит всем и каждому из вас, чтобы никому даже в голову не приходило искать защиты у царя против царя. Искал князь надежду долгой жизни? Будет ему и его близким взамен скорая смерть от рук Малюты!!!»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В 1560 году правительственный кружок Сильвестра и Адашева был устранен от власти, а сами его деятели оказались в опале. Разногласия и взаимные неудовольствия явились причиной логического завершения. Значительное место придавалось и случаю, произошедшему еще в 1553 году, когда тяжело заболевший молодой царь поставил вопрос о наследнике. Царь хотел, чтобы бояре присягнули как наследнику его тогда единственному сыну, которому было всего около пяти месяцев. Среди приближенных начались разногласия, предлагалось, чтобы наследником стал старший князь Владимир Андреевич, и среди тех, кто поддерживал эту кандидатуру, были некоторые деятели Рады. Через некоторое время инцидент был исчерпан: все присягнули младенцу, включая и самого князя Владимира Андреевича, царь выздоровел, а сам царевич не дожил до года. Но осадок остался, и через 12 лет Иван Грозный писал Курбскому, что «Селивестр с Адашевым, забыв царские благодарения, младенца нашего хотели погубить, воцарив князя Володимира». Когда пало правительство Избранной рады, Сильвестра постригли в монахи и отправили сначала в Кирилло-Белозерский, а затем в Соловецкий монастырь. Алексей Адашев и его брат Данило были посланы на службу в Ливонию, где шла война. Через некоторое время Алексея уже не было в живых, а Данило же был заключен в тюрьму и через два года казнен. Считалось, что расхождения между Иваном и Избранной радой лежали в области внешней политики. Царь Иван обвинял Сильвестра и Адашева в том, что они выступали против Ливонской войны и в «супротисловии». Адашев и Сильвестр, умные и одаренные политики, могли после начала конфликта с Ливонией, когда стало ясно, что Великое княжество Ливонское и Польша будут в этой войне противниками России, убедиться в ее бесперспективности и советовать царю найти пути, чтобы с честью выйти из тяжелой ситуации. Чувство реальности не позволяло вести на юге прежнее восточное направление внешней политики. Сильвестр и Адашев знали, что за спиной крымского ханства стояла могучая Османская империя. Только оборона, никаких наступательных действий против Крыма — этот вариант был единственно возможным. Недаром в посланиях Курбскому царь Иван не решился повторить ложь о том, что Адашев ссорил Россию с крымским ханом. Иван Грозный связывал свой разрыв с советниками со смертью своей первой жены — царицы Анастасии, прямо обвиняя вчерашних временщиков в ее убийстве. В плохих отношениях с деятелями Избранной рады были также родственники Анастасии — Захарьины. Придворные ссоры между Захарьиными и временщиками после смерти царицы приобрели в глазах царя зловещий

оттенки, он при этом особенно охотно припоминал чужую вину. Однако раздоры из-за Анастасии стали лишь последней каплей в разладе между царем и советниками. Именно резкое охлаждение отношений заставило Ивана IV поверить вздорным обвинениям. Психологический конфликт заключался в том, что и Адашев, и Сильвестр, и их сподвижники были людьми очень властными, с сильной волей. Но крайне властолюбив был и царь Иван. Как человек, легко поддающийся впечатлениям, царь Иван мог какое-то время терпеть подчинение чужой воле: я, мол, самовластен, что могу даже позволить слушать советы подданных. Но как легко он привязывался к людям, так же легко и расправлялся с бывшими любимцами. Должно быть, Адашев и Сильвестр переоценили свое влияние на царя и не заметили того момента, с которого царь стал подчиняться им со все большей неохотой. И тогда привязанность царя к своим советникам превратилась в жгучую ненависть. Но этот психологический конфликт был следствием другого конфликта — между разными представлениями о методах централизации страны. Структурные реформы, которые проводило правительство Избранной рады, как и всякие структурные реформы, шли медленно, их плоды созревали не сразу. Нетерпеливому человеку, каким и был царь Иван, казалось, что результатов-то и нет, что ничего не сделано. Ускоренный путь централизации в условиях России XVI века был возможен только при использовании террора. И прежде всего потому, что еще не был сформирован аппарат государственной власти. В годы правления Избранной рады суд кормленщиков на местах был заменен управлением через выборных из местного населения, но выпалывающие свои управительные обязанности фактически на общественных началах губные и земские старосты — это еще не аппарат власти. Центральная власть была слаба, не имела своих агентов на местах. Жестокость, террор — показатель слабости власти, ее неумения добиться своих целей обычными путями. Вместо длительной и сложной работы по созданию государственного аппарата царь Иван пытался прибегнуть к наиболее «простому» методу: «не делают — приказать», «не слушаются — казнить». Но этот путь террора был неприемлем для деятелей Избранной рады. И хотя суровость и жестокость наказаний умещались в систему ценностей века — людей вешали даже по подозрению в разбое, признание добывали с помощью пыток, тогда официально незаконных, единственным видом тюремного заключения считалось пожизненное, от служилых людей требовалось беспрекословное подчинение, — это еще не было атмосферой массового террора, всеобщего страха, массового доносительства. Отсюда и вытекало сопротивление Сильвестра и Адашева тем или иным начинаниям царя и упорство в проведении в жизнь собственных предначертаний. Конфликт разрешился падением самой Избранной рады.

А вот что писал об этом же сам государь в своем первом послании Курбскому:

«Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это, расскажем дальше. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и право предстоять

с ангелами у престола господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира агнец божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это пограл коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Священному Писанию. Так как я знал из божественного писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, и ему ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, подобно Илье жрецу, начал, подобно мирским людям, окружать себя друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, также и за то, что вы, бояре наши, выступали против нас; вас же, бояр своих и всех прочих людей, за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, то есть попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советовать тайком от нас, считая нас неразумными; вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. Мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не подлежит быть у вас, и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей. И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как им заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неуютно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими.

Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительнейших, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем не давали воли: все

было по их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев. Неужели же это “противно разуму”, что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается с надменной и грубой речью, не как владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — то это хорошим считается у них; кто нас послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь — пагуба душе и разорение царству! И так жили мы в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу: все, что было нам враждебно, усиливалось, все же, что было нам по нраву и успокаивало, то уничтожалось. Вот какое тогда сияло православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время путешествий, и во время отдыха, и в церковном предстоянии, и во всяких других делах? Вот как это было: они притворялись, что делают это во имя бога, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы.

Когда же мы божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались восвояси, что могу вспомнить о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив на судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!

Когда же вернулись мы в царствующий град Москву, Бог, свое милосердие к нам умножая, дал нам тогда наследника — сына Дмитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем Адашевым, восшатались, как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более — души свои и присягу нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду (и как бы им не погубить!), воцарив князя Владимира. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: “Царь царю не кланяется, но когда один умирает, другой принимает власть”. Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни — что же будет после нас! Когда же мы по божью милосердию все

узнали и полностью уразумели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей Адашев и после этого не перестали жесточайше притеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

А после этого собака и давний изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и поносил перед ними нас, нашу царицу и наших детей; мы же, расследовав это злодейство, наказали того, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами и не только ему, но и всему его роду. И так с тех пор для всех изменников настало вольготное время, а мы с той поры терпели еще больше притеснений: ты также был среди них: известно, что вы с Курлятевым хотели втянуть нас в тяжбу в пользу Сицкого.

Когда же началась война с германцами, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал; когда за свои грехи заболели мы, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с большой царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молить, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем, нашей царицы и детей — всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали.

И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, нестрого наказали их за все это — на смертную казнь не осудили, а разослали по разным местам; поп Сильвестр, видя, что лишились всего его советники, ушел по своей воле, мы же его с благословением отпустили, не потому, что устыдились его, но потому, что я хочу судиться с ним не здесь, а в будущем веке, перед агнцем божьим, которому он всегда служил, но, презрев, по коварству своего нрава, причинил мне зло; в будущей жизни хочу с ним судиться за все страдания мои душевные и телесные. Поэтому и чаду его я до сих пор позволил жить в благоденствии, только видеть нас он не смеет. Кто же, кроме тебя, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не знаете как должно христианский монашеский устав, как следует наставникам покоряться, поэтому вы и требуете для меня, словно малолетнего, учителя и молока вместо твердой пищи. Как я сказал выше, я не

причинил Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не осудили на смертную казнь, но всем, кто не был с ними заодно, повелели их сторониться; это повеление провозгласили и утвердили крестным целованием; но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование, и не только не отшатнулись от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески искать способа вернуть им прежнее положение, чтобы составить против нас еще более коварные заговоры; и так как тут обнаружилась неуголимая злоба и непокорство, то виноватые получили наказание, достойное их вины. Не потому ли я, по твоему мнению, “оказался супротивным разуму, разумея”, что тогда не подчинился вашей воле? Поскольку вы, бессовестные клятвопреступники, привыкли изменять ради блеска золота, то вы и нам то же советуете. Скажу поэтому: иудино окаянство — такое желание! От него же избавь, боже, нашу душу и все христианские души. Ибо, как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, о душах своих забыв и нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей».

Глава 8

Угроза безначалия

Опуская подробный рассказ о новой царской женитьбе на дочери Темрюка Черкасского княжне Кученей (в святом крещении Марии), с которой Ивану суждено прожить бездетно восемь лет, мы видим, что он никак не предполагал, что в эти годы будет беспрестанно приручать ее к себе самыми нещадными побоями, что и они будут озлоблять его дополнительно ко всему хоть как-то противящемуся ему. Но вернемся все же к государственному делу царя, полагая этим свой главный долг в деле описания ключевого смысла всего его правления.

И вот перед нами сцена царского совета по делам ливонским.

— Война с Ливонией затягивается и с каждым днем требует все больше денег и воинов. Я не могу один нести все издержки. К тому же мои верные воины должны получать земли в благодарность за службу. Но где их взять? У меня нет лишней земли, — взял державное слово Иван.

— Государь, мы могли бы подумать как собрать необходимые средства, чтобы продолжить войну и наградить воинов, — заговорил участник совета князь Челядьин.

— Я уже нашел выход. В бессонных ночах и в думах о государстве осенило меня: мы будем забирать у перебежчиков их земли в казну и стогнать с них родичей. Княжатам воспретим продавать и сдавать старинные родовые земли, а вымороченные владения, которые прежде доставались

только монастырям, опять же все будут отчуждаться в казну. Туда же пойдут все княжеские вотчины иногородцев, кои перешли к ним после смерти моего отца.

— То есть, государь, ты хочешь пересмотреть все давние сделки? — вступил в разговор озадаченно князь Горбатов-Суздальский.

— Еще добавлю. Братьям и племянникам умершего князя позволяю наследовать их земли лишь с государева разрешения. Да, один важный момент. Сие уложение касается не всех вотчин, а только половины видных бояр и князей.

— Раздор между боярами посеять хочешь? — спросил дерзко Челядьин.

— Тебя, Челядьин, сие не касается! Ты как раз из другой половины! Да и что за разговор в самом деле — раздор? Я думаю о государстве. Холопы мои могут собачиться, могут в мире жить. На то их воля. Без прироста в государственную казну излишков от княжеских вотчин Ливонию до конца не одолеть и не закончить правое дело. Согласны ли со мной?

— Но, государь! — заговорили хором обеспокоенные нововведениями царя князь из царского совета.

— Вижу, согласны. А теперь идите! Это все, что я хотел обсудить с вами. Ступайте, ступайте.

Тайное боярское собрание. На нем присутствовали князь Горбатов-Суздальский, Челядьин, боярин Ховрин и некоторые другие весьма заинтересованные вельможи.

Слово взял боярин Ховрин:

— Совсем он спятил. Своим новым уложением порешил всю родовитую знать исконных вотчин лишить!

— Зато родичей его: Старицких, Глинских, Бельских, Мстиславских, тебя Челядьин, да еще многих других сия чаша горькая миновала! — подхватил высказанное возмущение Горбатов-Суздальский.

— Пока миновала, — мрачно заметил Челядьин.

— Может, и так. А вот нас, суздальских, ярославских, ростовских, стародубских он к расхищению наших имений приговорил! — продолжил возмущаться Горбатов-Суздальский.

— Да сравить он нас хочет, — снова заговорил Ховрин, — чтобы мы сами себя перегрызли. А нам нужно быть заедино!

— Это как же заедино, Ховрин? Это как же заедино? Вот ты с землей, а я без земли! — закричал Горбатов-Суздальский, вскакивая и хватаясь за кинжал.

— Сядь! Не успел Иван у тебя и пяди отнять, а ты, Горбатов-Суздальский, как он и рассчитывал, уже в распрюходишь! — пресек волну гнева князь Челядьин. — Ховрин верное слово молвил — заедино! Он сначала с Сильвестром и Адашевым покончил, а ныне и Курбский ему уже не мил! Стоило Андрею Михайловичу совершить военный промах под Невелем,

как тут же разжаловал князя из главнокомандующих и спровадил наместником в Дерпт. А зверская расправа над Курлятевым и его семьей?

— Так чего ж мы ждем, надеемся? — зашумели остальные участники тайного вельможного сбора.

— Кровопийство не утоляет, оно усиливает жажду новой крови. От того предвижу: оно сделается лютейшим из страстей Ивана! — прозвучал из мрака мудрый голос.

— По мне так выход один: Владимира Старицкого на трон! — попыток Ховрин.

— Да хоть его! — отозвались охотно многие из присутствующих.

— Захочет ли? — спросил вдруг сам себя Ховрин.

— Матушка его захочет, — отозвался Горбатов-Суздальский.

— Вчера от Курбского тайную записку получил, — вступил снова в разговор князь Челядьин, — в речи перед Сеймом король сказал: как только его войска войдут в пределы Московии, многие бояре добровольно присягу примут и под его подданство со всеми своими владениями пойдут.

— Присягнуть-то мы бы присягнули. Однако как же Сигизмунду до Московии добраться, ежели Иван уже Полоцк захватил? — парировал кто-то слова Челядьина.

— Авось, найдем способ, как Сигизмунду подсобить, чтобы он поскорее в престольной оказался. Мыслишки кое-какие есть, — закончил Челядьин.

Участники тайного собрания вельмож подняли кубки с вином в честь грядущего успеха одобренного ими плана действий.

Дерпт (Юрьев). В дом князя Курбского прибыли неведомые всадники.

— Князь Курбский в доме? — спросил громко один из них.

— В доме! — крикнул в ответ слуга князя.

— Держи коней! — распорядился один из прибывших.

Дверь в горнице отворилась, и в проеме показался слуга Курбского:

— Прости, князь. К тебе дьяк Висковатый просится, — сообщил слуга и спросил следом: — Примешь ли?

— Откуда ему здесь быть? — поинтересовался у слуги Курбский.

— Сказал, что проездом из Дании.

— Пригласи.

В горницу вошел дьяк Висковатый и с порога направился прямо к князю. Курбский и Висковатый по-дружески обнялись.

— Что так скоро в Москву возвращаешься? — спросил подчеркнuto сухо Курбский.

— Пан наш из непомерной гордыни начал и шведскому и датскому королям бранные письма слать и требовать невыполнимого, — пояснил Висковатый.

— Ясно. Значит русскому посольству посоветовали выехать. Ну а что решил меня навестить? — спросил уже строго князь.

— Да-к, как опальный опального... князь, обидами незаслуженными поделиться заехал!

— Подожди, подожди. О каких таких обидах, о какой такой опале ты толкуешь? Я в Дерпте на воеводстве состою, а тебя государь послом в Данию отправил.

— Напрасно ты со мной осторожничаешь, Андрей Михайлович. Меня ведь Челядьин в кое-какие ваши замыслы посвятил.

— Какие такие замыслы? Ничего не знаю. Ничего общего у меня с Челядьиным никогда не было, да и быть-то не могло.

— Ну, раз считаешь, не было, значит, не было. Ну ладно, поеду далее. Хотя ехать в Москву, честно сказать, не хочется. А бежать в Польшу, в Литву не могу, не мое там все. Ну, прощай! — подытожил дьяк и хлопал Курбского по плечу.

— А то отобедаешь, с дороги-то?

— А чего ж нам трапезничать, коли доверия ко мне у тебя нет? А знаешь, о чем я сейчас жалею?

— О чем?

— Что в дни огненной болезни Ивана принуждал бояр присягать пеленочнику Дмитрию, а не Старицкому. Вот так-то вот.

Дьяк покинул горницу. К князю сразу же вошла княгиня и спросила о визитере:

— Чего он хотел?

— Да так, проездом. Он в Москву путь держит. Видимо, хотел знать московские новости.

Жена обняла мужа. Супруги Курбские задумались каждый о своем, предчувствуя неизбежные и скорые перемены. Жена воеводы женским чутьем остро почувствовала приближение беды, до конца не понимая ее ключевого смысла:

«А если мой супруг замешан в чем-либо и предусмотрительно сие скрывает от меня, дабы не впутывать в мужское рискованное дело? Да и как ему не быть замешанным против деспота, ведь твердо известно, что наши вельможи много недовольны войной Ивана в Ливонии и рады помочь полякам свергнуть его? Но тогда мужу рано или поздно придется спасаться бегством в Литву, во всяком случае на период грядущей смуты? И потом он, видимо, сможет нас спасти, придя в нужный час в Дерпт во главе отряда поляков? В противном случае и саму меня, беременную, и нашего 9-летнего сына деспот обязательно призовет к ответу. Впрочем, друг семьи, возможно, и выручит, ответит царскую грозу от меня и сына как от полностью непричастных к деяниям супруга, но только если Андрей будет уже далеко. Но как подсказать мужу мысль о бегстве и не обидеть его подозрением в измене царю? Что ж, подожду удобного случая и подходящего часа».

Князь же крепко досадовал на самого себя, что таиться приходится даже от собственной семьи, так опасно стало открывать свои сокровенные планы хотя бы одной лишней душе. Впрочем, если не лгать самому себе, то и семья по слабости своей или невольно может выдать их деспоту, а значит, все правильно изначально выбрано: опасные планы знают только те, кто не может не знать. «Как бы теперь без огласки их даже перед женой получить от нее же поддержку в их осуществлении. Ничего, еще немного подожду случая и вселю в ее сердце мысль о моем вынужденном уходе в Литву. Не дура же она, в конце концов, должна и сама почувствовать что-то подобное как единственно возможное и разумное? Может даже статься, что и семьей придется пожертвовать, ведь на ней вся жизнь не заканчивается. Главное, как и прежде, раньше времени не открыться никому, ни одной душе, ничуть не отойти от задуманного уже давно начинания из-за соблазна получить преждевременную и приятную одобрительную поддержку...»

Вечерний разговор митрополита Макария с царем Иваном. Собеседники уже не первый раз пытались убеждать друг друга в собственной правде. Вот то же самое случилось в очередной и, возможно, в последний раз. Кто был прав? И была ли правда тогда вообще возможной?

— Ожесточился ты сердцем, шибко ожесточился. Анастасия боялась за тебя незадолго до кончины. Просила поговорить с тобой. Да все как-то не складывался разговор. Да и что теперь. Ведь простил же ты Старицко-го, простил, а гнева к нему в душе не изжег, — начал беседу старец.

— Как же простить, когда вот, — взорвался в ответ Иван и бросился к свиткам, — вот, ты посмотри, ты посмотри! — протянул царь дрожащими руками два из них Макарию. — Вот каждый день доносы. Только посмотри: и на Старицкого, и на мать его, и на таких людей-доброхотов, что даже помыслить не мог!!! Поди разберись, где клевета, где правда.

Митрополит молча подошел к Ивану, обнял его и произнес:

— Не читай их.

— Как? Головой в песок, ничего не видеть и не слышать?

— Доносы эти именами подписаны?

— Нет. Да ведь они боятся мести за правду!

— А ежели хулители эти неизвестные меня в заговоре против тебя обвинят? Поверишь?

Иван в ответ лишь досадливо склонил главу свою перед церковным владыкою и произнес:

— А ежели в них правда, не клевета вовсе? Что ж тогда, пусть вершат себе злое без помех?

— Не ко времени я, государь? — вдруг послышался голос Скуратова, который как будто из ниоткуда оказался вблизи царя и митрополита.

— Нет. По лицу твоему вижу мерзость какая-то случилась. Случилась? — спросил государь своего мрачного слугу.

Малюта кивком головы подтвердил и попытался взглядом показать, что хочет остаться наедине с царем, но Иван неожиданно сказал:

— А вот пусть он и послушает. А то наш Макарий в Бога верует, а в людские мерзости не желает.

— Заговор, — начал Скуратов.

— А ты о нем архипастырю поведай! — снова стал поддевать старца Иван.

— Наши тайные люди при дворе Сигизмунда сообщили, что польский король получил несколько писем от наших бояр, — поведал подробности заговора Малюта.

— От кого? — спросил сурово царь.

— Неизвестно.

— И что же они пишут?

— Жалуются на тебя, государь. Призывают Сигизмунда поскорее освободить их от деспота. Призывают поскорее взять обратно Полоцк и идти на Москву. По пути обещают помощь, а именно сдать несколько крепостей и городов. И еще. Наши люди в Вильно сообщают, что если Сигизмунд возьмет Москву престольную, то бояре под его покровительство со всеми своими землями пойдут и присягнут ему как властителю всея Руси. Кроме того, советуют договориться с крымским ханом, чтобы он пошел на Москву с юга, пока большая часть твоих войск стоит в Ливонии.

— Вот видишь, Макарий, они уже действуют. И не против меня, деспота, против всей Руси! Они готовы ее с потрохами самому дьяволу продать!!! Лишь бы в своих уделах как в старину бесчинствовать и не иметь над собой высшей воли коронованного монарха. Кто? Кто эти иуды? Горбатов-Суздальский? Ростовский? Ярославский? Кто? А может, Челядьин, про которого в одном из доносов сказано, что будто его, а не Старицкого на престол бояре воссадили наметили! Нет, не Челядьин, думаю, он моему отцу был близок очень и любил его до гроба. Это Старицкий, он никак не может за ум взяться.

— Нет, Старицкий не может. Он несколько месяцев сидит у себя в уделе тихо. И никого из бояр не видит. Если кто и приезжает — сказывается больным, — заметил Скуратов.

— Матушка его воду мутит, матушка! — быстро заговорил Иван. — Княгиня спит и видит сына своего на троне и себя возле него. Что молчишь, Макарий?

— Так ведь ты слушать не хочешь, — тихо промолвил митрополит.

— Что слушать? — удивился Иван. — Ты сам, старик, слышал, что сейчас Малюта сказал? Продали нас иудины дети! Продали за гроши! За вольность свою продали! Трон спасти надо, Русь спасти пока не поздно! Уходи, старик.

Царь помог Макарию покинуть приемный зал. Однако уже в дверях митрополит, остановившись, сказал Ивану приглушенно:

— Хоть тело твое от огненной болезни вылечилось, но душа твоя, видно, в том огне до сих пор пребывает.

— Уходи, старик. Уходи.

Как только Макарий вышел за двери, Иван бросил Малюту:

— Чего тебе надо?

— Дозволь высказать предположение, государь.

— Ну?

— А не Курбский ли здесь воду мутит и заправляет всеми крамольниками? — начал излагать свою догадку Скурагов, опустившись предварительно перед царем на колени.

— Малюта, ты спятил, что ли? Что тебе вдруг такая нелепость в голову взбрела? — отреагировал с усмешкою Иван.

— Да вызнал я, что дьяк Висковатый, которого ты посольского приказа лишил, был у опального князя в Дерпте.

— Что ж, да ведь они в приятелях ходили еще в Избранной раде. Вот и заехал по старой дружбе, — парировал догадку Малюты царь.

— Виноват, государь.

— Уж не подумал ты, что я без тебя обойтись не смогу? А может, решил моими руками убрать кое-кого и стать рядом со мной вроде Сильвестра и Адашева, а? Или не так? Вижу, вижу, что не так! Пес ты, верный пес. Псом и служи! А Курбского в обиду я никому не дам. Все у тебя? Ступай. Стой! Ступай. Стой! Поедешь гонцом к Старицкому. Пригласи их к нам в гости. — Иван вдруг умолк и закрыл глаза, запрокинув голову.

Малюта тихо поднялся с колен и стал пятиться спиной к потайному выходу, где остановился и взглянул в сторону царя. Убедившись, что Иван недвижим, быстро вышел прочь.

Царский стол с обильными яствами. Иван предлагает княгине Ефросинье и князю Владимиру Старицким угощаться.

— Как здоровье, княгиня? — начал царь застольную беседу.

— Какое же здоровье в мои-то лета! — вызывающе ответила Ефросинья.

— Однако ж, румянец на щеках. Это что ж, не от здоровья? — ответил на дерзость женщины Иван и снова предложил: — Вы ешьте!

— В пост да скоромное? — снова попыталась уколоть царя княгиня.

— А вы божьи законы читите? — едко заметил в свою очередь Иван.

— Чтим, государь! — гордо заявила княгиня Старицкая.

— Такой праведницы не в каждом монастыре отыщешь! — снова надел на Ефросинью царь. — Упал ныне дух среди иноков и инокинь.

— Ныне не только в монастырях дух православный в большом упадке! — продолжила свое наступление недружелюбная собеседница.

— Это что ж, и в царских палатах кто-то блудом занимается? — насторожился притворно Иван и продолжил: — И попиранием святых законов потешается?

— В каждом доме не без крамольника, почитай, — увернулась от прямого ответа княгиня, — думаю, в царских палатах тоже.

— Матушка! — попытался было остановить мать князь Владимир.

— Как же ты, княгиня, в миру-то, изъеденном червями, дух высокий хранишь? — уже вполне язвительно спросил Иван. — Поди тяжко?

— То крест каждого православного человека, государь, — снова учительливо сказала Ефросинья.

— А я вот помочь тебе хочу, чтобы чистоту твою духовную сберечь! — стал подходить к главному православному царь.

— Ты что же, меня в монастырь сослать хочешь? — догадалась княгиня Старицкая.

— Матушка! — опять попытался остановить мать в препирательстве с царем князь Владимир.

— Молчи, сын! — сурово сказала княгиня отпрыску и спросила царя: — Какой же монастырь мне выбрал?

— Сама выбирай. Я в делах духовных не указ. Я мирскими делами ведаю. Да вот вам, праведникам, в помощь! — небрежно ответил Ефросинье государь и добавил: — А сын твой тоже в праведники метит?

— Что же вы как дети малые? — не выдержал враждебного тона беседы Владимир.

— Сын тебе не соперник, сам знаешь! Меня от мира скроешь, и того довольно будет! — заговорила подчеркнуто громко и напрямки княгиня, приобняв при этом расстроенного сына. — За угощение спасибо... Пойдем, пес верный! Отвезешь меня туда, куда твой хозяин указал! — Уже грубо обратилась княгиня к вошедшему в обеденный зал Малюте Скуратову, приподнимаясь с места за столом и направляясь смело к выходу.

— Ты что-то сказать хотел? — обратился Иван к двоюродному брату.

— Нет, — огорченно ответил Владимир.

— Ты ешь, ешь! Смотри какой худой. Теперь я о тебе заботиться буду! Ешь! — нарочито покровительственно заговорил Иван. — Тебе мясо есть надо. Господь простит.

Князь Владимир, сдерживая слезы горечи и обиды, принялся есть мяса. В этот момент он окончательно понял, что более никто и ничто его не защитит от царского произвола, что впереди у него одна — печальная участь.

После захвата Полоцка, когда государь сам возглавил поход и остался им очень доволен, для русской армии наступили черные дни. Для Ивана тоже. Пришла страшная весть — на реке Уле, а затем и на Орше наголову разбиты русские войска. Узнав о разгроме, государь рвал и метал, скрип его стиснутых зубов, казалось, был слышен всей округе. Временами Ивану хотелось попросту рычать и своими руками удавить провинившихся! Воеводы сплеховали, покрыв себя позором; князь Петр Иванович Шуй-

ский погиб, детей боярских пропало 150 человек. Разгром оказался страшный. И это после такой веской победы над Полоцком, над еретическим Полоцком!

Два дня к государю не решались даже подойти, до того был зол. Солнце уже село, но по краю неба еще светлела полоска. Закат был красен, обещая на завтра сильный ветер. Но Иван думал совсем не о том. После успешного взятия Полоцка так бездарно провалиться! Государю казалось, что все в мире должно происходить только по его воле. И думать, что его воля немало повинна в этом провале, не хотелось. Кого винить? Воеводу Горбатого сам отстранил от всякого командования, бояре в думе были против нового похода двумя корпусами, но царь настоял на своем. И все равно виноватил в поражении воевод!

Вместо того чтобы разобраться в причинах провала, Иван все сильнее и сильнее распял себя ненужными думами. Руки невольно сжимались в кулаки. Как могли литовцы одержать верх над такой сильной армией? Вдруг осенило — только изменой! Царь вскочил, метнулся по палате, тяжело топая. За дверью притихли ближние бояре, боясь лишний раз нос сунуть внутрь, чтобы посмотреть на бушующего государя.

Измена! Конечно измена! Как он сразу не понял?! Три недели назад из Москвы уехало литовское посольство. Если они прознали про наступление, то неудивительно, что подготовились! Кулак Ивана грохнул о столешницу. Удар был сильным, но царь даже не почувствовал боли, настолько его занимали мысли об измене.

С кем встречались литовцы в Москве? Государь принялся судорожно соображать, кто мог быть в сговоре с проклятым Сигизмундом. План наступления знали только в Думе, среди них и искать надо...

Вдруг как огнем обожгло воспоминание о беседе с литовцами князе Михаиле Репнине! Ивана даже пот прошиб — неужто князь?! Сразу вспомнилось и другое: однажды уже после полоцкого похода веселились на пиру, а Репнин отказался вместе со всеми маску скоморошью надевать. Даже после требования царя топтал ее ногами. Тогда строптивца вытолкали взашей. Может, после того, обидевшись, и выдал московские планы литовцам? Конечно он!

Один? Иван снова забегал по палате. Нет, нутром чувствовал, что не одинок супротив него князь Репнин, не одинок... Кто? Кто еще?! Да, еще тогда подле литовцев вертелся Юрий Кашин. Что делать с предателями? Боярская дума своих казнить не позволит. Вдруг появилась злая мысль:

«А я их и спрашивать не стану! Царь я или не царь?! С Курлятевыми покончил же, не дрогнул!»

К утру Иван точно уверился, что он полноправный владыка, а не тварь безвольная, а потому может только своей волей распоряжаться жизнями предателей. Участь бояр была решена.

В последний день января Москва ужаснулась — князя Михаила Репнина царские слуги схватили прямо на всенощной, выволокли на паперть и... убили! Старый почтенный боярин криком кричал, требуя объяснить, за что попал в опалу царю, но ответа не услышал. Зато объяснили другому князю — Юрию Кашину, которого выволокли из церкви с утренней молитвы. Ответили, что за предательство. Он также был убит и брошен прямо на паперти. Не все сразу и поняли, почему убили бояр у храма. На вопрос своих служек митрополит хмуро объяснил:

— Государь полагает, что преступили они перед Богом, потому как предали клятву ему, помазаннику Божьему...

Остальным боярам Иван пояснил, что князья наказаны за изменные дела и связь с литовским посольством. Честно говоря, не все сразу поняли, что за связь, никому, кроме царя, в голову не пришло связать недавнее поражение с выдачей секретов в Москве. Если и была таковая, то с чего государь взял, что виновен старый, заслуженный Репнин? Да и про Кашина такое сказать нельзя...

Но возразить царю никто не посмел, зато многие намотали это на ус — Иван взялся решать все без Думы. Без Думы же и головы рубить будет. У многих сердце замерло или хотя бы тревожно забилося.

Курбский в своем доме в Дерпте под впечатлением последних новостей из Москвы беседовал с женой. На его лице была тень большой тревоги и печали.

— Ужас, жена. Ужас, жена. На него будто буря из недр ада ниспослана, дабы растерзать и возмутить Русь. Адашева, всю родню его, всех близких стубил. Курлятеву с семьей неслыханное беззаконие учинил. Репнина, Кашина приказал на тот свет отправить.

— Теперь твой черед, — заволновалась жена Курбского, — твой!

— Нет, нет! Так не может быть, не может!

— Завтра палачи ирода могут явиться сюда, в Дерпт. За тобой явиться. Этот кровопивец подарит мне твою голову!

Супруга Курбского обвила своими руками шею князя и уткнулась в него лицом. Затем после небольшого затишья молвила мужу:

— Надо бежать! Сегодня же ночью, завтра утром может быть поздно!

— Куда? Как? Стоит нам выехать за ворота, как нас тут же схватят!

— Ты должен бежать один.

— Ты что такое говоришь? Нет, нет! Как же я могу оставить тебя и сына?

— Беги!

— Нет, только вместе.

— Беги! Сборы заметят — остановят. А так я скажу, что не знала о замыслах твоих! Уж меня с сыном не тронут. Беги!

— Страшно мне оставлять вас здесь.

— А ежели ты останешься, то он голову тебе снесет! А так хоть надежда есть, что скоро свидемся.

У смертного одра митрополита Макария Иван на коленях просил благословения:

— Ты не умрешь! Я не хочу, ты не умрешь!

— Разве ты Бог? — тихо спросил старец.

— Дай благословения, старик!

— Иван, верил я в тебя. Всю душу вложил в эту веру. Думал нашей православной церкви пастух будешь. Охранишь да приумножишь стадо. А ты сам потерялся и все стадо в лес тянешь на погибель.

— Что ты говоришь, старик? Что ты говоришь! Не надо! Я пришел у тебя благословения просить.

— На что оно тебе, Иван? Слова мои тебе давно опостытели.

— Прошу, дай благословения!

— Нет, Иван. Заблудился ты.

— Ты не можешь мне не дать благословения. Не можешь! Нет, нет! Я тебя обидел, смертельно обидел. Прости, старик, прости.

— Ты не обидел меня, Иван. Ты лишил мою жизнь смысла. Я сам, сам приложил к этому руку, внушив тебе излишнюю гордыню. Ты, наверное, и не ведаешь, что я принял самое деятельное участие в разводе твоего отца с Соломонией Сабуровой ради будущего чадородия и благословил брак его с твоей матерью.

— Дай благословения! Не то я...

— Старику на краю могилы грозишь?

— Прости, прости, не уходи! Укажи путь, укажи путь! Словно с повязкой на глазах заплутал я, заплутал я, Макарий. Кто ж подаст руку, кто выведет слепца на свет? Тяжко мне, тяжело! Страшное смятение у меня в сердце! Я кому говорю? Прости, не уходи! Не уходи, Макарий, прошу! Не уходи, прошу! Не уходи, другим стану! В монастырь уйду, буду каяться всю жизнь, всю жизнь! Макарий, только не уходи! Благослови, Макарий! Ты светочем был для меня, Макарий!!! Вредный старик! Мстительный, вредный старикашка! Ненавижу, ненавижу. Ты тоже меня предал! Тоже предал, ушел. Ушел, Макарий! Макарий, прошу!..

Тут Иван увидел безжизненную руку митрополита, внезапно повисшую в воздухе рядом с его лицом. Он встал с колен и вышел вон, сообщив предварительно церковным служителям:

— Владыко почил. Царство ему Небесное, вечный покой. Перед смертью он благословил меня. Сказал: береги Русь, Иван. Не давай опять распасться на княжества, не щади тех, кто посягнет на ее единство, карай без жалости и сомнений. Тяжко. Он был святым, самым дорогим мне с детства человеком. Он и никто другой...

Царь задумался. На ум пришла вдруг мысль, что сам Бог расчищает ему поле для будущих масштабных дел, что теперь уже не придется пере-

живать и угождать кому-либо в моменты воплощения в жизнь серьезных решений, что отныне только он полноправный господин или действительный самодержец — помазанник Божий, что вся ответственность на нем. Далее в сознании Ивана зазвучал монолог:

«К чему я предназначен Богом? К созданию и умножению могущества царства православной веры? Воистину так! А чему оно должно служить? Становлению твердой веры в Господа уже всего народа православного? Воистину так! Только она спасет и весь народ православный для вечности! Поэтому мне вершить — мне и отвечать! Но почему же митрополиты понимают Божью правду исключительно как интерес боярский, ведь тогда и царствие Небесное не про них, ведь сказано, что богатство, коим и дорожат более всего бояре, закрывает им путь туда? Видимо, поэтому они ищут себе боярского царя. Да, так, а делают это потому, что и сами в этом подлом интересе имеют свое нешуточное участие. И что же это за пастыри такие корыстные, ведь тогда и вера их в Бога выходит как совсем ненастоящая? Неужели среди первосвятителей нет и вовсе иных? Вот где дело воистину тяжкое! Попробую сам сыскать оных или даже воспитать их! Видимо, выходит так, что кто мне некорыстно служит, тот и Богу угоден будет, тот и все необходимое для своей жизни и жизни семьи от меня получит! Иные же подлежат обращению во служение так или иначе мне, либо... печальна их участь! Аминь».

1564 год. В еще заснеженном лесу на границе с Литвой князь Курбский и его молодой слуга Шибанов.

— Будем прощаться, — начал бывший царский воевода.

— Прощай, князь, — продолжил его слуга.

— Как сын ты мне, — снова заговорил Курбский и обнял юношу.

— Спешить, спешить тебе надо, князь! — зачастил Шибанов.

— Даст Бог — увидимся! — закончил прощание князь и вскочил на коня и крикнул: — Пошел!

Уже издали, остановившись, Курбский прокричал:

— Прощай, Шибанов! Вперед! Домой!

В тронном зале Иванова дворца двое: царь и Скуратов с опущенной головой.

— Гонец прискакал из Дерпта, — начал говорить, не поднимая глаз на царя, Малюта.

— Что гонец, что? — прервал Скуратова Иван.

— Князь Курбский к Сигизмунду переметнулся, — ответил Малюта.

Иван покачал головой, встал с трона и начал ходить по залу взад-вперед.

— Ты первый в нем гниль почувал, — начал свое сетование царь, — я ж слеп был, слеп. Как всегда слеп. Я ему доверил... Другом его назвал... Иди, хотя стой. Поезжай в Дерпт, допроси его близких. Весь дом обыщи.

Оставшись один, Иван задумался:

— И этот оказался неверным, а главное — неверующим в царя, Русь и Бога! Убежал, бросив постыдно даже близких своих. Неужели он настолько боится смерти, что готов на услужение явным врагам Руси? Воистину чужая душа, видимо, не русская совсем!

В маленьком Дерпте, куда прибыла царская сыскная экспедиция во главе с Малютой, полный переполох. Слуги в доме Курбского в панике и полном смятении чувств. Практически все они подвергнуты грубым допросам с применением издевательств и насилия со стороны разъяренных царевых слуг. В центральном помещении у камина жена Курбского спешно сжигала бумаги мужа. Увидев Скуратова, входящего к ней без стука, она бросила ему возмущенно:

— Вы что врываетесь в порядочный дом, разбойники?

Малюта ударом в лицо поверг женщину на пол, приговаривая:

— А вот вопросы здесь, княгинюшка, я задавать буду!..

В тронном зале царь Иван, которому торжественно докладывал Алексей Басманов, новый фаворит и весьма расторопный помощник:

— Малюта нашел в доме Курбского переписку с князем Радзивиллом. В переплете одной из книг Скуратов сыскал грамоту от самого Сигизмунда. Тот благодарит Курбского за старания на благо королевства и заверяет, что если он перейдет к нему на службу, то одарит его щедро золотом и обширными поместьями под Ковелем.

— Будет, хватит! — взорвался Иван и продолжил через паузу: — Где слуга его?

— В подвале, государь, — ответил смущенно Басманов.

Царь спешно направился в пыточное отделение, где и нашел слугу Курбского.

— С кем из московских бояр был в сговоре твой князь? — задал свой первый вопрос Иван и добавил: — Я спрашиваю, кто помогал ему бежать, кроме тебя? Кто его сторонники?

— Ты помог! Своею злобой лютой помог! — ответил бесстрашно царю Шибанов.

— Кому он больше всего доверял? Назови их! — гневно, уже сквозь зубы заговорил царь и вонзил свой посох в сапог бывшего слуги Курбского.

— Адашеву, тобою безвинно осужденному... — с воем от сильной боли в ноге прохрипел Шибанов.

— Будешь гневить меня — сейчас головы лишишься!

— Казни, ирод, давно жду. С радостью жизнь отдам за своего отца-господина.

— Твой отец-господин предал меня, меня!!! И ты его предашь! — закипел Иван и с усилием стал еще глубже вонзать свой посох в сапог дерзкого слуги, из которого стала обильно вытекать кровь.

— Нет, нет!!! — завыл Шибанов.

— Жить захочешь — предашь! — сказал царь и выдернул посох из сапога несчастного страдальца и, уже обращаясь к Малюте, добавил: — Пытать его!..

После жутких и напрасных попыток окровавленный и поддерживаемый с двух сторон бывший слуга князя Курбского в присутствии царя и бояр с народом направлялся к месту собственной казни, обозначенному крупным бревном, лежащим на земле.

— Бояре злорадствуют, государь, что Курбский предал тебя, — заметил царю Малюта и продолжил: — Мои люди сообщили, что сегодня во многих домах сие празднуют.

— Отчего ж и нам не повеселиться? Мы тоже пир устроим, — отреагировал мгновенно Иван и уже Шибанову громко крикнул: — Отрекись от собаки Курбского! Я тебя помилую! Слово свое сдержу! И ради кого ты жизнь свою губишь? Ради изменщика, который оставил семью и тебя, а сам сбежал? Ради человека, предавшего государя своего?

— Я Андрею Михайловичу крест на преданное служение целовал. Не он — ты его предал. — с трудом, преодолевая боль, ответил царю Шибанов.

— Отсекай! — скомандовал решительно царь.

Раздался стук тяжелого топора о бревно, на котором осталось лежать обезглавленное тело бывшего слуги изменщика Курбского. С разных сторон раздались невольные вскрики нескольких женщин, одна из них упала на землю без чувств. Некоторые из бояр сняли шапки и перекрестились.

— Не убирать, покуда вороны холопу Курбского глазницы не выклюют! — завершил процедуру казни Иван, в глазах которого промелькнула горечь сожаления о случившемся. Царь вдруг осознал, что ему самому будет трудно сыскать себе таких же преданных слуг, как Шибанов. Однако это все равно не станет для него камнем преткновения в его борьбе с многоупрямыми, своевольными боярами, которых он урезонит самыми суровыми мерами. Клич «клин выбивать клином» и станет для него главным приемом борьбы с окаянными. Принесет ли такой подход к делу пользу самому Ивану? Конечно нет. Но и отдать Русь на тотальное боярское похотение он тоже никогда и ни за что уже не согласится.

В царских апартаментах пировали с царем его ближайшие сподвижники. Новая супруга царя Мария разливала гостям вино. Иван взял жену за руку и проговорил:

— Уважила моих преданных слуг, Мария.

Царь привлек царицу к себе на колени и поцеловал ее в губы.

— Многая лета государю! — вставая, бодро произнес один из участников царского пира князь Вяземский.

Присутствующие хором поддержали здравицу.

— Ступай! — приказал Иван Марии, подтолкнув ее к выходу рукой.

Царица встала и пошла вон, гневно озирая как мужа, так и его гостей.

— Молодые бояре... Алексей! — хмелея, заговорил царь и продолжил, обращаясь к вновь приближенному ко царскому двору слуге: — Ты, что ж, не женат еще?

— Невеста у меня! — ответил твердо новый царев слуга.

— Хороша?

— Не знаю, не видел. Батюшка выбирал.

— Это что ж, ты, на ком попало жениться будешь? А ежели она уродина какая? Э-э-э нет, так дело не пойдет! Ты сейчас сам жену выбирать будешь из лучших боярских семей...

В зал по команде царя стремительно толкнули группу молодых женщин в одних нижних рубахах. Они громко кричали от обиды и страха перед своей участью. Иван подошел к ним и, обращаясь к Алексею, произнос:

— Ну, какая тебе нравится? Может, эта? Смотри какая?

— Государь, зачем насмехаешься? — закричал изумленный происходящим молодой слуга. — Ведь это девицы из самых лучших московских семей, не уличные девки!

— А ты что, уличных девок сватать собрался? — закричал в ответ царь. — Отвечай же! Ну! Может, другую тебе, смотри какая! — царь решительно разорвал на девице рубаху и обнажил ее крупную грудь.

Раздался общий шум, в котором утонул смех мужчин, крики женщин. Затем началось нечто вообще трудно вообразимое в обычное трезвое время беснование животной страсти и греха вседозволенности, описывать которое и то невыносимо стыдно, не говоря о личном участии в нем. Но писательский долг все-таки обязывает сообщить читателю хотя бы отдельные штрихи сей жуткой истории. Тут было и беспредельное вождение царевых слуг, опьяненных и страстью, и чувством необузданной ничем низменной стихии, и горькое отчаянье девиц, брошенных царем на поругание почти зверям, заглушаемое обильно вином, вливаемым им принудительно царевыми слугами.

Алексей, видя бесчинство своих товарищей, готов был провалиться от стыда и обиды на собственное бессилие сквозь землю. Он отчетливо понимал, что вынужденное его бездействие вовлекает и его самого в происходящее, делает его невольным соучастником мерзости. Вдруг к нему направился Иван, внимательно наблюдавший за ходом оргии и требовавший от ее участников еще большего разгула.

— А ты подходящей не нашел? — спросил Алексея царь.

— Чего делаешь, изверг! — не выдержал Алексей, вскочив из-за стола с перекошенным от гнева лицом.

— А ты убей изверга! — ответил также в сердцах Иван и вложил в поднятую им руку Алексея нож, лежавший подле него на столе.

Не успел еще Алексей понять, что произошло, как буквально из воздуха перед ним возник вдруг Малюта и тут же схватил его руку с ножом. Всмотриваясь в лицо Алексея, Скуратов гневно произнес:

— Ты на царя руку поднял!

После этого Малюта медленно направил перехваченную им руку с ножом прямо в живот Алексея и затем резко воткнул его в него. Раздался женский крик, и Алексей рухнул со всего маху спиной на пол с торчащей из живота ручкой ножа, которую он пытался обхватить своими руками. Иван, видя произошедшее, дрожал от смеси возникших в нем чувств гнева на слугу и досады на себя самого. Через несколько секунд царь, продолжая дрожать, закричал младшему Басманову:

— Федька, развезти девиц по домам!

Лежащий на полу Алексей встретился с взглядом царя, который, кажется, готов уже был упасть на поверженного им слугу. Его выпученные глаза не выражали ничего, кроме неукротимой ярости. Алексей закрыл глаза, и его голова безвольно свалилась набок. К его благу, он умер почти мгновенно. Иван же, увидев смерть так и несостоявшегося слуги, закрыл глаза и сразу обмяк.

На следующее утро к царю с докладом прибыл Скуратов и сообщил ему следующее:

— Девиц по домам развезли, государь.

— Что бояре?

— Молчат, государь. Тишь да гладь.

— Пусть отныне такими и остаются. Тихими да смиренными. Пусть знают, что на их праздники у нас свои найдутся. Наливай, Малюта! — указал Иван взглядом на кувшин с вином...

Расставшись с розыскным псом своим, царь вспомнил предсмертное лицо заколотого насмерть накануне Алексея:

«Вроде бы честный слуга, да не слугой он оказался вовсе. Не выдержал, взялся царя уму-разуму учить. Так и не понял малец, в какую сложную игру попытался вступить. Впредь послужит мне мертвым как пример тем, кто еще надеется явно или тайно поуправлять помазанником Божиим, тем кто полагает, что царь убоится чужого мнения, что его можно будет уловить с помощью каких-либо правил или предписаний житейских, что его можно просто запугать или обуздать силою. Нет, бояре, этот случай вам урок крепкий. А не поймете его — получите новый!»

В тронном зале Иван с преданными ему слугами братьями Басмановыми, князем Вяземским и Скуратовым. В зал степенно вошли бояре во главе с новым митрополитом.

— Сядьте! — скомандовал царь.

— Государь, пришли мы правды у тебя искать. Веками государь на Руси на верных бояр опирался, — начал говорить митрополит Афанасий.

— В союзе все жили, — продолжил Челядьин, — а потому и процветали. Не одной головой, а многими мудрыми головами государство управлялось.

— А что же ныне? — спросил Иван.

— Ни в чем мы тебя не виним! — раздался голос дальнего боярина.

— Но окружили тебя люди, кои только о собственной выгоде пекутся! — поддержал еще один из пришедших к царю вельмож.

— Которые между тобой и боярами вражду хотят сеять! — выступил весомо Горбатов-Суздальский.

— А полно, не вы ли, бояре, раздор сеете? — перехватил инициативу Иван. — Не вы ли сыну моему крест целовать отказывались? А когда собака Курбский покинул меня, не в ваших ли домах праздник был? А мои люди — слуги мне, верные холопы. А вы? Не бояре ли в малолетстве моем казну разворовывали да народ истребляли? Что ж молчите?

— Не вражду мы пришли сеять, государь, — взялся за всех ответ держать Челядьин, — а дружбы искать. Помириться надо бы друг с другом. Все мы люди и все во грехе. А если начнем обиды пересчитывать, тогда в еще больший грех впадем! Прости нас, государь! — закончил князь и поднявшись с лавки поклонился царю в пояс.

Вслед Челядьину с мест поднялись и все другие бояре со словами о прощении, завершившимися общим поясным поклоном.

— Значит, мириться пришли, — заговорил Иван.

— Да, государь! Верни нам милость! — заговорили вразнобой бояре.

— И пусть отныне будет все, как предками установлено. Дума боярская тебе советчиком будет, а не эти худородные выскочки! — подвел черту Челядьин, указывая взглядом на слуг Ивана.

— Духовенство такой союз благословит, — вступил в разговор митрополит.

— Значит, обиды свои вы забыли и только о благоденствии и процветании государства молить пришли, да?

— Да, государь! — хором запричитали бояре.

— Как же я виноват перед вами! Как виноват! — вдруг переменил свой тон царь и, встав с трона, продолжил: — Не вам, мне у вас молить о прощении надобно.

С этими словами Иван неожиданно рухнул на колени перед боярами и заговорил с ними совсем странно:

— Простите же, ежели можете! Простите государя своего окаянного, ибо сказано «не судите, да не судимы будете». Простите меня, простите ради Христа! — заголосил государь и двинулся на коленях вдоль строя бояр, захватывая своей левой рукой поочередно руки вельмож, правой же постукивая по полу тяжелым посохом и помогая им же себе в движении. — Простите государя своего слепого! Душа в огне горит! Мир вокруг в темноте видится! Достался вам государь глухой и слепой! Что творил!

Прав был Сильвестр, когда говорил, что вы истину видите! Ведите государя! Государь в поводирах нуждается! Ведите же его! Что творил!..

— Встань, государь! — прервал странное царское покаяние митрополит. — Благодарим тебя, государь, — снова заговорил владыка, глядя прямо в глаза поднимаемому с пола Ивану, — благодарим, что ты захотел нас услышать. Господь тебя благословит, — завершил митрополит и перекрестил царя, наклонив его голову свободной рукой.

Царские слуги смущенно опустили свои головы, не совсем понимая сути случившейся с Иваном перемены.

К царю на прием с лицом полным недоумения вошел Скуратов и про-
изнес с порога:

— Государь!

— Что, Малюта?

— Что с тобой, государь?

— Что со мной?

— Ну там?

— Где?

— Бояре! Они же вновь над тобой властвовать будут?

— Ты что, Малюта? Ты в шахматы умеешь играть?

— Нет.

— Ну так садись! Научу!

Скуратов подошел к столу, на котором стояла шахматная доска с подготовленными к игре фигурами на ней.

— Смотри, Малюта, шахматы — это своего рода прообраз жизни. Только они понятнее или яснее жизни, так как основаны на четких правилах. В них есть фигуры разного достоинства, а значит, разных возможностей — от очень влиятельных до весьма незначительных. Однако, как и в жизни люди, они действуют в ней не сами по себе, а в компании с другими. То есть каждая фигура, несмотря на свое порой невысокое достоинство, оказывает на ход борьбы противостоящих партий решающее действие. Ну, так часто выходит из-за складывающихся в результате борьбы ее же наличных условий, ведь сразить противника, например, сзади гораздо легче, чем спереди, где серьезный отпор более возможен. В результате, играя в шахматы, человек обучается как искусству атаки, так и обороны. Организуя давление в действительно слабых местах противника, мы одерживаем верх над ним. Ежели вдруг слабых мест противника нам не видно, тогда мы делаем вид, что мы не готовы к наступлению, что даже растеряны. Зачем так? Это делается для того, чтобы противник соблазнился и стал как бы по-нашему желанию выявлять свои намерения насчет нас, помогая тем самым нам же подготовиться к отпору с помощью своего рода рассказа о своих сильных и слабых сторонах.

— Так в зале ты, государь, выявлял намерения бояр?

— Вот именно. Мы там с тобой прекрасно увидели, что они желают и далее сохранять свою вольницу, используя и государя, и само государство. Но мы им этого не позволим. Как? Мы и далее сделаем вид, что сдаем свои позиции. Если они не распознают нашу игру в поддавки, то мы получим потом значительное преимущество над ними с их же помощью. Что я имею в виду? Мы сделаем вид, что уходим с престола. Для чего? А для того, чтобы с помощью народа заставить бояр принять условия или новые порядки государственной жизни, чтобы навсегда лишиться их какой-либо малейшей возможности уклоняться от честного служения государю, а вовсе не своим прихотям и похотям. Понятно тебе теперь?

— Да, государь, теперь понятно!

— Ну, так будем играть в шахматы?

— В другой раз, государь.

— Ступай.

Глава 9

Опричнина как кара Небесная

*Хотели смерть легкую, а вышла мучительная...
За умысел еретический — страдание превеликое,
нравоучительное!*

Конец осени 1564 года. Царский двор. Сборы царя Ивана в дорогу.

— Далеко ли собрался, государь? — поинтересовался митрополит, вокруг которого толпились бояре.

— Куда мне, сирому да несчастному, Бог путь укажет, туда и пойду. Грехи мои тяжелы, потому не знаю, какая обитель примет меня. Везде сердце возрадуется! — ответил царь и отошел в сторону вместе с князем Вяземским, который сразу же задал много тревоживший его вопрос:

— Не слишком ли ты рискуешь, государь, надумав затею с отречением от престола? Ведь дума Боярская согласиться может, если захочет!

— Может и так обернуться, Афанасий. Только на этот случай мною новое завещание составлено — велю отдать царствие сыновьям, кое я в любое время отобрать у них, как у малолетних, смогу. Вот так, князь Вяземский, — заключил Иван и разместился в приготовленных для него «оглоблях», используемых обычными боярами.

— А Малюта где? — продолжил спрашивать царя князь.

— Пес в слободе.

— Трогай! — распорядился Вяземский вознице.

Прибыв в начале зимы 1564 года в Александрову слободу, Иоанн Васильевич через месяц отправил в Москву грамоты. В первой на имя митро-

полита государь описывал все мятежи, неустройства, беззакония боярского правления во время своего малолетства; доказывал, что вельможи и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья государевы: радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не перестают злодействовать: воеводы не хотят быть защитниками христиан, удаляются от службы, дают хану, Литве, немцам терзать Россию; а если государь, движимый правосудием, объявляет гнев недостойным боярам и чиновникам, то митрополит и духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему. «Вследствие чего, — писал Иоанн, — не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». Другую грамоту прислал он к гостям, купцам и мещанам: дьяки в собрании народа читали оную велегласно. Царь уверял добрых москвитян в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа.

Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. «Государь нас оставил! — вопил народ. — Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы умилиствовал Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: «Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и в смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все *со своими головами* едем за тобою *бить челом государю и плакаться*». То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит немедленно хотел ехать к царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неописуемом смятении. Все дела пресекались; суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами святителя Новгородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за духовенством следом вельможи, князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, все бояре, окольные, дворяне и приказные люди прямо из палат митрополитовых, не заехав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы *ударить челом государю и плакаться*. И вот ключевые слова обращения к царю:

«Когда ты не уважаешь мирского величия и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмов, где совершились чудеса Божественной к тебе милости, где лежат целебные мощи угодников Христовых. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви: первый, единственный монарх православия! Если удалишься, кто спасет

истину, чистоту нашей веры? Кто спасет миллионы душ от гибели вечной?»

Царь отвечал со своим обыкновенным многоречием: повторил все упреки боярам в их своеволии, нерадении, строптивости; ссылаясь на историю; доказывал, что они издревле были виновниками кровопролития, междоусобия в России, издревле врагами державных наследников Мономаховых: хотели извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. «Но, — продолжал Иоанн, — для отца моего, митрополита Афанасия, — для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь паки *взять свои государства*; а на каких условиях, вы узнаете».

Москва. 1565 год. Речь глашатая на площади перед честным народом московским:

— Государство отныне делится на земство и опричнину! Земли изменщиков и тех, кто только подумает зло о святейшем государе нашем Иоанне Васильевиче, а также казна их и все добро перейдет к опричнине, а также часть церковных земель, а также града: Козельск, Вязьма, Можайск, Вилев, Ярославль, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Вологда...

Январь 1565 года. Александрова слобода. Царь был занят обучением верховой езде своего старшего сына Ивана.

— Отпусти, Михайло! — резкоскомандовал государь своему слуге, придерживавшему лошадь царевича за узды.

— Но, государь, убьется ж князь! — отвечал царев слуга.

— Пусть убьется! Нечего, как девку, опекать!

— Держись крепче, князь! — закричал Михайло, выполняя приказ царя.

— Но, пошла! —скомандовал отрок лошади и поехал самостоятельно, выполняя движение по кругу.

— Смотри, батя, смотри! —удовлетворенно закричал сын отцу, гордясь своим умением сидеть в седле.

— Я тоже хочу, —заговорил меньшей сын Ивана.

— А ты мал еще! —сурово ответил царь, обиженно выглядывавшему из-под шапки Федору.

На молитве в слободской церкви царь Иван:

— Господи, вразуми раба своего. Направь меня, Господи. Служить хочу тебе, Господи. Душа к тебе просится. В грехах погряз, в гордыне. Помоги, Господи. Направь, Господи. Дай силы. Вразуми, Господи. Укажи, как жить. Хочу тебе служить, Господи, тебе. Душа к тебе просится... Не смей красться, Малюта, как душегуб.

— Прости, государь, —Скуратов стал на колени рядом с царем.

— Говори, что приготовил!

— Только что, государь, убыла делегация во главе с князем Челядьным, которая добивалась встречи с тобой. Я им, как ты велел, объяснил, что у земских отныне старший князь Мстиславский.

— Кто еще хотел видеть меня?

— Митрополит Афанасий и еще несколько бояр... — начал отвечать Скурагов.

— Что они сказали? — прервал Малюту Иван.

— Что у тебя, государь, помутился рассудок на почве увлечения монашеством, что в душе у тебя бесы, что ты вознесся гордынею. А Челядьнин оценил твое поведение как вполне здоровое, так как ты задумал изменить на Руси уклад жизни, задумал сломить потомство удельных князей и отнять у них старые права, раздробить остатки вотчины и разогнать опальных князей по окраинам. А на освободившиеся места поселить своих преданных служивых, которые были бы равны перед хозяином своим и верны, как песье племя.

— Что, так и сказал Челядьнин?

— Да, государь!

— Вот видишь, Малюта, они сами пророчествуют об уже готовом к жизни! Тогда давайте исполняйте сие, не мешкая! И не давайте им спуска! Что и как пойдет — потом доложишь! — закончил Иван, не сдерживая мрачной улыбки.

По запертым воротам двора боярина Митькова взбирались странно одетые люди в темно-синих перепоясанных кафтанах с черными капюшонами поверх меховых шапок. Слуги боярина весьма возмущались происходящим и пытались остановить нашествие непрошенных гостей:

— Э, куда прете! Прекратите бесчинство!

В раскрытые влезшими во двор неизвестными людьми ворота въехали также в темно-синих одеждах всадники, за которыми ворота тут же закрылись. Среди всадников выделялись отец и сын Басмановы. Раздался характерный звенящий звук обнаженных сабель и шум последующего падения на землю сраженных ими слуг боярина, пытавшихся сдерживать прибывших всадников кто чем под руку попало. Яростный лай собак вызвал из дому хозяина — боярина Митькова, который на ходу прямо с крыльца возмущенно закричал всадникам, спускаясь во двор:

— А ну куда? Зачем? По что беззаконие творите, а? Я вот государю жаловаться буду! А ну стой! Куда? Стой, говорю!

— Уймись, Митьков! Мы теперь закон! И по указу государя, которому ты жаловаться собрался, — забасил насмешливо в ответ Алексей Басманов.

— Я чист! Я перед государем чист! Вот вам крест истинный! — заговорил уже с дрожью в голосе, осеняя себя крестным знамением, боярин.

— Разговоры против казней вел? — прервал Митькова снова старший Басманов.

— Я вел???

— Ты, ты!

— Я не вел никаких разговоров!

— Вел, вел!!! — закричали наперебой новые господа.

— Господи Боже мой, да не вел я их! — продолжил отчаянно свою защиту Митьков, стоя в окружении двигавшихся вокруг него всадников. — Наговоры это на меня!

Засвистали хлысты, появилась первая кровь на лице и голове боярина, свалившегося на колени в причитании:

— По пьяному делу вышло оно!

— По пьяному или нет, да вел!

— Ну, ну будет, — сказал по-отечески своим распаленным спутникам Алексей Басманов, слезая с лошади и подходя к Митькову, который в слезах готов был уже броситься ему в ноги, — ну что ты? Мы ж тебя не на плаху отправляем, ни в монастырь, а в почетную ссылку. Новые земли, новые пашни в Казани осваивать будешь!

Митьков, приподнявшись с земли и пятясь спиной от Басманова к стене дома, вдруг решительно стал противиться предложенному ему пути:

— Н-е-е-т, это мое родовое имение! Это мое имение испокон веков!!!

— Нет, Митьков, теперь уж не твое, — заговорил напористо старший опричник, — это теперь опричнине принадлежит, а твое уж в Казани будет. Понял?

Боярин попытался вырваться из круга обступивших его опричников. Однако сабля Алексея Басманова, упершаяся своим концом почти в горло Митькова, остановила его.

— Говори, где казну припрятал? — уже зарычал Басманов, теряя терпение.

В этот самый момент из дома шумно вышла боярыня.

— Ты-то куда? Куда вышла то? Уходи! — закричал жене боярин. — Без тебя, дура, разберутся! Уходи, говорю тебе! Уходи ты отсюда!

Однако боярыня, как загипнотизированная картиной открывшегося ей бесчинства, стала зачем-то спускаться с крыльца во двор.

— Грязной, лови и употреби ее! — скомандовал Алексей Басманов и, уже обращаясь к боярину, сказал: — Зря упрямуешь, Митьков!

Грязной с помощником насильно кричавшую женщину.

— Что же вы делаете, изверги! Будьте вы прокляты! — рвал горло Митьков.

— Ох и сладкая она у тебя! — крикнул боярину Грязной, совершая нарочито демонстративно свое грязное дело. — Все, удовольствие она получила!

На земле в слезах и плаче лежала опозоренная женщина. Митькову же опричники ловко завели за спину руки, которые тут же связали, а также привязали их еще к веревке, накинутаой на перила крыльца дома. В ре-

зультате боярин оказался готовым к пытке, ведущей к одновременному слому обоих плечевых суставов.

— Придется тебе, изуверу, кости ломать! — почти равнодушно и совсем не глядя на Митькова, произнес старший Басманов.

Опричники начали заламывать боярину руки. Митьков не успел взвыть от боли, как вдруг, к своей досаде, получил пощечину от собственной жены, успевшей перед тем встать с земли и в слезах направлявшейся в дом. Она ловко сумела приблизиться к мужу и быстро выместила на нем свою обиду. Из дому выбежал радостный Федька Басманов с двумя тяжелыми узлами в руках, набитыми звенящей монетой.

— Поехали! — приказал Алексей Басманов и скомандовал: — По коням!

Тут же из дома выскочила и покатила по ступеням крыльца боярыня, вся объятая пламенем и кричавшая от обиды и боли:

— Нет! Не буду жить!!!

Привязанный боярин Митьков, видя горящую жену свою, предпринимал отчаянные усилия, дабы спасти ее. Однако он только падал на землю, вставая вновь и вновь, скользя сапогами по снегу. Опричники же с молодецким разбойничьим посвистом резво и подчеркнуто весело покинули опозоренное и ограбленное ими родовое старинное имение.

Февраль 1565 года. Москва. Казнь бояр.

— Во исполнение воли государевой бояр Александра Горбатого-Суздальского с сыном, князя Ховрина, окольничьего Головина, князей Сухого-Кашина и Горецкого, предавших царя нашего светлого Иоанна Васильевича, казнить через отрубление головы! — зачитал глашатай краткий царский вердикт.

К месту исполнения приговора в нижних рубахах с кровавыми следами пыток на них строем по одному двигались осужденные на казнь уже бывшие вельможи. В народе, стоявшем поодаль, тут и там слышались речи о винах приговоренных к смерти и о новых переменах в государстве:

— За что, за какую вину их казнят?

— На самого государя и его семейство помышляли! Русь полякам продали! Да еще католическую веру приняли! Папе римскому поклонялись!

— А государь в Александровой слободе войско опричное учинил и сам себя во главе его поставил! Все туда перевез и казну тоже.

— Да то не войско, а монашество особое под его началом!

— Что это за монашество, с саблями и пищалями?

— То не ведомо, да говорят так.

Тем временем на помосте для свершения казни священник проводил обряд приготовления осужденных к смерти с целованием креста:

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа...

— Кто первый? — обратился к смертникам палач. — Ну?

Первый к месту казни решил идти сын боярина Горбатого-Суздальского Петр, однако отец упредил его словами:

— Нет, сын, я не смогу видеть тебя мертвым.

Князь перекрестился, глубоко вздохнул и занял место казнимого:

— Отсекай! — крикнул свое последнее слово приговоренный к смерти.

Раздался жуткий стук тяжелого топора и окровавленная голова боярина слетела вниз прямо на землю рядом с помостом.

За происходявшей скорбной процедурой, стоя в толпе, наблюдал будущий российский первопечатник Иван Федоров со своим помощником, вернувшийся недавно из-за границы после обучения там печатному делу.

— Пойдем! — позвал Федорова его спутник.

— Идем! Смерть других смотреть не стану, — ответил решительно Иван своему товарищу.

А у помоста с головой отца в руках на земле сидел и плакал Петр, которому милостиво позволили проститься с нею перед неминуемой потерей собственной.

В избе за столом с чарками вина Иван Федоров с помощником вспоминали увиденное недавно на площади:

— Скоро и до нас черед дойдет, — начал разговор помощник Федорова, — слухи по всей Москве ходят, что печатный двор сатане служит, и мы ему служим.

— С чего ты взял? — спросил недоверчиво своего товарища Федоров.

— Где новые печатные станки? Где бумага? Забыл он про нас! Как вернулись из Кракова, сперва царь помогал, а потом... Другое теперь у него на уме. Скажешь, опутали его Басмановы, Скуратов да Вяземский. Разум затуманили. Настанет час, государь одумается. Ваня, ничего он не одумается. Вот неделю назад батюшка государь наш велел дьяка на кол посадить, и что? Этот дьяк день и ночь мучался и все приговаривал: «Господи Боже мой, помилуй нашего государя батюшку! Помилуй душу его, Господи!» — скривил лицо помощник Ивана и продолжил: — Это что такое?! Это глупость русского человека?! Или его святость?! Бежать надо, Ваня, бежать!

— Куда бежать?

— Куда глаза глядят!

— Ты бы поменьше дураков всяких слушал! А эти? Кто знает, может, они и впрямь изменники!

— Ах, ты знаешь, сколько еще этих изменников будет?

— Тише! Разорался.

— Что тише?

— Господь с тобой.

— Что тише? — уже шепотом зачастил товарищ Федорова, не желая принимать какое-либо объяснение Ивана. — Ты и сам так думаешь, а признать себе боишься. Горько, Ваня, за свой народ и стыдно. И тебе тоже стыдно. Но ты терпишь.

— Не стыжусь я своего народа! И никогда не буду! Да, глуп он. Жесток он бывает! Но свят! И дьяк этот на колу такой же! Потому как не о мести думал он в последние минуты свои, а смертью благодать Божью для Руси выпрашивал!

— А хоть бы и по-твоему. Но я сбегу! Пожожу немного и обратно в Литву! Вань, может, и ты со мной, а?

— Разные вины бывают, но самые страшные это те, что ими даже и не почитаются таковыми. Ты спросишь, какие же это вины такие? Да такие, что земному устройению совсем не помеха будут, а душе человеческой — жернов самый неподъемный. Зачем наш государь маету с опричниной затеял? Ты думаешь, он не мог иначе править на Руси для личного блага земного? Знамо, что легко мог. Но тогда у него цель важная есть, а ты, не разбирая ее толком, судишь его. Неужели ты всерьез полагаешь, что он с ума сошел? Нет же, не так ведь! Но тогда выходит то, что им борьба на Руси за Русь ведется, за само ее будущее, которое бояре по всему корыстно губят. Да, многие из них лично честны, но царю нашему все равно не помогают по совести, разве ты не догадываешься об этом? И что ты прикажешь ему делать? Смириться и смотреть спокойно, как держава русская гибнет потому, что бояре нерадивы и горделивы? Да, они вроде бы безвинно идут на плаху, однако дыма без огня не бывает, и суд по закону земному часто бессилен против умысла боярского, лукавством своим его вполне побеждающий. Вот о чем следует знать и не забывать, когда видишь казни бояр да князей. Я думаю так, что Бог руками государя их души спасает от еще больших прегрешений, кои народу сразу и вовсе не видны будут, зато потом уже поздно будет что-то исправлять. Пойми, ну не может государь наш просто от скуки их казнить! Не может!!! Не хотели они ему по совести служить, полагая в душе себя никак не меньше его по своему происхождению. Не хотели они к тому же расставаться и со своими огромными привилегиями и вотчинами. Вот в чем суть! А сбежать к чужим и радоваться там спасению своей шкуры — негоже, брат, негоже так поступать русскому человеку! В Бога следует нам твердо верить в минуты наших больших сомнений и страхов. Вот к чему призываю и тебя и себя!

Ночь. Краина Москвы. Безлюдье. Вдруг в одном месте появились огни и стали слышны крики людей. Вблизи отчетливо было видно, как опричники во главе с Василием Грязным вершили жуткую расправу над ближайшими родственниками казненного боярина Горбатого-Суздальского. Их всех царские слуги мощными ударами и сильными толчками заталкивали в загодя уже подожженный сзади сарай. Разгорающийся огонь и ночной студеной зимний ветер усиливающимися порывами заглушал крики обреченных на страшную смерть. Но более слышны были резкие и ярые команды Грязного, вошедшего в раж расправы и одновременно умело подгонявшего лично казнимых обнаженной саблей. И вот

все жертвы заперты в огненном мешке и как бы исчезли из мира земного, а вершители их страшной участи, уже запирая сарай наглухо, спешно готовились покинуть место погибели одних и великого греха других, сопровождая свой отход криками о мести предателям царя, переходившими в разбойный посвист и во взвинченное молодецкое ухарство. Грязной, вставляя саблю в ножны, ошалело взирал на уже объятый пламенем сарай, как бы уже не понимая самого себя...

Александрова слобода. Обряд принятия новых членов мрачного опричного братства, осуществлявшийся лично царем:

— Сегодня в круг наш входят новые братья. Малюта, уверен ли ты в них?

— Уверен, государь.

— Служить хотим тебе, государь, — взял слово один из двух обрацаемых молодых людей, стоящих перед царем на коленях.

— Как звать? — оборвал говорящего Иван.

— Богдан Бельский, — ответил он же.

— Борис Годунов, — сказал второй претендент на грозную участь.

— Служить хочешь? — поинтересовался царь у Бельского с некоторой иронией.

— Прими на службу, государь, — ответил твердо и одновременно заискивающе Богдан Бельский.

— Докажем при первом случае, — поддержал Бельского Годунов, — не будет никакой помехи для служения делу святому.

— Встаньте! — скомандовал царь. — Вяземский, Грязной — Святое Писание, крест.

После выполнения необходимых к принесению клятвы приготовлений первым заговорил Борис Годунов:

— Клянусь служить государю верою и правдою! Клянусь, как собака, вынюхивать и выгрызать всякую измену, дабы мести ее из Руси!

— Клянусь умереть для жизни, не помнить ни отца, ни матери, называть братьями тех, с кем разделю ныне чашу, — завершил общую клятву Богдан Бельский.

— Басманов! — резко и повелительно заговорил Иван.

Басманов большими ножницами отстриг небольшие клочки волос с голов Бельского и Годунова. Следом уже другой опричник поднес к принимаемым в братство массивный крест и перекрестил им своих новых собратьев, которые затем приложились к реликвии сначала губами, а после и лбом, перекрестившись перед этим самостоятельно двумя перстами. Последним к принимаемым в братство Бельскому и Годунову подошел Грязной со Святым Писанием в руках, которым он их также перекрестил.

— Братья! Ибо отныне каждый из вас брат мне! Узы духовные гораздо сильнее уз кровных. Сегодня вы взяли на себя тяжелый крест. Разделите

его тяжесть со своими новыми братьями! Кто, если не вы! Грядут времена и очень скоро падут государства нечестивые и только верные останутся! — Стал подводить черту под обрядом вступления новичков государь, используя его еще и для общей дополнительной мобилизации и воодушевления всех собравшихся слуг. — Малюта! — обратился к главному своему слуге Иван за символической чашей с вином, которую тот тут же поднес царю. — Спасем же Русь православную, очистим ее от лукавства, чтобы Господь в гнев своем не испепелил, как Содом и Гоморру! Мы искореним болезнь! Мы! Пока она не отравила и не убила все души! Не бойтесь нести врагам и близким им людям мучения и смерть! Не этого стоит страшиться! Только явное и более неявное предательство веры православной воистину страшно и погибельно! Враги же Руси иного языка совсем не понимают! Они всегда действуют сообща и тайно! А самые подлые враги Руси — это скрытые враги веры православной, желающие ослабления и царства, а с ним и веры нашей! Да не дрогнет ваша карающая рука! Да не соблазнитесь вы мнимым милосердием, ведущим к гибели души!

Государь медленно и торжественно поднес чашу с вином ко рту и отпил из нее символически.

— На колени! — раздался приглушенный голос одного из распорядителей ритуала клятвы.

Новообращенные опустились на колени. Бельский, осенив себя крестным знаменем, принял чашу из рук царя и отпил из нее. Затем он передал ее Годунову, который перед принятием ее из рук Бельского также перекрестил себя...

Сгоревшая новая печатня в Москве. Иван Федоров и его ближайший сподвижник разбирают пепелище.

— Книги печатать хотели, народ грамоте учить. А оно вот как вышло! Все пожгли. Неудобны мы ни народу, ни церкви! — судачил товарищ Федорова.

— Ничего, Петр, — ответил бодро Федоров, — мы заново отстроим книгопечатню. Рано руки опускать.

— Да когда ж заново, раз уж в ереси обвинили и книги наши еретическими признали? — заспорил с Иваном Петр. — В конце зимы суд будет, и все! Конец!

— Не предадут! Я к государю пойду! Он защитником нам будет! — заявил решительно первый русский печатник.

— Ой, Иван, будет ли? — откликнулся Петр.

Вдруг прямо около Федорова из дыма и тумана возникли два работника книгопечатни.

— Ты прости нас, Иван, — начал говорить один из подошедших к пепелищу, старший по возрасту, — ради Христа, но уходим мы.

— Куда ж пойдете? — спросил работников Иван.

— В польские земли, — пояснил второй, — может, на что-нибудь согордимся.

— Что ж, от первой же напасти малодушничаете? — отреагировал напористо Федоров. — Кому вы там нужны, в польских землях? А что, в солдат определяют разве? Пропадете даром!

— Прости, Иван, но решили мы уже, — снова сказал первый и более опытный работник, — суда церковного ждать не будем.

— Я к государю пойду! Он защитит нас! — снова стал напирать Иван.

— Защитит? Год уже прошел, а бумаги нет! — встрял второй задиристый по молодости лет работник, удивляясь наивности Федорова. — Обещал! И нет ничего!

— Да и царь ныне, сам знаешь, головой повернулся, — опять заметил старший работник.

— А ты чего лишнего не болтал бы! — вмешался в разговор Петр, обращаясь к последнему. — А с длинными языками знаешь что случается?

— Вот оттого и уходим, — подытожил старшой.

— Не хотим больше в страхе жить. Государь сам в страхе живет. От своих же кошмаров не спит. Да страх этот от него по всей Руси идет! — зартачился уже молодой работник.

— Тебе и вправду уходить надо, — вдруг отрезал Федоров, — с такими мыслями не жилец ты! Ступайте с Богом. Может, согордитесь где.

— Ну а ты что ж? — спросил старший работник, обращаясь к Петру.

— Что ж я его одного оставлю? — вяло ответил Петр, обнимая поочередно уходящих в неизвестность товарищей. — Вбил себе в башку, что государь защитит нас, и стоит на том.

— Прости нас, — напоследок сказали Федорову уходящие в Польшу еще вчерашние работники первой московской книгопечатни.

— Ступайте, — тихо отреагировал Иван.

— Прощайте! — заключил старшой и двинулся прочь, взяв рукой за плечо младшего товарища.

Телега со скромными пожитками уходящих в дальние края печатников тронулась с места, и вчерашние сподвижники Ивана и Петра в книжном деле скрылись в дыму от пепелища, все еще стелившегося рядом с ним, и в накрывшем Москву густом тумане.

— Глупые смеются над грехом, а среди праведных — благоволение, — прочитал вслух Федоров в поднятом с земли обгорелом клочке бумаги, уцелевшем от пожара. Иван задумался:

«Кого же царь более опасается: праведных или прочих? Скорее всего, и первых и вторых, ведь и правые и грешные не видят целого, а значит, и спорить с ним так или иначе будут отчаянно. Но почему же он медлит с настоящей поддержкой книгопечатного дела, не запрещая его в принципе, но и не радея о нем вполне? Неужели он в нем видит опасность для себя?»

Может быть, духовенство страшится разжижения веры народа в случае распространения печатных богослужебных книг, полагая их уже тогда мертвыми или слабосильными по сравнению с рукописными, исполненными намоленной рукой, и царь, зная о том, не хочет его злить? Но тогда царю и вовсе стоит запретить даже самую мысль о развитии моего начинания. Кроме того, видимо, разумно допуская печатное дело весьма возможным орудием своих врагов из боярских кругов, он и не спешит с ним ныне, когда его борьба с боярами становится особенно жаркой. Но ведь эта опаска пока совсем еще преждевременна, так как даже заметного числа читателей из народа подобных противоцарских печатных посланий почти что и нет! И потом, на всякую печатную клевету всегда можно будет ответить и ясным вполне разоблачительным и поучительным словом. Разве не так? Надо будет крепко постараться убедить царя в необходимости самого скорейшего введения печатного дела на Руси, ведь оно может сильно пособить его же планам. Но даст ли сие Бог? Что-то нет большой уверенности...»

По дороге в Москву из Александровой слободы двигался в ночи отряд опричной стражи. Всадники факелами освещали себе путь. Иногда ночная заснеженная дорога становилась виднее благодаря пробывавшемуся сквозь тучи месяцу. Тогда сами опричники как бы возникали из темноты. С уходом же ночного светила за тучи они также внезапно превращались лишь в линию огней, странно двигавшихся во тьме.

В дверь дома печатника Ивана Федорова громко постучали незваные гости. Он сам и его жена, проснувшись, были в сильной тревоге. Иван встал с кровати, быстро надел сапоги и в одной ночной рубахе прошел в сени к входной двери. Стук в дверь не утихал и становился все более настойчивым и угрожающим.

— Кто? — спросил Федоров, подойдя вплотную к двери.

Неизвестные концом сабли, просунутой в щель между половинками двери, резким толчком ее кверху выбили из скоб запиравшую изнутри дверь балку. Дверь внезапно распахнулась, и в дом с шумом ворвались опричные люди. Прямо с порога они начали избивать Ивана, затем сбили с ног и поставили на колени, обхватив его руки с двух сторон и запрокинув к потолку его лицо, крепко ухватившись за волосы на его голове.

— Куда? — только и успел крикнуть опричникам Иван.

— Я спрашиваю тебя, собака, государя хулил? — раздался в ответ грубый оклик Федора Басманова. — Непотребные речи о нем вел? — продолжил напирать на печатника царев слуга.

— А ты слышал? — смело закричал в ответ Иван.

— А кому надо — те слышали! — прервал попытку защиты Федорова один из опричников, наклонив свое лицо к лицу Ивана.

Вдруг раздался резкий женский вскрик. Это супруга Федорова, увидев картину расправы над мужем, не смогла сдержать своих чувств. В ответ один из опричников бросился к женщине со словами:

— А ну, пойдём в постелю!

— Не трожь её! — закричал в бешенстве Иван, пытаясь вырваться из рук непрошенных гостей.

— Иван! Помоги! — закричала громко жена, пытаясь защититься от навалившегося на неё злодея.

Федоров резкими движениями собственного тела сначала из стороны в сторону, а затем и внезапным диагональным порывом его вниз, к полу с поворотом вокруг собственной оси сумел-таки вырваться из удерживающих рук. В мгновение ока Иван оказался около супруги, на которую уже успел навалиться любитель женских прелестей. Также стремительно, совсем не раздумывая, печатник нанес своему обидчику со всего размаха резкий удар по голове чем-то весьма тяжелым, что попало ему под руку. Опричник вдруг обмяк и повалился с кровати на пол, решительно сдернутый с неё Федоровым.

— Беги с сыном, спрячьтесь! — едва успел крикнуть жене Федоров, на которого тут же навалились ворвавшиеся в спальню опричники, восполняя с лихвою остервенелыми ударами по телу печатника допущенную в передней дома оплошность.

— Ах ты, паскуда! — заговорил раздраженно Алексей Басманов, вошедший в спальню последним. Увидев лежащего неподвижно на полу опричника, он грозно спросил:

— Что с Епифановым?

— Мертв! — последовал ответ опричника, осматривавшего неподвижное тело своего товарища.

— Скоты! — успел выкрикнуть Иван.

В ответ старший Басманов, приблизившись к Федорову, нанес ему в лицо сильный удар. Иван тут же лишился чувств. Его тело вместе с телом Епифанова опричники погрузили на одну из лошадей и отправились обратно в слободу.

Александрова слобода. Царь и Малюта играли в шахматы. Вошел Федор Басманов. После поклона он произнес:

— Государь, я его привел.

Следом вошел Иван Федоров и остановился лицом к царю.

— Говори прямо: зачем ты моего человека порешил? — спросил угрюмо царь Федоров.

— Потому, как не человек он, — заговорил тихо печатник.

— А кто он? — поинтересовался государь.

— Выродок мерзкий, от ехидны рожденный, — уже решительно пояснил Федоров.

— Кто дал тебе, холоп, такое право моих верных людей такими словами поносить? — раздраженно произнес царь.

— Не все они тебе верны, ибо не мыслю я, государь, что ты посылал их жену мою обесчестить и дом мой разорять! — смело заговорил про-светитель Руси.

Последние хлесткие слова Федорова вызвали беспокойство Малюты, по лицу которого пробежала тревожная тень.

— Забавляетесь! — прорычал государь, повернувшись к Басманову.

— Заслужил он, государь, — торопливо стал объяснять Федор Басманов, — супружница его поначалу с этим Епифановым снюхалася, а печатник отбил.

— Врешь! — мгновенно отреагировал Иван.

— Говорю, как передали, государь! — ответил младший Басманов и, уже повернувшись к Федорову, добавил: — А тебе не пристало так при государе разговаривать, не по чину возносишься! — задиристо произнес Федька и тут же уже царю донес: — А еще ходят слухи, что он в книгах своих слово Господне переиначил, еретикам продан.

— Ты эти книги читал? — спросил Басманова тихо царь.

— Нет, государь! — ответил Федор.

— Пошел вон! — заорал царь в сердцах и швырнул в Басманова шахматные фигуры. — Собака!

— Иди! — добавил к царскому слову и свое Малюта.

Федоров опустил на колени, и его лицо с обильными кровоподтеками, на которое упал свет от свечи на столе с шахматами, стало хорошо видно царю. Печатник сразу же заговорил, обращаясь к государю, почтительно и торжественно:

— Государь, дозволь слово молвить.

— О чем?

— Печатное дело заглохло. Нет ни бумаги, ни денег. После пожара и вовсе обнищали мы. Может, ты..?

— После, в другой раз. Ныне не до печатного дела мне. После, — поморщился царь.

— Государь, боюсь я, «после» не будет.

— Почему? — удивился искренне государь.

— Ты же слышал Басманова. Нас с Мстиславцевым на Москве еретиками нарекли. Суд готовят.

— Кто?

— Церковь святая.

— Что ж я против святой церкви пойду? Суд там праведный. Так что ежели не виновен, то...

— Государь, вся наша вина в том, что мы книги не по-старинному переписываем, а печатаем.

— Там разберутся. Ступай.

Иван поклонился царю в ноги и произнес:

— Спасибо тебе великое, государь.

— Да за что?

— Коли не ты, не было бы на Руси книг печатных! — произнес проникновенно Федоров.

— Ступай, ступай.

Федоров вышел. Царь еще долгое время пребывал в задумчивости, а затем скомандовал Скуратову:

— Басманова позови!

Малюта подошел к входной двери и громко позвал:

— Федька!

Тут же в дверях показался младший Басманов.

— Догони Федорова и отвези его домой, — распорядился государь.

— А потом?

— Я сказал — домой отвези!

— Стоило прогулку устраивать, чтобы этого душегуба выгуливать, — заворчал вполголоса Федор Басманов.

— И чтоб ни одного волоса не упало с его головы! — добавил рассерженно государь.

Басманов, поклонившись царю, стремительно вышел. Хлопнула входная дверь.

— Малюта, проследи, — ему вдогонку промолвил царь.

Скуратов молча поклонился в пояс и направился следом за Басмановым, которому скоро и убедительно разъяснил, как следует обращаться с Федоровым.

Иван Васильевич закрыл глаза и оперся спиной и головой о спинку кресла. В его уме столкнулись мысли о смелом печатнике и о церковных судьях, собравшихся подвергнуть охальника, судя по всему, травле:

«Как уберечь печатника от уже готовой расправы над ним без того, чтобы не столкнуться с духовенством, поддержка которого нужна ныне как никогда? Неужели нет выхода? Може, стоит намекнуть Федорову о возможности его отъезда обратно в Краков? Ну не могу из-за него рисковать главным, ведь без моей победы над боярами все теряет смысл, все тлен и пустое. Ладно, пусть печатник едет из Москвы, а там видно будет».

— Эй, ты, стой! — услышал окрик Федоров, полагая что к нему приближается лихой человек, промышляющий на лесной дороге.

— Стой, тебе говорят! — повторился неприятный приказ.

Иван только прибавил шаг и попытался скрыться из виду.

— Стой, Федоров! — раздался голос Федьки Басманова. — Стой, стой!

Иван остановился и увидел позади себя улыбающееся лицо Басманова. Опричник величаво восседал на статном коне.

— Стой, кому говорят! — продолжил распоряжаться царев слуга и громко засмеялся. — Стой! — уже вполне сердечно заговорил Федька. — Полезай на коня! Так, поди, быстрее будет. Давай влезай, влезай. Не бойся. Велено тебя к жинке твоей доставить.

Федоров, несколько успокоившись, сел на коня за спиной одного из опричников.

— Не бойся, целехоньким доедешь! — довершил остатки сомнений Ивана Басманов и снова громко рассмеялся, находя в том особое удовольствие.

— Н-о-о-о, пошел, пошел! — раздался крик, и Федоров в сопровождении еще недавних врагов помчался к своей семье.

Государь надолго уединился для чтения книг. В его уме бродили сомнения о начале им деле созидания могучего русского царства. Но эти мысли были вовсе не о том, что эта цель невозможна или она не нужна Руси, эти мысли были о том, что она не по плечу ему, что ему бы в келью — в монахи.

— Нужно чего, государь? — раздался сзади голос Малюты, обеспокоенного длительным уединением царя с книгами.

Иван, обернувшись, крепко задумался и как бы не совсем осознавал обращенный к нему вопрос Скуратова. Затем, как бы очнувшись, царь произнес:

— Садись.

— Что? — испуганно переспросил главный царев слуга.

— Садись, Малюта.

Скуратов присел на лавку рядом с Иваном.

— Не спится мне, Малюта.

— Отчего, государь?

— Тоска сердце ест. Вот старший сын подрастет, а там царство ему отдам. Сам в монастырь уйду. Хочу умереть в келье.

— Да полно, государь. Не рано ли о смерти думать?

— Она теперь всегда со мной тенью. Не знаю, откуда придет. Тяжко мне, Малюта.

— Государь, а дело твое без тебя же зачахнет. Бояре опять верх возьмут и все возвернут вспять. Мыслимо ли такое? Крест это теперь твой и наш заодно.

Иван внимательно посмотрел в лицо Скуратова и подумал:

«И впрямь, с чего это я вдруг с себя снимаю возложенное Свыше бремя? С чего малодушничая, ведь ничего еще из начатого не завершено? А сын Иван, разве ему под силу будет оное дело? Ему Бог даст свое, которое без моего и не мыслимо! Ладно, будет хандрить. Пора впрягаться, да вершить без ропота свое».

В доме печатника Федорова Иван и Петр Мстиславцев обдумывали и обсуждали происшедшее накануне. Иван, отмачивая свои раны, говорил Петру:

— Прав ты, Петр: бежать надо! До суда бежать! Потому как не защитник более государь нам в печатном деле. Но одно я понял, что меня он защитит. И не будет отъезду моему препятствовать.

— Я ж тебе, бес ты эдакий, давно талдычу: в Литву надо бежать, к гетману Ходкевичу. Давно знаю, он печатных мастеров ищет.

— Ну что ж, в Литву так в Литву. И поминай Русь родная, как звали. Не от государя бежим, от церкви святой.

Царь Иван диктовал игумену поминальный список:

— Головин и семья его, дети; Ховрин; бояре: Михайло Репнин да Юрий Кашин, Горбатов-Суздальский с семьей и детьми; Курлятев — князь и сын, жена и дочери.

Иван глубоко вздохнул и заговорил снова:

— Прости их, Господи, за то, что в мире не хотели жить, а поддались искушению лукавого и смерти моей желали. Я же прощаю их всех.

Государь перекрестился и добавил, повернувшись к игумену:

— Деньги на помин души и синодики развезешь по всем монастырям. Да знай, отчаешь за каждую копейку!

Иван положил на стол перед вставшим монахом мешочек с деньгами.

Последний, мельком взглянув на царя, взял мешочек, поклонился ему и, пятясь, спиной к выходу, тихо вышел прочь. Иван молча проводил уходящего взглядом и продолжил молитву.

Зимняя дорога в Литву. Мощно завывал ветер. Однако солнце радовало своей яркостью, какой-то свежестью и внушало верную надежду на скорое приближение тепла. В пути двое саней. В одних семейство печатника Федорова, а также он сам, в других — Мстиславцев с сыном. На лице Ивана хмарь и печаль. Петр же был весел и бодр, как мало когда ранее:

— Вы что хмурые такие? На поминки, что ли, едете? Снег-то какой, а? Красота то какая! А-а-а-а!!!

Иван оглянулся назад, потом взглянул на жену, обнимавшую сына, и подумал:

«Видимо, не скоро придется вернуться, если вообще сие суждено. Как знать? Жаль, что печатное дело на Руси еще не скоро восторжествует. Но, видно, так Господу угодно».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

ОПРИЧНИНА

История опричнины началась на исходе 1564 года. В. О. Ключевский писал об опричнине: «Учреждение это всегда казалось странным как тем, кто страдал от

него, так и тем, кто его исследовал». А события развивались следующим образом: 3 декабря 1564 года царь отправился на богомолье, что было делом обычным. Царские объезды монастырей были одновременно и исполнением религиозного долга, и инспекционными поездками. Но на этот раз выезд был необычен: боярам, которым царь велел ехать, было приказано взять жен и детей, те должны были взять слуг, запасных коней, оружие, доспехи, одежду, деньги, казну. Казна же была хранилищем и государственного архива. Из-за распутицы до Троице-Сергиева монастыря царь добрался 21 декабря, а в Александрову слободу к 3 января, откуда в Москву послал гонца с двумя грамотами. Обе были оглашены перед всем народом.

В первой печислялся список «измен» бояр и дворян. В грамоте содержался страстный и тенденциозный обзор злодеяний бояр, воевод и приказных людей, которые не только «тощили» царскую казну, но и измену «делали», не желая воевать против недругов, а духовенство в стачке с боярами и дворянами начинало их прикрывать. Потому государь и уехал от изменников, куда глаза глядят.

Вторая грамота была адресована «всему православному крестьянству града Москвы», главный ее смысл: царь пишет посадским людям, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу и опалы на них никакого нет». Это был точно рассчитанный политический маневр, в результате которого народ единодушно, веруя в «батюшку-царя», потребовал от бояр упросить государя вернуться, а за всех государственных «злодеев» и изменников они стоять не будут, а сами их «истребят». Так царь Иван обзавелся народным согласием на террор.

Делегация из духовенства и бояр отправилась в Александрову слободу. Царь повторил свои обвинения и после некоторого размышления милостиво согласился вернуться на государство, но при условии: изменников казнить по своему усмотрению и учредить опричнину.

Термин «опричнина» известен задолго до Ивана IV, происходит от слова «опричь» — кроме. В Древней Руси опричниной называли ту часть княжества, которую после смерти князя выделяли его вдове, «опричь» всех уделов. «Опричь» всей земли выделялась и территория царской опричнины.

А была она значительной, туда вошли уезды, близкие с княжеством Литовским: уезды Вяземский, Козельский, Малоярославецкий, Перемышльский и т. д., в центре опричными стали Суздальский и Можайский уезды, земли вокруг Александровой слободы, а также в других местах: Гжель, Олешня, Хотунь на Лопасне, Домодедовская волость, наконец, окрестности озера Селигер. Финансовую базу опричнины должны были составить платящие большие налоги северные земли Поморья, Двинский край, Вологодский уезд. Была отписана в опричнину и часть самой Москвы. Здесь были поселены опричники, земских же полностью выселили. В опричнину попали три стрелецкие слободы в районе Воронцова поля, видимо, расквартированные там стрельцы вошли в опричное войско.

В это особое войско вошло «1000 голов» дворян и князей, впоследствии его численность увеличилась в 5–6 раз. На расходы по созданию опричнины царь взял с земщины 100 тысяч рублей. По указу об опричнине предполагалось, что из взятых в опричнину уездов будут высланы те служилые, «которым не быть в опричнине». Опричникам же собирались раздавать поместья в опричных уездах.

Сообщения, идущие от иностранцев, живших в те годы в России, таковы: опричники приносили особую присягу на верность царю, в которой обязывались не вступать в общение с земскими, даже родственниками. В Александровой слободе, которая стала резиденцией царя, создано своего рода монашеское братство во главе с царем в качестве игумена-настоятеля. Все носили одинаковые черные одежды со знаком принадлежности к «ордену» опричников — метлой, чтобы выметать измену, и собачьей головой, чтобы ее выгрызть. Монастырские опричные

трапезы должны были словно напоминать о далеких временах, когда князя пировали со своими дружинами.

Описавшие опричные пиры ливонские дворяне, служившие в опричнине, сообщают: «каждому подается еда и питье, очень дорогое, состоящее из вина и меда». Трапеза сменялась изнурительными богослужениями, подчас ночными. Время царя за церковной службой не было потрачено даром: «Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви». Между пиром и церковной службой царь ходил в застенки и «никогда не выглядел он более весело, чем тогда, когда присутствовал при мучениях и пытках до восьми часов». Несомненно, что во главе опричнины при ее учреждении стояла группа людей — родственники двух первых жен царя: Захарьины и родственники Марии Темрюковны, дочери кабардинского князя Кученей, которая была второй женой Ивана IV. Уже в феврале состоялись первые казни: приговорены пять человек, среди них знаменитый полководец Александр Борисович Горбатый с 17-летним сыном. Люди с ужасом узнавали о новых заговорах, «великих изменных делах» тех, кто до сих пор находился на государственной службе, командовал войсками, одерживал победы. В настоящее время нельзя ответить на вопрос, все ли заговоры были созданы царскими подручными в застенках или хотя бы часть из них была реальной. О заговорах против Ивана Грозного пишут некоторые иностранцы, однако преследуя свои политические цели. Вот почему иностранные известия о «заговорах» не более достоверны, чем русские официальные сообщения.

Глава 10

Митрополит Филипп как последняя попытка царя примириться с церковными иерархами

Глубокая ночь. В царской келье слободы собрание. Иван зачитывал своим ближайшим помощникам главы из Апокалипсиса Иоанна Богослова:

— ...И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?

Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца;

За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них;

Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной;

Ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их...

И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как-бы на полчаса.

И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб...

Лица всех собравшихся вокруг государя опричников, казалось, были немевшими. Так боялись они прогневить царя, что невольно проника-

лись величием и торжественностью богослужебного акта, чувствуя его значение скорее своей душой, но не сердцем или умом. Впрочем, молодые и особо впечатлительные опричники все-таки поддавались службе более своих старших и опытных товарищей, уже привычно терпевших царское стояние в вере православной, понимая умом великую степень ее влияния на русского царя. В этот час практически все присутствующие в келье ощущали нечто подобия страха Божия и каждый невольно вспоминал себя и думал о винах своих. Иван же ясно видел себя ключевым участником апокалиптических событий.

Наступило утро нового дня. Во двор слободы в сопровождении отряда опричников въехала телега с двумя людьми в деревянной клетке в разодранных и окровавленных рубахах.

— Ну, на потраву тебя, боярин! — крикнул один из опричников, слезая с коня и вытаскивая из ножен саблю, которой тут же с удовольствием шутейно стал тыкать в спину уже опального вельможи, вздрагивавшего от невольного испуга.

— Не дергайся, боярская рожка! — откликнулся другой опричник, видя гнев на лице взятого на расправу боярина.

В царской келье у иконы Богородицы, глубоко задумавшись, стоял Иван. Вдруг он явственно услышал голос усопшего старца Макария:

— Прощение проси у Господа.

Иван невольно искал глазами Макария, но видел лишь человека, чье лицо было скрыто по большей своей части капюшоном наподобие опричного. Государь пытался скрыться от незнакомца, но он всякий раз возвращался на его пути. Иван уже начинал задыхаться из-за невозможности освободиться от него и вновь услышал Макария:

— И у всех замученных и безвинно убиенных тобой.

Государь вскрикнул и видение исчезло. Успокоившись, Иван осенил себя крестным знамением. В этот самый момент к царю вошел Борис Годунов и радостно донес ему:

— Бояр привезли, государь. Прикажешь выпускать медведей?

— Каких медведей? — удивленно спросил опричника Иван и, помолчав, продолжил: — А-а-а-а, уйди я устал.

— А как же? — растерялся Годунов.

— Отпустите их! — твердо ответил царь. — Пусть уходят.

— Кто?

— Бояре, болван, не медведи же! Надоели холопы! Только бы им потеху. Надоели! — разошелся не на шутку государь.

Годунов смущенно попытался молча уйти, как вдруг царь крикнул ему:

— Стой! В Соловецком монастыре есть человек такой: игумен Филипп. Жизнь в этом монастыре по особому устроил, арбузы у него растут. Особой

мудрости и чистоты этот человек. Слух о нем по Руси идет. Скажи Малюте: надо бы его в Москву митрополитом призвать на освобожденное паганцем Афанасием место. Хочу, чтобы он рядом был. Рядом.

— Слушаюсь, государь, — ответил Борис Годунов и вышел.

Иван повернулся к иконе Богородицы и подумал:

«В который уже раз пробую найти опору и поддержку в церкви. Смогу ли с Филиппом найти общий язык? Поймет ли меня этот мудрый человек, по-видимому, имеющий авторитет у народа? Как бы сделать так, чтобы он услышал мои нужды и поддержал мою брань с изменщиками, помог уверовать, что сии усилия воистину не напрасны, чтобы он узрел подлый нрав бояр, лишь прикрывающихся православной верою, творя на деле беззаконие и измену государю? Не могу и далее действовать без духовной поддержки. Хочу знать, что Богу угодно мое правление. Верю: Филипп не подведет. Он и станет мне опорой».

Соловецкий монастырь. Лето 1566 года.

— Неужто оставишь нас? — спросил игумена Филиппа его первый помощник Паисий.

— Государь требует меня в Москву, — ответил Филипп.

— Откажись!

— Нет, Паисий! Если откажусь, что с монастырем нашим будет? Кто знает? Не терпит государь, когда ему перечат! Видно, Богом так уж положено.

— А без тебя с нами что будет? — продолжил сподвижник в вере.

— Нового игумена выберите!

Внезапно дверь кельи скрипнула, и в нее вбежал совсем молодой инок в слезах:

— Отец Филипп, возьми меня с собой.

— Тут останешься! Нечего тебе там делать! — резко ответил игумен.

— Сбегу! Вот тебе крест — сбегу! — заупрямился вставший на колени воспитанник.

— Да что ты говоришь, негодник! Я твоему отцу ручался, что достойного человека из тебя сделаю, что не посрамишь ты его! — продолжил уговаривать инока Филипп.

— Все равно сбегу! — запричитал свое воспитанник, вставая с колен.

— Куда? Вернись! — закричал игумен вслед убежавшему из кельи юнцу.

Инок, которого звали Алексей, остановился перед дверью кельи и вернулся обратно к Филиппу, сладко предчувствуя перемену своей участи.

— Ладно, собирайся, — старец обнял голову плачущего воспитанника, испытывая к нему отцовскую привязанность, — а то ведь и впрямь сбежишь!

— Я мигом! — радостно ответил отрок и бросился за своими пожитками.

— Не покидай ты нас! — заканючил опять свое Паисий. — Ну разве ж твое это? Духовной жизни искал ты!

— Не могу я, Паисий. Гонцу велено, в случае ежели я не поеду, везти меня силой.

— Вон оно как! Смотри, Филипп, лишнего чего не говори. Христом Богом молю! Прошу...

В келью снова вошел уже с вещами спутник будущего митрополита, а за ним еще трое молодых иноков. Игумен, увидев прибывших, проговорил:

— Прощайте, братья. Все вы сердцу моему дороги. За каждого из вас молиться буду. И вы не забывайте меня в своих молитвах, — окончил свое прощальное слово Филипп, перекрестив остающихся иноков, — благослови вас Бог.

Иноки, осенив себя крестным знамением, поклонились игумену в пояс и взяли его сундук, чтобы отнести в походную телегу.

Филипп подошел к Паисию, обнял его за плечи и сказал:

— Прощай, Паисий.

Затем игумен и Паисий троекратно расцеловались.

— Прощай, Филипп, — ответил Паисий и уткнулся своим старческим лицом в плечо уже бывшего игумена Соловецкого монастыря.

Филипп взял в руки небольшой мешок и покинул Паисия, который молча перекрестил спину уходящего в мрачную неизвестность брата во Христе, сердцем уже предчувствуя его горькую участь.

Дорога в Москву. В телеге Филипп с любимым иноком. Спереди и сзади опричная стража: один в качестве возницы, двое на конях для охранения от лихих людей. Филипп же был занят вырезанием фигурок из дерева. Его воспитанник, видимо от скуки, вдруг задал ему тяжелый вопрос:

— Отец Филипп?

— Чего тебе?

— А правда, что государь наш кровопивец?

— Ты о чем?

— Говорят, что у неугодных ему он кровь высасывает. Да еще по вечерам он выезжает на дороги со своими сподвижниками. Ежели кто на той дороге им встречается, они им сердца вырывают и сжигают. Отец Филипп, а еще они причащаются человеческой кровью.

Филипп, оглянувшись на опричников, заметил сердито воспитаннику:

— Это кто тебе такие сказки рассказывал?

— Отец Паисий.

— Старый он. Ты б его не слушал. Спи лучше.

Инок прилег, но тут же вновь заговорил:

— Отец Филипп, они же...

— Глаза закрой.

- Они причащаются...
- Спи, говорю тебе.
- Да ведь они причащаются человеческой кровью!
- Тихо, тихо.

Во двор Александровой слободы въехала телега с Филиппом и его воспитанником. Навстречу ей тут же вышел государь.

— Государь! — возгласил Филипп, спрыгнув по-молодецки с телеги, и уже тихо приказав Алешке заняться вещами.

Подойдя ближе к царю, Филипп совершил навстречу ему поясной поклон.

— Филипп, хочу припасть к твоей чистоте, — торжественно произнес Иван.

Игумен подошел к царю вплотную и перекрестил его, спросив:

— За что же честь такая?

— Много слышал о тебе, игумен, и о монастыре твоём. Думал: лучше сам к тебе приеду, чтобы у тебя и остаться. А что, взял бы, ежели постриг принял?

— Всякому, кто стучится, двери отворятся.

— Не всякому, Филипп. Иногда вместо дверей стена каменная да высоченная оказывается, — заспорил государь, приглашая монаха пройти с ним по двору.

— И так бывает, государь, и то во благо, — согласился с царем Филипп.

— Что ж во благо, скажи? — удивился Иван словам игумена.

— Кто знает путь к истине, тот лжет. Кто ищет — у того правда.

— А ежели сомнения, ежели душа болит так, что раскалывается?

— Вера сомневающегося человека подчас сильнее веры праведника. Сомневающийся каждый раз находит Господа, и сердце его ликует.

— Так, все так! Как же я хотел услышать это! Скажи, митрополита сан принять согласен ли?

— Государь, сан я приму, но не благ он для меня, а крест.

— Не ради дела, ради наставничества. Тяжко мне одному.

— Твоя воля, государь. Однако ж какой я наставник? Слаб я, да и сам в мудрости чужой нуждаюсь. Могу ли наставлять тебя?

— Только ты можешь! Один я совсем, в ненависти. Отвернулись от меня, бегут словно от прокаженного.

— Хоть и далеко монастырь мой, да о делах твоих я наслышан.

— Уже и осуждение в речах твоих.

— Не мне судить тебя. Однако ж любви насилем не сыщешь.

— Думаешь любви холопской ищущу? Нет, Филипп. Веры не лукавой хочу в помазанника, а через нее и в Господа нашего. Тогда и с любовью народа нехватки не будет. Ясно ли говорю я?

— Да, государь.

— Об одном условимся, архипастырь: делами духовными отныне ведаешь, а мирские же дела оставь мне, — закончил Иван и сурово посмотрел в глаза Филиппа.

— Как скажешь, государь. Однако ж дела твои не души ли твоей будут? — заметил будущий митрополит, порождая тем невольно свои грядущие столкновения с первым русским царем.

Иван, никак не прощаясь с Филиппом, развернулся и стремительно пошел прочь, оставив своего собеседника в тревожном недоумении.

В келье слободы Филипп и его воспитанник за трапезой. Старец уже закончил ее и сидел в задумчивости:

«Иван что-то затевает свое и, видимо, хочет использовать меня в качестве брони для защиты себя от стрел своих врагов. Ни для чего другого он бы не стал призывать меня в митрополиты. Но тогда я в ловушке: ежели соглашусь благословлять его, то и дела его станут моими тоже, в ином случае — у меня впереди лишь страдание и гибель. Не зря Паисий просил меня отказаться от поездки в Москву, почувствовал старик скорбный исход сей затеи. Но что делать теперь? Сразу занять неуступчивую позицию или погодить с этим? Горько быть здесь, ох как горько, Господи!»

Инок, видя хмарь на лице наставника, решил задать ему вопрос:

— Скажи, Филипп, вот ежели Господь все знает наперед, то почему он, зная о согрешении Адама и Евы, не воспрепятствовал этому?

— Человек, он как дите малое: говорит ему мамка этого нельзя, того нельзя, а он все нарушает запреты. А ежели не будет нарушать, то не узнает зла. А как же он тогда поймет, что такое добро? Свет он только в темноте виден.

— Значит, Господь знал, что они согрешат? Он дал им согрешить? Ну, чтобы те почувствовали грех и стремились к чистоте?

— А это уж к чему душа пристрастится. Изгнав Адама и Еву из рая, Господь дал человекам свободу.

— Отец Паисий говорит, что мысли ты неверные внушаешь: ну, как-то все по-особому толкуешь. Ну, что мне делать, коли голова моя все время задумывается, а ответы только ты ведаешь? И не всегда я с тобой согласен, иногда и нет.

— Отец Паисий дело говорит. А тебе надо было в монастыре оставаться, — закончил собеседование с настырным воспитанником Филипп.

В царской келье у икон Иван. В нее торжественно вошли трое церковных служителей. Среди пришедших был и Филипп в облачении митрополита. Государь, узнав Филиппа, попросил его спутников удалиться, что мгновенно было исполнено.

— Садись, Филипп, — сказал тихо и спокойно царь и продолжил, — не спиется мне, маятно, хоть кричи.

Иван медленно подошел к Филиппу и опустился перед ним на колени. Митрополит, удивившись тому, невольно приподнялся и стал ожидать слов царя. Иван вдруг негромко, но жарко заговорил:

— Страшно мне, благослови меня.

Филипп медленно и величаво окрестил царя и произнес:

— Благословляю.

Иван мгновенно ухватился двумя руками за руку митрополита и впился в нее же губами.

— Однако ж легче ли станет? — спросил царя новый митрополит, видя нешуточные муки царя.

— Садись, — тихо обронил государь, вставая с колен.

Митрополит, не отрывая глаз от царя, вновь сел на прежнее место.

— Станет, Филипп, станет! — заговорил уже вдруг буднично Иван и двинулся к иконам.

Митрополит снова поднялся и догадливо произнес:

— Страх твой, государь, он ведь не Божий.

Царь медленно повернулся и посмотрел тягуче в глаза митрополита. Тогда как Филипп продолжил свое нравоучение:

— Не его ты боишься.

— Смерти боюсь, — честно ответил Иван и добавил: — Если б мог ты души их слышать, узнал бы, какая ненависть у них ко мне. Все, все они хотят смерти моей, Филипп.

— Кто все?

— Все, словно стервятники вокруг меня, так и ждут.

— А ты б, государь, сменил одеяние. Кровь на нем.

Иван удивленно оглядел свой опричный кафтан и спросил Филиппа:

— Где?

— Да поди все в крови людской! — ответил уже явно осуждающе Филипп.

Царь снова ошалело осмотрел свою одежду.

— А в народе говорят будто пьешь ты ее и причащаешься ею, — стал нажимать на государя митрополит, — смени одеяние, да выйди к народу, да лик свой светлый покажи, да от старых одежд откажись!

— Ты что ж думаешь, полюбят они такого государя? — уже с иронической улыбкой спросил Иван.

— Полюбят!

— Слабого?

— Полюбят!

Иван насмешливо покачал головой и произнес уже вполне уверенно:

— Камнями закидают, удушат и возликуют. Подумают, не будет окаянного Ивана и вольготно жить будут. Они уже сейчас не только на меня, но и друг на друга волками смотрят. Доносы друг на друга пишут! Умру я, умру. Они перегрызутся, как собаки продажные. Ты хо-

чешь, чтобы я перед ними каялся? Не поймут они моего покаяния! Не поймут.

— А все же страхом ты их не удержишь! Ты ли славный царь, взявший Казань да Астрахань? Ты ли тот, кого народ после пожара в молитвах поминал? Ты ли тот, чьи он следы целовал, когда тебя венчали на царство? — заметил с жаром Филипп, уже предчувствуя свой верх над Иваном.

Лицо государя сильно скривилось, на его глазах выступили слезы. Митрополит, видя это, двинулся к царю и, повышая голос, продолжил свое нравоучительное наступление:

— Ты ли тот самый государь? Не тот! А кто же ты?

— Прав! Только... они виноваты: вывернули душу мою, истоптали ее! — бросился Иван к Филиппу, уже открыто всхлипывая при этом.

— Значит, слезы еще есть. Это хорошо, государь, — одобрительно изрек митрополит.

— Не покидай меня! Не покидай! — зачистил с придыханием Иван.

— Откажись от крови. Откажись! — стал распалаться Филипп, поглаживая Ивана по плечу.

— Со мной будь! Не покидай! — как будто не слыша Филиппа, продолжил гнуть свое государь.

— Откажись.

— Не покидай...

Москва. 1567 год. Крестный ход на пасху с участием государя и митрополита. Царь в праздничном одеянии пешком вел под уздцы коня, на котором восседал митрополит. Зеваки из числа москвичей наблюдали и обсуждали случившиеся перемены в поведении государя:

— Слава Господу! Ниспослал митрополита.

— Государя словно подменили.

— Слышал я, он нескольких изменщиков помилвал. А у боярина, который хулил его за расправу над сродственниками, прощения просил. На коленях перед ним стоял. Тот, говорят, после этого дела ума лишился.

— Слышал я, Иван с боярина Челядьина опалу снял.

— Надолго ли?

— А Скуратов-то, Скуратов! Смотрите, далече от государя! И вместе со своими опричниками, с их метлами и собачьими головами. Будто грызут они и метут всех изменщиков. Глянь, глянь как на Филиппа смотрит. Впал в немилость, душегуб.

— Надолго ли?

Иван же, вдохновенно празднуя Пасху, одновременно размышлял о своих отношениях с Филиппом:

«Вот я пошел навстречу ему. И что ж с того? Насмешки и недоумения слышу с разных сторон. Разве я не говорил Филиппу об этом изначально?»

Разве он оказался правым? Каким быть? Играть податливого царя и далее? Ведь и сегодня уже очевидно, что никого этим умилением не вразумить, что никем оно хоть сколь-нибудь не ценится. Но как это втолковать старцу? Он по-прежнему талдычит свое: государь, избегай крови! Разве в этом смысл христианства? И сам страх перед смертью разве спасает душу верующего? Нет ли вообще подлой ереси в самой этой проповеди бескровного пути, прямо ведущего уже к торжеству ее? Разве предательство веры не начинается со страха пролития крови во имя торжества этой самой веры? Разве сам отход от смысла веры во имя торжества бескровного пути спасает душу человека?..»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

На место митрополита Афанасия, который ушел со своей должности, царь Иван решил поставить казанского архиепископа Германа Полева. Но суровый в вопросах чистоты веры Герман тем не менее стал мужественным противником беззаконного насилия. Еще не утвержденный на высоком посту, он стал поучать царя, угрожая страшным судом за невинные жертвы. В результате Герман был отправлен обратно в Казань и через два года его казнили.

Следующей кандидатурой в митрополиты был игумен Соловецкого монастыря Филипп, два его двоюродных брата были опричниками, сам же он постригся в монахи в 30 лет, опасаясь кары за участие в мятеже Андрея Старицкого. Филипп приобрел репутацию прекрасного организатора хозяйственной деятельности, с его именем связано строительство каналов, соединивших 72 озера и использованных для водяных мельниц, кирпичный завод, сушильня и другие хозяйственные сооружения. Условием своего вступления на митрополичий престол Филипп поставил отмену опричнины. Так или иначе, царь уговорил Филиппа, и тот дал обязательство «в опришнину ему и в царский домовый обиход не вступаться».

Произошла некоторая передышка в политике террора в 1566 году. Но, возможно, шло формирование опричного корпуса и опричной администрации, а царь лишь усыплял общественное мнение.

Глава 11

Боярский заговор и его разгром

В горнице завтракали царь Иван, его сыновья Иван и Федор, царица Мария Темрюковна. Иван и сыновья вкушали кашу с медом, Мария отпивала из кубка квас. Все молчали, и каждый думал свое, сокровенное. Дети о том, что их отношения с мачехой имеют обидный для них характер из-за бесконечных ее придинок к ним; Мария о том, что приходится опекать непослушных и совсем чужих ей детей; Иван о том, что не ладится новое семейство, что нет скреп любви в нем.

— Выродок, смотри, что делаешь! — закричала по-черкесски Мария Федору, обронившему нечаянно мед на стол.

Иван, услышав крик и брань жены, прекратил есть и внимательно стал наблюдать за женой, которая в сердцах ткнула Федора носом в стол

и ударила его вдобавок по затылку. Федор, нахмурившись, встал и вышел мимо отца из-за стола. Через небольшую паузу Иван, обернувшись назад, взял молча в руки плеть, подошел к Марии и, ухватив ее за руку, резко выдернул жену из-за стола.

— Не трогай меня! — закричала царица.

Царь же, не говоря ни слова, нанес супруге подряд несколько очень чувствительных ударов. Мария с криками упала на колени и закрыла руками лицо. Окончив экзекуцию, Иван подошел к старшему сыну, сидевшему за столом, и поцеловал его в голову.

— Ешь, сын! — подвел черту конфликту государь.

Царица, лежа на полу, плакала и от боли, и от обиды на свою участь. Старший сын царя Иван продолжил есть уже вполне раскованно и быстро. Царь же покинул свое семейство и вышел из горницы, по-своему переживая случившееся только что событие.

Усадьба Старицких. Князь Владимир Старицкий выхватил плеть из рук своего холопа и взобрался на лошадь, поданную заблаговременно к господскому крыльцу. На него же вдруг выбежала супруга князя и закричала мужу:

— Ты куда? К нему? Я тебя спрашиваю!

— Мне надо ехать! — ответил князь жене, не глядя на нее. — Так будет лучше.

— Прошу тебя, останься, — просила князя его супруга, — подумай, что с нами будет. Что ты ему скажешь?

— Знаю, что он хочет слышать, знаю.

Князь и его небольшая свита двинулись в путь. Жена князя еще какое-то время пыталась что-то сказать или крикнуть, прошаживались по двору взад-вперед. Затем, как бы обмякнув, медленно стала подниматься на крыльцо, понимая что неотвратимое стало таковым окончательно.

При входе в царские покои Старицкий снял верхнюю одежду и сдал опричной страже свое личное оружие.

В покои царя вошел Богдан Бельский и доложил царю:

— Государь!

— Что? — спросил Иван.

— Старицкий.

— Старицкий? — переспросил удивленно царь и встал от стола с книгами. — Зови!

Бельский вышел в коридор и пригласил князя войти. Старицкий решительно вошел в царские покои.

— Да, не частый ты гость в доме моем! — загудел государь, обращаясь к брату. — Богдан, проси чтоб вино принесли. Мы с братом пить будем.

Братья обнялись и троекратно поцеловались.

— Садись! — пригласил Иван Владимира для дружеской братской беседы. — Как супруга твоя? Как дети?

— Здравы, слава Господу.

— Что ж избегаешь меня? Обиду затаил, что я матушку твою в монастырь спровадил?

— Никакой обиды в душе не держу! А матушка, она не могла простить смерти мужа своего, отца моего Андрея Старицкого, коего уморила голодом твоя мать Елена. Потому и против тебя была. Я же никогда не желал трона, ибо большая власть мне в тягость! Большая власть — страшный крест! Я всегда хотел жить со своей супругой и детьми в покое и тиши.

— Бери! — указал Иван Владимиру на вино, доставленное слугой уже разлитым по кубкам.

Братья подняли кубки. Иван пристально посмотрел на Владимира, ожидая слов о цели визита к нему брата.

— Предан я тебе всем сердцем, государь, — начал говорить Владимир, — веришь ли ты мне?

Иван отвел взгляд и промолчал.

Владимир досадливо вздохнул и произнес:

— Иные искушают меня, они испытывают... Опасность тебе грозит, государь! Оберечь тебя приехал!

— Кто же эти искушители твои?

— Недавно мой двоюродный дядя Василий Борисов-Бороздин спяну ляпнул, что будто бы в скором времени я воссяду на престол, а ты будешь истреблен, схвачен и выдан королю Сигизмунду.

— Истреблен? Кто же удумал это?

— Андрей Катырев-Ростовский, — быстро ответил Владимир.

— А кем выдан Сигизмунду? — поморщился Иван.

— Он вскользь упомянул нескольких: Михаила Колычева, Троекурова, Федора Лыкова, Ивана Петровича Челядьина, — стал старательно пояснять Старицкий.

— Челядьин, Челядьин. Я это имя не раз встречал в доносах. Не раз. Кто же еще? Кого еще назвал Борисов-Бороздин?

— Никого! — пугливо произнес Владимир — Сказал лишь, что слишком влиятельных людей числом тридцать. Однако никого из них я и на порог не пускаю! Живу затворником в тихой радости. Только бы жена моя и дети были живы и здоровы, — зачастил Старицкий и заискивающе в конце своего ответа спросил у Ивана. — Веришь ли ты мне?

— Верю, верю, Владимир! — уже машинально ответил Иван и через паузу продолжил: — Думал уж, ненавидишь меня лютой ненавистью. Червь в душе был, что осуждаешь меня. А теперь вижу, что все не так, не так все... Ну что ж, выпьем за дружбу братскую! — окончил свою речь Иван и вопросительно посмотрел на смущенного услышанным Владимира.

Старицкий молча и медленно стал пить вино, раздумывая и тревожась о том, что вышло из его затеи. Иван также пригубил свой кубок и отставил его тут же со словами:

— А семью я твою уберегу. Слово даю. Верных людей поставлю. Отныне дом твой оберегать будут.

— Не надобно этого, государь.

— Надобно, надобно!!! Я хочу за вас спокойным быть. Ну что ж, выпьем еще раз? За что ж теперь?

— За милосердие твое?

— Да нет же. За преданность твою, Владимир!

Братья чокнулись, Иван возбужденно-торжествующе, видя открывшуюся перспективу разоблачения своих врагов, а Владимир — обреченно. Он вдруг понял, что его личное положение, положение его семьи стало еще более шатким, чем оно было еще только вчера. Впрочем, Ивану по причине неожиданно раскрытого заговора ряда бояр и некоторых воевод быстро пришлось распустить свою с трудом подготовленную армию «Решающего удара в Ливонии» в направлении на Ригу. Тем более что южнее русских войск, почти у них в тылу, тогда стояла армия Сигизмунда, как бы ожидая намеченного в тайне русского броска для того, чтобы отрезать Ивана от Москвы. Государь мгновенно понял, в какую западню он попал бы, не узнай своевременно о предательстве русской служилой аристократии. Однако Иван так и не смог до конца простить брату, что он своей сознательной безвольной позицией становился постоянным источником соблазна для всех врагов русского царя, коих у него становилось как во вне Руси, так и внутри нее все более и более. Ведь само положение Владимира по рождению его обязывало стать в ряды самых верных помощников царя Ивана, чего он явно не желал делать, чем и готовил неумолимо свою горькую участь. Видимо, в борьбе за истину не бывает нейтральной позиции, которая на самом деле всегда на стороне ее врагов. И Владимир Старицкий, малодушно уклонившись от активной поддержки своего брата, оказался невольным орудием в руках врагов русского царя, вынуждая тем Ивана отныне видеть в нем совсем нешуточную угрозу.

Александрова слобода. Осень 1567 года. Иван, не мешкая, бросился воздавать должное своим действительным и мнимым недругам. В пыточный подвал стали стремительно свозиться помянутые Владимиром Старицким вельможи. И тогда закипела яростная кроваво-кричащая история терзания заподозренных в заговоре против царя бояр, князей и воевод. В эти дни все ключевые усилия обитателей слободы были сосредоточены на особо мучительных допросах изменщиков и случайно заподозренных в том лиц, оказавшихся страдальцами поневоле или за компанию с первыми. Впрочем, лишь один Бог ведал: были ли эти бедолаги абсолютно безвинны, а также сакральные цели их жутких мучений, смертным всегда

до конца неведомые. Государь регулярно принимал самое непосредственное участие в проводимых допросах с применением самых разнообразных пыток, координировал и планировал их вновь и вновь. Временами казалось, что их пределу нет никаких шансов, что они теперь будут непременной чертой самой внутрислободской жизни. Вот одна из вполне возможных картин упомянутых выше событий:

— Говори! — закричал Федька Басманов, забывая со всего размаха огромным деревянным молотком в бедро привязанного к столу мужчины остро заточенное с одного конца древко, направлявшееся в нужное место ноги благодаря загодя укрепленным на столе металлическим кольцам, позволявшим древку попадать сквозь плоть ноги в сквозное отверстие в столе.

Последнее обстоятельство позволяло oprичникам ударами по концу древка уже из-под стола доставлять подвергнутому пытке лицу новое, еще более острое мучение.

В ответ на жуткую боль в ноге подвергнутый пытке человек лишь издавал душераздирающий вопль, на который ни Басманов, ни другие oprичники уже не обращали ровно никакого внимания, лишь еще более распалаясь от этого ужасного крика. То есть они тем самым только убеждались, что их усилия, с одной стороны, доставляли действительно огромное страдание допрашиваемому, с другой — что он все еще в сознании, а значит, все еще способен дать нужные розыску показания.

— Кто это? — закричал царь, стремительно ворвавшись в подвал, указывая глазами на лежащего и кричащего от боли человека.

— Петр Щенятев! — последовал ответ царю Басманова — Сродственник княгини Старицкой.

— Кто выдал его? Кто выдал, говори? — закричал государь не совсем понятно кому, то ли oprичнику, то ли допрашиваемому.

— Борисов-Бороздин, — испуганно ответил Федор Басманов и добавил: — когда я из его спины пятый ремень вырезал.

— Кого Борисов-Бороздин еще назвал? — нервно продолжил свой допрос Иван, уже непосредственно склонившись над лицом Щенятева.

— Всех, кого Старицкий перечислил, — вступил в разговор уже Алексей Басманов.

— Что молчишь, пощады не просишь? — закричал опять государь уже прямо в ухо Щенятеву.

— Пощади! — резким криком ответил тот.

— Если расскажешь все и покаешься, отпущу тебя в монастырь! — пообещал заговорщику царь.

— Каюсь! — вновь криком подтвердил свое согласие Щенятев.

— Принародно, на площади будешь каяться в своем поганстве! — в конец разъярился государь. — Готов принародно каяться? Говори!!! Говори! Что молчишь?

Малюта, видя затруднение Ивана, быстро осмотрел допрашиваемого и также стремительно, но брезгливо произнес:

— Отошел!

— Насчет Челядына все выяснять! — распорядился царь.

Неожиданно хлопнула входная дверь, и на пороге подвала появился царевич Иван. Государь, увидев сына, грозно спросил его:

— Ты что здесь делаешь, Иван?

— Гляжу, батя, — испуганно ответил отрок, отступая невольно обратно к выходу из подвала.

— Нечего тебе здесь... — отрезал царь.

— Но, батя!

— Пошел вон! Пошел вон! — прервал государь саму мысль сына остаться в подвале.

Усадьба Старицких. Во дворе отряд опричной стражи от безделья устраивал сам себе потехи. Один из опричников играл роль зайца, остальные — охотников. Первый, проявляя смекалку и удаль, уворачивался от своих преследователей, вторые с гиканьем и смехом пытались загнать беглеца в ловушку. При этом некоторые опричники даже не опасались широко размахивать плетьюми и саблями, увеличивая общий психологический эффект от игры. В горнице за обеденным столом сидели Владимир Старицкий и вся его семья. Жена князя, разливая молоко детям, не сдерживала своей тревоги от происходившего во дворе усадьбы.

— Не тронут они нас. Он слово дал. Охранять нас будут, — попытался было успокоить супругу князь.

— О кого? — тоскливо, спросила мужа жена и спросила: — Что ты ему сказал?

Владимир посмотрел на супругу и в сердцах бросил с силою деревянную ложку о стол. Да так сильно, что она, отскочив от стола, полетела далеко от него.

Тут же Старицкий вскочил и выбежал из-за стола и с не меньшей, чем у жены, тоской взорвался:

— Да чтобы я ему не сказал, он все равно не верит!!!

Все семейство князя разом притихло, осознав полную безнадежность своего положения.

А в Москве в это самое время уже вершился суд над изменщиками, который скоро оканчивался для них плахую. Принародно палач в красной рубахе и в меховой шапке методично, ловко и неумолимо приводил в исполнение вынесенный царем приговор. Обреченные на смерть, пройдя лютые пытки, уже не испытывали естественного ужаса перед огромным топором, видя в нем по большей части лишь окончание собственных жутких мук и страданий. Зеваки же по большей части также теряли былой живой интерес к казням, усматривая в них нечто малопонятное и чуждое себе.

Ивану, впавшему в сон, явилась покойная царица Анастасия, его первая супруга. Ее нежный и тихий взгляд буквально оживил его измученную душу. Государь невольно протянул к ней руки, пытаясь обнять ее и слиться с нею в поцелуе спасения и отрады. Вдруг царь почувствовал удары и проснулся. Его вторая супруга Мария Темрюковна Кученей продолжала в гнев бить его руками, приговаривая:

— Опять Анастасией меня называешь? Шайтан!

— Ты как здесь? — удивился Иван, видя в постели Марию.

— Сам сюда заволок! — ответила гневно царица.

— Не гневайся на меня. Я люблю тебя, люблю, — попытался успокоить Иван свою жену.

— Шайтан, страшный шайтан, — прошипела Мария и вскочила с постели. — Бог тебе этого не простит!

Получив от мужа большую обиду и унижение, Мария уже во дворе слободы решила вернуть себе честь и самоуважение ценой публичного унижения царевых слуг. Там она с небывалой яростью набросилась на опричника, помогавшего ей взбираться на лошадь и поспешившего отойти раньше срока в сторону, не дождавшись, когда царица сядет в седло. Мария, выхватив плетку, начала энергично стегать ею слугу, приговаривая криком:

— Ублюдок, что творишь! Ублюдок!!!

— Государыня, государыня... — смиренно попытался было успокоить разбушевавшуюся царицу приставленный к ней опричник, понимая, впрочем, полную бесперспективность собственного оправдания.

— Вперед! — скомандовала Мария, и ее лошадь в сопровождении эскорта опричной охраны двинулась на конную прогулку.

Вечер. Снежно и уже, несмотря на осень, было весьма морозно. Во дворе слободы горел костер. Около него расположились опричники и в одной окровавленной рубахе пожилой человек со связанными за спиной руками, лежавший ничком, как мешок, без малейших признаков жизни.

— О-о-о, Иван Петрович Челядьин! — голос государя буквально врзался в картину молчаливого ожидания. — Думал я, что не будешь ты злых умыслов против меня строить. А ты? Но все равно выпить с тобой хочу.

Услышав царя, мужчина зашевелился и с трудом поднялся с земли, поглядывая недобро на своего главного мучителя и заранее предполагая какой-то горький подвох с его стороны.

— Где вино? — спросил Иван.

— Здесь, государь, — последовал быстрый ответ Федора Басманова, передавшего царю наполненную чарку.

— Руки развяжи! — распорядился Малюта.

Один из опричников мигом вытащил из ножен кинжал и разрезал им веревку на руках боярина. Челядьин попытался размять затекшие кисти рук и невольно опрокинул чарку с вином, протянутую ему Иваном.

— А-а-а! Налей еще, Федька, — сказал Басманову царь.

Федька наполнил новую чарку и поднес ее государю, который, приняв ее, нарочито произнес:

— А я за тебя выпью. Все до дна выпью, Иван Петрович.

Царь неспешно, глядя в глаза боярину, осушил чарку с вином.

Челядьян же, вглядываясь также в лицо Ивана, закашлялся.

— Ты верно домой хочешь? — насмешливо спросил вельможу государь. — Отпустите его домой! Пущай себе идет! Он верный боярин. Он царю хорошо служит. А, Иван Петрович? Ступай!

Челядьян оглянулся по сторонам и, глядя на государя, промолвил:

— Шубу-то отдай!

— Шубу? А кто взял шубу боярина? — задумчиво спросил Иван, оглядывая окруживших его опричников.

— Какую шубу? — отозвался Скуратов, понимая жестокую шутку царя.

— Федька! — позвал Иван Басманова.

— Государь, я не брал шубу.

Иван Петрович, видя сущее издевательство над собой, зло рассмеялся и крикнул в лицо царю:

— Супостат ты! Прикончил бы сразу.

— Ступай! — в ответ хмельно проорал государь.

Не успел боярин еще осознать услышанное от царя распоряжение, как его тут же схватили под руки и потащили к выходу из слободы двое опричников.

Околица Александровой слободы. Трое всадников двигались по полю с одним факелом развернутым строем, озирая местность вокруг себя.

— Вот он! — крикнул один из них своим спутникам.

— Давай, вяжи его! — распорядился старший опричного розыска Борис Годунов.

Младший опричник слез с коня и подошел со скрученной веревкой в руке к лежащему на снегу человеку. Опустившись на колени, он одним концом веревки умело обвязал ноги человека, уже совсем не подававшего признаков жизни.

— Привязывай! — вновьскомандовал Годунов.

— Крепкий оказался, — заметил Федор Басманов, — гляди, как далеко утопал. Другой бы у самых ворот уже сдох.

— Да, — согласился Годунов и добавил уже громко: — Поехали!

Опричники, выровняв своих коней во фронте, двинулись неспешно обратно в слободу. За младшим из опричников по снегу заскользило привязанное веревкой к седлу мертвое тело боярина Челядьина, задранные над головой руки которого вздрагивали на каждом неровном участке скорбного ночного пути.

В слободе у костра перед уже окоченевшим телом Челядьина собрались опричники и государь.

— Смерти моей хотел! А теперь сам передо мной лежишь! В яму его отхожю. Всех сродственников сжечь. Дом спалить. Все спалить, — объявил свою жуткую волю русский царь.

— Пойдем! — скомандовал привычно Годунов своим помощникам.

Глубокая ночь, озаряемая лишь огнем горящего дома, вокруг которого на конях кружили опричники. Среди конского ржанья раздался клич:

— Сбежали! Догоняй!

Карательный отряд бросился в погоню за сродственниками боярина Челядьина, узнавших окольными путями, что ищут их царевы слуги. На дороге в открытом поле опричники настигли беглецов, ехавших на телеге, и окружили их. Однако из сродственников опального вельможи никто не собирался сдаваться и упряжка упрямо продолжила свой отчаянный бег. Седоки все еще надеялись на удачу и даже на чудо. Но царевы слуги, не знавшие никакой жалости, а лишь твердо понимавшие, что им следует делать, продолжили преследование беглецов. В телегу полетели с разных сторон факелы и раздались крики:

— Сбежать хотели, челядьинские выродки!

Сено в телеге вспыхнуло, и из нее начали по одному вываливаться ездоки, объятые пламенем с головы до пят. Возница же, будучи уже весь в огне, до последней возможности погонял лошадей, как бы даже не замечая пламени и на спине, и на своей голове. Жуткая картина расправы в ночном поле, сопровождаемая криками горящих людей, еще долго давала себя знать всякому путнику, случайно оказавшемуся рядом с нею.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Главным противником в годы опричнины царь считал своего двоюродного брата старицкого князя Владимира Андреевича, как основного династического соперника: царь помнил о мятеже, поднятом против него, семилетнего мальчика, отцом Владимира Андреевича. В 1566 году царь отобрал часть удела у князя и дал взамен совсем новые поместья, где служилые люди не привыкли видеть в князе своего государя. Но затем наблюдается какое-то сближение с Владимиром Андреевичем, следующей весной царь велел ему поставить двор на старом месте, да еще для пространства прибавил новое место.

Историк Р. Скрынников, многие годы бывший главным разоблачителем «кровавой опричнины», в последнем варианте своей книги «Иван Грозный» вынужден был признать: «Будучи осведомлены об усилившихся трениях между опричниной и земщиной, литовцы попытались ускорить выступление недовольных и обратились с тайными воззваниями к главным руководителям земщины — Челяднину, Бельскому, Мстиславскому и Воротыньскому. Ввиду того что Воротыньский по милости царя только что получил свободу (до того он находился в тюрьме), литовцы возлагали на него особые надежды. Удельный князь должен был возглавить вооруженный мятеж. Король обязался прислать ему в помощь войска и передать во владение все земли, которые будут отвоеваны у царя. Чтобы ускорить дело, король

послал в Россию в качестве лазутчика старого “послужильца” Воротынских Козлова, ранее бежавшего в Литву. Лазутчик пробрался в Полоцк, где находился Челяднин, и вручил ему письма... Планы вооруженного мятежа в земщине были разработаны в мельчайших деталях».

Король Сигизмунд II Август в своих посланиях не только обещал передать князьям и боярам земли, отвоеванные поляками у царя, но и договаривался с ними о выдаче Ивана Васильевича. «...Много знатных лиц, приблизительно 30 человек, с князем Иваном Петровичем (Челядниным) во главе, вместе со своими слугами и подвластными, письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опричниками в руки вашего королевского высочества, если бы только ваше королевское высочество двинулись на страну», — писал Шлихтинг в кратких «Новостях». Можно предположить, что благодарные бояре отдали бы в руки ляхов не только государя. В случае успеха заговор привел бы к радикальному ослаблению России в ее противостоянии с Западом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Карамзин, безусловно осведомленный о подноготной событий 1567 года, тем не менее в своем непринужденном стиле называет получение грамот от короля Сигизмунда «бесчестным подманом наших вельмож со стороны царя». Однако даже Карамзин считает князя Владимира Старицкого «действительно виновным в попытке захвата власти в противность закону».

Как пишет Штаден: «Князь Володимир Андреевич открыл великому князю заговор и все, что замыслили и готовили земские (бояре). Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу, а что он ездил “прохладиться” и осмотреть прародительскую вотчину. На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни...»

В любом государстве, и не только в XVI веке, раскрытие серьезного заговора, в который были вовлечены внешние силы, стало бы причиной скорой расправы над заговорщиками.

Штаден описывает разгром заговора так: «Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы; так что один город или монастырь ничего не знал о другом... Челяднин был вызван в Москву; (здесь) в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу...»

В этом описании мы видим быструю и умную ликвидацию угрозы. Вотчины Ивана Петровича — это не загородные дачки, а феодальные владения, находившиеся в Бежецком Верхе и других регионах страны, с многочисленными военными слугами и боевыми холопами. Согласно синодикам, проанализированным Скрынниковым, во время опричного рейда погибло около 300 военных слуг и 50–60 дворян Челяднина-Федорова, крестьяне же не пострадали.

Глава 12

Разоблачение митрополита Филиппа и его изгнание

В келью митрополита Филиппа с частым постукиванием посоха об пол медленно вошел захмелевший много государь и прямо с порога проинзес:

— Филиппушка, голова раскалывается. Ох, я окаянный, окаянный...

— Окаяние твое, государь, в привычку уж вошло, — ответил строго митрополит.

— Да, прав ты. Ох, как ты прав. Мерзкий я, мерзкий. Сам себе мерзок. Благослови, а? Очисти от скверны, а? — подтвердил обвинение себя самого царь.

— Не хотел я так высоко вознестись. Сам звал. Однако ж не могу я не видеть, слепым быть. Освободи меня! Другой кто благословлять тебя будет на кровь, но не я, — стал выговаривать Ивану Филипп.

— Филиппушка мой, благослови! — заговорил явно с трудом государь и опустил перед митрополитом на колени.

Филипп, видя что разговор с царем невозможен, стремительно покинул келью. Иван же, мгновенно протрезвев, подумал:

«Кажется, Филипп и впрямь готов противостоять мне. Как он сказал: другой будет благословлять тебя на кровь, но не я? А ведь это и есть измена! Разве, указывая мне на пролитую мною же кровь, он не осуждает меня? Разве он не понимает, что без этого кровопролития и церкви православной конец придет, что съедят ее с потрохами еретики свои и чужие, что от нее лишь оболочка останется, что она превратится в сугубое прикрытие всякой мерзости людской — опоганится, что в ней тогда не сохранится даже самой веры в Бога? Он что, глуп, не понимает того? А может быть, в нем и веры-то и нет вовсе? Неужели ему не ясно, что изменщики и еретики заодно будут, так как всегда ищут лишь своего: богатства и славы себе? Почему же он так легко уподобляет самого себя богочеловеку Христу, полагая по личному примеру Спасителя разумным только умиротворение неотступных врагов подлинного христианства, тогда как Сын Божий шел на крестную смерть свою во имя последующего собственного воскресения и составившего в конце концов саму суть веры православной? В ином же случае, как известно, совсем нет нужды в умиротворении сынов дьявола, нагло возводящих хулу на Духа Святого, а значит, даже муки и смерть совсем не ведут к спасению их души. А насильственное освобождение от них самих весьма очищает и упасает от еретического соблазна все не твердые в вере христианские души точно так, как удаление многих сорняков спасает благой урожай. И разве самим соблазнительям неведомо, что даже жернов на шею для их утопления уже за счастье ими должен почитаться? Видимо, сие разумение в митрополите так и не возникло, скорее всего, по причине уже его тайного личного горделивого еретичества. Ну ничего, воздадим должное и ему».

Москва. Церковная проповедь в Успенском соборе:

— Господь создал целый мир, прекрасный, дивный, чтоб он был местом царства Божия. То есть царством взаимной любви, царством радо-

сти. И мы, люди, знаем, что сделали из этого мира место, где страшно жить, где льется кровь, где совершаются нечеловеческие, жестокие поступки. И на этот путь встал наш царь Иван IV.

Филипп перестал говорить и задумался. Затем глянул на верх храма, где располагались хоры, и увидел в числе находившихся там людей лицо Малюты, который тут же попытался скрыться, отойдя в тень. Митрополит опустил глаза и посмотрел на инок Алексея, стоявшего рядом с ним и помогавшего Филиппу во время богослужения. Они молча взглянули оба на хоры, но лица Скуратова более не увидели. Митрополит, а затем инок перекрестились. По окончании церковной службы Филипп уединился для размышлений:

«Неужели я взял на себя лишнее, проповедуя открыто осуждение государя? Но ведь я не могу и далее прикрывать его кровопивство! Мне этого никто не простит, а главное — я погублю тем и свою душу. Впрочем, можно было вообще не выходить с проповедями к людям, давая понять им, что не в моей воле они теперь. Но тогда как же буду я перед Богом держать ответ, который в аналогичных обстоятельствах шел на крест? Вот и выходит, что нет у меня выбора как только принародное разоблачение царских кровавых дел. И потом, если государь не освобождает меня от сана митрополита по моей просьбе — пусть освобождает по своей воле из-за моего открытого миру осуждения его».

Александрова слобода. Иван, восседая на троне, принимал Скуратова, прибывшего к нему из Москвы со срочными известиями.

— Государь!

— Что, Малюта?

— Архипастырь Филипп. Знаю, опоры ты в нем искал. Но ославляет он тебя во всех соборах...

Внутренний двор Александровой слободы.

— Государь! — слышались крики опричников.

— Грязной, коня! — крикнул резко Иван.

— Коня государю! — распорядился еще дополнительно Скуратов, едва поспевавший за стремительно перемещавшимся по двору царем.

— Давай быстрее! — слышалось со стороны конюшни.

— Далеко ли, государь? — спросили Ивана его охранники.

— В Москву! — ответил царь.

Иван взобрался на коня и неспешно двинулся к выходу из слободы, давая охранникам время на сборы.

— По коням! — скомандовал Скуратов царской охране и сам, не мешкая, вскочил на коня.

Опричники также стремительно оказались на конях и быстро нагнали царя, так и не успевшего еще покинуть слободу.

Москва. Обряд причастия в храме, который проводил митрополит. Прихожане один за другим подходили к Филиппу для получения причастия и тут же отходили в сторону, давая возможность и остальным прихожанам тем самым подтвердить собственную принадлежность к церкви Христовой.

Вдруг двери в храм с шумом открылись. Служка Алешка едва успел сказать митрополиту:

— Отец Филипп, государь!

Постукивая посохом, Иван приблизился к амвону. Несколько позади него осталась стоять царская охрана во главе со Скуратовым. Прихожане и все церковные служители, за исключением Филиппа, наклонили в поклоне свои головы, слегка подавшись вниз и плечами.

— Благослови, Филипп, — произнес негромко государь, пристально глядя в лицо митрополита.

Филипп в ответ изобразил растерянный, непонимающий вид.

— Архипастырь, царь к тебе обращается! — заметил митрополиту Малюта.

— Не вижу я христианского царя в храме! — ответил сухо Филипп.

Иван на это молча опустил перед митрополитом на колени и сказал повинно:

— Внял я тебе, Филипп. И вот я здесь. Благослови, не бери грех на душу. Ведь сам же хотел, чтобы раскаялся я, и что же?

— Нужно ли тебе благословение? — с нарочитым сомнением в голосе произнес в ответ царю митрополит. — Упиваешься ты своим окаянством. Когда ты истинно каешься, я не вижу.

— Архипастырь, отец Филипп! — покачивая головой, заговорил Скуратов, предлагая митрополиту одуматься.

— Иные подвижники и с малым грехом в пустынь уходят, — заговорил в ответ уже возмущенно Филипп, — и там до гроба прощения молят у Господа! А ты проливаешь реки крови и после каждого благословения чистым себя считаешь, как младенец? — закончил уже риторическим вопросом свою речь митрополит и покинул решительно амвон.

— Слаб человек. Ибо человек он. И я слаб. Пастыря искал я, друга, а не судью, — отреагировал печально Иван на обвинение Филиппа, — кто же подаст мне руку? — Государь повернулся медленно к прихожанам. — В крови испачкаться боитесь? Судилище хотели мне устроить? А может, кто из вас вместо меня на престол сесть хочет? А? Что, никто не хочет? Уступлю. Богом клянусь, уступлю. Судить легко! Легко. Ничего не делая, каждый святым слывет! Ничего не делая. А я, окаанный, я кровавый, я в грехах потонул. Ради вас же. Себя ж не знаете. Умру я, реки крови прольете! Потому что каждый из вас себя равновеликим считает. Так не бывает! Не бывает так. Ненавидите меня. В каждом взоре ваша ненависть! Ненавидите. Но и боитесь. И то хорошо. Хоть

страх имеете, когда любви нет. Одиночество мое тяжкое. Да что вам до того?

Иван встал с колен и перекрестился. Затем неспешно, громко и тяжело постукивая посохом о плиты храма, в сопровождении смятенной охраны вышел прочь.

Сбор высших церковных иерархов. Цель — разбор судебного дела митрополита Филиппа. Отдельно от Филиппа и его служки Алексея восседали судьи, во главе которых был архиепископ новгородский Пимен. На суд также был доставлен из Соловецкого монастыря игумен Паисий. Последний со слезами на глазах показал, что Филипп, будучи еще в монастыре игуменом, жил в содомском грехе с молодыми иноками и вводил их в искушение неверным толкованием Святого Писания. На вопрос Алексея Филиппу почему Паисий сказал сие, митрополит ответил иноку:

— Слаб человек, Алешка. Прав государь наш, слаб.

Паисий же после своих тяжких обвинительных слов бросился к ногам Филиппа и запричитал:

— Прости, Филипп. Прости Христа ради. Прости.

— Ступай, старик, — спокойно и торжественно проговорил уже фактически приговоренный к извержению из митрополичьего сана Филипп, — ступай.

Паисий, непрерывно хныкая, встал с колен и пошел грузно к своей уже новой и позорной участи.

Пимен с мертвым выражением своих сухих глаз вынес окончательный вердикт о низложении Филиппа, который был поддержан церковным судом без проволочек единогласно.

Перед отправлением Филиппа в определенный ему царем монастырь в Твери, он наставлял своего бывшего служку Алексея такими словами:

— Ничего, Алешка. Живой же.

Уже бывший митрополит обнял инока и перекрестил его.

— Хватит! Поехали! — закричал Филиппу грозно опричник.

Алешка впился в руку своего бывшего наставника. Филипп же выдернул ее из рук воспитанника и сел решительно в приготовленные для него сани. Как только горькая процессия тронулась в путь, старец крикнул Алексею:

— А ты уезжай! Уезжай на Соловки! Быстрее уезжай! Тебя примут!

Инок, расплакавшись, бросился за санями со словами:

— Почему отец Паисий тебя оговорил?

— Ни тебе его судить, — ответил Филипп и выхватил из рук Алексея свой забытый мешок, — еще неизвестно, как бы ты или я на его месте поступили.

— Но ты бы его не предал! — только и успел прокричать инок своему духовному отцу, все быстрее и быстрее отдалявшемуся от впавшего в очевидное нервное расстройство еще только начинавшего взрослую жизнь молодого человека.

— Прощай, Алешка! Езжай! Не задерживайся! — снова повторил свои слова впавший в царскую опалу священник и опять уже издали перекрестил близкую ему совсем еще юную душу.

Алешка, оставшись наедине с самим собою, продолжил некоторое время причитать:

— Господи, помилуй. Господи, помилуй.

Затем, несколько успокоившись, он перекрестил себя крестным знаменем и задумался грустно о своей новой участи:

«Проситесь обратно в монастырь на Соловках? Что-то не хочется туда снова. И этот странный Паисий. Как я буду с ним встречаться теперь, когда он оговорил Филиппа? Побуду пока лучше в Москве, а там видно будет».

Придя к такому выводу, инок отправился в храм, где еще недавно служил вместе с отцом Филиппом.

Иван, занимаясь примочками язвочек на коже своего лица, пребывал в ожидании новостей о суде над Филиппом. Зашумела входная дверь, и к царю с докладом вошел Скуратов. Иван, не глядя на слугу, спросил:

— Что?

— Свезли в дальний монастырь, как ты и сказал, государь.

— И что он?

— Что? Разве монаху монастырь наказание? Он только рад, что его освободили.

— Хочу подарок ему сделать, Малюта, — произнес задумчиво Иван.

— Кому? Филиппу?

— Ему. Сам и свезешь.

— Хорошо! Что свезти-то?

Царь зло и одновременно насмешливо посмотрел в лицо Скуратова...

В Тверском монастыре. Бывший митрополит впервые за последнее время чувствовал себя легко и даже бодро. На новом месте он был занят своим любимым делом — хозяйственным устройством скудной монастырской жизни. Так, старец собственноручно варил вязкий состав для проклейки бочек под будущие соленья. Промазывая им одну из бочек, Филипп услышал конский топот и сразу догадался, что это по его душу кто-то от государя едет. Старец, мгновенно обернувшись к своим помощникам, распорядился:

— Уйдите, уйдите!!!

Стремглав перекрестив себя, монахи тут же оставили Филиппа, к которому быстро подъехали всадники.

— Конечно, он просто так меня не оставит, — укоризненно заговорил старец первым, обращаясь к незванным визитерам, — чего, убить, что ли, приехали?

— Зачем же? — ответил монаху весело Малюта. — Подарок тебе от государя привез, Филипп.

— Какой подарок? — спросил с явной тревогой в голосе старец.

— А вот погляди-ка! — выпалил Скуратов и бросил Филиппу мешок с чувствительной поклажей. Старец ловко поймал брошенный ему мешок и тут же почувствовал его особенную тяжесть, а также то, что руки его намокли. Филипп поставил мешок на бочку и стал развязывать его. Малюта не без явного удовольствия наблюдал за действиями вчерашнего митрополита, ожидая еще большего впечатления от встречи Филиппа с содержимым мешка. Старец, увидев голову своего воспитанника Алексея, невольно ужаснулся и буквально рухнул на колени, причитая:

— Алешку-то за что? Мальчишка же совсем!

А Скуратов, насладившись скорбью старика, скомандовал зло своим спутникам:

— Обратнo! Но! Но!

— Господи! Господи! — снова запричитал Филипп, перекрестившись. — Убереги меня от сомнений. Направь. Помоги, Господи.

С последними словами монах завернул голову Алексея обратно в мешок и прислонился к нему своим лбом.

По дороге в Москву главный опричник был как никогда задумчив. В его уме продолжал биться только один вопрос:

«Так кто же я и мои помощники царю на самом деле и долго ли мы будем нужны ему? — Задуматься об этом Малюту побудила вся история с Филиппом. — Ведь даже мне, фактическому простолыдину, загодя было понятно, что государь с новым митрополитом не уживется, что Филипп неизбежно и быстро окажется в опале. Тогда зачем царь приблизил его к себе? Что это была ошибка государя или это было его такое мудреное правление, смысл которого царским псам недоступен? С другой стороны, государь очевидно страдает от одиночества, а значит, ищет всерьез себе духовную опору. Видимо, без нее и ему долго не править на Руси. И почему тогда ею не могут стать его вчерашние псы? Что в них изначально не так? Да, они по большей части не принадлежат к очень знатным родам, но зато честно служат государю. Ежели им не стать царю духовной опорой, то он ими рано или поздно пожертвует, ведь так? И чего же нам недостает, что нами брезгают? Разве кровь, которая на нас, не падает и на государя? Разве он лично не причастен к пыткам и даже убийствам? Тогда почему он в нас не видит себе духовную твердь?»

Надо будет по приезде в Москву попробовать объясниться об этом с государем, не откладывая сие на потом, которого может и не быть вовсе».

Москва. К царю вошел Скуратов. Иван тут же спросил его:

— Ну, что он сказал?

— Спросил: за что и чуть наземь не грохнулся.

— Пусть знает. Пусть знает, каково мне. Какую боль он мне оставил. Пусть знает. Ступай, Малюта. Один хочу побыть.

Скуратов внезапно опустился перед царем на одно колено и заговорил:

— Государь, ищешь дальних друзей, а близких и преданных не замечаешь. Ведь и они могли бы стать душевной опорой тебе.

— Я знаю, Малюта, знаю, — заговорил проникновенно Иван, — немного вас таких верных, немного... Ступай.

Оставшись один, государь мысленно попытался ответить Скуратову:

«Да, вы вполне верные мне слуги. Но и только. Вы, как преданные собаки, совсем не можете стать мне друзьями вполне. Не можете! Хотели бы, да не можете. Вам для этого нужно много знать и понимать того, что для вас сокрыто и по жизни, и по службе вашей. Вот в чем дело, вот в чем суть. А так бы, конечно, лучше вас мне друзей и не найти. Но я один, и, похоже, что сие положение — горькая участь моя».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Всего лишь полтора года после избрания Филиппа митрополитом в Москве не было слышно о казнях. Весной 1568 года кровь вновь полилась рекой. Многих казнили без суда и следствия, и никто не смел заступиться за опальных. Митрополит Филипп не мог больше молчать при виде стольких злодейств и страданий. Первые его беседы с царем происходили наедине. Святитель также писал Ивану, призывая его опомниться и прекратить кровопролитие. Общеизвестно ставшее поговоркой, выражение Грозного о посланиях Филиппа — «Филькина грамота».

Убедившись, что царь не внимает его призывам, митрополит решается всенародно обличить Ивана. Это произошло во время воскресного богослужения в Успенском соборе Кремля. Царь пришел в ярость и, угрожая, велел Филиппу замолчать, на что тот ответил: «Государь! Не думаешь ли, что боюсь я смерти? Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Я не посылаю ни просьб, ни ходатаев, чтобы получить сан святительский. Ты сам лишил меня моей пустыни». С этими словами митрополит снял митрополичью мантию, но Грозный остановил его, заявив, что Филиппу следует прежде дождаться суда над собой. Иван без труда нашел недоброжелателей, которые в угоду царю лжесвидетельствовали на Филиппа. Его обвинили в порочной жизни, колдовстве и государственном заговоре. Царь настаивал на смертной казни. Но большинство духовенства понимало несправедливость обвинений и вымолило ему жизнь. Филипп был осужден на извержение из сана и заточение в монастырь. Лишь в одном Филипп мог найти себе утешение — в любви к нему простого народа. От ворот Никольского монастыря, места его заточения, не отходила народная толпа. Тогда Иван приказал увести Филиппа из Москвы в Тверской Отрочь монастырь.

А вот некоторые сведения о личной заинтересованности отца и сына Басмановых в извержении Филиппа из сана митрополита и его последующей смерти. Старший Басманов, Алексей, был не только вдохновителем опричнины, но и активным ее деятелем. Он принимал участие во многих делах опричного бравства. Надобно сказать, что у Алексея Даниловича как-то с самого начала не заладились отношения со священнослужителями. После того как оставил московскую митрополию старец Афанасий, царь решил сделать митрополитом некоего священника Германа. Этот Герман был правдолюбец и не одобрял некоторых опричных нововведений вроде массового отрубания голов. Алексей Басманов первым понял, какая опасность нависла над его детищем — опричниной. Он и его сын Федор на колени умоляли царя не доверять митрополию Герману. При этом Алексей Данилович указывал самодержцу на сходство Германа с попом Сильвестром, бывшим царским сподвижником, к тому времени давно уж опальным, но когда-то имевшим немалое влияние на государя. При упоминании Сильвестра Иоанн призадумался. Ему не хотелось снова попадать под чье-либо влияние. Так Герман и не стал митрополитом.

Вместо него митрополию принял Филипп, в миру Федор Колычев. Он открыто осуждал опричнину, верных слуг государевых назвал «воинством сатанинским» и настойчиво предлагал царю упразднить это неугодное Богу заведение. Тут уж всполошился не один Алексей Басманов и его сын Федор. Иоанн под воздействием таких речей становился задумчив и хмур. Опричная братия держала совет и порешила, что меры нужно принимать немедленно. Следовало как можно скорее остановить тлетворное влияние зловредного попа. Царь и сам устал от поучений своего духовного пастыря. В 1568 году, когда митрополит служил молебен в Успенском соборе, на паперть вошли опричники, возглавляемые Алексеем Даниловичем. Басманов зачитал грамоту, в которой перечислялись многочисленные злодеяния митрополита. Опричники сорвали с Филиппа его парадные одеяния и облачили в рваную рясу, а после с гиканьем выгнали из собора метлами. Народ с плачем бежал за саями, в которых кромешники увозили Филиппа, а он всех благословлял. А потом состоялся суд над низложенным митрополитом, в котором совсем даже небескорыстно взял на себя ведущую роль архиепископ новгородский Пимен с подобранными им же самим единомышленниками. В результате Филиппа сослали в Отрочь монастырь под Тверью.

Глава 13

Конец князя Владимира Старицкого и его семьи

Александрова слобода. Опочивальня сильно захворавшей царицы Марии Темрюковны Кученей.

— Выпей. Лекарь сказал тебе это пить надо, — увещевал супругу Иван, поднося ей лечебное питье.

Царица отпила лекарство и заговорила:

— Разлюбил ты меня. Только ждешь моей смерти.

— Ты что говоришь, Мария? Люблю я тебя, очень люблю, — ответил, впрочем, сдержанно Иван.

— Я знаю это. Мне бы домой съездить. Братьев, сестер повидать, — слабо промолвила Мария.

— Да, — поддержал супруг жену свою, — глядишь, тоска твоя пройдет. Щечки снова румяными станут. А такую бледную я любить не стану. Не стану, — уже шутливо закончил Иван.

— Весной поеду, поеду. Как же я хочу увидеть снова дом. Все деревья расцветут. Ты отпустишь меня? — уже обреченно спросила Мария.

— Отпущу. Теперь тебе поспать надо, поспать, — шепотом проговорил Иван.

— Поспать. Да, я буду. Мне нужно выздороветь, выздороветь, — почти шепотом сказала царица, — а ты поедешь со мной? Поедешь?

— Поеду, только ты поспи, — ответил царь.

— Ты увидишь, как там красиво. Там так красиво, — уже с неземной интонацией заговорила умиравшая совсем еще молодая женщина.

В слободе погребальный колокольный звон. В опочивальне усопшая скоропостижно царица. Рядом Иван и Алексей Басманов, присматривавший за царицей во время ее болезни.

— Перед смертью у нее жар был. Все звала тебя, — начал разговор опричник.

— Кто же это ее? — спросил царь.

— Никто. Сама, — ответил Басманов.

— В 23 года-то? Сама? Отравили ее, — заявил Иван.

— Государь, она уж месяц как в горячке была, — сказал царев слуга, — а тут ночью у нее сильный жар сделался.

— А я говорю — отравили! — уже гневно стал настаивать на своем Иван.

— Отравили, — согласился быстро Алексей Данилович, — да.

Послепохоронное совещание царя с его ближайшими сподвижниками.

— Государыню отравили. Не думаю, что злодеи хотели погубить царицу. Тут яд был против меня. И ясно теперь, что все это от Старицкого идет. Добрый я был. Долго мне еще сидеть и ждать ножа в спине? Или яда в вине?

— Государь, пока мы с тобой, твоя жизнь в безопасности, — заметил Алексей Басманов.

— Убережем мы тебя, государь, — поддержал князь Вяземский.

— Убережем, — согласился энергично Федор Басманов, сидевший подле царя.

— А государыню чего не уберегли? — закричал гневно Иван и ударил по затылку младшего Басманова. — Проведите расследование, найдите тех, кто спровадил ее на тот свет.

Усадьба Старицких. Ночь. Опричники везли в слободу жену и старшую дочь Владимира Старицкого, оставив в усадьбе двоих младших детей: сы-

на и дочь. Самого князя туда же доставят позже из-под Костромы, где он остановился лагерем после завершения военного похода с целью защиты Астрахани.

— Государь, вы меня и мою семью, словно овец каких, свезли сюда, — в сердцах закричал Владимир, увидев Ивана, — обещал ты мне семью не трогать, и слову твоему я поверил.

— Ну успокойся, князь, — бесстрастно заговорил царь, — успокойся. Скажи мне только, не говорил ли кто тебе в последнее время, что умру я и что ты на престол воссядешь?

— Нет, государь. Сам знаешь, я теперь под присмотром твоих людей, — уже тише произнес князь.

— Вот видишь, даже мои люди не могут уберечь тебя, а злобесники заговоры плетут и без тебя решили, что меня убьют. А убив, тебя новым царем объявят, — с сожалением сказал Иван.

Князь Владимир, его жена и старшая дочь разом упали перед царем на колени.

— Государь, бра-а-а-т! Хочешь? Только вели — в самые дальние земли уедем! Хочешь? Огради нас самыми небывалыми стенами! Не хочу я трона, — запричитал Владимир и пополз к ногам Ивана, который также встал на колени. Князь в слезах уткнулся своим лицом в плечо царя и своего брата.

— То уж не ты, не ты, брат, решаешь, — сухо заметил государь.

— И что ж? — испуганно спросил князь.

— Пей, — спокойно, но твердо сказал Иван, указывая брату взглядом на поднесенную ему опричником чашу с отравой.

Владимир, осознав, что пришел его смертный час, оттолкнул руку Бориса Годунова и заплакал, уже совсем не стыдясь своих слез.

— И ты, и жена твоя, и присутствующая здесь дочь, — продолжил произносить свой суровый приговор царь.

— Дочь пощади! — откликнулась на последние слова Ивана супруга его двоюродного брата.

— Пей, — повторил страшное слово государь, обращаясь к князю.

— Только из рук царя! — попытался вывернуться или скорее лишь укорить государя Владимир.

Иван молча встал с пола, взял у Годунова чашу и поднес ее ко рту Владимира, который принял ее сильно дрожащими руками.

— Проследите, чтобы все выпили, — приказал государь и тут же покинул место приведения в исполнение жуткого приговора.

Князь, не решаясь пить отраву, продолжал содрогаться всем телом, тогда как его жена, непрерывно всхлипывая, уже прощалась с дочерью, которая в страхе прижималась к ней.

Выйдя за пределы зала, где в этот момент вершилась казнь почти всего семейства Старицких, Иван горько подумал:

«Вот уж участь царская. Ради целей государьских приходится казнить родственников. А мог быть иной исход? Вряд ли, ведь Владимир не раз и не два пытался служить мне, да не вышло у него. Не в пример опричной братии оказался слабым, не смог поверить в мою государьскую исключительность, а значит, оказался невольно мыслию своей заодно с моими врагами. Сколько бы ни уверял самого себя в обратном, он изначально был обречен на погибель мою или свою. Скорбеть ли мне о кончине его и семьи? Скорее нет, чем да, ведь казнью телесной — страшной души их упасаю. Прости, Господи. Прости, Господи».

Государь опомнился и решил лично засвидетельствовать смерть своих несчастных родственников.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В 1569 году Владимир был назначен Иваном IV командующим армией, направленной на защиту Астрахани. Устроенный ему жителями Костромы прием, через которую он проезжал, послужил поводом для окружения царя оговорить перед ним Владимира. Князя вызвали в Александрову слободу, но уже на подъезде к ней опричное войско внезапно окружило лагерь Владимира Старицкого. Василий Грязной и Малюта Скуратов предъявили полученные под пыткой показания царского повара о том, что Владимир приказал ему отравить царя.

Владимир был казнен вместе с большей частью семьи в октябре 1569 года (князя Владимира Иван Грозный вынудил принять яд). О его смерти сообщает Пискаревский летописец начала XVII века: «И заехал князь велики на ям на Богону и тут его опоил зелием и со княгинеею и з дочерию большею. А сына князя Василия и меньшую дочь пощадил».

Глава 14

Усмирение еретиков-изменщиков в Новгороде Великом и на ему сопутствующих территориях

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

События, связанные с карательным походом Ивана IV в Новгород и в соседние с ним районы северной Руси, имеют ярко выраженный мировоззренческий характер. Русский царь отчетливо понимал, что подлинной подоплекой всякой измены государю являлась подмена веры православной или ересь. Архиепископ новгородский Пимен как раз и оказался иерархом, сочувствовавшим широко известной тогда ереси Феодосия Косого.

Феодосий Косой был беглый дворовый человек одного московского боярина, постригшийся в монахи в Белозерском монастыре. О его учении мы узнаем из полемических сочинений, написанных против его ереси монахом Зиновием Отенским («Истины показание к вопросившим о новом учении»), «Послание многословно») и другим неизвестным автором. Из этих свидетельств видно, что учение Косого было развитием тех самых радикальных взглядов, которые ранее распространялись жидовствующими. Феодосий учил, что Бог един, а не троичен, что Иисус Христос, основатель религиозного общества, не есть Бог; подобает духом поклоняться Богу, а не внешним образом; вся внешняя церковь с ее иерархией, таинствами, богослужениями и учреждениями представляет собой позднейшее

человеческое предание и измышление. Феодосий советовал в храмы не ходить, ибо они кумирницы, молебнов не петь, молитвы у священников не требовать, не каяться к ним и не причащаться от них, ладаном не кадить, на погребение не отпеваться, по смерти не поминаться; кресты и иконы сокрушать, ибо они суще идолы; святых на помощь не призывать и мощам их не поклоняться, постов не соблюдать, писаний отеческих не читать. Истинное христианство состоит не в делах внешней набожности, а единственно в исполнении заповеди Иисуса Христа о любви к ближним. Не признавая Иисуса Христа Богом, Феодосий признавал его, однако, Божиим посланником, который вместо Ветхого Завета установил свой Новый Завет. Иисус Христос отменил обряды, предписал поклоняться Богу духом, а на место обрядов дал новую нравственную заповедь о любви к ближним, как к самим себе. В своем религиозном свободомыслии Феодосий доходил до признания, что люди всех вер — одно у Бога: и татары, и немцы. Нет никакого сомнения в том, что за подобное учение Феодосий дорого бы заплатился, если бы, схваченный и посаженный в заключение, он не спасся бегством в Литву в 1554 году.

Доклад Малюты Скуратова царю Ивану у карты Руси:

— Из допроса под пыткой новгородского подьячего Свяязева, на которого также под пыткой показал повар Владимира Старицкого Молява, известно стало, государь, что Новгород и Псков состоят в переписке с Сигизмундом, что новгородские бояре и священники уже составили просительную грамоту польскому королю за многими подписями, призывая Сигизмунда освободить их, и что якобы в трапезной архиепископа Пимена грамота об этом спрятана.

— Думаю я, Малюта, что грамота та самими поляками и составлена. Боятся они наших побед в Ливонии. Сигизмунд перемирия ищет. И потому хочет отвлечь наши войска на непокорные города. А то, что Новгород и Псков к самостоятельности стремятся, ни для кого не тайна: ни для нас, ни для врагов наших, не тайна! Болячка эта была еще со времен деда моего. А потому, если Господь от нас отвернется и удача будет на стороне Сигизмунда, Новгород и Псков первыми отрекутся от Руси. Почему? Да потому, что ересь у них в головах до сих пор не вытравлена. Она, и только она плодит измену! Нет другой причины.

— И что же? — поинтересовался Скуратов.

— Карать надо и вольнолюбивые города. Да так, чтобы впредь и мыслить не могли о предательстве. Пимен — новгородский архиепископ, возглавлял ли суд против Филиппа?

— Да, государь, — откликнулся Малюта.

— Поезжай к Филиппу. Проси у него благословения на поход против Новгорода, — с насмешкой проговорил Иван.

— Не даст он благословения, государь. Даже против того, кто судил его, — с большим сомнением в голосе заметил Малюта.

— Заставь, — продолжил настаивать на своем государь, — заставь.

Скуратов молча поклонился царю и направился исполнять волю государя.

— И еще пошли человека, чтобы он проверил: действительно ли грамота существует там, где и сказано? — добавил Иван еще одно поручение Малюте.

По прибытии в Отрочь монастырь под Тверью Скуратов обнаружил подозрительно скоропостижную смерть Филиппа, который еще накануне, по свидетельству монахов, был крепок и на свое здоровье не жаловался. Небольшое расследование еще более укрепило Малюту в том, что против митрополита действовали его тайные враги, видимо, из числа тех, кто вершил над ним церковный суд, воспользовавшись резким столкновением Филиппа с царем, а также их сторонников из числа близких к государю людей. Кто это мог быть, еще предстояло выяснить. Однако душой заговора скорее всего стал архиепископ новгородский Пимен, давно стремившийся проучить выскочку Филиппа, оказавшегося «совсем не по праву» в сане митрополита. То есть в противостоянии государя и Филиппа оказались тайно замешанными и другие доселе незамеченные в том лица, и только его «неожиданная» смерть выявила их вполне чувствительное участие в борьбе с быстро возвысившимся новым митрополитом. Но самым странным оказался факт возможного участия в печальной судьбе Филиппа отца и сына Басмановых, которых видели в монастыре совсем недавно. Обо всем узнанном в связи с кончиной Филиппа было доложено государю, который распорядился окончить следствие по этому делу после «вразумления» жителей Новгорода и зависимых от него территорий.

Новгород. Начало 1570 года. В трапезной архиепископа Пимена сбор новгородской церковной знати. Внезапно раздался резкий стук в дверь.

— Что там? — сердито спросил Пимен.

Служка бросился к запертой двери, тогда как стуки в нее становились все громче и настойчивей. В открытую дверь бесцеремонно и стремительно вошли опричники, а за ними — сразу же государь. Все присутствующие мгновенно поднялись со своих мест.

— Государь? Радость-то какая! Государь к нам пожаловал, — быстро отреагировал новгородский архиепископ, на лице которого попеременно высветились испуг, подобострастие и, наконец, тревога, переходящая в страх, — к столу прошу! Чем богаты... Ежели бы знали, что ты прибудешь...

— Не буду я с тобой сидеть за одним столом, пес смердячий! — отрезал царь.

— Государь, я не понимаю, — растерянно проговорил Пимен.

— Не понимаешь? А может быть, ты еще мне скажешь, что ты чист передо мной? — продолжил нападать на Пимена Иван.

Архиепископ бросился к царю, перекрестившись непосредственно перед ним:

— Одному тебе предан. А ежели кто что другое про меня сказал, так то от зависти, от нее, паршивой.

— Поганый ты человечешко! Грязной, где грамота? — насмешливо и зло сказал царь.

— А вот здесь она! — ответил опричник и вытащил из-за иконы обвязанный веревкой свиток, который и поднес тут же к смятенному лицу архипастыря.

— Что это? — недоуменно спросил Пимен, оглядываясь боязливо вокруг себя.

— Ну вот это я тебя как раз хочу спросить. Что это, Пимен? — громко произнес русский самодержец.

— Не знаю я, государь, — тихо и обреченно ответил старец.

— Скоморошничать решил, — заулыбался зло Иван, оглядывая опричников, которые принялись громко смеяться, — ну так будешь у меня скоморохом. Читай, Грязной, что там!

Опричник, освободив свиток от веревки, развернул его и стал читать:

— К его величеству королю Сигизмунду Августу!

Присутствующие опричники во главе с царем удовлетворенно хмыкнули. Грязной, выждав паузу, продолжил чтение грамоты, повышая к ее концу свой голос:

— Мы, новгородские священнослужители, воинские люди, торговые гости, дьяки и подьячие, весь наш народ извещаем тебя!..

— Не виноват я, государь, — прервал Грязного Пимен, — подбросили это, враги мои подбросили! Крест целую, я ноги твои целую, государь! — уже с мольбой в голосе заговорил архиепископ и, опустившись на колени, припал своими устами к сапогам царя.

Опричники мгновенно подняли и грубо оттащили от Ивана старика, повторявшего свое:

— Не виноват я, не виноват...

— Ну что, гордые и вольные новгородцы, не жалуете Москву? Польский король милее вам русского царя? Детей своих в ненависти к Москве растите? Все вече свое забыть не можете, гордость и вольность былую? Нынче я вас научу, как Москву любить так, что праправнуки столетиями мою науку помнить будут! Всех изменщиков взять! И сродственников их, и соседей, всех их уничтожить! — уже уходя прочь бросил опричникам Иван...

Утро следующего дня. Великий Новгород проснулся от невиданного в своей собственной истории насилия над его жителями со стороны своей же власти. Царь, сидя на коне и наблюдая за погромами, размышлял:

«Кричат и воют как воистину безвинные. Но ведь это именно они, кто молча, а кто и в голос поддерживали всегда новгородских правителей, которые, между прочим, и подвели их всех под нынешнюю кару. Никак дурни не могут взять в толк, что их судят не столько за дела, сколько за намерения, за саму готовность предать Русь, может быть, даже не столько

из ненависти к ней, сколько по собственной глупости. Вот за нее-то и держат ныне расчет и сами, и их дети да старики. Они, видимо, все еще полагают легкомысленно, что помазанник Божий — это совсем не всерьез или что это лишь пустословие одно. Ну ничего, отныне станут думать иначе. Впрочем, лишь те, кто жив останется. Теперь и к ереси в исповедовании веры православной будут взysкательнее, ежели поймут, что она не сама по себе гуляет, а что как раз через нее всякая измена рождается...»

Рядом с царем Иваном, величаво восседавшем на коне, раздались крики опричников, обращенные к кому-то из новгородцев:

— Где казна? Где казна? А? Говори! Гойда!

Вдруг к царю из дыма пожараща приблизился один из опричников. Им оказался Василий Грязной, на лице которого одновременно отобразились подобострастие, глумление и еще что-то более мерзкое. Ивану даже показалось, что его слуга настолько вошел в раж вседозволенности, что он повел его уже к безумию. Государь невольно содрогнулся, подумав, что увидел только что лик преисподней. Однако видение сие также внезапно исчезло, как и появилось, сменившись горящим новгородцем, которого опричники к тому же яростно хлестали плетью, добываясь от него ответа о казне. Тут же рядом всю вершилось насилие над женщиной, уже лежавшей на земле под опричником, совсем ошалевшим от добычи. Чуть поодаль, поставив телегу почти вертикально и привязав к верхней паре колес концы веревки, переброшенной через верхнюю перекладину хозяйственной постройки, находчивые опричники соорудили виселицу, на которой после падения верхнего края телеги на землю и повис в одной нижней рубаше пожилой новгородец, отказавшийся выдать насильникам золото. Рядом с виселицей, медленно, в ужасных муках поднимался еще один новгородец, без рубахи, со связанными за спиной руками, к которым была присоединена веревка, ведущая к балкону дома. Иван, видя описанную выше картину погрома, скривил лицо в скабресной улыбке, означавшей одновременно и удовлетворение, и омерзение.

— Русь предать хотели! — истошно заорал еще один из опричников, успевший подвесить за ногу к балкону дома одного из строптивых новгородцев.

Но более всего издевательствам подвергались жители, уже лежавшие на земле либо пытавшиеся встать на ноги. Их пинали и топтали ногами, стегали плетью, рубили саблями. Со стороны в этот момент казалось, что для карателей нет никаких ограничений и они вольны вершить любую пытку и абсолютно любую казнь, какую только можно себе вообразить. Их ярость, возникавшая как из глубинного страха, так и из чудовищной удали, имела прямо-таки адские масштабы...

Вблизи быстрой реки Волхов скопилось огромное число жителей города, согнанных опричниками. Здесь же невдалеке под уздцы вел коня Федор

Басманов; на коне задом наперед согбенно сидел Пимен, у которого на голове была козлиная морда. Архипастырь, остро чувствуя свое посрамление перед жителями города, пытался спрятать свое лицо от горожан.

— Сиди, Пимен, не дергайся! Скоморох! — закричал властно Басманов.

Опричники, разъезжая на конях, рубили с ходу саблями новгородцев, пытавшихся избежать общей участи утопления. У реки царские слуги бойко пробивали во льду проруби, в которые вталкивали горожан, скопившихся вблизи реки. К царю, наблюдавшему за раправой, бросился один из новгородцев и закричал:

— Государь, поберегись!

В ответ Иван бросил ему ненавистно:

— Уйд-и-и-и! Уйди, мразь!

Тут же взгляд царя уперся в раздетого наголо мужчину, периодически погружаемого опричниками в воду. Заинтересовавшись, Иван услышал:

— Ну что, увидел свое золото?

В ответ новгородец дерзко ответил:

— Да, увидел, как вас черти на сковородках жарят!!!

Государь, привстав в стременах, громко объявил:

— На Псков! Все на Псков!..

Перед главными городскими воротами Пскова выстроилась делегация знатных горожан, с тревогою ожидавших приезда опричного отряда во главе с царем. Прибывший окольными путями из Новгорода гонец сообщил собравшимся о чудовищном погроме Новгорода:

— До тридцати тысяч жителей Новгорода попало под разгром. Опричники повырезали, пожгли, поутопили несчетное число людей.

— Господи, отведи и сохрани! — перекрестившись, возгласил местный архиепископ.

— Да не ответит! Сказано: после Новгорода он к нам во Псков с тем же заявится! — возразил один из священников.

— Многие жители Пскова уже покидают свои дома да бегут куда глаза глядят, боясь гнева его! — добавил тревоги еще один член делегации.

— На что надеяться? — спросил кто-то.

— На милость его, — ответил неуверенно престарелый священник.

— Разве не знаете, что нет сердца у него? — продолжил свое неизвестный, как бы вызывая собравшихся на борьбу с царем.

— Ворота надо закрыть, да стоять до последнего, чтобы не допустить изверга к расправе, — завершил разговор гонец, когда впереди показался государь во главе своего мрачного воинства.

Приблизившись к самой делегации, Иван стал рассматривать лица ее представителей, как бы обдумывая план предстоящих действий. Псковичи, не сговариваясь, разом опустили на колени и склонили перед царем свои головы.

— Что ж молчите? — спросил государь встречавших его горожан.

— Преданные холопы твои у ног твоих, государь, — ответил за всех местный боярин-воевода.

— Ежели вы преданные холопы мои, то что ж в город не пускаете, стол государю не накрываете, не потчуете? Или пиршество ныне не для меня, а для польского короля готовится? — поинтересовался ехидно Иван под ухмылки опричников. — Молчите?

Вдруг из задних рядов делегации навстречу царю вырвался вперед в одной грубоотканной рубахе местный юродивый, которого многие делегаты окриками пытались было удержать от задуманного им шага.

— А мы тебе мясца приготовили, государь! — заговорил громко и быстро блаженный, встав перед Иваном на колени и развернув замотанный в ткань кусок говядины.

— В пост мясца? — возмутился государь.

— Откушал бы! — продолжил свое юродивый.

— Очумел? Ты кто? — уже встревожился царь.

— Поешь! Поешь, а то человечиною не напитался! Так здесь, на родине бабки своей Ольги, что первая Христа на Руси приняла, поел бы мясца! — уже заканючил оборванец.

В этот момент Грозной, находившийся рядом с наглецом, вытащил из ножен саблю и приготовился сразить ею умалишенного. Иван же буквально остолбенел от увиденного, совсем не понимая, как быть далее. Очнувшись, он крикнул юродивому:

— Пошел вон! Вон пошел!

— На, поешь! — ответил блаженный и бросил мясо на землю перед коном государя и добавил: — Ешь! Ешь!

Иван, задыхаясь от случившегося посрамления и от невозможности принародной расправы над юродивым, молча развернул коня и направился прочь от города. Опричники с удивлением и досадой также развернули своих коней и двинулись вслед за царем, продолжая слышать истошные вопли юродивого:

— Ешь же! Ешь же!

— Чудо! — произнес громко кто-то из городских делегатов.

Блаженный и пытавшийся удерживать его боярин молча перекрестились...

Окончательно успокоившись, государь распорядился держать путь во Псково-Печерский монастырь. Прибыв на место, царь снова был поражен готовностью обитателей монастыря, как и Пскова, к встрече с ним. Видимо, предательство шло за ним по пятам и легко упреждало. Так, в Никольских воротах монастыря его настоятель игумен Корнилий уже встречал государя как и положено в особых случаях: с крестом, с иконами, со всей брагией. Колокольный звон довершал картину торжественного события. Царь с заметным изумлением осматривал выстроенные новые могучие

стены монастыря, вспоминая уже давний свой разговор с Корнилием о размере дозволенных им монастырю стен. Государь отчетливо припомнил, что игумен обещал ему тогда выстроить вокруг монастыря стены в размер воловьей кожи. Однако выстроенные стены оказались размером, много превосходящим когда-то дозволенный. Иван отчетливо понял, что игумен послушался его и проявил самоуправство, полагая, что за большее дело с него вряд ли строго спросят. Царь почувствовал, как в нем вновь закипела ярость к лукавым холопам, считавшим его игрушкой в своих руках. Но прежде чем явить ее в полной мере монахам, государь решил узнать у Корнилия о причине его послушания:

— Корнилий, ты мне обещал маленькую ограду вокруг монастыря возвести, а сделал какую?

— Государь, я обещал тебе, сколь много позволит воловья кожа, такую и поставлю. При этом я твое указание в точности исполнил: поставил ограду на воловью кожу, предварительно разрезав ее на тоненькие-тоненькие ремешки, да и охватил таким образом большое место. А вокруг того места добавил стены каменные...

— Ага, стены каменные, да еще и башни неприступные теперь высятся — крепость да и только! А против кого она? Я тебя спрашиваю? Отвечай! Молчишь! Скомороха из меня сделать решил? Измену, боярская собака, задумал? — вошел окончательно в раж Иван.

— Государь, так ведь в крепости спокойней будет! — попытался успокоить царя игумен.

— Тебе о Боге думать надо, а не о том, чтобы в крепости скрываться! — уже не сдерживаясь, закричал царь и выхватил из ножен саблю.

И, о Боже, никто из присутствующих на церемонии встречи царя даже вздохнуть не успел, как Иван, склонившись в седле к земле, одним взмахом клинка снес Корнилию голову.

Общий невольный вскрик собравшихся вокруг царя и игумена монахов пресекался шумом упавшей на землю головы настоятеля и следом медленно свалившегося уже обезглавленного тела Корнилия. И снова, как и во Пскове, Иван остолбенел, потерял дар речи. Окружившие его опричники также находились явно в смятении от только что ими увиденного, совсем не понимая смысла происшедшей у них на глазах расправы. Вдруг государь, видимо, придя в себя, сошел с коня на землю и направился к поверженному им телу. Опустившись перед ним на одно колено, он подхватил его и понес на своих руках через ворота монастыря в сторону Успенского собора. А в скорбной голове у государя в сей же час зазвучало:

«Что же я творю, окаянный, Господи! Ведь игумен сей вовсе не враг мне, а самый сущий друг! Граница же рядом, от нее и защита твердыни веры православной установлена мудрым мужем. А я, не разбирая дела, предаю его смерти! Совсем безумный я стал!!! Будет ли мне прощение за грех сей? Мыслимо ли оно вообще, Господи?..»

Столпившиеся у ворот монастыря монахи тут же освободили царю и сопровождавшим его опричникам дорогу...

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В декабре 1569 года опричное войско вышло в поход на разгром русского города Новгорода. По пути учинили погром в Твери: было убито несколько тысяч человек. Сотни людей погибли в Клину и Вышнем Волчке, так как царь, желая обеспечить внезапность, велел передовому отряду уничтожать все живое, что встретится на пути. В Торжке истребили всех находившихся там немцев, поляков и татар.

Наконец в январе передовой полк подступил к городу. После торжественного обеда, который давал Пимен в честь государя, Грозный испустил свой опричный разбойничий клич: «Гойда!», и по этому сигналу арестовали хозяев, начался самый страшный эпизод опричнины — шесть недель новгородского погрома. Жертвой пали не только взрослые мужчины, но их жены и дети. Людей убивали разными способами, их обливали горючей смесью и поджигали, сбрасывали живыми под лед Волхова, привязывали к несущимся саням.

«Тот день был благодарен, коего дни ввергнут в воду пятьсот или шестьсот человек» — так сообщал летописец. О количестве жертв новгородского погрома судят различные историки, изучавшие архивы и церковные синодики — поминовения об умерших и донесения-отчеты палачей. Наиболее вероятной цифрой остается 10–15 тысяч человек. Погром состоял не только из убийств, это был широкомасштабный, организованный грабеж. Считавшийся главой новгородских «изменников» архиепископ Пимен в скomorошьей одежде с гусями в руках на кобыле был отправлен в Москву. Из Москвы Пимена отправили в ссылку в Веневский монастырь, где он умер через год. Свое участие описал опричник Генрих Штаден, цинично и подробно рассказывая о грабежах и убийствах. Участие в походе на Новгород принесло Штадену не только обогащение: «Тогда-то великий князь и сказал мне: “Отныне будешь называться ты Андрей Володимирович”... В этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями». Новгородский погром произвел страшное впечатление на всю страну. Нет ни одного летописца, который не упомянул бы до 1570 года, что «царь и великий князь громил Великий Новгород». Из Пскова, который «посетил» царь после Новгорода, он вернулся в Александрову слободу и там началось дело о «новгородской измене».

По дороге же в слободу Иван посетил Псково-Печерский монастырь, где произошло следующее событие, у которого была предистория (источник: Псково-Печерский монастырь. Кровавый путь):

«Ехал однажды Грозный-царь впереди войска своего под Ригу — немца воевать, врага своего ненавистного. Остановился в Пскове. То-то пришлось псковичам, и старым, и малым, страху натерпеться: не приведи Господь, нрав-то был у царя Ивана... Но, слава богу, в тот раз все обошлось тихо-мирно, и поехал Грозный-царь дальше своим путем, через Изборск и Печоры.

Игуменом Печерского монастыря как раз был преподобный Корнилий, и братией и окрестным людом очень любимый и уважаемый человек. Въезжает Грозный-царь в Печоры, направляется к монастырю, позади царские слуги саблями вострыми постукивают, уздечками да шпорами позванивают. Навстречу — Корнилий, встречает государя как положено: с крестом, с иконами, со всей братией. Благо-словил Корнилий спешившегося царя да и говорит:

— Позволь мне, государь, ограду вокруг монастыря сделать.

— Да велику ли ограду ты, Корнилий, делать задумал? — удивился Грозный. — Маленькую ставь, а большой делать не позволю.

— Да я маленькую, — отвечает Корнилий, — я маленькую. Сколь много позволит воловьей коже, такую и поставлю.

— Ну, если на воловью кожу, то ставь, — милостиво разрешил Грозный, посмеявшись в душе простоте игумена.

Сказал так и уехал. Преподобный же Корнилий времени зря не терял и возвел вокруг монастыря не ограду даже, а целую крепость.

При этом и царское указание в точности исполнил: поставил ограду на воловьую кожу, предварительно разрезав ее на тоненькие-тоненькие ремешки, да и охватил таким образом большое место. А вокруг того места стены каменные, башни неприступные высятся — крепость да и только.

Отвоявал тем временем Грозный-царь семь лет с немцем, назад возвращается. Проехал на Новый Городок, до Печор всего двенадцать верст осталось, как вздумалось ему с Мериной Горы окрестности властным оком осмотреть. Глянул налево, глянул направо, смотрит — крепость стоит.

— Какая такая крепость?! — закричал взбешенный царь. Распалился гневом и покосился к Корнилию в монастырь, слуги едва за ним поспевают.

Преподобный Корнилий, узнав о приезде царя, вновь выходит встречать Грозного, как царский чин того требует, с хлебом-солью да с колокольным звоном.

Подскакал царь на взмыленной лошади к Корнилию, саблю выхватил:

— Крепость выстроил! — кричит. — Измену задумал, на меня пойдешь! — Хвать саблей и отрубил преподобному Корнилию голову. А Корнилий взял голову в руки и держит перед собой.

Грозный так и затрясся от страха и бросился бежать от казненного, а Корнилий за ним с отрубленной головою в руках. Царь все дальше, а преподобный за ним да за ним.

Так и умчался объятый ужасом царь из Корнилиевой крепости. Все оставил и под Псков больше не ездил.

Иные же говорят, что когда Грозный отрубил Корнилию голову, то тут же раскаялся в содеянном, поднял бездыханное тело и сам отнес его к Успенскому собору. С тех пор дорога от Никольских ворот, где встречал Корнилий царя, до Успенского собора называется Кровавой.

А Корнилиева крепость и до сих пор стоит. И не раз с тех лет становилась она неприступной преградой на пути вражьих сил».

Глава 15

Подведение итогов усмирения новгородцев: вершина опричного террора

По прибытии в Александрову слободу Иван срочно призвал к себе Скуратова:

— Малюта, теперь в самую пору разобраться с Басмановыми, а возможно, и с другими в опричном стане. Проследи за ними тщательно и обо всем немедленно докладывай!

— Исполню в точности, государь, — ответил царю Скуратов, удивляясь его памятью.

А в это самое время за младшим Басмановым уже приглядывал некий человек, который исполнял то же задание, что получил и Малюта. Тем

самым государь проверял попутно и Скуратова, ежели бы тот попытался что-либо скрыть от царя или представить в ложном виде. Этот секретный порученец, следуя неотступно за беззаботным Федькой, возомнившим себя большим господином, сумел-таки улучшить ситуацию переговоров Басманова с Вяземским в связи с отменой погрома во Пскове.

— Какого-то убогого, нищего испугался. Оставил супостатов. Они теперь силенку-то свою почувствуют. Вот увидишь, при первом же удобном случае присягнут Сигизмунду и город свой сдадут, — распалился Федор.

— Говорил я это государю. А он слушать не желает. Я бы вот как потряс этих псковичей: кишки бы по всем улицам выпустил. Они бы у меня сразу поняли, кто тут хозяин. А нищего этого в мешок да и в воду, словно щенка слепого. С государем-то что делать? — разъярился в ответ Басманову уже князь Вяземский.

Весь этот разговор влиятельных опричников и стал во всех подробностях известен Ивану, который сразу же вызвал на беседу Скуратова:

— Малюта, что ты думаешь о Басмановых, Алексее и Федоре? — задал Иван сходу вопрос своему верному помощнику.

— Думаю, преданные они, — неуверенно ответил Скуратов.

— Преданные, да? — снова переспросил Малюту государь. — А чему? Не кажется тебе, что забыли они во имя чего служат, что превратились в своекорыстных разбойников и душегубов. Они и еще многие. Кровь ради крови, возможно ли это? — закончил Иван и пристально взглянул в глаза Скуратору.

Малюта непонимающе смолчал.

— Ты меня осуждаешь, что я Псков оставил? — снова заговорил царь.

— Нет, государь. Они напуганы, чего еще, — произнес робко Скуратов.

В этот момент со двора слободы раздался шум и возня скучавших без дела опричников. Государь посмотрел в окно: там вершилось сущее непотребство с женщиной, которым весело руководил Федор Басманов, уже, видимо, потерявший всякое чутье опасности, всерьез полагая себя неприкасаемым царским слугою. Несчастная женщина не знала куда деться от ржущих крепких мужчин, для которых она стала просто мерзкой забавой. Сначала опричники превратили ее как бы в лошадь, которую мнимо запрягли, просунув и удерживая ее голову между досками конного загона. А затем Федор Басманов, подойдя к женщине сзади, с диким и самодовольным выражением лица принялся ее насиловать под дружный хохот своих товарищей. Увидев сие, царь возмущенно сказал Скуратору:

— Федька Басманов — изверг! изверг! Хотел я паству верными псами защитить, да верные псы в кровожадных волков превратились и сами то стадо пожирают! Не нужны они мне более!

Малюта, почувствовав лютый гнев государя, вновь онемел и готов был провалиться сквозь землю.

— Ну, ну успокойся, Малюта. Тебе я верю вполне. А вот Басмановым — уже нет. Что они искали в монастыре под Тверью, куда отправили Филиппа? Не знаешь? А говоришь, что преданные они. Это Басмановы Филиппа вдвоем самочинно на тот свет спровадили. Помнишь, как они усердствовали, когда выволакивали его, словно скотину какую, из Успенского собора и везли подобно разбойникам на церковный суд? Зачем его так унижали? Разве не знали, что и меня тем поносят? Изменщики — вот кто они! И по свойству своему участь примут, — закончил сурово царь.

Спустя короткое время.

— Прости, государь! Государь, прости, пощади ради Христа, прошу тебя! А-а-а!!! Пощади! Умоляю: не убивай! А-а-а!!! — кричал и бился в истерике Федор Басманов, которого в присутствии царя вели на казнь вместе с его отцом Алексеем Басмановым.

— Отца, отца своего убьешь? Помилую, — спокойно заметил сидевший на коне Иван.

Все разом застыли, ожидая решения Федора, который с открытым ртом шарил вокруг себя глазами, пытаясь понять, что же ему делать.

— Отца убью, — выпалил испуганно младший Басманов, желавший сохранить свою жизнь во что бы то ни стало, — ради тебя, государь, убью отца.

— Бери! — крикнул ему один из опричников, подавая длинный кинжал. Федор, опасаясь потери шанса на спасение, схватил его.

— Федор, — не выдержал Алексей Басманов, — Федор, неужто убьешь?

— За государя-батюшку и отца родного не пощажу! — завопил в ответ сын, вонзая глубоко кинжал в грудь своему отцу.

Иван, с любопытством наблюдая сначала за Басмановыми, а затем за Скуратовым, очевидно смутившимся увиденной картиной, произнес:

— Ежели ты отца родного ради шкуры своей своей убил, то и меня, неровен час, убьешь! Повесить его немедленно!

Двое палачей в длинных красных рубахах стали вязать узел на шее Федора, упавшего на землю в уже бесполезной мольбе о пощаде и в рыданиях, почти бабьих. Царь и его свита покинули место казни отцеубийцы. Окончательно приговор государя в исполнение привели уже под личным надзором Бориса Годунова, который после повешения младшего Басманова на ближайшей уличной арке торжественно огласил:

— Пусть висит выродок, чтоб народ видел государеву справедливость!

Уже застывший взгляд Федора как бы сообщал всем и каждому, что никто и ничто не может быть вне пределов царской милости и царского же гнева, что воля русского государя вполне подобна воле Божьей, для которой даже вдохновители опричнины подсудны...

Иван вошел в пыточную, поклонившись как простой смертный, низкой притолоке. Пыточная не могла сиять чистотой, но лишь потому, что в полуподземном помещении прижился полумрак... Но паутины под потолком не было, мокриц на стенах — тоже, огонь в очаге весело потрескивал, отсвечивая на беленых сводах теплым и желтым. Вкусно пахло березовым дымом.

Лица палача и его помощников были по-деловому озабочены и совсем не страшны. Кого бояться — люди при исполнении государственной воли. Честные, стало быть, люди. Висящий на дыбе старик выпадал из прижившейся тут гармонии: хотелось немедленно снять его, унести прочь, чтобы не портил мирной картины.

Царь, видя старика и вспоминая о нем как о государевом хранителе печати, без которого не обходилось ни одно дело с иноземцами, подумал сердито:

«Предал, подлец! Продал. Возможно, не один он не удержался, увидев большие деньги. Или, что еще хуже, не за золото чужакам служил, но по идее. Тогда позорнее вора и изменника Курбского будет...»

Подойдя к нему вплотную, государь спросил, взглядываясь в зажмуренные веки собеседника:

— Как же так, Иван Михайлович? Уж и не знаю, чему и кому верить, когда такие люди у палача в гостях оказываются...

Старик открыл глаза, покрасневшие от боли, дыма или бессонных ночей, но неожиданно молодые, живые.

— А, государь!

Сказал, не удивляясь, просто закрепляя увиденное. Не отвел глаза, заговорил, сверля взглядом переносицу царя:

— Знаешь же, что не изменял Руси, что ж в узилище держишь? Кем править будешь, когда всех верных Отечеству изведешь?

— Отечеству, значит? — переспросил Иван. — Не царю, но царству. Не так ли, лукавый старик?! А каково нутро сего царства, которому служишь? Молчишь, Ивашка?! Полагаю, что ереси ты служишь, вот каково нутро у твоего царства! — Голос государя сорвался, как и терпение незадолго до этого: — Аспида, змею на груди пригрел! А думал — советник верный, к измене не способный...

— Тебе присягу давал, — заметил Иван Михайлович Висковатый, бывший хранитель печати, бывший руководитель Посольского приказа, бывший доверенный человек при государе.

— Давал. Но не исполнил, не так ли?

Даже на дыбе Висковатый был верен себе. Не лгал ни словом, но и правды не говорил, предоставляя собеседнику право истолкования. Это искусство иноземцы называли дипломатией. У царя было свое определение подобным поступкам: лисье племя. Но природный дипломат и

в пыточной предпочел придержать мысли, не желая смущать палача с помощниками изощренным богохульством.

— За Русь душа болит, — проговорил Висковатый. — Смотрю, как опричина страну разъедает, будто лихоманка огненная... Как знатные да влиятельные уходить за рубежи вынуждены, врагам нашим прислуживать. Как вера христианская под ноги государевой гордыне брошена! Или, Иван Васильевич, Сыном Божиим возомнил себя — тем, кто в Благовещенском соборе намалеван?

Это была старая история. После взятия Казани русский царь пожелал обновить росписи домово́й церкви. Вызванные из Пско́ва богомазы, с вытянутыми от долгого поста ликами и длинными чуткими пальцами, споро, с молитвой, сделали работу. Молодой в те годы Иван даже не удержался, ахнул, разглядывая новые росписи. Особо поражал центральный образ — Иисус, но не побежденный, хотя и на время, не распятый и страдающий, но поднявшийся над крестом во всем блеске Своего могущества. И не в хитоне Он был, и не в рабском набедреннике, но в отвсечивающих вороненых доспехах. Это был Тот, кто сказал, что не мир принес, но меч! Так и смотрели друг на друга. Со стены — победивший грехи человеческие, смертию смерть поправший. У стены — победивший оплот агарянской веры, прибежище последователей Мухаммада — Казанское царство. А думный дьяк Иван Висковатый раскрылся тогда на всю Москву, что отошли псковские богомазы от древнего благочестия, что негоже так Сына Господа изображать. Праведнее Отцов Церкви стать захотел...

— Ты, Висковатый, видно, забыл, что перед тобой помазанник Божий? Или считаешь меня и вовсе ненастоящим царем? Тебе б давно пора понять, что царство веры православной много огорчает иноверцев и более всего — еретиков. Потому и приходится с мечом и в доспехах быть моему Христу, и не мне уступать Русь без боя всем нечестивцам и безбожникам! Неужели ты ждешь победы какой-то иной Руси? Пойми, ей же никогда не устоять перед Русью православной. Поэтому-то ты тут и пожинаешь упрямо свое нутряное еретичество, полагая глупо, что лучше меня знаешь нужды Отечества нашего. А в столкновениях с еретиками Иисус никогда своих щек им не подставлял!!! Врете, вы, собаки, всё либо совсем Христа не знаете, выдавая нагло свои самолюбивые похоти о Нем за истины веры православной!

Отойдя от Висковатого, Иван решил осмотреть соседнюю пыточную, где страшно кричала женщина. Пospешавший перед царем помощник палача не успел с поклоном открыть дверь во вторую пыточную, как та сама распахнулась, словно ждала прихода государя. Обгирая шапкой низкую притолоку, из двери показался вновь зачисленный на цареву службу дьяк Андрей Щелкалов. Неподвижными глазами посмотрел на закрывшего проход царя, поклонился, безмолвно и низко и, не разгибаясь, принялся

блевать на стену едва ли не на расстоянии вытянутой руки от сапог Ивана. В горле дьяка что-то неприятно и глухо рычало. И, как в ответ на эти звуки, за открытой дверью снова раздались истошные вопли, но на сей раз — мужские.

— Не ходи туда, государь! — произнес Щелкалов через силу эти несколько слов, пытаясь справиться с новым приступом рвоты. — Все, думал, повидал, ан нет... Там такое! Не надо это царю видеть.

— Я сам решу, что царю надо!

Иван не гневался на дьяка, перешедшего границы дозволенного. Видно же, что Щелкалов о государе своем беспокоится, от плохого уберечь хочет. Но нельзя царю от грязи прятаться. Грязь — она тоже часть грешной жизни. Вторая пыточная мало чем отличалась от первой. Но и у близнецов есть особенности. На дыбе, в полумраке, лениво разгоняемом парой настенных факелов, государь различил очертания девичьего тела. Исподняя рубаха, мокрая от пота или вылитой на нее воды, облепила все, подчеркнув непристойное сильнее, чем честная нагота. Девушка подняла опущенную ранее голову. И дыхла на Ивана таким смрадом, что сразу же пошла кругом голова.

— Берегись, государь! — прохрипел Щелкалов, с силой вцепившись в царские плечи.

Пахло от дьяка при этом немногим лучше, чем изо рта девицы.

— Что?.. — царь не договорил.

Следующая волна смрада ушла по левую руку Ивана, туда, где был закреплен один из двух факелов. Смрад горел! Воздух вспыхнул неярко, с тучей поднявшейся к сводчатому потолку копоти, но горячо.

— Тварь! — прошипел палач и, схватив кожаное ведро, опрокинул его на девицу, взревевшую низким мужским голосом пуще прежнего. — Факелы тушите!

Голос палача окреп. Помощники, стараясь не поворачиваться к девице спинами, сноровисто выдернули факелы из стен, побросали на земляной пол и, не щадя подошв, затоптали. Мрак сразу сгустился, и только белые пятна рубах палача и одержимой девицы позволяли царю ориентироваться в темноте пыточной. Иван невольно сделал шаг назад, к надежному проему выхода из пыточной.

— Что тут у вас? — спросил царь.

— Дочь казначея Фуникова на дыбу подняли, государь, — ответил палач, — как по уложению твоему назначено. Думали, что вздернем ее пару раз, вопросы положенные зададим — да и отпустим. А она огнем плевать-ся задумала...

— Видимо, одержима она, — сказал незнакомый голос за спиной Ивана, — бесы ею владеют!

— Кто таков? — не оборачиваясь, спросил царь.

— Отец Мефодий я. Меня отчитать бесов позвали, — ответил незнакомец.

— Я сам тебя отчитаю! — взревела девица на дыбе.

Иван готов был поклясться, что устами одержимой говорило не одно существо. Государь невольно подумал:

«Непросто живем, Господи! Опасно, в вечных искушениях и угрозах. И хорошо, когда только для тела; страшнее — угроза для души, бессмертной, но и беззащитной».

— Оставьте меня, — сказал священник тихо, но столько силы было в просьбе, что и царь послушно направился к выходу.

— Не убоюсь тебя, — говорил твердо отец Мефодий, неспешно подходя к одержимой. — Ты — прах перед Господом моим!

Андрей Щелкалов осторожно прикрыл за собой дверь в пыточную и произнес:

— Страшно все это, государь!

— Страшно? А вот священник не убоился, слышал? — заметил палачу Иван.

— И мы не убоимся, государь! Глаза бояться, руки делают — верно ведь сказано, — приободрился Щелкалов.

Иван нервно повел головой из стороны в сторону, словно проверяя, прочно ли она держится на шее и заключил:

— Не убоюсь! Все это змеиное гнездо выжгу, до последыша, чтобы не возродилось подобное! Без жалости выжгу!

Уже под вечер 24 июля 1570 года на Поганой луже, у стен Кремля, плотники стали сколачивать помосты. Притихший, но еще многолюдный Торг, прихлебывая квас, потрескивая на зубах калеными орехами, резонно решил, что завтра будет не до торговли. Дело наутро будет только у воров, срезавших калиты с поясов зазевавшихся горожан, да у царевых палачей — им придется помахать тяжелыми топорами. Плах заготовили как никогда доселе много. Так что — к вечерне да спать. Завтра — интересный день!

Но после заутрени, с недосыпа, пошел слух, что казнить будут всякого, кто окажется у помоста, и Поганая лужа опустела. Странное создание — Торг. За полушку удавятся, но поверят любому слуху, даже самому безумному. С Никольской улицы, от Земского двора, появились ярыжные — городская полиция. Настойчиво, когда словом, а когда и пинками или ударами плетей либо древков бердышей погнали народ обратно: к загодя приготовленному месту казни. Сколько помостов выросло за вечер и утро у кремлевской стены, рядом со рвом, с Покровским собором, празднично сверкавшим на солнце золотом своих куполов? У страха глаза велики. Говорили о трех сотнях; на деле было от силы четыре дюжины. Но и то много для Москвы, привыкшей к пожарам и бунтам, готовой к набегам, но не к массовым казням. Царь грозный или жестокий — все-таки разница!

Некрашенным потемневшим забором выстроились вокруг места казней многочисленные конные опричники. Перед строем окаменелым идиолом стоял Малюта Скуратов, казавшийся, несмотря на свой малый рост, почему-то огромным, едва ли не выше помостов. Еще один немалый отряд двигался от Опричного дворца, с Неглинной, скрытый от Торга кремлевскими стенами. Нежданно вывернув со стороны Собакиной башни, он едва не довел до паники и так беспокойную толпу подневольных зрителей. Но рокот быстро стих, когда разглядели, как идут в серцевине отряда, словно овцы под охраной пастушеских собак, монахи, распевающие, негромко и печально, покаянные молитвы. И не только монахи. Осужденных, привязанных к седлам опричных коней, гнали к месту казни. Стариков и молодых, мужчин и женщин: для государева правосудия нет различий. Народная толпа густела на глазах, многие, если не все, хотели видеть как можно более подробностей из происходившего вблизи мест будущих казней и для этого невольно стягивались поближе к месту предстоящих событий. У помостов Малюта сноровисто разделил море монахов и осужденных на озерца перед каждой из плах.

— Кого ждем? — переговаривались зеваки.

— Государя, вестимо! — отвечали одни.

— Нет, государь не будет глазеть на кровавое действие, — уверенно сообщали иные.

— Сейчас вот палачей подвезут — и начнем с Божьей помощью! — поясняли третьи, для которых сопричастность к делам государственным была, несмотря даже на то что они столь кровавы, так важна.

Правы оказались те, кто ждал царя. Несколько опричников, из тех, кто привез казнимых, направили коней прямо на толпу, расчищая дорогу трем товарищам. Недовольный ропот затих почти мгновенно, как только едва не затоптанные конями бойкие зеваки разобрали, чьи лица скрываются под монашескими колпаками опричников. К лобному месту царская охрана прокладывала путь государю, его сыну, царевичу Ивану, и государеву дьяку Андрею Щелкалову. Так, видимо, Моисей раздвигал волны Черного моря на шаг впереди себя. Сразу же за спинами небольшого отряда человеческое море снова смыкалось, гомоня и волнуясь, как волны во время шторма. Кажется, так просто взойти по нескольким ступеням на деревянный помост, приподняться над морем голов. Но Лобное место — не просто возвышение. Как Покровский собор, что неподалеку, — это образ града Иерусалима, так и помост олицетворяет Голгофу. Гору, где распят был спаситель. Тяжко подниматься на Голгофу, даже если ты — царь. Только Андрею Щелкалову все было нипочем. Придя в себя после вчерашнего потрясения, он легко, стрижом, взлетел на помост Лобного места, горделиво выпрямился, подняв над головой руки. Зеваки притихли, и негромкий голос дьяка стал слышен всем:

— Тихо, люди! Государь говорить желает!

Щелкалов отступил с поклоном, и к краю Лобного места вышел царь. Те из зевак, кто оказались по иную сторону помоста, стали отжимать в сторону своих более удачливых соседей. Давка перед мостом через Алевизов ров, что преграждал дорогу к Фроловской башне, стала такой сильной, что тут же первые неудачники полетели в стоялые воды. Так, под добродушный смех видевших это, царь Иван начал говорить:

— Некоторые из вас пришли сюда из страха за свою жизнь, а многие из праздного любопытства. Но и первым и вторым будет важно узнать и также понять, что совсем не для запугивания и не для развлечения мы здесь сегодня собрались. Ныне как никогда ранее в истории Руси решается будущее нашего Отечества. Быть ему как царству православному или исчезнуть рано или поздно под натиском агарянским и еретическим. Если агаряне действуют против Руси совершенно открыто, презирая и нас и нашу веру, величая нас неверными, то уже еретики употребляют против нас абсолютно все средства, что и делает их главными нашими врагами. Почему же еретики опаснее агарян? Да потому, что они покушаются на самую душу русского человека, на сам смысл бытия всей Руси! Эти ненастоящие христиане, прикрываясь своей ложной верой в Бога, на самом деле служат сатане, для которого то или иное противопоставление себя Богу и есть непреходящий смысл. У них с сатаной всегда две правды: одна для самих себя, великих, другая — для всех остальных, низких. Именно они и становятся изменщиками Руси, для которых и царь не царь, и народ всегда темен и глуп. Поэтому сегодня мы и вершим с Божьей помощью суд прежде всего над еретиками-изменщиками как веры христовой, так и самой Руси, пытаясь казнью их гадких тел спасти их же омраченные тайным богоборчеством души, а также вразумить их сторонников и удержать от поддержки казнимых даже в мысли своей. Наперед говорю всем и каждому: не щеку нам следует подставлять под удар еретический, направленный лукаво в самое сердце нашей веры православной, а следует всегда распознавать и сокрушать его решительно всю силою нашей, полагая в том свою особую честь и миссию!

Государь замолчал и медленно оглядел собравшихся. Затем произнес более громко, чем прежде:

— А вот что нашли мы в Новгороде Великом, за образами Святой Софии!

Снова дьяк оказался впереди царя. Щелкалов развернул свиток, что до этого вертел в руках, показал его первым рядам зевак.

— Договор изменнический с королем ляшским Сигизмундом, — сообщил народу дьяк, — а вот и подписи самих изменщиков, собственноручно выведенные!

Щелкалов перемотал свиток в конец, склонился над перилами Лобного места, едва не ткнув бумагой в носы первых зевак.

— Грамотен кто? Читай, что написано!

— У, злобесный пес! — вырвалось у дородного купчины, цепко, как по расписке, пробежавшего глазами по строчкам. — Да тут и казначей царев, и хранитель печати! Да и...

Купец захлебнулся словами, побледнел, усох как-то, попробовал отступить в толпу, скрыться. Его отжали обратно, над площадью загудели вопросы. Голосов много, интерес один:

— Кто еще среди изменников государевых? Читай, купец, не томи!

— Читай! — утвердительно прочертил бородой борозду в воздухе русский царь Иван.

— Опричники там, — выдавил из себя купчина уже тихо.

Ответ купца вызвал молчание уже в толпе. Лишь всхрапывали опричные кони да кричали вороны на кремлевских стенах. В неведении — бесстрашие...

— Опричники — слуги мои, мне за них ответ держать, мне и судить их, — государь снова отеснил дьяка, — а вот преступников не государевых, но государственных показать городу и миру решил. Вместе суд вершить будем. Прав ли я, Москва?

— С тобой мы, государь-надежа!

Ступенями люди жались к кремлевским стенам между Фроловской и Никольской башнями:

— многочисленные зеваки, пешие, шумные, шевелением разноцветных шапок напоминавшие колыхание ряски на поверхности застойного пруда; прибрежной глиной при пруде — камилавки и скуфьи монахов; мусором на берегу — изорванные одежды приговоренных к смерти;

— конные стрельцы, оцепившие место казни, одетые в красные кафтаны, будто заранее перепачкавшиеся в крови покуда еще не убиенных;

— помосты с плахами, а на помостах — крепкие мужики в алых рубахах с отливом, палачи да их помощники. Серьезные, неулыбчивые — видно, что важное дело исполнять готовились;

— на краю рва, что перед стеной, — вертикально врытые столбы, для верности стянутые меж собой горизонтальными перекладинами, будто ряд крестов на Голгофе;

— и наконец, на деревьях, растущих по другую сторону рва, касаясь ветвями итальянской кладки стен Кремля, — огромные черные вороны, олицетворение мудрости и смерти. Мудрой смерти, казни по государеву повелению.

Опричники делили приговоренных на две группы, сверяясь с какими-то бумагами; работали быстро, но разобрать три сотни человек — не чихнуть, времени побольше требуется. Наконец все жертвы были распределены, и первая группа оказалась на помостах, перед плахами, с ужасом глядя на весело золотящиеся блеском под солнечными лучами топоры палачей. Заскрипели под тяжестью тел поддерживающие помосты столбы; завыл кто-то в толпе — видно, признал родственника либо друга среди

приговоренных. Мягко, бесшумно, не спеша, на один из помостов, до этого пустой, взошел государь. Без колебаний и суеверия поднялся, как на очередную ступень, на плаху. Снова привычно поднял над головой опричный посох. И опять над Поганой лужей — тишина:

— Все приведенные сюда достойны смерти, — весомо заговорил царь. — Но если сам Господь даже в гнев Своем являл милость, то мне ли в гордыне стремиться превзойти Бога нашего? Ересь да измена — преступления непростимые, тут милости невозможны. А вот казнокрады да таги ночные... Избегнув суда земного, они все равно окажутся на суде Страшном. Спросит тогда их Сын Божий: «Не открыт ли вам был путь к искуплению?» И скажут они истину, что был путь. Кто исправится — пойдут по правую руку от Господа. Грехи же раскаянных — не на наших руках будут! Вот, возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собою, не имею никакого суда над ними!

Царь указал посохом на первую группу из приговоренных к смерти. Вороны, мирно сидевшие на деревьях и кремлевских стенах, испуганно взвились в воздух, такой вопль вырвался из десятков глоток. Слава милостивому государю, благословение Божье на него и его близких! Аллилуйя, осанна во веки веков. Что там еще сказать можно; сказать надо — чтобы не показаться неблагодарным. Жить будем, братья, и жизнью своей доказывать, что не ошибся государь, являя свои милости. Потом многие забудут все: и слова проникновенные, и обещания праведной жизни. Пока же помилованные были счастливы, как никогда ранее в своей жизни, и они спускались радостно с поскрипывавших помостов, удививших остальных приговоренных к очевидно ужасной смерти.

В руках у Андрея Щелкалова снова длинный свиток. Теперь иной, с висящими на золотых шнурах государственными печатями. Кто говорит, что бумагой не убить? В этом свитке — больше сотни смертей! Кого-то привязывают к столбу недалеко от помоста, где остался стоять царь. Им оказался канцлер Висковатый. Дьяк громко, чтобы всем слышно было, зачитывал его вины, говорил о его вероломстве и обманах. После каждого обвинения, уже достаточного для смертной казни, легко бил бывшего канцлера плетью по лицу. Вот и пролита на сей день первая кровь. Голос Висковатого тих, но слышит его вся Поганая лужа:

— Дело мое я поручаю Богу, пред которым согрешил. Ему я предоставляю суд, Он рассудит мое и твое, государь, дело в будущем мире. Но раз ты жаждешь моей крови, пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения.

К канцлеру подошел Скуратов и сказал ему что-то. Явно посоветовал обратиться к царю с просьбой о помиловании. Но Висковатый ответил уже громко:

— Будьте прокляты с вашим тираном, вы, которые являетесь гибелью людей! Ваше дело — говорить ложь и клеветать на невинных, но и вас будет судить Бог!

— Кто должен казнить его? — поинтересовался Малюта.

Этот вопрос невозмутимого Скуратова снова всполошил московских воронов. И расшевелил толпу зевак на площади. Государь посмотрел на окровавленное лицо хранителя печати, потом на толпящихся у помоста бояр и дьяков и произнес:

— Пусть каждый особо верный казнит вероломного!

Толпа замолчала, переваривая загаданную царем загадку. Потом первые, самые сообразительные, захохотали. Вскоре довольно гоготала вся площадь: пусть пойманнные на предательстве дьяков и бояр режут те, кого еще не поймали. Ай да молодец, наш государь, хорошее представление придумал! Мясницким ножом, приготовленным заранее на ближайшей к нему плахе, Малюта Скуратов решительно отрезал нос Ивана Висковатого. Сошел с помоста, продолжая держать окровавленную рукоять, подошел к своему коню. Повернувшись к сгрудившимся боярам и дьякам, спросил, глядя вверх голов:

— Ну, следующий кто?

И отшатнулся — вдруг так много желавших собственного участия в казни кинулись к нему, к ножу. Бывшего хранителя печати заживо резали по частям. Несчастный старик какое-то время тоненько вскрикивал, потом затих, только тело содрогалось от очередной боли и муки. Царь глядел, не отрываясь, но только на тех, кто рвал друг у друга мясницкий нож, стараясь выслужиться перед государем, и думал:

«Неужели этого хотел Господь, сотворив человека? Неужели он так плох, что уже ничего его не спасет? Разве мыслимо ли это для веры православленной? Впрочем, не мне, грешному, о том судить, мне лишь научать казнью всех склонных к предательству ее, дабы в веках знали и чтили эти жертвы вере».

Множились казненные. Летели вниз, под помосты, трупы и части тел. С казначея Фуникова, обдав его сначала кипятком, а затем холодной водой, сняли, еще с живого, кожу. Кому рубили голову, кого пронзали копьями и опричными посохами. На площади же зеваки щелкали каленые орешки, перекусывали пирожками с зайчагиной, отхлебывали квасы и кислые щи прямо из горловин кувшинов, заранее припасенных заботливыми женами и матерями. Знали, что мужчины на целый день уходят — царь с размахом взялся за преступников. У одной из плах бился в руках помощника палача здоровенный детина. Это был один из новгородских купцов, замешанных, как поговаривали, в человеческих жертвоприношениях, человек тупой и жестокий, но очень сильный. Звали его Белоулин. Уже два помощника завернули ему руки назад, третий прыгнул на спину, увлекая гиганта вниз к плахе. Ударившись лицом об ее угол, оглушенный купец затих, и палач, взмахнув топором, смог исполнить свою страшную работу. Помощники палача подхватили обезглавленное тело купца за руки, потащили к краю помоста. И вдруг отшатнулись, бро-

сив свой груз, словно он неожиданно ожил. Труп стоял на осклизлых досках помоста, заливая все вокруг бьющей из разрубленной шеи кровью. Стоял и мелко трясся, слепо шаря перед собой ладонями со скрюченными пальцами.

— Голову ищет! — ахнули в толпе.

Царь Иван в ужасе глядел на так и не пожелавшего умирать купца. Нет, не зрелище смерти напугало государя — всякое видывал он в пыточных подвалах Александровой слободы или Опричного дворца на Неглинке. Напугало то, насколько все же сильно зло, пришедшее за новгородскими заключенными и сюда, в Москву. Вот с чем приходилось иметь дело в подоплеке обыденного и привычного правила, вот какие силы включились в борьбу с царем на самом деле. Но кто мог и хотел понимать это?..

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

«Розыск об измене» продолжался вплоть до лета 1570 года, и новые изменники были найдены. Направление поисков во многом определялось тем, что власть в Новгородской земле находилась в руках «приказных людей» — новгородских дьяков и их подчиненных, которых царь и его окружение считали едва ли не главными организаторами заговора. Новгородские дьяки Кузьма Румянцев и Богдан Ростовцев, арестованные в Новгороде, были доставлены к царю, чтобы дать показания о своих связях с другими возможными изменниками. Все группы только возникавшего и еще существовавшего немногочисленного чиновничества (в особенности его высшего слоя) были тесно связаны между собой. Дьяков московских приказов неоднократно посылали в крупные провинциальные города, чтобы возглавить местную администрацию. В таких условиях допросы и пытки новгородских дьяков должны были привести опричных следователей в среду высшего московского чиновничества, а существовавшее в этой среде, как и в других частях тогдашней русской политической элиты, соперничество в борьбе за власть и влияние способствовало тому, что весьма влиятельные люди не только поддерживали подозрения царя в отношении обвиняемых, но и превращали их в уверенность. К лету 1570 года сыск по делу о новгородской измене был закончен. На площади в Китай-городе поставили плахи. Но когда 25 июля на площадь были выведены обвиняемые и им стали зачитывать смертный приговор, то главными лицами среди обвиняемых стали вовсе не новгородцы.

Главными фигурами среди обвиняемых оказались долголетние советники царя, выходцы из рядовых дворянских фамилий, возвысившиеся благодаря личным способностям и за это царем ценившиеся, — долголетний главный советник царя по вопросам внешней политики, хранитель большой государственной печати дьяк Иван Михайлович Висковатый и царский казначей Никита Афанасьевич Фуников-Курцов, близкий родственник одного из крестных отцов царя. В сохранившейся записи о новгородском следственном деле отмечено, что с Висковатым и Фуниковым находились в сношениях новгородские заговорщики, которые вместе с ними царя «хотели злым умыслом извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича».

Из подробного описания казней, которое оставил находившийся в то время в Москве Шлихтинг, видно, что этим обвинения в адрес «канцлера» (то есть Висковатого) не ограничивались. Его обвинили не только в том, что он обещал передать польскому королю Новгород и Псков, но и в сговоре с татарами и османами,

которых он якобы тайно призывал совершать набеги на русскую землю. Именно по его совету султан якобы послал войска на Астрахань. Такие обвинения вряд ли могли исходить от арестованных новгородских дьяков. За ними угадывается лицо, гораздо более знакомое с положением дел в русской внешней политике, а именно один из главных врагов «канцлера» — дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов. Именно он зачитывал Ивану Михайловичу эти обвинения и именно он унаследовал его должность, а его брат Василий получил часть владений казенного.

В случае с Висковатым в нашем распоряжении есть редкая возможность проверить справедливость этих обвинений. Когда бежавший в сентябре 1570 года из России Шлихтинг сообщил литовским политикам о казни Висковатого и выдвинутых против него обвинениях, один из ведущих политиков Великого княжества Литовского, подканцлер Остафий Волович написал в письме одному из литовских вельмож: «Не знаю об этих басурманах (татарах и турках), но к государствам нашего господина (короля Сигизмунда II) не был благосклонен, всегда был труден для послов его королевской светлости». Да и верил ли в обвинения Висковатого в тайномговоре с поляками сам царь? Обращает на себя внимание то, что совсем незадолго до казни и ареста печатника Иван IV воспользовался его дипломатическими способностями для заключения договора о перемирии с Сигизмундом II. 30 июня, менее чем за месяц до казни, Иван Михайлович Висковатый держал поднос с текстом договора, когда царь приносил присягу его соблюдать.

Исследователи давно обратили внимание на рассказ Шлихтинга, который проливает свет на истинные причины немилости царя. Судя по его сообщению, Висковатый уговаривал Ивана IV прекратить казни «и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». Вероятно, именно такого рода просьба и вызвала у царя подозрение в тайномговоре его хранителя печати с новгородскими заговорщиками. Вместе с тем для царя был определенный смысл в выдвигании против Висковатого обвинений вговоре с соседними враждебными России государствами. Произнесенные публично такие обвинения давали собравшемуся на площади народу ответ на вопрос, почему продолжается и никак не закончится Ливонская война, почему русская земля снова подвергается опустошительным набегам татар.

Вместе с Фуниковым и Висковатым на площади были публично казнены дьяки, стоявшие во главе целого ряда наиболее важных московских приказов: Василий Степанов, возглавлявший Поместный приказ, Иван Булгаков — глава Большого прихода — главного финансового ведомства России того времени, Григорий Шапкин — глава Разбойного приказа. Казни были жестокими и мучительными. Автор «Пискаревского летописца» записывал, что царь «повеле казнити дьяка Ивана Висковатого по суставом резати, а Никиту Фуникова дьяка же варом (кипятком) обварити». Некоторые из арестованных были казнены вместе с семьями (это подтверждается записями в «Синодике опальных»). По установившемуся в опричнине обычаю в качестве палачей выступали лица из близкого окружения царя, причем не только опричники, но и земские бояре.

Еще в начале 60-х годов XVI века бежавшие за границу от царя недовольные упрекали его в том, что тот ищет себе опору в чиновничестве, выдвигая и возвышая его в ущерб родовой знати и вообще благородному сословию. Так думал не один Курбский. Бежавший от гнева царя сын боярский Тимофей Тетерин язвительно писал преемнику Курбского на посту ливонского наместника боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, что царь больше не опирается в осуществлении своей власти на бояр: «Есть у великого князя новые верники — дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (то есть боярским) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Формирующееся чиновничество было одной из естественных опор сильной центральной власти. В особенности это относится к тем чиновникам, которые стояли во главе центральных органов управления: от силы и значения центральной власти прямо зависела их сила и влияние. Однако к 1570 году высшее чиновничество наряду со многими другими группами русского общества подверглось суровым репрессиям. Дает ли это основания для вывода, что в отношениях между высшим чиновничеством и властью возникли какие-то принципиальные противоречия? Как представляется, такой вывод был бы неверным. События июля 1570 года говорят скорее о другом. Состояние постоянной борьбы с «изменой», в котором оказалось русское общество с установлением опричного режима, постоянные поиски изменников везде и всюду — все это наложило глубокий отпечаток на характер отношений в русской правящей элите, придав особый специфический характер всегда происходившей в этой среде борьбе отдельных групп между собой за власть и влияние. В годы опричнины, по мере того как репрессии усиливались, а масштабы их все более расширялись, наиболее эффективным орудием борьбы за власть и влияние оказывались обвинения соперников в измене. Так, борьба за власть и влияние двух группировок высшей московской бюрократии — одной во главе с Висковатым и Фуниковым, а другой во главе с братьями Щелкаловыми — закономерно завершилась кровавым финалом, и высшие чиновники увеличили число лиц, казненных по обвинению в участии в новгородском заговоре.

Вместе с тем есть основания полагать, что казнь этих чиновников, подобно казни Висковатого, также была использована царем, чтобы создать у населения благоприятное представление о своей политике. К такому выводу приводят наблюдения над некоторыми особенностями записок Генриха Штадена. Хорошо известно, что его рассказ о «стране и правлении москвитов» открывается подробным описанием различных злоупотреблений, совершавшихся в московских приказах: Штаден детально описывает различные способы, с помощью которых дьяки и подьячие присваивали себе часть государственных средств и вымогали взятки с просителей. Характерно, что при этом в качестве лиц, совершавших все эти злоупотребления, фигурируют не те дьяки, которые стояли во главе этих приказов в середине 70-х годов XVI века, когда Штаден покинул Россию, а те лица, которые их возглавляли до казней 1570 года. Интересен и контекст этого описания у Штадена. Рассказ о злоупотреблениях завершается словами: «Так управляли они при всех умерших великих князьях», а затем автор переходит к рассказу об учреждении опричнины. Из контекста можно сделать вывод, что опричный режим именно и был создан для борьбы с этими злоупотреблениями. И такой вывод мы находим в другом месте записок. «Он, — говорит Штаден о царе, — хотел искоренить неправду правителей и приказных страны... Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому препятствовать». В этих высказываниях Штадена нельзя не видеть явные отголоски опричной пропаганды, связанной с казнями лета 1570 года.

Царь желал, чтобы его считали защитником своих подданных, и жестоко карал приказных людей за их злоупотребления. В уже упоминавшемся сочинении Флетчера сохранился рассказ о наказании царем дьяка, который в качестве взятки принял жареного гуся, начиненного деньгами. Царь «спросил палачей своих, кто из них умеет разрезать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги по половине икр, потом руки выше локтя (все время спрашивая его, вкусно ли гусяное мясо) и наконец, отсечь голову, дабы он совершенно походил на жареного гуся». Как следует из рассказа Флетчера, казнь была совершена публично на торговой площади в Москве в присутствии царя, который перед наказанием дьяка сам обратился к собравшимся со словами: «Вот, добрые люди, те, которые готовы

съесть вас, как хлеб». Таким образом, царь не только жестоко карал недобросовестных слуг, но и желал, чтобы об этом было широко известно. Если Висковатый был причиной бедствий, обрушившихся на Россию со стороны внешних врагов, то другие казенные с ним дьяки довели народ России до того тяжелого бедственного состояния, в каком он оказался на двенадцатом году Ливонской войны и на шестом году опричнины.

Глава 16

Первое нашествие крымского хана Девлет-Гирея на Москву и его мрачные последствия

Осень 1570 года. Сторожа с юга донесли царю о появлении вблизи русских границ тридцати тысяч татар. На Оку по решению государя выступили главные земские воеводы, к которым чуть позже присоединился и сам Иван со своей опричниной. Однако татары, посчитав столкновение с русскими для себя невыгодным, тихо ушли в степи. В результате русский царь крепко осердал:

— Все станишники во всех местах, где сказывали, что видели людей до тридцати тысяч, солгали! Посему приказываю воеводе Михаилу Воротынскому, не мешкая, наставить сторожевую службу, чтобы впредь она не давала ложных сведений!

Но означенное дело, порученное Иваном воеводе Воротынскому, почему-то затянулось... В мае же 1571 года случилось вторжение крупных сил Крымского хана Девлет-Гирея. Было ли оно спровоцировано поляками или иными европейскими противниками Руси, участвовавшими в Ливонской войне, так и осталось неизвестным. Однако все русское командование внезапным вторжением крымчан оказалось застигнутым врасплох. Реорганизация же русской пограничной службы так и не была завершена. Станичники опасались, что за ложную тревогу им придется отвечать головами. Поэтому-то в книгах Разрядного приказа донесений сторожей за май вообще не было никаких. Даже складывалось впечатление, что они получили от кого-то строгий приказ ни о чем не сообщать в Москву. В нашествии Девлет-Гирея участвовала сорокатысячная Крымская орда, Большая и Малая Ногайские орды и отряды черкесов. Разразившаяся военная борьба с кочевниками-иноверцами стала носить характер войны православных против басурман. Однако разгул недавнего террора на Руси немалое число влиятельных христиан привел к мысли об измене русскому царю. Весной из опричных полков к хану бежал галичанин Башуй Сумароков. Он настойчиво советовал Девлет-Гирею идти прямо к Москве:

— Против тебя на Руси в большом собранье воинских людей ныне нет!

Другой перебежчик из опричнины заявил хану:

— Царь хочет идти в Серпухов славы для, стати ему против татар некем.

Сын боярский из земщины Кудеяр Тишенков взялся проводить хана к Москве по таким дорогам, на которых вообще нет русских войск:

— А будет, де, государь, тебе до Москвы встреча... и ты, де, государь, вели меня казнить.

Изменник, хорошо зная ситуацию изнутри, вывел Орду к Кромам по Свиной дороге. Кстати, до наставления в этом районе было, худо-бедно, пять сторожевых станиц, после него осталась лишь одна. Опять подозрения в измене напрашивались сами собой.

Главные земские воеводы заняли оборонительные позиции на Оке под Серпуховом. Однако Разрядный приказ, опять же по непонятным причинам, успел собрать только небольшие русские силы. 16 мая царь Иван с опричниной выступил на помощь земским полкам. Но в походе участвовали лишь те, кого успели в спешном порядке собрать в слободе. Хан же лукаво обошел приокские укрепления с запада и повел наступление на Москву из района упомянутых выше Кром. При этом весьма подвижная татарская конница легко вышла во фланг царской армии. Тогда как русский царь оставался в полной уверенности, что татары еще за Окой, как вдруг ему донесли, что татары появились поблизости от его ставки. Срочно пришлось определяться: что делать и как быть? Было совершенно ясно, что опричные полки слишком малочисленны, чтобы вступить в открытый бой с главными силами хана. Боясь попасть в плен, Иван спешно покинул ставку и, забрав с собой многочисленную охрану, ускакал в Александрову слободу, а оттуда в Ростов. Татары же, фактически отбросив опричников, устремились к русской столице, угрожая при этом отрезать от Москвы всю земскую армию.

В отличие от монарха земские воеводы поначалу действовали весьма решительно. Они успели отвести полки к Москве за день до подхода к столице Орды. Главнокомандующий князь Иван Бельский, выехав за Москву-реку, сумел несколько отбросить татар от Москвы. Однако в ходе боя Бельский получил ранение и был увезен на свой двор в Кремле. Русская же армия, оставшись без главнокомандующего, вошла в состояние полной неразберихи. Старшим воеводой после Бельского стал воевода полка правой руки князь Иван Мстиславский. Никаких активных действий против татар он так и не предпринял, тогда как хан Дивлет-Гирей разбил свою ставку в селе Коломенском, его сыновья — на Воробьевых горах. Татары не имели ни осадной артиллерии, ни пехоты. У них не было ни единого шанса прорвать тройную линию обороны Москвы. Но хан и не стремился к штурму русской столицы. Посвоему обыкновению крымчане бросились грабить города и деревни по всему Подмоскovie, захватывая дополнительно много пленных. Кремль же тогда для них был неприступной крепостью. Однако оборона столицы имела-таки уязвимые места. За полвека со времени последнего нападения Крыма Москва отвыкла от татарских набегов. Посад быстро рос. К стенам Земляного города прилепилось

множество слободок и дворов. Именно эти незащищенные предместья татары и принялись грабить, едва приблизившись к городу. Встретив же отпор фактически на улицах Москвы, крымцы стали жечь посады. В это время стояла ясная тихая погода, без ветра. Но затем, как на грех, внезапно налетела буря, и пламя охватило буквально весь город. При самом начале пожара зазвонили все городские колокола. Впрочем, довольно быстро колокольный звон прекратился, так как огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре уже сильные взрывы потрясли всю Москву, как говорится, до основания. Это взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные в башнях. В двух местах крепостные стены Кремля и Китай-города оказались полностью разрушенными. Кроме того, при появлении татар окрестное население сбежалось в столицу под защиту крепостных стен. Гонимые жутким пожаром горожане и беженцы бросились к северным воротам столицы. В воротах и на прилегающих к ним узких улочках образовался затор, «люди в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними». Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Пожарный зной гнал жителей в воду. Кремлевские рвы и Москва-река были забиты трупами так, что «Москва-река мертвых не пронесла». Тем временем русские войска несли неслыханные потери. Расположившиеся на тесных улицах полки утратили порядок и смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Бельский «умер от ран и пожарного зною» в подвале своего двора. Погибли также боярин Вороной-Волынский и множество дворян и детей боярских. Русское войско в Москве фактически перестало существовать. В течение трех часов столица выгорела дотла. Татары, пытавшиеся грабить горящий город, тоже гибли в огне. На следующий же день после пожара крымцы спешно ушли из-под Москвы в степи. «Провожать» Орду смог тогда лишь один князь Михаил Воротынский. Он стоял с передовым полком на Таганском лугу. Но у него было слишком мало сил, чтобы помешать татарам разорять Подмосковьё и Рязанскую землю. Уже с поля хан прислал в Москву гонца. Обращение Девлет-Гирея к царю было выдержано в грубых и высокомерных тонах:

«И хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел, и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что, де, яз — Московский государь, и было б в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял».

А в качестве поминок посланец вручил самодержцу нож. Русскому царю в ответ пришлось смирить гордыню. Не желая втягиваться в длительную войну с такими сильными противниками, как Турция и Крым, он уведомил хана, что готов «поступиться» Астраханью, если тот согласится заключить с Россией военный союз. В Крыму же уступки царя посчитали недостаточными и предложения о союзе отклонили.

Весть о сожжении Москвы распространилась по всей Европе. Курбский насмешливо писал о поражении самодержца:

«Бегун пред врагом и храняка (спрятавшийся беглец) царь великий христиански пред басурманским волком».

Москва превратилась в огромное пепелище с рядами обгорелых печных труб. Расчистка пожарища заняла почти два месяца. Город надолго опустел. Московским властям пришлось издать указ о переселении посадских людей из разных городов Руси в столицу. После сожжения Москвы крымцы, поддержанные турками, выдвинули план полного военного разгрома и подчинения Русского государства.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Еще более трагические события, чем казни у Кремля, произошли летом следующего, 1571 года. Весной в Москве стало известно, что крымский хан Девлет-Гирей готовит поход на Москву. Как всегда в таких случаях, на берегу Оки был выставлен заслон из русских войск. Один участок берега был поручен земским, другой — опричным войскам. Обычно действующая армия, как отмечалось выше, делилась на пять полков; в небольших операциях, когда войск бывало немного, формировали три полка.

Необычная ситуация сложилась на этот раз. Земских войск было, как всегда, пять полков, а опричных хватило лишь на один. Видимо, опричников было too мало, что эту рать было невозможно разделить хотя бы на три части. Это предположение подтверждается официальной Разрядной книгой, где записывались назначения на основные должности. Там читаем, что царь Иван «с людьми собратца не поспел». Ясно, что опричники, хорошо пограбившие в Новгороде, отяжелевшие от добычи, не хотели рисковать жизнями, для них стало слишком привычным воевать с безоружным населением. Ближайшие слуги царя, которых он считал самыми верными, превратились в тех самых «ленивых богатин», против которых когда-то резко выступал Пересветов. В это время опричнина фактически продемонстрировала утрату боеспособности.

16 мая царь, оставив в заслоне один опричный полк, которым командовал князь Василий Темкин-Ростовский (тот самый, что ездил в Соловки собирать материал против митрополита Филиппа), уехал в глубь страны собирать войска, выгонять опричников из насиженных гнезд. К тому же пришли успокоительные известия, будто хан отложил поход.

На самом же деле поход состоялся. Через неделю после отъезда царя, 23 мая, Девлет-Гирей подошел к Оке. Пленный сын боярский Кудеяр Тишенков обещал хану провести его к Москве по неизвестной дороге и убеждал, что у царя Ивана людей осталось мало и «стати-де ему против тебя некем». Девлет-Гирею удалось переправиться через Оку там, где его не ждали, а потому и не было войск. Путь крымским войскам к Москве был открыт. Русским воеводам осталось одно: добраться до Москвы раньше хана.

Воеводам удалось опередить Девлет-Гирея на несколько часов и занять оборону вокруг Москвы. Опричный полк Темкина-Ростовского держал позиции в опричной части города, возле нового дворца царя Ивана. Но Девлет-Гирей в бой не вступил, город штурмовать или даже осадить не стал, а лишь поджег не защищенные стенами посады. Огонь быстро перекинулся через стены Китай-города и Кремля. Пламя бушевало три часа, пока хватало пищи огню. Выгорело все.

Таубе и Крузе пишут, что в городе «не осталось ничего деревянного, даже шести или столба, к которому можно было бы привязать лошадей». В Кремле и Китай-городе множество людей задохнулось «от пожарного зною» и дыма. Жертвы долго лежали непогребенными, ибо было «хоронити некому». По словам Таубе и Крузе,

царь распорядился сбросить трупы в Москву-реку, но их было столько, что образовалась плотина, и река вышла из берегов. В городе из-за разлагающихся тел (ведь дело было летом!) «смарад велик был». Колодцев в Москве всегда было мало, пользовались речной водой, теперь же из-за сброшенных в реку трупов она стала непригодна для питья. Только к 20 июля, почти через два месяца, город удалось очистить от мертвых тел.

В огне сгорели и постройки государева опричного двора в Москве. Царь Иван начал его строить в апреле 1566 года, отказавшись от мысли жить в Кремле, а переехал туда на жительство 12 января следующего, 1567 года. Сохранилось подробное описание этого сооружения, сделанное не раз там бывавшим Генрихом Штаденем. Опричный двор занимал квартал между нынешними проспектами Маркса и Калининна и улицами Герцена и Грановского.

Двор был обнесен стеной высотой около семи метров, первая треть — из белого камня известняка, над ним — кирпичная кладка. На трех воротах, ведущих во двор, обитых блестящей на солнце белой жемчужной, были прикреплены черные резные двуглавые орлы и львы с глазами, сделанными из зеркал. Черные деревянные орлы возвышались и над башенками зданий внутри двора.

Кроме стен все строения опричного двора были деревянными, возведенными «из прекрасного елового леса», доставлявшегося из-под Клина. Штаден, который с явным пренебрежением относился ко всему русскому, тем не менее восхищался искусством строителей этого двора: «Палатные мастера или плотники для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого ножа, вставленного в ручку». Все деревянные здания были украшены тонкой резьбой. Сушила для рыбы, чтобы она хорошо проветривалась, когда ее вялят, были построены «из досок, прозрачно прорезанных в виде листьев». Узором из листьев были покрыты и столбы палат. На колокольне опричной церкви висели колокола, вывезенные из Новгорода.

Гибель опричного двора, по словам Штадена, вызвала большую радость у земских. Уничтожение было полным. Даже колокола «расплавилась и стекла в землю».

Ужасные результаты московского пожара были следствием не только победы крымского хана и военной слабости опричнины. Царь Иван был, несомненно, виновен в том, что Москва была плохо укреплена. В самом деле: город занимал территорию примерно в пределах нынешнего Садового кольца, а крепостными стенами были защищены только Кремль и прилегавший к нему так называемый Великий посад. Стена вокруг Великого посада получила название Китай-города, по ней так называли и сам посад. Китай-город, ненамного превышавший по своим размерам Кремль, был воздвигнут еще при Елене Глинской.

Ни Кремль, ни Китай-город Девлет-Гирей даже не пытался штурмовать. Будь Москва обнесена целиком или хотя бы в большей своей части каменной стеной, пожара могло не быть. Однако за три с лишним десятка лет, прошедших со времени строительства Китай-города, строительство московских укреплений не продвинулось ни на шаг. А была ли возможность строить новые каменные стены? Несомненно. Ведь смог царь построить каменную крепость, защищающую только его опричный двор. Судя по всему, царь не любил Москвы: он бывал в ней довольно редко, а жить предпочитал то в Александровской слободе, то в Вологде, то в Старице (после казни Владимира Андреевича Старицкий уезд вошел в состав опричных территорий, и Старица стала одной из любимых опричных резиденций царя). Во всех этих городах, да и в некоторых других царь строил новые каменные укрепления. Только столица страны оставалась беззащитной. А потребность в новых укреплениях была велика: ведь на следующий же год после смерти Ивана IV началось строительство новой каменной стены — Белого города (по линии современного Бульварного кольца).

После сожжения Москвы Девлет-Гирей ушел восвояси, но своей цели он достиг: и захватил «полом» и добычу, и разграбил много городов, в основном в Рязанской земле. Все это жестоко ударило по престижу царя Ивана и опричнины. Недаром и современники, и потомки из ближайших поколений рассматривали эти события как божью кару за бесчинства опричников. Курбский называл нашествие крымского хана так: «...меч варварский, мститель закона божия». Он перечислял в своем послании Ивану Грозному «язвы, от Бога пущенные» и среди них наряду с голодом и эпидемиями «пресловутаго града Москвы внезапное сожжение, и всея Руские земли опустошение». Царю был срочно необходим виноватый. Он нашелся. Тем же летом князь Иван Федорович Мстиславский публично каялся в том, что «государю... и всей Русской земле изменил, навел есмь с моими товарищи безбожного крымского Девлет-Кирея царя» и клялся, что ему вперед «на все православное крестьянство варвар не наводити». Эти «признания», не имевшие ничего общего с истиной, были, судя по всему, услугой, оказанной Мстиславским царю. Достаточно сказать, что Мстиславский оставался не только на свободе, но и по-прежнему первым боярином в Думе, был вскоре назначен новгородским наместником. Зато царь Иван получил возможность и на этот раз обвинить в своих неудачах и просчетах «бояр-изменников».

Не менее тяжелыми были последствия набега Девлет-Гирея для внешнеполитического положения страны. Хан был уверен, что теперь он поставил Россию на колени и может диктовать ей свою волю. Переговоры Ивана IV с крымскими послами начались в необычной атмосфере. По приказу царя во время первой аудиенции бояре были не в торжественном парчовом одеянии («платье-золотном»), а в простых черных одеждах. Пискаревский летописец сообщает, что и сам царь надел сермягу. Обращаясь к ханским послам, он будто бы сказал: «Видишь-де меня, в чем я? Так-де меня царь (хан) зделал! Все-де мое царство выпленил и казну пожег, дати-де мне нечево царю». Не остались в долгу и крымские дипломаты. В качестве посольского подарка Иван IV получил кинжал, чтобы иметь возможность после страшного поражения покончить самоубийством. Шли переговоры трудно. Русские представители были готовы отказаться от Астрахани, но крымцы требовали и Казань...

Поскольку переговоры сорвались, Девлет-Гирей решил на следующий год захватить успех и повторить набег.

Глава 17

Попытки новой царской женитьбы. Марфа Собакина и Анна Колтовская

Александрова слобода. Лето 1571 года. Царь велел переписать дворянских девок-невест по всей стране. По окончании переписи опричники свезли в слободу примерно 2000 дворянских девок-невест. Смотрины позволили отобрать сначала 24, а затем — 12 самых красивых девиц.

— Около двух тысяч невест перебрал, а ведь еще месяц тому назад государь в монастырь уходить собирался, — заметил Борис Годунов Богдану Бельскому во время скрытного наблюдения за отобранной дюжиной царских невест, которые, сидя за одним столом, весело распевали народные песни.

— Вон ты выберет, — уверенно произнес Бельский и показал Годунову рукой на Марфу Собакину, — Скуратов знает, как угодить государю.

— Почему же? — поинтересовался Годунов.

— А она тебе никого не напоминает? — спросил в свою очередь Бельский.

— Кого же? — ответил снова вопросом Годунов.

— Впрочем, ты не можешь помнить. Тебя ведь при дворе тогда не было, — пояснил более опытный Бельский.

— Кого же? — стал настаивать Борис Годунов.

— Бельский и Годунов? — вдруг за спиной опричников заговорил государь.

— Государь! — виновато ответили вскочившие с лавки царицы слуги, склонившись перед ним в поклоне.

— Ступайте! — распорядился Иван, недовольно осматривая своих праздных слуг.

Бельский и Годунов отошли от смотрового окна и вышли в дверь. Царь же занял их место и стал наблюдать за девицами. В его уме всплыли вдруг воспоминания об Анастасии. С высоты уже прожитых лет Ивану казалось, что годы жизни с нею были удивительно хороши. Тут же государь закрыл глаза и отклонился спиной к стене. На его лице почти одновременно отобразились и тихая радость, и тоска по невозвратному, что когда-то было подобием личного счастья. В сознании Ивана Марфа Собакина — дочь незнатных помещиков из-под Коломны неожиданно трансформировалась в доньне любимую им Анастасию, так рано ушедшую из его жизни.

«Но был ли этот уход ее закономерен?» — подумал царь.

И, подумав. Иван отчетливо понял:

«Да, был. И по-другому и быть-то не могло. Ведь в противном случае, страшно подумать, ведь она бы могла стать великой помехой в моих жестоких делах слома боярской измены и ереси церковной. Вот как чудно Господь все управил, попустив гибель любимой от враждебных мне рук. Но, может быть, теперь мне суждено снова обрести личное счастье?..»

Вновь перед тронем, как когда-то, стояли молодые женщины — царские невесты. Иван, встав с трона и неспешно постукивая посохом, приблизился к ним вплотную. Затем он стал внимательно осматривать каждую девицу, касаясь некоторых свободной рукой. Невесты же, державшие в руках зеленые веточки как символ молодости и чистоты, вздрагивали от царских прикосновений, некоторые даже коротко вскрикивали. Завершив своеобразный обход, государь взял за руку Марфу Собакину и тихо сказал ей:

— Пойдем.

Подойдя к трону, Иван оборотился к девице и спокойно спросил ее:

— Скажи, как тебя зовут?

— Марфа, государь, — со страхом ответила выбранная невеста.

— Другое имя тебе более подходит, — заметил Иван.

— Какое имя, государь? — спросила в удивлении Марфа.

— Голубка, — вдруг нежно произнес царь, улыбнувшись своей невесте, — родственница Захарьиных?

— Нет, государь, — трепетно проговорила Марфа.

— Будешь моей женой, — заключил Иван, — ступай по ковру, — продолжил говорить государь и снова улыбнулся Марфе, — ступай, ступай.

В этот момент раздались всхлипывания отверженных невест, удивленных и обиженных царским выбором. Марфа же, поклонившись Ивану, внезапно лишилась чувств, так и не успев ступить на ковер перед царским тронном. Подбжежавшие опричники Бельский и Годунов подхватили обмякшее тело Собакиной. Малюта мгновенно распорядился насчет лекаря. Иван же вдруг ощутил сильный озноб и осознал пришедшую на ум мысль, что не быть ему с Марфой, что не допустит этого Господь. Но государь, кроме естественного беспокойства о самочувствии невесты, ничем не выдал своего горького пророчества. Марфу уложили на лавку вблизи трона.

— Слабость меня обессилила, еще с ночи мне плохо, — сказала Марфа, глядя в лицо Ивана, склонившегося над нею.

— Воды! — скомандовал царь.

— Воды! — повторил Годунов.

Практически сразу в тронный зал принесли на подносе сосуд с водой, который Годунов тут же передал государю. Иван, улыбнувшись Марфе, спросил ее:

— Боишься меня?

— Боюсь, — ответила невеста, вздыхая с заметным затруднением.

— Она тоже боялась, — заметил вслух государь.

— Твоя первая жена? — спросила решительно у царя Марфа. — Сказывают, будто похожа я на нее.

— Ну что ж дрожишь ты так? — уже совсем ласково заговорил Иван.

— Да с ночи еще: то морозно, а то вдруг жар, — пояснила Собакина.

— Ничего, это пройдет, — стал успокаивать Марфу государь, — ничего, ничего...

Малюта, видя случившееся с невестой, подумал тревожно:

«Вон оно как вышло, не ровен час новую жену придется искать царю. А как было бы славно, если государь на Марфе женился. Какая-никакая, а все ж родня мне будет. Ну да, видно, не бывать тому. Жаль».

После свадьбы в царских покоях Марфа в недуге огненном лежала в постели. Иван пытался заговорить с нею. Однако она бредила и совсем не слышала его.

— Господи, не забирай ее у меня! — взмолился государь. — Что же это за насмешка такая надо мной, грешным? Снова дать мне, чтобы тут же отнять? Очнется, днем или ночью дать мне знать! — приказал Бельскому Иван и вышел.

Положив голову на шахматный стол, царь спал. К нему подошли хмурые Скуратов и Бельский.

— Буди, — распорядился Скуратов.

Бельский тронул спящего за плечо и произнес:

— Государь.

Иван медленно поднял голову от стола и, увидев Бельского, спросил:

— Что?

Бельский молчал, опустив лицо. Царь повернул голову, увидел скорбное лицо Малюты и, казалось, все понял.

— Преставилась, — проговорил Бельский.

— Как? — закричал Иван, схватил посох и поднялся из-за стола. Выйдя на двор, государь услышал погребальный звон и попытался заглушить его руками, обхватив ими свою голову.

Иван, не успев отойти толком от переживаний по случаю скоропостижной кончины Марфы Собакиной, собрался жениться в четвертый раз. Святая церковь разрешала только три брака. Царь созвал священников:

— Святители, злые люди чародейством извели мою первую супругу Анастасию. Вторая, черкесская, тоже была отравлена. Я решился на третий брак ради детей моих, не достигших совершенного возраста, юность их претили мне оставить мир, а жизнь в миру без жены полна соблазнов... Я долго искал себе невесту, наконец выбрал, но зависть, вражда погубили Марфу, только именем царицу: еще в невестах она лишилась здоровья, а через две недели супружества преставилась девою. В отчаянии я хотел посвятить себя житию иноческому, но, видя опять жалкую младость сыновей и государство в бедствии, дерзнул на четвертый брак с Анной Колтовской. Ныне молю святителей о разрешении и благословении.

Епископы вынуждены были признать четвертый брак Ивана. Они лишь наложили на него епитимью — сто поклонов в день на протяжении месяца. Но государь любил молиться и сам клал ежедневно тысячи поклонов — что ему была епитимья?

И вот Иван и Анна вдвоем. Царь восседал в кресле, а супруга, кружа рядом, пыталась заигрывать с мужем. Иван же с интересом следил за действиями новой жены. За ними издали наблюдали Годунов и Скуратов.

— Не долго Анне Колтовской в царицах ходить, — заключил Борис.

— Отчего же? — полюбопытствовал Малюта.

— Не пара она ему, не умна. И на все свое мнение имеет. Не терпит он таких. Теперь вот Нагой свою племянницу в невесты царю прочит, — закончил Годунов.

— Племяннице Нагого седьмой год пошел, она дитя еще, — отреагировал скептически Скуратов.

— Да ведь и невесты царя раз от разу молодеют. Черт его знает, может, и племяннице Нагого царицей стать посчастливится, — предположил Годунов.

— Отчего же нет. Теперь у святой церкви Ивану просить разрешения не надо, — сухо подтвердил матерый царедворец.

Целыми днями государь сидел в тереме царицы: она забавляла его, развлекала вместе со своими девушками, готовыми на все ради улыбки царя. Анна не ревновала Ивана, равнодушная к нему, но зорко следила за переменами царского настроения. В женском обществе Иван забывал своих опричников, а когда вспоминал о них, Анна вела себя так, что внушала ему необходимость уничтожения ненавистной ей братии. За год царствования Анны Иван казнил и сослал многих опричных главарей. Но и опричники не дремали, сумев разоблачить симпатию Анны к сыну князя Воротынского Андрею. В результате гибели Андрея князь поклялся свергнуть Анну с трона с помощью своего племянника Бориса Ромодановского, которого под видом девки Ирины ввел в окружение царицы. Как-то вечером «боярышня Ирина» прошла в покои Ивана по его приказу. Около полуночи дворец огласили крики. Царь бежал по дворцу, размахивая посохом, затем бросился на половину Анны, распахнул дверь к ней и упал в припадке. Это спасло царицу от смерти. После припадка наступила апатия, Ивана отнесли в опочивальню. Там, на полу, в луже крови лежал Борис Ромодановский, в женском платье, с царским ожерельем на шее. Он был мертв. Государь обвинил Анну в заговоре против него. Опричники же с удовольствием подогрели его подозрения. В результате свои еще долгие дни жизни Анна окончила в Тихвинском монастыре.

Глава 18

Второе нашествие крымского хана Девлет-Гирея на Москву и его позорное бегство

В ожидании нового нашествия русские по распоряжению государя к маю 1572 года собрали на южной границе около 12 000 дворян, 2035 стрельцов и 3 800 казаков. Вместе с ополчением северных городов армия насчитывала немногим более 20 000, а с боевыми холопами — более 30 000 воинов. На стороне татар был численный перевес. Во вторжении участвовали от 40 000 до 50 000 всадников из состава Крымской, Большой и Малой Ногайских орд. Хан имел в своем распоряжении еще и турецкую артиллерию. Русское же командование расположило основные свои силы под Колом-

ной, надежно прикрыв все подходы к Москве со стороны Рязани. Но оно учло также возможность повторного вторжения татар с юго-запада, из района Угры. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг в Калугу воеводу Дмитрия Хворостинина с передовым полком. Вопреки традиции передовой полк по численности превосходил полки правой и левой руки. Хворостину был придан подвижной речной отряд для обороны переправ через Оку.

Татары вторглись на Русь 23 июля 1572 года. Их подвижная конница устремилась к Туле и на третий день попыталась перейти Оку выше Серпухова, но была отбита от переправ русским сторожевым полком. Тем временем хан со всей ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Русские же воеводы ждали противника за Окой на хорошо укрепленных позициях. Натолкнувшись на прочную оборону русских, хан возобновил атаку в районе Сенькина брода выше Серпухова. В ночь на 28 июля ногайская конница разогнала две сотни дворян, охранявших брод, и захватила переправы. Развивая наступление, ногайцы за ночь ушли далеко на север. Под утро к месту переправы татар подоспел Хворостин с передовым полком. Но, столкнувшись с главными силами татар, он уклонился от боя. Вскоре полк правой руки попытался перехватить татар в верхнем течении реки Нары, но был отброшен прочь. Хан Дивлет-Гирей вышел в тыл русской армии и по серпуховской дороге стал беспрепятственно продвигаться к Москве. Татарскими арьергардами командовали сыновья хана с многочисленной отборной конницей. Передовой полк следовал за царевичами, выжидая благоприятного момента. Когда ожидаемый момент наступил, воевода Хворостин обрушился на татар. Бой произошел в районе села Молоди, в 45 верстах от Москвы. Татары не выдержали удара и бежали. Хворостин «домчал» сторожевой полк татар аж до ханской ставки. Чтобы поправить положение, Дивлет-Гирей вынужден был бросить на помощь сыновьям 12 000 крымских и ногайских всадников. В результате сражение разрасталось, и главный воевода князь Михаил Воротынский в ожидании татар приказал установить подвижную крепость — «гуляй-город» близ Молодей. Ратники хорошо укрылись за ее стенами, изготовившись к бою. Троекратное превосходство сил противника вынудило Хворостина отступить. Но при этом он осуществил блестящий маневр. Его полк, отступая, увлек татар к стенам «гуляй-города». Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли существенное опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.

Поражение при Молодях вынудило хана Девлет-Гирея приостановить наступление на Москву. В течение дня татары простояли за Пахрой, ожидая подхода русских. Но те не возобновили атак. Тогда татары повернули всячь от Пахры к Молодям. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отойти от Москвы и принять бой на выбранной

ими местности. Центром русских оборонительных позиций служил холм, на вершине которого стоял «гуляй-город», окруженный наспех вырытыми рвами. За стенами «города» укрылся большой полк, состоявший из земцев. Остальные, фактически опричные полки, прикрывали его тыл и фланги, оставаясь вне укреплений. У подножия холма, за речкой Рожай, стояли 3000 стрельцов, чтобы поддержать воевод «на пищалях».

Татары быстро преодолели расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушились на русские позиции. Стрельцы полегли на поле боя все до единого, но засевшие в «гуляй-городе» воины отбили атаки конницы сильной пушечной и ружейной пальбой. Обеспокоенный неудачей, главный татарский воевода Дивей-мурза выехал на разведку и приблизился вплотную к русским позициям. Здесь его и захватили «резвые» дети боярские. Кровопролитное сражение продолжалось до самого вечера 30 июля. Потери татар были исключительно велики. Так, погибли предводитель ногайской конницы и трое знатных крымских мурз. Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию. После двухдневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм «гуляй-города», направив к нему все свои конные и пешие полки. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены «гуляй-города», «изымались у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много». К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода князь Михаил Воротынский с полками покинул «гуляй-город» и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона же «гуляй-города» была поручена князю Дмитрию Хворостинину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условленному сигналу Хворостинин дал залп из всех орудий, затем «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же самый момент уже с тыла на татар и обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана Дивлет-Гирей и его внук. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз. На другой день после победы русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывавшие до 5000 всадников. Девлет-Гирей, думая, что появились подошедшие из Новгорода большие полки царя Ивана, в панике бежал.

Славу победы над татарами всецело приписали главному воеводе князю Михаилу Воротынскому. Подлинным же героем сражения при Молодах был молодой опричный воевода князь Дмитрий Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. Именно

Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем принял на себя командование «гуляй-городом» во время решающего сражения 2 августа.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Иван IV принял тогда верное решение: для отпора он объединил земские и опричные войска. Они не просто стояли рядом, теперь в каждом полку были и земские и опричные служилые люди, и земские и опричные воеводы. Нередко опричники оказывались под началом у земских воевод. Главнокомандующим был назначен князь Михайло Иванович Воротынский, который незадолго до этого провел немало лет в тюрьме и ссылке. 30 июля 1572 года возле деревни Молоди, примерно в 45 км от Москвы, произошла решительная битва. Русские войска нанесли сокрушительное поражение Давлет-Гирею. Победа была полной, крымская опасность была ликвидирована на 10–15 лет. Страна была спасена. Вместе с тем победа при Молодях показала даже Ивану IV, что опричнина себя изжила и осенью 1572 года «странное учреждение» объявили как бы не существующим. Теперь даже упоминание этого слова считалось крамольным.

Были объединены уже не для одной боевой операции, а в целом опричные и земские войска, восстановилось единство Боярской думы. Были сделаны некоторые политические жесты, которые должны символизировать наступление новой политики: кое-кто был реабилитирован, иконы вернулись торжественно в свои храмы.

Глава 19

Смертный час Малюты Скуратова и наказ царский потомкам

Пришел 1573 год. Как-то после игры в шахматы Иван неожиданно предложил Малюте поднять чарки с вином. После соответствующих приготовлений Скуратов спросил царя:

— За что ж выпьем, государь?

Иван, усмехнувшись, произнес:

— За девок, чтобы они не перевелись.

— На кой черт за них пить? — поддержал шутейную интонацию царя Малюта. — Они и так будут.

— Прав, Малюта, прав... За твое здоровье, — уже серьезнее предложил государь.

— Твое, государь! — умело парировал Скуратов.

— Это что ж, твое здоровье не заслуживает того, чтобы я за него выпил? — спросил с укоризной царь.

— Нет, государь. Хочу в бой с тобой попасть. Ты ведь скоро на крепость Вейсенштейн сам войска поведешь? — спросил Малюта. — Ну так вот и меня с собой возьми. Мы с тобой много разных дел переделали. Думаю, и в ратном деле быстро врага слошим. Возьмешь?

— Возьму. Снова скажешь, что ты мне верный пес? — спросил Иван.

— Ну, если у тебя для меня других слов нет, то хоть бы и пес, — обидчиво заметил Малюта.

— Ладно, не обижайся. Хочешь ближе ко мне стать? А как ты полагаешь, Малюта, насилие праведным и христианским одновременно вне поля брани может быть? Или ты полагаешь, что мы пытаем и казним лишь сущих мерзавцев и все тут? Подумай, не торопись отвечать! — поинтересовался вдруг царь.

Скуратов от услышанного несколько опешил, но, собравшись с духом, выпалил:

— Государь, полагаю, что мерзавцы получают свое по заслугам, чтобы они не говорили в свое оправдание, и христианство вряд ли признает наше дело грехом.

— Малюта, Малюта! Ты разве забыл как меня славил Филипп? Разве не он величал нас кровопийцами? — напомнил Скуратову царь недавние события.— Нет, Малюта, наша святая церковь считает иначе! Она полагает, что за ересь не следует мучить и казнить, но миловать, что за нее Господь сам взыщет: аще Мне отмщение, аз воздам.

— Но, государь, ведь мы тогда выходим как нехристи какие-то и сами к тому еретиками оборачиваемся? — удивленно спросил Скуратов.

— Вот-вот, Малюта! — подтвердил царь. — Но у христианства есть еще и такое наставление: не мир принес Я вам, но меч! Кроме того, Христос в Святом Писании нигде ни на йоту не примиряется с иудейскими иерархами, обличая их сущими детьми дьявола, которым нет и не будет никогда прощения, и наставляет учеников своих прощать только личных врагов, но не врагов нашей веры. Сам же Спаситель идет на крест без борьбы за свою жизнь не потому, что запрещает насилие, а потому, что Ему после смерти предстоит воскресение, без которого и веры Христовой и быть-то не может! Вот в чем правда! Кстати, агаряне не признают ни крестной смерти Христа, ни Его воскресения. Поэтому и выходит то, что наше с тобой насилие праведно, чтобы там не говорили нам враги веры православной, которые порой возникают там, где и представить себе их было трудно. А там, где вера наша попирается худым к ней отношением или ее ложным толкованием, там и меч и топор должны разить решительно и безжалостно. Ладно, Малюта. Выпьем все-таки за девок, ведь без них все наше дело сущий тлен.

Царь и слуга чокнулись и выпили уже давно налитое вино.

— Ну а теперь ступай. Что-то я притомился, Малюта... — окончил разговор государь.

Скуратов вышел прочь, а государь, прикрыв очи свои и не вставая из-за стола с шахматами, тут же уснул. Во сне же, как бы продолжая свое наставительное размышление Малюте, Иван вдруг увидел покойного Филиппа, который задал царю вполне резонный вопрос:

— Иван, а ведь ты пытаешь и казнишь не за худую веру, а во многом за мнимую измену тебе лично! Зачем же ты ищешь себе оправдания в наказании своих мнимых врагов якобы за ересь? И потом, ты ведь замучил

многих, так и не найдя их деятельной вины, например князя Михаила Воротынского — спасителя земли русской от татарской неволи!

Иван мгновенно осознал, что ему предстоит объяснение самого себя в полной мере, без скидок и умолчаний. Он в свою очередь заметил Филиппу, что всерьез понимает себя самого помазанником Божиим. То есть именно ему поручено Господом сохранение и приумножение царства православной веры или единственно неложной, единственно правильной веры на земле. Поэтому всякое сопротивление его царствованию им рассматривается строго как богохульство и тяжкое вредительство самой Руси как носительнице единственно уместной веры в Господа. Ежели говорить о своих мнимых врагах или измышленных изменщиках, то следует понимать также, что для выявления подлинной измены совсем не нужно ждать изменного дела. Ведь как и для Господа не требуется самого акта прелюбодеяния, чтобы осудить всякого прелюбодея, так и для царя достаточно выявления предпосылок измены, которые и проявляют себя ясно в самой склонности к ереси в вере. Она же всегда выражается в неумном стремлении человека к личному обогащению, к роскоши, к личной славе, в нежелании его служить царю по совести, без самой готовности принести себя в случае острой нужды в жертву царю. А самая главная ересь бывает в том, что царев слуга и не верит уже царю, полагая его выдуманной фигурой и уповая только на свою способность правления уже по личной прихоти своей. Вот о чем следует твердо помнить всем и всегда, когда пытаются рассуждать об измышленной или напрасной измене. *Или нет ереси без измены и нет измены без ереси.* Вот смысл всей опричной борьбы во имя Христово. «Наши же иерархи выдумали христианство непротивленческое, избегающее борьбы с сакральным злом. Они почему-то решили возможным уподобление самих себя Христу, идущему на крест и не оказывающему никакого сопротивления своим врагам. Но ведь это допущение само по себе и есть величайшая ересь, приводящая человека грешного к измене сначала вере, а затем и государю. Вот в чем мое особое несогласие со всеми нынешними и грядущими моими противниками...»

Крепость Вейсенштейн. Вокруг костра вовсю грелись царевы ратники и причитали:

— Жрать охота!

— Вот крепость возьмем, там уж налопаемся.

— Скорей бы уж штурм, а то, ей-богу, замерзнем тут все.

— Гаси костры, гаси костры! Басурманское отродье! Сказано же костров не жечь! — закричал всадник, подскочив к костру и яростно размахивая в подтверждение своих полномочий плетью.

— Вот жизнь-то: ложись и помирай! А то они будто без этого нас не заметят! — заворчали ратники и стали ногами забрасывать пламя костра снегом.

В царском шатре Иван разглядывал карту места предстоящего штурма, пытаясь оценить как свои, для штурма, так и противостоящие ему возможности уже защитников крепости.

— Возьмем мы крепость, государь, — промолвил несколько уныло Скуратов, — предчувствие у меня, хорошее. Возьмем мы ее.

— С каких пор ты, Малюта, в предчувствие верить стал? — удивленно спросил Иван.

— Никогда не верил, государь. А теперь уже точно знаю: вечером победа будет, вечером пировать. Вот увидишь, государь, что насмешки твои надо мной напрасны. А я сил не пожалею, чтобы предчувствие мое явью стало.

— Ступай, пророк! — отреагировал насмешливо царь и заметил: — Ежели слова твои не сбудутся, голову что ли тебе отсечь? Ступай, собирай воевод на совет.

Малюта молча поклонился и вышел из шатра, сохраняя в своей душе остатки обиды на государя. Уже ближе к вечеру, когда слова Малюты стали явью и он в группе воевод на лошадях направлялся к царю, его настигла стрела, выпущенная из кустарника кем-то из защитников крепости, видимо, сумевшим ловко выбраться из захваченной русскими цитадели. Сраженный коварной стрелой, попавшей в шею, Малюта все-таки сумел встать на ноги и прислониться лицом к рядом оказавшемуся дереву. Уже предчувствуя свой скорый конец, Скуратов, захлебываясь кровью, попытался высказаться, правда, не очень ясно кому:

— Наказал... наказал ты меня. И суд твой справедлив. Я буду жить, я буду жить! Ты скала моя! Ты крепость моя!..

— Малюта, Малюта! — закричал государь, увидев повозку с телом Скуратова возле своего шатра. — А говорил, предчувствие хорошее! Пир обещал! Так будет же тебе пир! Годунов, пленных сколько, говоришь?

— Несколько сот будет, — ответил Борис.

— Сжечь! Живьем всех сжечь! Ступай же! — заорал царь.

— Слушаюсь, государь, — смущенно проговорил Борис Годунов, бросаясь исполнять полученный суровый приказ.

— Малюта, всю жизнь ты хотел, чтобы я тебя другом назвал, — уже приглушенно заговорил Иван, встав на одно колено и склонившись над головой Скуратова, — я так и не сказал тебе этого. Другом ты мне был, Малюта. Другом.

— Господь, кровью искупил... Страшно умирать одному. Прости, что не сразил всех твоих врагов. Помоги, Господи. Страшно умирать, страшно... — замолчал и закрыл глаза навеки верный царский пес Малюта Скуратов.

— Ты сам искал стрелу. Зачем же? — начал, вставая с колена, говорить государь и уже продолжил вернувшемуся Годунову: — Свезти в Волоцкий

монастырь. Отпеть, денег не жалеть. Дорого же мне эта крепость далась, дорого...

Еще долго Иван скорбно вглядывался в черты лица Малюты, прежде чем вернулся в свой уже опустевший шатер.

Глава 20

Жуткие причуды царя Ивана, или Наглядный урок русскому лукавству

Бояре поговаривали о том, что Иоанн Васильевич надумал жениться, а потому все время пребывал в посте, чтобы очистить тело от скверны. Иерархи церкви «молвили о том, что государь на верном пути, поведали пастве о том, что царь кладет за раз до тысячи поклонов и усердием своим приближается к пустынным. Не упади на Ивана промысел быть государем, не было бы крепче ревнителя веры во всей православной Руси». От внимания людей не укрылось и то, что государь дважды навещался к княжне Марии Долгорукой и приходил не с многочисленной свитой опричной, как, бывало, любил навещаться к лучшим людям, а являлся в сопровождении двух бояр и Бориса Годунова, что больше напоминало негласные смотрины. Прощаясь, Долгорукие высыпали на улицу всем двором и долго кланялись в спину удалявшемуся царю. Скоро государь послал в дом князя Долгорукого огромный сдобный кулич, что обычно подавался гостям перед свадьбой. В Москве сказывали, что престарелый Иван Долгорукий долго хохотал над царским подарком, а потом, давясь слезами, вымолвил:

— Никогда не думал, что через эту чумазую с самим царем породнюсь!

Царь пришел к убеждению, что ему надо снова жениться. Однако опыт четвертого брака показал, что на разрешение церкви теперь надежды мало — и Иван ловко обошелся без такого разрешения. В Спасо-Преображенском соборе (Спас-на-Бору) в то время служил священник Никита, бывший опричник, возведенный в сан по настоянию царя. Этот Никита был готов подчиниться государю во всем. В ноябре 1573 года состоялось венчание Иоанна Васильевича с княжной Марией Долгорукой. Свадебный пир был очень веселым, и на улицы Москвы были выставлены столы, заполненные хлебом, мясом и рыбой, а также десятки бочек пива и браги. Со всех земель съехались бояре и князья. Стольные палаты уже не вмещали всех знатных гостей, а потому Иоанн Васильевич повелел расставить столы во всех комнатах и коридорах. Многошумные гости без конца выкрикивали здравицу государю и государыне, и кубок за кубком выливали в горло хмельное зелье. От выпитого валились под столы, и торжество уже продолжалось без них. Челядь бояр шастала между столов

и собирала в охапку господ, упившихся до смерти. А пир только набирал силушку, чтобы закончиться к утру пьяными плясками скоморохов и медвежей забавой.

Иван глянул на Марию. Царица сидела величаво, распрямив спину, и госпожой посматривала на пьяных бояр. Государю подумалось о том, что телесами Долгорукая не обижена и, разметавшись, может занять половину кровати. Усмехнулся царь:

— Эдакая махина и придавить ненароком может!

Но государю такие девицы были в особую радость — будет что помять. Упруго и горячо желание обожгло царскую утробу, и он так щипнул колено Марии, что та невольно пискнула.

— В спальню пойдем, там бояре простынки атласные постелили. Подарок английской королевы, — хихикнул Иван. — Она все думает, что со мной на них тешиться будет, а вот обошло ее такое счастье...

Задержав взгляд на хмурым лице государя, Мария Долгорукая медленно стала стягивать через голову исподнюю рубаху. Сначала выглянули полные колени, потом показались покатые бедра, и вот округлый живот, и через мгновение царица предстала перед государем вся.

— Хороша, — заключил Иван. — Ну-ка, помоги мне рубаху снять. — Прохладные руки Марии коснулись горячей шеи государя, поползли по спине вниз, доставив царю сущее блаженство. — Эко, у тебя как ладно получается. Ежели не знал бы тебя, мог бы подумать, что всю жизнь у мужиков рубахи стягивала. Ну-ка, почеси мне под лопаткой, так дерет, будто вша завелась... Ногтями не скреби, — пожелал Иван, — ладошкой, да понежнее. Ох, хорошо! А теперь сапоги стягивай. Вот так... Ложись теперь на постелю, а я помолюсь малость.

И, проследив мрачноватым взором за тем, как Мария, шевеля огромным крупом, юркнула под покрывало, обратился взором к иконе.

— Господи, прости меня, грешного, за то, что не любил девок так, как следовало бы! Господи, прости меня за то, что не ценил любовь, срывая девичий цвет без надобности... Господи, сколько же плодов не завязалось! Теперь у меня все по-другому будет. Буду любить жену и нарожаю детишек. Оставляю блуд и сделалась степенным. Прими мои покаяния, Господи!.. Ну и широка ты, Мария, — глянул на девицу Иван, — как легла, так всю кровать и накрыла. Ты бы хоть самый краешек оставила.

Царь опустил на постель и произнес:

— А теперь обними меня крепко, как сумеешь. Да не так, Мария, что-бы жарко мне сделалось!

Мария полностью соответствовала стандартам, предъявляемым Иваном ко всякой очередной невесте: и лицом пригожа, и ростом хороша, и дородностью соблазнительна... Да вот беда: в первую же ночь вместо досадной неловкости, присущей неопытной девице, она поддалась чув-

ственной страсти, рукодвижениями и советами понуждая супруга к положениям, вызывающим особое удовольствие. Сие государю показалось весьма подозрительным: откуда у юной боярышни столь совершенные знания в искусстве, которое ей только предстояло постичь? Кто научил? Где? Когда? Изрядно утомленный под утро ревностью жены, государь тем не менее учинил допрос. Мария плакала и божилась, что ввечеру еще была невинна, что усердствовала «токмо ради угождения». Могло ли подобное объяснение быть вполне честным? Естественный отрицательный ответ напрашивался сам собою. Новая же царица изначально совсем не понимала ответственности своего положения, думая про себя, что царь только очень влиятельный мужчина, которому ей лишь следует доставлять полное удовольствие в постели, тем паче, что ее соответствующий опыт, полученный ею же тайно от родных, вполне позволял ей это сделать.

На следующее утро царь Иван вышел в приемную палату с нахмуренным лицом. Все насторожились, хотя еще никто не знал толком возможной причины такого мрачного настроения новобрачного. Выслушав несколько докладов, государь махнул рукой и ушел к себе. Скоро по дворцу разнеслась весть, что царь с царицей уезжают. Скрипя полозьями по свежему снегу, царский поезд покинул Кремль и направился в Александрову слободу. Там в то время был обширный пруд, переполненный рыбой. Этот пруд носил название «царского», потому что из него поставляли рыбу для царского стола. Тесный, но уютный дворец Александровой слободы был любимым местом отдыха царя. Туда он уезжал по-прежнему нередко, а потому никто не удивился, узнав, что Иван отправился в Александровку. Юная царица с любопытством глядела на народ, приветствовавший царский поезд низкими поклонами. Такие почести ей воздавались впервые. Скоро показали приземистые постройки Александровой слободы. Возки легко въехали в дворцовую ограду и остановились у узорчатого крыльца. Государь, не проронивший во время пути ни одного слова, молча вылез из возка и, не отвечая на поклоны дворцовых людей, прошел в свои хоромы. За ним последовал Годунов.

Через полчаса обитатели Александровой слободы шепотом передавали друг другу о новой, непонятной затее царя: десятки людей собрались на не совсем окрепшем ледяном покрове царского пруда и стали вырубать огромную полынью. По слухам, царь выразил желание ловить в озере рыбу. Причуды царя давно перестали удивлять его подданных, но царская рыбная ловля зимой, при сильном морозе, все-таки показалась чересчур странной, и к пруду начали стекаться толпы любопытных. К полудню добрая треть пруда была очищена от льда. У края полыньи поставили высокое кресло. Пешие и конные ратные окружили пруд, не допуская на лед никого постороннего. Уже близились сумерки, когда распахнулись ворота

дворца и оттуда показалось странное шествие. Впереди на коне ехал царь. За ним следовали пошевни, на которых лежала царица Мария. Она была без памяти, но тем не менее ее тело было крепко прикручено к пошевням веревкою. Шествие замыкали опричники с Годуновым во главе. Государь въехал на лед, сошел с коня и уселся в кресло. Пошевни остановились на берегу. Иван знаком позвал к себе Годунова и сказал ему несколько слов. Годунов вышел на середину пруда и обратился к собравшимся зрителям с речью:

— Православные! — громко сказал он. — Се узрите, как наш великий государь карает изменников, не щадя никого. Долгорукие изменили царю, повенчали его на княжне Марии, а княжна еще до венца слюбилась с кем-то, и о том государю ведомо не было. И решил государь ту Марию отдать на волю Божию.

После этих слов Годунов подошел к пошевням, достал нож и уколот запряженную в них лошадь в круп. Лошадь сделала скачок. К ней подбежали опричники и стали осыпать ее ударами. Испуганное животное бросилось вперед, не разбирая дороги. Через несколько секунд раздался всплеск, полетели брызги, и лошадь, вместе с пошевнями и привязанной к ним царицей, погрузилась в ледяную воду. Зрители невольно ахнули. Затем наступило глубокое молчание. Все, как зачарованные, глядели на поверхность пруда, где расходились широкие круги и поднимались пузыри. Наконец вода успокоилась, царь поднялся с кресла, снял шапку, прекрестился и сказал:

— Воля Господня свершилась.

Затем он сел на коня и в сопровождении опричников уехал во дворец, куда по его распоряжению уже были собраны все красивые женщины слободы. Там началась оргия, длившаяся до утра. Обыватели Александровой слободы, потрясенные казнью новой царицы, пугливо ютились по домам. Но и через запертые окна до них доносились пьяные крики опричников, слонявшихся по улицам слободы и искавших случая «разгуляться». Только к утру все затихло, а вечером царь, сопровождаемый едва протрезвившейся ватагой, выехал в свой Кремлевский дворец.

Самое ужасное заключалось в том, что никто даже не подумал о каком-либо расследовании, все было решено одной лишь монаршей волей. И речь при этом шла не о государственном преступнике, не о плененном враге, а о молодой женщине, чей брак с царем еще недавно все так весело праздновали. В Кремле настали унылые дни. С раннего утра до поздней ночи протяжно звонили колокола. В Москву переселились нравы Александровой слободы: государь снова превратился в игумена, его приближенные — в монахов, по крайней мере по одежде. Опять начались долгие ночные богослужения, которые совершались в храме Спаса-на-Бору, и опять за службами следовали безобразные оргии. Но теперь Иван по

крайней мере соблюдал внешние приличия. Он регулярно выходил утром в приемную палату, выслушивал доклады и накладывал резолюции. В последних стала проявляться даже некоторая мягкость, которая до этого времени была совершенно чужда русскому царю. Что испытывал в это время государь? Каковы были его мысли? Как-то после видения царю казненной Марии Долгорукой в слободе он вдруг разоткровенничался с Годуновым:

— Борис, а как ты считаешь: я разумно поступил с Долгорукой?

— Государь, не мне судить о том! — ответил вполне четко Борис.

— И все же попробуй ответить как на духу, ведь видения просто так не приходят! — стал настаивать уже строго Иван.

— Государь, мне с моего невысокого места видится, наверное ошибочно, что ты с нею был уж слишком крут, ведь она ничего против тебя не совершила. А то, что у нее до тебя кто-то был, так ведь и она у тебя совсем не первая была, и венчание ее в царицы также было не очень-то церковным, если не шутейным. А скорой казнью ее ты и себя умалил, показав всем, что не можешь выбрать себе невесту толком, — вдруг вырвалось у Годунова признание, от которого ему же самому сразу сделалось худо.

Но Иван, спокойно выслушав своего помощника, заговорил в ответ:

— Хорошо, Борис, что ты так думаешь. Это разумно и честно. Но я именно тебе скажу еще и то, что всем вам и в самом деле неизвестно. Да, я оказался крут, когда осерчал на Марию за то, что она до меня узнала мужчину. Но как помазанник Божий, я не могу мириться с тем, что моя жена на срамном подозрении. С другой стороны, я бы мог сослать ее в монастырь, но вместо этого вдруг скоро казнил ее. Почему же? Она своим лукавством хотела меня обольстить и сделать из меня тем свое орудие, тогда как она должна была по чести объявить еще до замужества о своем срамном опыте. Да, это бы заметно умалило ее в глазах женихов, но зато спасло ей жизнь. В конце концов она могла бы избрать монашескую стезю. Но она, как и многие русские в своей особо худой привычке, выбрала все-таки путь лукавства, полагая, что обман царя вполне возможен, что он дает вчерашней холопке и благочестие, да и царское величие в придачу. Нет, Борис, нельзя прощать и поощрять в других оное настроение. Вот что я хотел сообщить всем скорой казнью этой бабы. Прав ли я?

— Несомненно, государь! — быстро отреагировал Годунов.

— Ну, ступай же, — лениво ответил царь, а сам подумал: «Соврал ведь, собака, как, впрочем, соврали бы тут многие и многие русские. Что это за народ такой: врет и не краснеет, будто и в самом деле правду говорит? Видимо, жалеют страдальцев и врут на всякий случай, чтобы и себе право на снисхождение получить вперед, когда попадутся, мол “не суди, да не судим будешь”. А ведь совсем не помнят еще и другое Христово слово: “не судите наружно, а судите судом праведным”. Именно его и пожнут вполне, даже не осознав толком “за что”. К тому же эти лукавцы в любой

момент предадут, не вздрогнут! Впрочем, спасает то, что уж больно они друг друга не любят, не позволят при живом царе возвыситься кому-либо над собою. И как такими людьми править, ведь они даже лютые пытки готовы терпеть ради своего лукавства, понимая его как мудрость житейскую? Может, и в самом деле не будет толку от моего правления и вовсе? Видимо, не мне их упрямых вразумлять и переделывать? Впрочем, пока жив, буду и вразумлять, и переделывать. Господи, наставь и научи, как быть, что делать...»

Глава 21

Незагаданные историей царские маневры: татарский хан на московском престоле

К 1575 году память об опричнине потускнела. Подданные стали забывать о былой затее царя. Но в воздухе повеяло новой опричниной, когда Иван вторично отрекся от короны и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Татарин въехал в царские хоромы, а «великий государь» переселился на Арбат. Теперь он ездил по Москве «просто, что бояре». В Кремлевском дворце он садился поодаль от «великого князя», восседавшего на великолепном троне, и смиренно выслушивал его указы. Пытаясь разобраться в высочайшей новации, современники царя пришли к заключению, что Иван напуган предсказанием кудесников о скорой смерти московского царя. Но самому «отречению» государя предшествовала длинная цепь событий. За год до коронации Симеона царь отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было совсем немного приглашенных: избранные из избранных. На свадьбе весело пировали те, кто вскоре лишился головы. Никто из свадебных гостей не подозревал, каким коротким окажется для них путь от свадебного стола до эшафота. Незадолго да свадьбы государь посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне:

— Кто из бояр наших нам изменяет?

После непродолжительного молчания Иван сам огласил список виновных:

— Это Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский?..

Государь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же, на Пыточном дворе. Казалось, что это была шутка... Названные лица как раз и входили в первое послеопричное правительство. Они занимали должности: князь Тулупов, который из скромного оруженосца, возившего царский самопал, сделался вдруг членом ближнего совета, вершившего дела особой государственной важности; Василий Умной стал преемником Малюты Скуратова, да так сильно преуспел в розыске боярской измены, что тотчас был пожалован в «дворовые» дворяне. За самим

Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня — Колычевы.

Уже непосредственно перед появлением на московском троне Симеона внутри царева окружения случился раскол: власть перешла к крайним элементам, настоявшим на возврате к опричным методам управления. Первые симптомы конфликта внутри «дворового» руководства возникли в череде острых местнических споров между Колычевыми, с одной стороны, Годуновыми и Сабуровыми — с другой. Боярин Федор Умной безнадежно проиграл тяжбу с боярином Богданом Сабуровым и был выдан ему «головой». Его же родной брат Василий Умной с трудом защищался от местнических претензий постельничего Дмитрия Годунова. После казни Бориса Тулупова его Старицкая вотчина досталась за «бесчестье» Борису Годунову. Обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. И так, царь отправил руководителей первого послеопричного правительства на эшафот 2 августа 1575 года. Наблюдая за гибелью своих недавних сподвижников, Иван невольно размышлял:

«Ну вот, еще одни вчерашние мои слуги уходят в мир иной, как мотыльки от огня, стора я от вожденной ими власти. Сколько их еще будет в этом огне впереди? И почему так короток у многих из них служилый век? Зачем они не видят скорбный опыт своих предшественников? Неужели совсем не могут жить без власти? И ведь знают твердо, что опалу и последующую гибель им готовят их же закадычные товарищи — подлецы! Русская подлость, вот уж воистину масштабное явление. И не мне ли, носителю саксонской (немецкой) крови, знать это. Но ведь одновременно и загадочна эта очень странная душа. Рвет ее непрерывно какое-то внутреннее — неземное терзание, происходящее из совершенно необузданного и беспредельного, почти больного воображения. И вовсе не глупы эти несчастные люди, но все равно глупость для них как тень — неизбежна. Не могут они ее изжить, освободиться, будто прокляты ею от рождения. Может, стоит им дать пожить без моего державного взора, показать самих себя без моего кнута?..»

Пока же случившиеся казни послужили толчком к расследованию второго новгородского «изменного» дела. Пущенная в ход машина террора должна была совершить свой природный оборот. В числе арестованных оказался личный медик царя Елисей Бомелий. Этот человек оставил о себе недобрую память в народе. Участвуя в отравлении приговоренных придворных как специалист по ядам, он дошел до того, что лично отравил Григория Грязного. Кроме того, Бомелий знакомил Ивана с неблагоприятным положением звезд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем «открывал» пути спасения. В конце концов астролог запутался в сетях собственных интриг и решил бежать из России. Взяв в приказе на имя своего слуги подорожную, Бомелий отправился к границе Руси, превари-

тельно зашив в подкладку платья все свое золото. Но в Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Государь был поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле. Под лютыми пытками Бомелий, по личной слабости, оговорил новгородского архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Царь же поручил допросить Бомелия своему сыну Ивану и приближенным, заподозренным в сговоре с лейб-медиком. С помощью этих придворных Бомелий надеялся выпутаться из беды. Но когда он увидел, что друзья предали его, «колдун» заговорил и показал многое сверх того, о чем желал узнать государь. Новые казни на Москве оказались связанными с новгородским «делом», главным героем которого стал владыка Леонид. Суд осудил его как еретика и государственного преступника. Архиепископ якобы поддерживал изменнические связи с польским и шведским королями. Царь опасался возражений влиятельных церковных кругов и прибег фактически к шантажу. Было заведено сыскное дело на московского митрополита Антония и на крутицкого владыку Тарасия. Иван жаждал расправы над заговорщиками, но не имел больше в своем распоряжении надежной военной силы. «Двор» не оправдал возложенных на него надежд. Главные руководители двора были обвинены в государственной измене и кончили жизнь свою на плахе. Царь и его оставшееся окружение долго ломали голову, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость былой законности в Русском государстве, пока склонность к шуткам и мистификациям не подсказала Ивану нужное решение. Так на троне и появилось новое лицо — великий князь Симеон.

Саин Булат (в крещении Симеон) Бекбулатович сыграл роль, для которой больше всего подходил человек слабый и заурядный. Иван делал с подручным ханом все, что хотел. Сначала посадил его на «царство» в Касимов, потом свел с мусульманского удельного княжества и женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского. Служилый татарский хан, несмотря на свою высокородность (происходил из рода чингизидов), еще вчерашний басурманин, не пользовался влиянием в боярской и церковной среде. Но государю импонировало царское происхождение Симеона, а еще больше его полная покорность, и он поставил его во главе земской думы. Однако подручный хан не обладал достаточным авторитетом для того, чтобы единолично решать дела от имени думы. Чтобы преодолеть это затруднение, Иван объявил о своем отречении от трона в пользу Симеона и провозгласил главу Боярской думы «великим князем всея Руси». Затем без особых хлопот он получил от своего ставленника согласие на введение в стране чрезвычайного положения. С переходом в «удел» князю «Иванцу Московскому» не надо было больше обращаться к думе. Свои указы он облакал в форму челобитных на имя великого князя. Тотчас после гибели новгородского архиепископа Леонида Иван подал Симеону

свою первую челобитную с просьбой, чтобы тот «милость показал, ослободил людишок перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси ослободил принять». Челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение с «удельным князем». Иванец Московский мог принять в «удел» любого из подданных «великого князя» Симеона. Последнему же категорически воспрещалось принимать служилых людей из «удела». Вновь организованная «удельная» армия как две капли воды походила на старую опричную гвардию. Взятые в «удел» дворяне теряли свои поместья в земщине и получали взамен земли на территории «удельного» княжества. Новоявленный «удельный» князь обошел молчанием вопрос о размежевании великокняжеских и «удельных» владений, оставив его целиком на свое усмотрение. Иванец Московский нарочно составил свою челобитную в таких выражениях, чтобы убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на земщину и опричину, а всего лишь об очередной перемене «двора» и «переборе людишок».

Накануне первой опричины царь покинул столицу, прежде чем объявить об отречении от престола. Накануне второй опричины государь не захотел покидать Москву и забрал в «удельную» казну царскую корону и другие регалии. Указы же из «удела» составлялись от имени «государя, князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского». К этим трем древним княжеским коронам Иванец присоединил венцы двух «удельных» княжеств — Дмитровского и Старицкого, а также венцы Ржева и Зубцова. Московскому князю понадобился примерно месяц на то, чтобы выкроить «удельные» владения и сформировать из них новую опричную гвардию. Управление всем «уделом» осуществляла специальная «удельная» дума, возглавлявшаяся Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по «худородству». Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольничего, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Сформировавшаяся группа царедворцев сумела сохранить саму себя вплоть до самой кончины Ивана.

Дело же помянутого выше Елисея Бомелия скомпрометировало бояр, принадлежавших к ближайшему окружению наследника, и царь решил избавиться от них. Главным заговорщиком он счел боярина Ивана

Бутурлина. Вместе с опальным палач обезглавил его сына и дочь. Членов семей других опальных государь пощадил. На третий день после публичной экзекуции в Кремле Иван вызвал английского посланника, которого проинформировал о вокняжении Симеона и добавил:

— Поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и много противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измены против особы нашей.

Смысл разъяснений был предельно ясен. Иван Московский казнил бояра за отказ верноподданнически повиноваться ему. Опасаясь, что как бы посол не принял всерьез его отречение, государь заявил:

— Мы передали сан в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу.

Объяснение с послом невольно вскрыло всю истину: служилый татарин лишь потому призван был сыграть главную роль в затеянном маскараде, что не имел решительно никаких прав на русский престол. Иван намеренно воскресил призрак ненавистной татарщины, при которой великокняжеской властью распоряжался хан, а подручный московский князь приносил ему челобитные. Даже сама церемония передачи власти Симеону носила явно двусмысленный характер. Отмена церемонии присяги новому государю в думе лишала акт коронации законной силы. Неопределенность положения Симеона усугублялась тем обстоятельством, что он занял царский трон, но получил вместо царского один только великокняжеский титул. Татарский хан пробыл на московском троне около года. Царь полагал, что услуги покорного Симеона могут понадобиться ему в будущем, и потому вместо уничтожения потенциального соперника «отставил» его с почетом. Покинув Москву, Симеон перешел на «великое княжение» в Тверь. Иван же довершил разгром того боярского круга, который управлял опричниной в конце ее существования. Но на этот раз гонения затронули лишь небольшое число лиц. Погромы не повторились. Сама же «удельная политика» послужила своего рода послесловием ко всей прежней опричной политике.

Глава 22

Баторий и польское нашествие.

Горькое окончание войны за Ливонию

Совершенно внезапная смерть императора Священной Римской империи Максимилиана II, претендовавшего вместе с венгром Баторием на польскую корону, открыла окончательно последнему дорогу к вожделенному польскому трону. В октябре 1576 года Баторий сделался единственным кандидатом. Став королем, он быстро разобрался в сложившемся

положении Польши. Баторий как новый властитель обнаружил и дальновидность, и умение управлять. По внешности он был типичным мадьяром. Низкого роста, коренастый, с выдающимися скулами, длинным носом и низким лбом. Лицо его выглядело массивно, энергично и сурово. Его же взгляд казался неопределенным и диким. Он всегда и везде вел простой образ жизни, не думал оставлять и теперь на польском престоле свои привычки и не предполагал, что его короновали для того, чтобы он жил в свое удовольствие. По прибытии в Польшу Баторий засадил за работу всех своих секретарей, сам же целые дни как неустрашимый охотник проводил на коне. В моральном отношении новый король представлял любопытную смесь гибкости и твердости, самодержавных наклонностей и либерализма, жестокости и мягкости. После избрания в короли его советниками стали иезуиты. В 1578 году Баторий сформировал пехоту при помощи рекрутского набора в королевских владениях. Присоединив к созданному им войску значительное количество иностранных полков — венгерскую пехоту и немецкую кавалерию, он произвел в своем новом отечестве революцию. Новый король дал Польше армию, организованную и вооруженную по-европейски. Баторий, может быть, не обнаружил высших талантов, но, с другой стороны, возможно, что ему не давала развернуть их вполне хитрая тактика русского царя Ивана.

Еще до смерти Максимилиана Иван, отправляя в Вену гонца за гонцом, держался плана, выработанного в Можайске. После же смерти императора он выпроводил оба польских посольства, присланных одно за другим Баторием для выигрыша времени, предъявив заведомо невозможные требования. Заявляя притязания на Киев после взятия Витебска, Иван думал только о том, как бы воспользоваться преимуществами, уже достигнутыми им в Ливонии. В марте 1578 года русский царь согласился подписать перемирие на три года. Но приостановка враждебных действий совсем не относилась к территории, где обе стороны чувствовали себя как дома, что и замечалось как раз в Ливонии. Более того, в русский текст договора Иван произвольно включил отдельную статью, запрещавшую полякам вмешиваться в ливонские дела. В результате уже весной того же года произошло первое серьезное столкновение из-за обладания Венденом. Государь отправил туда армию в 18 000 человек, более чем достаточную, по его мнению, чтобы одолеть небольшие полки Сапеги и Ходкевича, лишённые к тому же до той поры необходимого вооружения. Когда к Ивану явился посол Батория, он велел ему подождать:

— Скоро будут вести из Ливонии!..

Еще в самом начале своего царствования Баторий поспешил послать в Стокгольм каштеляна Гербурга. Он привез из Швеции оборонительный и наступательный договор для захвата Ливонии. Течение Нарвы должно было служить линией раздела между захваченными уже владениями и теми, которые будут приобретены. Поляки под командованием Андрея Са-

пеги и шведы под началом Боэ внезапно объединились и, заставив московских военачальников принять бой в открытом поле, доказали свое превосходство в таких сражениях. В этом крупном бою русских пало порядка 6000 человек, погибли четыре воеводы, еще четверо были взяты в плен, пушкари Ивана сами себя задушили на своих же пушках. Таково было донесение, полученное русским царем. Только его татарская конница под руководством Голицына избежала разгрома. По польским источникам, Голицын обратился в бегство, чем заметно ускорил общее поражение русских войск. Вместе с ним бежали окольный Федор Шереметев и доверенный царя дьяк Щелкалов. После случившегося разгрома уже не могло быть больше речи ни о перемирии, ни о переговорах.

В чем же были преимущества армии Батория? Он дал своей весьма неплохой кавалерии, состоявшей из отборной польской знати, мушкеты, сабли, топоры и утроил ее численность крестьянами, принадлежавшими короне. Кроме того, в кавалерию король ввел немецких и польских пишальников. Кто шел в ряды польской армии добровольно, освобождались от всех повинностей. В добровольцах не было недостатка, и они отличались большой храбростью. Общее количество войск, включая и литовские силы, составило 20 000 человек. Примечательным было еще и то, что литовская знать — наполовину русская, православная, была всецело на стороне Батория. Слаба была у поляков в эту, как и в последующие войны, только артиллерия. В результате расчетов становилось ясным, что королю надо было иметь много смелости, чтобы начать серьезную войну с Иваном. Ведь дело шло не о повторении Венденского сражения и не о продолжении враждебных действий в истощенной многолетней борьбой Ливонии, где почва уходила из-под ног соперников. В этой опустошенной стране, усеянной развалинами, не представлялось возможности добиться в будущем определенного успеха и даже вести более или менее продолжительную кампанию. Сигизмунд-Август еще в 1562 году рассудил, что ключ от этой провинции в другом месте. Его надо искать в Москве, напад на главного соперника в его жилище. Но у него не было средств выполнить этот смелый наступательный план. Теперь на это решился Баторий. Он задумал сделать нашествие на Москву в этой борьбе, где ставка явно превысила первоначальный предмет спора. Сражаясь за Ливонию, на самом деле противники боролись за обладание гегемонией над славянским миром. Как раз это, как никто другой в Москве, и понимал изначально царь Иван, загодя предчувствуя неизбежность этого судьбоносного столкновения. Ведь борясь за Ливонию, он изначально боролся на дальних подступах за Русь православную, которой в начале XVI столетия и стали всерьез угрожать с запада многие еретики, захватившие в Европе власть. Но в предприятии непосредственно против Москвы Польша могла рассчитывать только на собственные силы, так как Швеция заключила с ней союз только для Ливонии. Также от поддержки московского похода Батория

воздержались и Дания, и крымский хан, и даже турецкий султан. Делая свои расчеты, король предвидел эти политические неудачи. Ему осталось только выбрать пункт атаки. Литовцы хотели, чтобы Баторий двинулся на Псков, и, таким образом, они захватили бы единственный путь из Москвы к прибалтийскому побережью. Но Баторий решил первое усилие направить на Полоцк, расположенный на Двине и имевший большое значение для путей, шедших в Ливонию и Литву. Уже оттуда было решено идти на Псков.

Остановившись на обозначенном выше плане, Баторий выбрал Свира местом концентрации своих сил. Здесь можно было до последнего момента скрывать истинную цель экспедиции. Он искусно распределил свои войска между путями, ведущими к этому месту соединения, и с умением произвел фланговое движение от Свира к Десне, в то же время прикрывая Вильну и обозы, сопровождавшие главную армию. Он оригинально воспользовался водными путями и понтонными мостами для переправы больших грузов. Королю, однако, не удалось осуществить свой план в том виде, как он его задумал. Соединение в Свире было назначено на 4 мая 1579 года, но, несмотря на проявленную энергию, оно опоздало. Баторий начал военные действия после формального объявления Москве войны только в июне. Армия перешла Десну по понтонному мосту, сооруженному за три часа. Она состояла из 6517 всадников польского войска, из которых 3451 — немцы и венгры, и 4830 человек пехоты, из них большая часть были немцы и венгры. В литовском отряде было 4000 всадников. Среди иностранных офицеров находился Георг Фаренсбах. Раньше он был полковником на службе у датского короля и еще недавно служил воеводой у русского царя. Его советы принесли большую пользу. 15000 человек — было все, чем тогда располагал Баторий, чтобы вторгнуться в Московское государство. Кроме того, поляки, прежде чем заговорить языком пороха, истратили немало чернил и даже типографской краски. Объявление войны, отправленное Баторием в Москву, сопровождалось длинным историческим обзором, напечатанным датами, дипломатическими текстами и едкими замечаниями. Не забыли даже Пруса, знаменитого брата цезаря Августа, от которого московский царь вел свое происхождение. Тем самым поляки определяли русского царя самозванцем, достойным лишь хулы и наказания. То есть они, как истинные европейские еретики, не видели в нем помазанника Божьего, видимо, полагая, что все существо вопроса о нем упирается только в соответствующие документы, совсем не понимая, что помазанник — это вовсе не бумажка из архива, что он возникает там и тогда, где правитель всерьез начинает вершить Божье дело, которое состоит в истовом утверждении подлинной веры в Бога. Впрочем, в то время было совсем нелегко понять главный смысл всего правления Ивана.

Возвращаясь к вопросу приготовлений к войне, следует заметить еще следующее. Если Баторий потерпел неудачу в Стокгольме, пытаясь привлечь

шведов к своей борьбе, то не большой успех имел и Иван в Вене. Отправленный в 1578 году к Рудольфу Квашнин напрасно старался добиться заключения союза, предполагавшегося еще при Максимилиане, который требовал верховенства над Ливонией как первого условия договора. Неудача постигла Ивана и в переговорах с ханом, требовавшим себе Астрахань и большую сумму денег. Был момент, когда татары чуть не стали противниками Ивана, как того желал Баторий. Посланник короля Дрогойовский пытался вести переговоры в Константинополе о союзе, в который вошел бы и хан. Но Порте нужно было направить татар против персов. В результате польский король и русский царь оказались в войне, как говорится, один на один. При известии о наступлении поляков Иван велел оставить гарнизоны в 80 городах по Оке, Волге, Дону и Днепру и сконцентрировать собранные военные силы в Новгороде и Пскове. По польским данным, русским воеводам удалось в общем и целом собрать 57 689 человек из приблизительной цифры в 110 000, которой равнялись все вооруженные силы русского государства. По-видимому, попытка Батория при таком превосходстве сил Ивана была безрассудной. Но это только так казалось. За исключением русской артиллерии и нескольких сотен иностранных солдат и офицеров против европейской армии Батория стояла старая московская армия, слабость которой Иван уже испытал в битвах со шведами и поляками. Личные качества начальников и рядовых, их героическая выносливость и самоотверженность не искупали недостатка вооружения этой армии. Дисциплина, даже простая дрессировка и элементарный порядок командования отсутствовали. Решение Ивана в этот критический момент определилось столько же его темпераментом, сколько и отчетливым пониманием причины слабости своего войска. Опричнина не отняла у Ивана армии, но эта армия все равно была обречена на поражение при встрече с поляками и венграми Батория в открытом поле.

Иван с самого начала ошибся в намерениях противника, предполагая, что он направит свои усилия, как и прежде, на Ливонию. Прибыв в Новгород в июле 1579 года, он отделил часть своей азиатской конницы в несколько тысяч человек для первого удара врага. Не встречая никакого сопротивления, этот отряд совершил подвиги, напоминавшие подвиги корпуса Шиг-Алея в Ливонии в январе-феврале 1558 года. Между тем, предоставив всю провинцию исключительно собственным силам и ограничившись некоторыми мерами предосторожности для прикрытия своей армии с фланга, Баторий двинулся на Полоцк. Пока русские выясняли план его действий, было поздно приводить город в оборонительное положение. Иван не думал преграждать путь Баторию. Он разделил свою армию на две части и отправил одну часть к Феллину против шведов, другую — к Острову, поручив князьям Лыкову и Палецкому идти на помощь Полоцку. Но при этом он предупредил их, чтобы они ограничились тем, что будут тревожить врага и перехватят его обоз. Русский царь оста-

новился на системе слабой защиты, прерываемой навязчивыми дипломатическими попытками улаживания политического спора. Он и должен был держаться этой системы. Без сомнения, Иван надеялся истощить поляков осадной войной, в которой он имел бы преимущества благодаря своей артиллерии и упорству русских.

В начале августа 1579 года Полоцк был осажден. Гарнизон держался храбро. 107 орудий отражали поляков. Но в конце третьей недели город должен был сдать из-за отсутствия помощи. Епископ Киприан отказался признать сдачу и с некоторыми боярами заперся в церкви Святой Софии, где их взяли силой. Добыча, взятая в этой церкви, и добро, награбленное в городе, обманули ожидания победителей. Самой ценной частью добычи была библиотека, содержащая многочисленные летописи и славянский перевод Отцов Церкви. Она была сожжена. Успех поляков все-таки был большой, и Баторий не остановился на нем. После ужасного кровопролития он взял Сокол и занял некоторые соседние крепости. В то же время князь Константин Острожский опустошал Северную землю до Стародуба, а староста Орши Кмита делал то же самое в Смоленской области. Иван не препятствовал им. Сам же, покинув Новгород, прибыл в Псков, откуда, не выдавая своего положения, вступил в переписку с двумя главнейшими литовскими магнатами — виленским воеводой Радзивиллом и канцлером Литвы Воловичем. Он писал им, что отказался от защиты Полоцка по настоянию бояр, желавших прекратить пролитие христианской крови, и выражал надежду, что Радзивил и Волович по тем же побуждениям со своей стороны приложат все усилия для восстановления мира. Можно себе представить, какой прием встретили эти письма. Впрочем, Баторий вполне готов был поддержать дипломатические сношения, чтобы выиграть время для подготовки к новой кампании. Что и было сделано, так как началась продолжительная дипломатическая игра поляков с русскими длинной почти в год, в рамках которой папа отправил королю саблю и копые, освященные на Рождественской мессе. После исчерпания всех переговорных усилий названная выше игра и была решительно прервана новой кампанией короля в начале лета 1580 года.

Взятие Полоцка не нанесло серьезного урона Московскому государству. Это было не больше как обратный захват раньше отнятого у Польши города. Теперь же Баторий готов был проникнуть со своей армией в сердце неприятельской страны. Мнения в польском лагере разделились. Часники, место сбора войск, находились на равном расстоянии от Смоленска и от Великих Лук. Одни польские военачальники хотели идти на Смоленск, другие на Псков. Баторий же решил двинуться на Великие Луки, справедливо полагая этот город местом складирования военных припасов русских, а также центром богатой и населенной области. Усиленная пехотой, набранной в королевских владениях, польская армия была уже сильнее, чем в прошлом году. Она состояла приблизительно из 17 500 человек.

8 321 человек составляли польскую и венгерскую пехоту и порядка 10 000 — литовцы. Поход на Великие Луки оказался непросто. Чтобы не переходить Двину под пушками крепости Велижа, поляки пошли дремучими лесами и разделили свои силы на две части. Отряд в 6000 человек, отделившийся от главной армии, имел во главе нового начальника, в котором Баторий нашел одного из лучших полководцев. Это был Ян Замойский, смело заменивший Николая Мелецкого, который в предшествующей кампании не обнаружил военных талантов. В то время как король занял на своем пути Усвят, Замойский обошел Велиж, взял его и соединился с главной армией перед Великими Луками.

У Великих Лук поляков ожидал сюрприз — прибытие московского посольства. Иван предложил Баторию Курляндию, которая никогда не принадлежала Москве, и больше шестидесяти пяти ливонских городов, искусно выбранных, а тридцать пять других оставались за ним. Кроме того, русские послы Сицкий и Пивов начали просить немедленно снять осаду Великих Лук и назначить аудиенцию на польской территории на том основании, что царь никогда не договаривался на своей земле. Но им дали довольно суровый ответ, и они согласились начать переговоры на месте. Баторий требовал всей Ливонии, Великих Лук и Смоленска. Переговоры затянулись. В это время Замойский окружил город. Его стены оказались непроницаемыми для раскаленных польских ядер. Однако гарнизон города запросил капитуляции, когда один из мазовецких крестьян с опасностью для собственной жизни поджег крепостную башню. Пока спорили об условиях сдачи, венгры под началом своего вождя Гаспара Бекеши, бывшего политического соперника Батория, ворвались в город, боясь, как бы добыча не ускользнула из их рук или не досталась полякам. В бешеной схватке на этот раз не пощадили никого, перебили даже монахов, вышедших с крестным ходом. Замойский напрасно старался восстановить порядок. Ему удалось спасти лишь двух русских воевод.

После взятия Великих Лук вся прилегающая к ним область оказалась во власти победителя. Князь Хилков, оперировавший в ней во главе сильного отряда, был разбит польской, венгерской и немецкой кавалерией под началом князя Збаражского. Затем был захвачен путем поджога Невель, а Озерище отдалось почти без сопротивления. Лишь лучше укрепленный город Заволочье пытался защищаться. Но 23 октября 1580 года он был взят после выхода из повиновения своим воеводам. Скромный успех одного из полководцев царя, Ивана Бутурлина, никак не возместил случившихся потерь. Он врасплох напал у литовской границы на воеводу Смоленска Филона Кмиту, перебил у него 600 человек и отнял артиллерию в составе 10 пушек. Поляки приобрели большую русскую область и вернулись на свои зимние квартиры. Литовцы продолжили кампанию и захватили Холм, сожгли Старую Руссу, даже проникли в Ливонию, где завладели замком Шмильтен и вместе с датчанином Магнусом разорили

Дерптскую область до самых московских границ. Не остались спокойными зрители и шведы. В ноябре 1580 года Понтус де ла Гарди ворвался в Карелию и взял Кексгольм, где погибло при этом 2000 русских. Другой шведский отряд осадил Падис, расположенный в шести милях от Ревеля. После 13 недель отчаянного сопротивления гарнизона под руководством Чихаева, когда защитники города вынуждены были есть кожу, солону и даже человеческое мясо, Падис был взят. Уже весной 1581 года Понтус де ла Гарди захватил в Ливонии крепость Везенберг.

Между тем Баторий готовился уже к третьей кампании, добившись в феврале 1581 года новой субсидии, вотиrowанной сеймом еще на два года. Тем временем по следам короля уже шла другая армия. Иезуиты вели религиозную пропаганду, успехи которой чувствовались в литовско-русских областях до самой Ливонии. Русский царь не предвидел столь успешного продвижения своего противника и чувствовал бессилие отразить опасность вооруженной силой. Он меньше, чем когда-либо, думал противопоставлять плохо вооруженные, плохо обученные, разрозненные свои силы могучим полкам поляков, перед которыми не могли устоять даже его крепости. В его руках теперь были сугубо дипломатические средства, которыми он и попытался воспользоваться в полной мере. В январе 1581 года им были отправлены в Варшаву послы, которым было поручено добиться перемирия, увеличив число ливонских городов сравнительно с тем, что предлагалось ранее. Но послы царя получили такой ответ:

— Или вся Ливония, или война.

Послы сообщили царю, что угрозами их заставили целовать руку короля, что последний не поднялся при имени государя и даже не поручил приветствовать его от себя. Иван понял, что надо сделать уступку и написал «Батуре» смиренное письмо, впервые называя его братом. Он извещал о присылке нового посольства. Послы Евстафий Пушкин, Федор Писемский и Андрей Трофимов получили приказ без жалоб перенести все унижения и даже побои. Царь предлагал королю теперь всю Ливонию, за исключением четырех городов. Но в мае в Вильно русские послы узнали, что король от них требует Новгород, Псков, Смоленск, всю Северную область и 400 000 дукатов военного вознаграждения. После этого Пушкин со своими товарищами поехал в Москву за инструкциями. Баторий отправил с ними своего посла с ультиматумом, в котором он ограничил свои требования Ливонией, военным вознаграждением и разрушением некоторых пограничных крепостей. Ответа он соглашался ждать только до 4 июля. Тем временем принесла первые плоды миссия Шевригина, которого Иван отправил в Рим еще в сентябре 1580 года. Папа все-таки дал себя соблазнить приманкой посредничества в разгоревшемся конфликте польского короля и русского царя. Назначенный римским посредником иезуит Поссевино к моменту упомянутых выше переговоров уже находился в Вильно. Уже одно его присутствие здесь оказывало Ивану большую

помощь. Святой престол ясно высказался против продолжения войны. Польша будет остановлена в своем порыве, а если она будет упорствовать, над ней разразятся громы Ватикана. Так полагал русский царь. Он отправил польского посла обратно к королю с письмом, которое началось так:

— Мы, смиренный Иван Васильевич, царь всея Руси... по Божьей милости, а не по мятежному человеческому хотению...

Иван категорически отверг польский ультиматум. Возвращаясь к прежним условиям, он уже не хотел довольствоваться четырьмя ливонскими городами и требовал оставления за ним 36 городов с Нарвой и Дерптом. Уступал только Великие Луки с 24 мелкими крепостями. Это была его «последняя мера». У русского царя создалась некоторая иллюзия насчет силы Поссевино. Письмо Ивана и инструкции не застали Батория в Вильно. Он был уже в Полоцке и готовился начать новую кампанию. Кроме того, король не хотел оставить без ответа последнее письмо русского царя, но окружающие Батория опасались, чтобы польская и немецкая газеты не остались под впечатлением заключающихся в нем оскорблений. Проливая кровь, не жалели и чернил. Канцелярия короля принялась за дело и изготовила послание в 40 страниц. Чтобы дать надлежащую оценку оскорбителю, Ивану напомнили, что мать его была дочерью простого литовского дезертира, ставили ему на вид его оргии и кровавые излишества... Следом за этим перечислением грехов был сформулирован вызов на единоборство:

— И курица прикрывает птенцов своих от ястреба, а ты, орел двуглавый, прячешься!

Но Иван был принужден больше чем когда-либо «прятаться» и совсем не думал о вызове. Опасаясь, что Баторий направит свои усилия на Псков, он сосредоточил в нем сильный гарнизон. Там была отборная часть его полков. Город был обеспечен провиантом и снабжен сильной артиллерией. Государь рассчитывал, что Псков надолго задержит поляков и Баторий встретит страшного союзника Москвы во всех оборонительных войнах — зиму. Если Поссевино прибыл слишком поздно, чтобы удержать короля, то и король не успел начать кампанию достаточно рано.

Новая польская армия двинулась в путь, но на Десне произошла новая задержка. Подобно тому, как запоздали деньги, и люди не явились на призыв короля. Баторий уже здесь узнал, что отряд русских войск, сосредоточенных у Можайска, вторгся в Литву со стороны Смоленска. Там он сжег 2000 деревень, разорил целую область между Оршей и Могилевом, захватил и переправил на другой берег Днепра много народа, как крестьян, так и дворян. Король, делая 16 миль в день, только 15 июля прибыл в Полоцк, где произвел смотр войскам. 29 июля он уже достиг Заволочья и собрал там военный совет. Сначала был поднят вопрос о нападении на Новгород. Но как и предполагал русский царь, поляки решили идти на Псков, так как он был ближе. Переписка Батория свидетельствовала, что

он решил на случайности зимней кампании, надеясь, что в течение ее либо город будет взят, либо Иван будет вынужден заключить мир. Чтобы сохранить Псков, царь оставит Ливонию совсем. Вмешательство Рима и настроение сейма делали то, что король готов был в данный момент не требовать больше и не идти дальше. Захватив по пути Остров, поляки 25 августа появились у Пскова. Они были поражены его размерами и величественным видом:

«Можно подумать, что это второй Париж», — писал секретарь королевской канцелярии аббат Пиотровский.

Уже с давних времен Псков, приведенный в оборонительное положение и постоянно укрепляемый из-за близости немцев, имел каменные стены. К ним недавно прибавили еще частокол. Руководили обороной князья Василий Федорович и Иван Петрович Шуйские. Если принять во внимание «едаков», как называл полковник польской армии венецианец Родольфини рабочих и слуг, у русских под началом князей было порядка 30 000–40 000 тысяч. У Батория было 21 102 человека, из них около половины — конница. По другим сведениям, у него было 18 940 поляков и 10 000 литовцев. Это было немного для осады города, походившего на Париж. Иначе говоря, собранной силы было явно недостаточно, чтобы взять первоклассную крепость, решившуюся упорно защищаться. Принимая во внимание наличные средства, которыми располагал король, можно было сразу усомниться, что он рассчитывал вести продолжительную осаду. Его артиллерия состояла не более как из 20 орудий. Пороху едва хватило бы на первые недели осады. Возможно, что Баторий думал принудить город к сдаче голодом, но и сам он не был склонен простоять под его стенами всю зиму. Он весьма опасался, что дух войска может пасть при виде необходимых приготовлений к зимней стоянке.

С начала осады Пскова одна сторона приписывает большое значение на весь исход борьбы за крепость вылазкам осажденных. Другие свидетели утверждали, что гарнизон не был столь отважен и даже очень боялся огня орудий. И будто бы только энергия Шуйских помешала черни пойти на довольно скорую сдачу цитадели. Первый приступ поляков начался 8 сентября 1581 года и был отражен русскими храбро, и осаждавшие понесли очень существенные потери. При этом погиб Гавриил Бекеш, брат отважного начальника венгерской кавалерии. В результате попытка эта долго не возобновлялась. Чувствовался недостаток боевых припасов, а тут еще взорвало пороховой погреб в Зуше. Пришлось отправить экспедицию за порохом в Ригу. В это время осажденные издевались над осаждающими и кричали им:

— Почему же вы не стреляете? Ведь если не будете палить из орудий, города не возьмете, хотя бы два года смотрели на его валы!

В конце октября польская армия уменьшилась на 10 процентов благодаря голоду и стуже. Баторий вынужден был собрать предводителей

частей своей армии и сказать им речь. Дела пошли еще хуже, когда король отправился в Варшаву, чтобы там склонить сейм к новым усилиям. Новый приступ, назначенный после прибытия обоза из Риги, кончился 3 ноября так же печально, как и первый. Тогда сняли орудия с батарей и более чем когда-либо начали ждать мира. Главное командование всем войском теперь принадлежало Замоискому. Поляки не стреляли, но они не допускали никакого общения между городом и его окрестностями. Запасы же, собранные в нем царем, истощались.

С другой стороны, в Ливонии, куда уже не мог проникнуть ни один русский, шведы вполне победоносно пошли вперед. Теперь уже Польша опасалась таких независимых союзников. Но все равно они наносили вполне чувствительные удары общему врагу. В течение лета Горн де ла Гарди взял Лодзь, Фикель, Гапсаль. В сентябре он осадил Нарву. Немецкая часть города сдалась после чувствительной осады, во время которой погибло порядка 7000 человек. Русская же часть была сдана Афанасием Бельским. В конце ноября вся береговая линия Финского залива была в руках шведов, которые могли теперь брать в плен английские суда, снабжавшие Москву военными припасами. Угрожая Пернау, Дерпту и Феллину, де ла Гарди готов был овладеть последним русским оплотом в этом крае.

Эти победы шведов отозвались и под стенами Пскова, вынуждая обе стороны заключить мир, который и был вскоре достигнут в городке Ян-Запольский при посредничестве Поссевино. Впрочем, этому событию предшествовал еще один визит Поссевино в Москву, примечательность которого вполне достойна подробного рассказа.

По дороге в открытом поле почти при самом въезде в Москву римский посланник Поссевино решил сделать остановку. Разминая затекшие от неподвижности ноги, посол папы и его помощник и переводчик в одном лице вступили в краткую беседу:

— Баторий делает хорошее дело для всего католического мира, — выразил свое мнение помощник Поссевино.

— Да, при помощи «польского кнута» мы заставим Московию принять католичество. Русский католический царь очень нужен Риму для войны против турок, — охотно поддержал мысль своего помощника папский легат.

— Уверен, Господь поможет Баторию взять Псков, — добавил помощник, — и тогда Иван будет вынужден согласиться на все условия Его Святейшества. Падре Поссевино, государь Московии примет вас благосклонно.

В тронном зале Кремлевского дворца в своем парадном облачении в окружении Бориса Годунова и Богдана Бельского, а также других менее значимых государственных фигур из Боярской думы русский царь при-

нимал римского посланника, который велеречиво представлял цель своего визита:

— Его Святейшество папа Римский готов помочь государю Московии. Его слово может стать решающим в затянувшейся и невыгодной для Руси войне. Он еще смеет надеяться на то, что царь Московии сделает шаг навстречу своим братьям по вере. Я полагаю, что царь сочтет это предложение выгодным. Османская империя не даст покоя югу Европы. Ваша страна также страдает от близости столь опасного соседа, желающего смети христиан с земли и попрасть христианские святыни.

— Рим хочет... ищет с нами союза против турок, да? — поинтересовался Иван, когда Поссевино умолк.

— Абсолютно верно! Я искренне рад, что мы так легко понимаем друг друга! — воодушевленно отозвался посланник. — И еще. Его Святейшество обеспокоен тем, что в Москве нет ни одного католического храма. Может, европейцы были бы рады дать помощь Руси для ее развития. Однако, будучи католиками, они вынуждены будут потерпеть некоторые сложности здесь.

В момент произнесения Поссевино последних слов Иван привлек к себе жестом Годунова и сказал ему на ухо:

— Борис, отведи пока посла в гостевые палаты. Я жду вестей из Пскова.

— Да, государь, — быстро ответил Годунов.

— Завтра продолжим беседу. Я буду думать, — уже громко сказал царь, обращаясь к Поссевино.

Сидя перед столом для игры в шахматы, государь спал, запрокинув голову на верхний край спинки своего сиденья. К нему тихо приблизился Бельский в надежде, что царь сам заметит и окликнет его. Однако Иван спал, видимо, весьма крепко. Тогда Богдан подошел вплотную к царю и негромко произнес:

— Государь.

Но Иван сидел неподвижно будто совсем неживой. Бельский, нагнувшись, повторил свое обращение почти в самое ухо царю:

— Государь.

Иван, поморщившись, пошевелил головой и, проснувшись, испуганно крикнул, глядя на непонятно откуда взявшегося Бельского:

— Ты что!

— Посол от Батория прибыл, государь, — смущенно ответил царев слуга.

— А-а-а? — откликнулся Иван, продолжая сбрасывать с себя сон.

— Баторий согласен на переговоры, государь, — уже радостно заговорил Бельский.

— Фу... Это что же, Псков выстоял, Богдан? — не веря еще до конца в полученную весть, произнес царь.

— Выстоял, — сказал уже спокойно и твердо Бельский.

— Псков... выстоял, — засмеялся Иван и поднялся со своего царского места, — зови Поссевино. Скорей, скорей зови.

Снова в тронном зале все те же лица, что и накануне. Иван сначала спокойно и даже неуверенно, а затем уже торжественно произнес:

— Я... просил помощи у Рима, но так и не получил ее. А ныне войска Батория ослаблены. Так что не он мне, а я ему свои условия диктовать буду.

— Но, государь, стоит его высочеству Баторию отступить, как весной он вернется с новыми силами, — улыбнувшись, насмешливо и снисходительно произнес Поссевино.

— Знаю, зачем ты приехал, — также хитро улыбнувшись, сказал Иван, — своим посредничеством ты хочешь меня в свою веру склонить. В православии отцы и деды мои жили. И я веру не поменяю.

— Ты считаешь Русь европейским государством. А нашей веры чураешься. Никогда Европа не признает Русь равной, пока народ твой будет жить в варварстве, — ответил высокомерно полномочный представитель Рима.

— В варварстве? — переспросил Иван.

— Да, в варварстве и крови, — ответил уже гордо посланник папы.

— А не католик ли государь французский Карл Варфоломеевскую резню устроил? Не вы ли, католики, на улицах и в домах их резали своих противников по вере? А варвары мы только от того, что Господу поклоняемся, а не папе Римскому, коей мечтает властвовать над всей Европой! Ведь вы, католики, считаете человека непорочным или чистым от рождения своего, а потому и уповаете изначально на собственные силы, оставляя Богу лишь самую малость — ваше посмертное устройство! И в доме вашей молитвы нет места Духу Святому, так как вам претит красота церковной жизни, прямо сообщая через то всем и каждому, что вы мало веруете в могущество Божье, полагаясь по примеру сатаны более на самих себя, сохраняя средства для мирской жизни. К тому же вы, католики, еретически считаете Дух Святой исходящим не только от Бога Отца, но и от Бога Сына, опять же желая тем самым подчеркнуть свое право на маневр в деле веры Христовой. А потому, поклонись от меня Его Святейшеству. Но храмам католическим в Москве не бывать! — окончил решительно затянувшуюся аудиенцию русский царь.

Уже собираясь в дорогу, перед тем как сесть в кибитку, Поссевино, видимо, огорчившись не на шутку, сказал своему помощнику:

— Но почему?.. Почему?.. Почему Баторий пошел на перемирие?! Еще месяц — и Иван был бы наш!..

— Падре Поссевино, успокойтесь, успокойтесь! — запрочитал помощник посланника.

— Этот государь не проживет сколь-нибудь долго, он сам себе вынес приговор, — уже с нескрываемой злобой проговорил как бы самому себе папский легат.

Так закончилась миссия Поссевино, предполагавшая подчинение Москвы Риму. Но в конце концов Москве все-таки пришлось полностью распрощаться с Ливонией, важной для нее в политическом, военном и социальном отношении, и еще временно с незначительными собственными территориями в Карелии, а также в районе Великих Лук.

Однако вернемся к оставленному выше Поссевино, который направлялся к Баторию, размышляя в дороге о происшедшем только что в Москве и строя планы на будущее:

«Какие странные эти русские, очень странные. Они искренне полагают, что могут соперничать с Европой на равных, прозябая при этом в очевидном варварстве, из которого им самим никогда не выбраться. Почему же в варварстве? Да хотя бы по причине их страстного увлечения всем красивым, роскошным, дорогим. Именно в истовой погоне за богатством ради богатства они и являют себя подлинными варварами. Причем они увлечены всем красивым просто маниакально. Достаточно лишь взглянуть на их дорогие наряды, золоченые прототипы которых они, видимо, смело заимствуют с торжественных богослужений в православных храмах. Их подлинный бог — это внешний блеск! Не может благородный народ так себя вести. Вот почему Иван так подчеркнуто нарочито отверг мое предложение о строительстве в Москве католических храмов, ведь в них нет их фальшивого бога красоты! Видимо, отсюда у них и привычка к ложным красочным обещаниям, хоть так много и часто кричат о своей любви к правде, которую на самом деле более всего и боятся. Но неужели русский царь верит в то, что Москва сама устоит под военным напором поляков, который неизбежно будет продолжен? Вероятно, считает, что его спасут военные припасы из Англии? Так ведь у Англии могут возникнуть и у самой значительные военные издержки. А кроме того, теперь по всему видно, что военные поставки будут добираться до Руси слишком долго, чтобы ей возможно было вести сколь-нибудь продолжительные военные действия. А вот упрямство и гордыня у русских непомерные. Прав был кардинал де Комо, наставляя меня летом на поездку в Московию, что военная неудача Батория осенью 1581 года слишком вероятна, так как русские наверняка напрягут все свои значительные силы и подготовятся к встрече, а значит, все равно придется решать русский вопрос как-то иначе. Но как? Неужели без традиции тайного устранения самого духа династии Рюриковичей здесь уже не обойтись? И есть ли у нас такие возможности? Впрочем, это уже не моя печаль, по крайней мере пока. Кажется кардинал намекал о наличии вблизи царя нашего “ученика Бомерля”, но ведь он сразу же окажется под ударом, как только попытается

что-то предпринять, и вряд ли сумеет унести потом ноги. Вон на что Бомелий был опытен, однако же попался и поплатился за все с избытком. С другой стороны, имеется же и хорошо опробована практика маскировки наших тайных действий вполне реальным столкновением, которое можно попытаться вызвать с учетом русских страстей при дворе. Помогай Бог папе в этой сложной борьбе с этими нечестивцами...»

Глава 23

Нежданно запланированная смерть царевича Ивана

По окончании переговоров с Поссевино государь во главе всего своего семейства отправился в Александрову слободу, где и случилось событие, фактически пресекшее династию Рюриковичей. И дело это печальное внешне, но не по сути, выглядело примерно так.

— Даст Бог в марте в Волоцкий монастырь поеду. Поедешь со мной? — спросил царь своего сына Федора, который в сыновьих нежных чувствах припал к руке отца, стоя на коленях рядом с тронном.

— Поеду, батюшка, — откликнулся младший царевич.

В этот самый момент в тронный зал незаметно вошел царевич Иван и невольно услышал сердечный разговор отца с братом.

— И жену свою бери, — заметил отец младшему сыну.

— Возьму, — пообещал Федор.

— А что же меня с собой не зовешь? — громко спросил отца старший сын Иван, решительно приблизившись к трону сзади.

— Ты что ж как вор крадешься? Не люблю я этого. Говорил ли тебе о том? — резко отозвался государь.

— Боишься, будто чужого! — не унимался царевич.

— Что ты хочешь от меня? — досадливо поморщился царь.

— Я твой старший сын. Не забыл еще? — заартачился царский первенец.

— Брат! — попытался, вставая с колен, остановить разговаривающую брань брата с отцом Федор.

— Дерзишь! — закричал в ответ сыну государь. — Отцу в болезни, в старости и в слабости дерзить пришел? Уходи. Не понимаю я, что тебе надобно.

— Слова доброго хоть иногда! — возмущенно произнес в ответ Иван. — Безумный братец мой милей тебе!

— Что говоришь, а?! — снова взорвался царь Иван, ударив кулаком о поручень трона.

— Ты не слушай его, отец! Не со зла он это говорит. Добрый, добрый мой брат! — опять вмешался Федор.

— Двух жен моих в монастырь сослал будто неплодных. Его жена тоже неплодна, и что ж? — буквально заорал царевич Иван, ухватившись за кафтан Федора.

— Иван! — попытался снова вступить за брата Федор.

— Боишься меня! Вцепился в подлокотники трона и ждешь, когда этот трон кто-нибудь у тебя отнять попытается! И я же, сын твой, с некоторых пор в главных врагах! Разве не так? — закончил смело свою главную претензию старший царев сын.

Государь же, уронив посох, схватил сына Ивана рукой за кафтан на груди его и, подтянув к себе, сквозь зубы произнес:

— Уйди, уйди с глаз моих.

Иван, отшатнувшись от отца, на мгновение остолбенел. К нему бросился Федор, которого брат, опомнившись, резко оттолкнул от себя и бросился прочь из зала.

Уже вдогонку ушедшему сыну царь в сердцах прокричал:

— Неблагодарный!!!

Затем уже много тише и добавил практически в ухо вновь ставшему у трона на колени Федору, поглаживая при этом его волосы на голове:

— Неблагодарный он. Для него страну по крупичкам собирал, по крупичкам, для него, для ирода. А он как не сын, словно зверь глядит на меня и ждет, когда я умру. Страна наша в великой опасности, в великой... Вера наша испытания проходит большие от Бога...

Вблизи царских покоев беседовали Годунов и Бельский.

— Кто ж мог подумать, что Баторий пойдет в наступление? Уже по нашей земле идет, — заметил вслух Борис Годунов, — а за его войсками следуют тут же католические миссионеры и перво-наперво свои католические храмы строят.

— Однако Псков стоит, два месяца держит оборону. Хотел бы сдаться — давно бы сдался, — поддержал завязавшуюся беседу Богдан Бельский.

— Ну да, — снова отозвался Годунов

— Псковичи гонца за гонцом шлют, помощи просят, — отреагировал с вызовом Бельский.

— Так ведь уже перемирие вроде бы Баторий у нас запросил, — напомнил Бельскому Годунов.

— Так-то так, да что-то там непонятное творится, раз гонцы все едут, — продолжил свои сомнения Бельский.

В этот самый момент мимо царедворцев медленно и почти бесшумно проследовал «заморский» лекарь с блюдом крови, только что взятой из руки государя. После резкой вспышки царского гнева из-за острой ссоры с царевичем Иваном государь и прибег к этой облегчающей его самочувствие процедуре. Бельский и Годунов молча проводили лекаря долгим взглядом и живо продолжили свою беседу.

— А как ты думаешь, Борис, теперь государь простит царевича или наложит на него суровую опалу за его дерзости? — спросил смело Бельский.

— Тише! Ты разве не видишь, что лекарь не отошел далече? — заметил с укоризной Годунов.

— Да он же по-нашему ничегошеньки не понимает, — отозвался легкомысленно Богдан.

— Ну, ну. Смотри не обманись, — сурово возразил Годунов, — или ты сознательно так поступаешь, полагая в слухах свою пользу?

— Борис, не дури. Ты ищешь неприятности не там, где они затеваются, — уже грозно заметил Бельский, — лекарь и без нас видит состояние царского здоровья вполне ясно.

— То есть ты ждешь скоро каких-то скорбных событий? — изумился Годунов, показывая рукой на царские покои.

— А ты разве сам не видишь, не чувствуешь такую возможность? — вопросом на вопрос ответил Бельский.

— Вот те на. Я ничего такого совсем не жду и полагаю сами подобные мысли изменными, — попытался выскользнуть из опасной ситуации Годунов.

— Ладно, ладно тебе. Не бойся. Наш государь весьма крепок, а его враги, надо думать, далече, — закончил странный разговор Бельский.

Спустя несколько дней государь играл с Годуновым в шахматы.

— Шах тебе, Борис, — произнес сухо царь, сделав свой ход.

— Да, государь, — подтвердил Годунов.

Иван вдруг смахнул с шахматной доски все фигуры и с укоризною проговорил:

— Нарочно мне проигрываешь, Борис.

— Да нет, государь, — ответил Годунов, понимая себя уличенным в подвохе.

— Кому говоришь? Насквозь тебя вижу. Думаешь угодить мне, старику? — стал припираться к стенке Иван своего лукавого слугу.

— Да разве ты стар, государь? — спросил искренне Годунов.

— Стар и слаб. И неизвестно, сколько Господь мне еще жизни даст, — строго произнес Иван.

В этот самый момент в царские покои с шумом отворилась дверь и слышались громкие шаги царевича Ивана, который с порога начал кричать отцу:

— Ты зачем толкнул ее? Ты зачем мою жену по животу ударил?

— Сынок, как ты к отцу в болезни? — сдержанно и обиженно заговорил Иван своему наследнику.

— В болезни?! Слышать не хочу о твоей болезни! Она нужна тебе, чтобы все жалели тебя! — продолжил возмущаться царевич.

— Ты что, сынок? Жена твоя в одной нижней сорочке по палатам ходит. Стыда у нее нет, беспутная баба! — попробовал урезонить сына Иван.

— Она же сына моего носила!!! А теперь из-за тебя выкинула!!! Безумец! Безумец! — вошел окончательно в раж царевич Иван. — Ты меня ненавидишь и детям моим родиться не даешь!

— Замолчи, сынок, замолчи, прошу тебя, — поднимаясь со своего места за шахматным столом, заговорил царь Иван.

А надвигавшемуся столкновению отца с сыном как могли пытались препятствовать Бельский и Годунов. Первый пробовал охладить пыл отца, второй же просто удерживал сына от его стихийных попыток наскочить на отца. Тем временем царевич продолжал истошно выкрикивать отцу обидные слова:

— Вспомнил наконец, что я сын твой?! Убийца! Душегуб! Ты же внука своего убил!

— Сын мой, как ты с отцом говоришь? Сынок! — уже в совершенном отчаянии закричал государь, приближаясь вплотную к царевичу, который также резким порывистым движением сумел освободиться от рук Годунова и решительно двинулся на отца, еще совсем не зная цели своего сближения с ним.

И тут случилось ровно то, что неумолимо и должно было произойти. Царь своим тяжелым посохом наотмашь стукнул сына в лоб. Иван как будто только и ждал этого удара, так как моментально рухнул на пол и тут же затих. Все присутствующие ахнули и застыли на мгновение от осознания случившейся беды.

Государь самым первым бросился к сыну, пытаясь понять, что случилось с царевичем, причитая непрерывно:

— Иван, Иван сынок, прости, прости. Не молчи, сынок. Не молчи, ответь мне. Скажи что-нибудь. Скажи, не молчи. Я не хотел. Прости, прости...

Бедный отец еще долго лежал рядом с сыном, надеясь услышать от него хоть слово. Однако ясно было одно, что он ничего не слышит. Впрочем, признаки дыхания у поверженного все же присутствовали, что позволяло надеяться на благополучный исход. Еще 11 дней шла борьба за жизнь, а возможно, и смерть, царевича, которая и наступила 19 ноября 1581 года. Была ли ее причиной бескровная травма головы или еще молодой человек умер на самом деле от последующего его «лечения» противниками царя Ивана, так и осталось до конца не проясненным. Но вероятность последнего была весьма значительна, так как никакого упоминания о совершенном сыноубийстве в поминальном синодике о душах убиенных по царской воле лиц обнаружено так и не было. Кто и как лечил захворавшего царевича Ивана? Был ли это «заморский» лекарь, о котором ранее говорил Поссевино, остается тайной и поныне.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Отцом мифа о «сыноубийстве» был высокопоставленный иезуит, папский легат Антоний Поссевино. Ему принадлежит и авторство политической интриги, в результате которой католический Рим надеялся с помощью польско-литовско-шведской интервенции поставить Россию на колени и, воспользовавшись ее тяжелым положением, вынудить Иоанна подчинить Русскую православную церковь папскому престолу. Однако царь повел свою дипломатическую игру и сумел использовать Поссевино при заключении мира с Польшей, избежав при этом уступок в религиозном споре с Римом. Хотя историки и представляют Ям-Запольский мирный договор как серьезное поражение России, надо сказать, что стараниями папского легата фактически Польша получила обратно только свой же собственный Полоцк, отнятый Грозным у Сигизмунда в 1563 году. После заключения мира Иоанн даже отказался обсуждать с Поссевино вопрос об объединении церквей — он ведь и не обещал этого. Рим сам, ослепленный своей извечной мечтой о господстве над миром, обманул себя и лишь напрасно «принес в жертву интересы своей польской паствы». Провал католической авантюры сделал Поссевино личным врагом Иоанна. К тому же иезуит прибыл в Москву через несколько месяцев после смерти царевича и «ни при каких обстоятельствах не мог быть свидетелем происшествия».

...Главной целью эксгумации 1963 года было выяснить причины смерти царя и его сыновей. То, что обнаружили в саркофаге царевича Иоанна, ни в коей мере не подтверждает общепринятую версию. Череп царевича совершенно не сохранился: «Соответственно местоположению черепа в саркофаге обнаружены только части нижней челюсти, серо-белая порошкообразная масса, в которую превратились остальные кости черепа, мозг и мягкие ткани головы». Таким образом, самая главная улика, которая могла бы раз и навсегда пролить свет на это дело, утеряна. Однако исследователи обнаружили «копну хорошо сохранившихся волос ярко-желтого цвета длиной до 5–6 см... Признаков наличия крови на волосах не обнаружено». Это хотя и косвенное, но весьма серьезное подтверждение того, что никакой серьезной раны на голове царевича в момент смерти не было. Иначе кровь непременно сохранилась бы на волосах и была бы обнаружена впоследствии. Едва ли лежащему при смерти, раненному в висок человеку стали бы отмывать волосы до такой чистоты, что и современные криминалисты не могут найти на них следы крови. Да и покойника обмывали далеко не так тщательно. К тому же в XVI веке еще не существовало средств гигиены, которые с легкостью могут отмыть пятна крови. Зато следы отравления царевича Иоанна просто нельзя не заметить. В останках царевича ртути нашли ровно столько же, сколько и в останках царя Иоанна — 1,33 мг, а мышьяка почти в два раза больше, чем у отца, — 0,26 мг при максимально допустимом уровне 0,08 мг. Именно одинаковое количество ртути позволило «экспертам» в 60-е годы говорить о том, что отец и сын «лечились» с одного времени — примерно с 1565 года. Однако в первую очередь такое совпадение может свидетельствовать о том, что царя и царевича начали травить одновременно. Впрочем, возможны были и другие варианты использования средств отравления.

Глава 24

Закат правления и скоропостижная кончина первого русского царя

По случаю гибели наследника в стране был объявлен траур. Царь ездил на покаяние в Троицу. Там он втайне от архимандрита призвал к себе келаря и, встав перед ним на колени, «шесть поклонов в землю положил со

слезами и рыданием». Государь просил, чтобы его сыну была оказана особая привилегия — поминание «по неделям». По монастырям и церквам распределены были богатые вклады на помин души царевича Ивана. Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, русский царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» уже всех казненных по его приказу людей. Видимо, государь решил разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника — царевича Федора. Иван приказал составить общий Синодик опальных и велел учредить им поминание. На головы духовенства пролился серебряный дождь. Посмертная реабилитация опальных, самые имена которых находились долгие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. «Прощение» убиенных стало своего рода гарантией, что опалы и гонения больше не возобновятся. Впрочем, это все равно было лишь расхожим мнением, что все страшное для светских и духовных вельмож и прочих ответственных лиц позади, так как принципиальная позиция государя на существо царева служения так и осталась неизменной. С другой стороны, кровопролития прекратились, видимо, исчерпывающе сыграв свою роль. «Дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер, и опалы на земских бояр приобрели умеренный характер. Новый курс получил подтверждение в указе, грозившем жестокими карами уже за ложные доносы. Указ предписывал казнить тех, кто неосновательно обвинит бояр в мятеже против царя. Наказанию подвергались также боярские холопы за ложный донос на своих господ. Мелких ябедников били палками и определяли на службу в казаки в южные крепости.

После торжественного погребения царевича Ивана государь обратился к думе с речью и начал с того, что смерть старшего сына произошла из-за его грехов. И так как, продолжал он, есть основания сомневаться, перейдет ли власть к младшему его сыну, он просит бояр подумать, кто из наиболее знатных в царстве лиц подходит для царского трона. За время правления Ивана уже было два случая объявления об оставлении им трона. Третье отречение, на этот раз от имени слабоумного сына, имело подлинной целью утвердить все ж царевича в качестве наследника. Но бояре, весьма ученые прошлыми отставками своего царя, усердно просили его отказаться от мыслей удалиться в монастырь на покой, пока дела в стране не наладятся должным образом, а также верноподданнически заявили, что не желают себе в государи никого, кроме его сына. Жестокостью и кровью Ивану удалось смирить буйную державу и добиться неограниченной царской власти. Его враги расстались с жизнью или томились в изгнании. Новых заговоров вроде бы не предвиделось. Тем не менее в конце жизни царем овладело неодолимое желание разом изменить всю свою жизнь. В свое время Иван лелеял надежду найти душевное успокоение

в отдаленном северном монастыре. Но это намерение не сбылось. В конце жизни он возобновил секретные переговоры с англичанами. Бремя власти все больше становилось для него непосильным. За морем, в далекой Англии, он мечтал найти тихую пристань, чтобы провести остаток жизни в мире и покое. В Лондоне к его услугам были самые искусные в мире медики, способные поправить расстроенное здоровье. В связи с этим государь придавал исключительное значение переговорам с английским послом Боусом. Но прием был отложен из-за болезни Ивана. Также был задержан в Можайске литовский посол. Последняя болезнь русского царя длилась примерно три недели. Перед кончиной Иван послал гонцов в Лапландию и велел привезти оттуда знахарей и кудесников. Финские племена, сохранявшие языческую веру, славились как искусные лекари и прорицатели. Посланцы проявили большую расторопность. Они схватили 60 финнов и лопарей и доставили их Богдану Бельскому в Москву. Кудесники объявили, что царь обречен, и будто бы назвали даже день его кончины. Бельский не осмелился сообщить государю о предсказании. Но Иван узнал о дерзости ведунов и пришел в бешенство. Заболев, русский царь отправил грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь. Всю жизнь он считал далекий северный монастырь средоточием русской святости. В момент тяжелой болезни он обратился к кирилловским старцам со словами:

«Ног ваших касаюсь, князь великий Иван Васильевич челом бьет и, молясь припадая преподобью вашему, чтоб есте пожаловали о моем окаянстве отпущение грехов даровал и от настоящия смертныя болезни освободил».

Государь крепко надеялся на заступничество богомольцев. Прошло много лет с тех пор, как самодержец поведал старцам, что задумал сменить корону на клубок и избрать их обитель для иноческого жития. Перед кончиной Иван не поминал больше о пострижении в Кириллове. По всей видимости, он уже твердо намеревался последовать примеру отца, принявшего постриг в день кончины. Государь недаром называл свою болезнь смертной. Он чувствовал, что конец его близок. Однако в середине марта 1584 года состояние его внезапно улучшилось, и он смог обратиться к неотложным делам. Царю напомнили, что литовский посол задержан в Можайске и ждет приглашения. 17 марта власти послали такое приглашение. Тогда же украинский монах — черный дьякон Исая основательно беседовал с царем о православной вере перед Боярской думой. Дума же собралась вовсе не для богословского диспута. Бояре обсуждали вопрос о мире ввиду того, что на западных границах назревала угроза новой войны. Освобождение же из 20-летнего заключения монаха Исая, подозревавшегося лазутчиком, должно было подкрепить миролюбивые заявления русских властей. Прибывший ранее литовский посол усердно просил отпустить Исая на родину. Впрочем, его

личное обращение к царю опоздало по причине его прибытия в Москву уже после кончины Ивана.

Больной же усердно молился. Считая себя главным хранителем и защитником православия, Иван уповал на прощение своих грехов. Грядущая разлука с земным миром была для царя трудной. Всего тяжелее было расстаться с накопленными сокровищами. Каждый божий день больной приказывал нести его в казну. Царевич Федор, сопровождавший отца, пригласил англичанина Джерома Горсея пройти в казну вместе с ним. В казне больной пожелал показать свите собрание драгоценных камней и обратился к наследнику с пояснениями насчет их мистической сути. По признанию самодержца, камни оказали зримое влияние на его жизнь. Кораллы и бирюза, положенные на руку царя, потускнели. Государь же произнес:

— Они предсказывают мне смерть.

Среди прочих диковинок из кладовых принесли жезл, сделанный из рога единорога. Он был изукрашен алмазами и рубинами. Иван приказал наловить пауков. По знаку больного врач Эйлоф обвел жезлом круг на столе, в круг были тут же запущены насекомые. Одни пауки сдохли, другие убежали прочь. Наблюдая за их поведением, государь сказал:

— Слишком поздно, жезл не уберезет теперь меня.

Это посещение казны окончилось неудачно. Иван вдруг сказал:

— Мне плохо, унесите меня отсюда до следующего раза.

В полдень 18 марта больной велел принести духовное завещание и приступил к его исправлению. Советники давно ждали этого момента. Внесение поправок в завещание требовало присутствия официальных лиц. Работа заняла немало времени. Опекунами сына царь назначил четырех лиц — Ивана Мстиславского, князя Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Царевич Федор давно достиг совершеннолетия, но из-за полного умственного убожества править за него должны были бояре-опекуны. Всю жизнь царь Иван враждовал со своей знатью. Но это не помешало ему назначить первым регентом удельного князя Ивана Мстиславского. Обладая огромным политическим опытом, самодержец понимал, что только при поддержке думы его недееспособный сын сможет удержать на голове корону. Мстиславский тринадцать лет возглавлял земскую думу. Государь не раз обличал его как изменника и колотил палкой. До конца жизни российский самодержец так и не решился искоренить опричные порядки, обеспечивавшие ему неограниченную власть. Последышем ненавистной опричнины был «двор». Его возглавляли Афанасий Нагой, Борис Годунов и Богдан Бельский. Брак царя с племянницей Нагого доказывал, что среди всех дворовых людей Афанасий Нагой пользовался наибольшим влиянием. Близившаяся кончина первого русского

царя посеяла глубокий раздор среди высших дворовых чинов. Вышло так, что самодержцу пришлось исключить из опекунского совета двух главных любимцев.

Нагие ликовали, когда у царицы Марии Нагой родился сын Дмитрий. Царевич рос как нормальный ребенок, что давало ему бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия. Он негодовал на царя, пообещавшего англичанам удалить в монастырь царицу Марию. Афанасий так и не смог добиться серьезного увлечения Ивана его племянницей в отличие от ее предшественницы Василисы Мелентьевой, коей царь действительно увлекся. И если бы не ее блуд с дворовым человеком, то и полуофициальной свадьбы Марии с русским самодержцем, возможно, и не было вовсе. Государь же отчетливо понимал, какую опасность для законного наследника Федора таят замыслы Нагих, и не допустил их в регентский совет. Брак с Марией Нагой был незаконным, а потому он назначил неполной царице и ее сыну в удел один лишь Углич. В браке с Ириной Годуновой у будущего царя Федора не было детей. По этой причине старшая, законная, ветвь династии Калиты обречена была на исчезновение. Иван винил в бесплодии невестку и намеревался развести ее с сыном. Влияние же Бориса Годунова зижделось на родстве с Федором. Естественно, что он всеми силами противился разводу сестры. Сказанное как раз и привело к тому, что Борис не вошел в состав опекунского совета. Атмосфера дворца была отравлена смертельной враждой. Придворные отчетливо сознавали, что исключение из состава опекунского совета грозит им утратой власти, тюрьмой и даже плахой. Глубочайший раздор между вождями «двора» привел к тому, что в опекунском совете безраздельное влияние получила знать. Вместе с Мстиславским опекунами стали два наиболее авторитетных руководителя Боярской думы — прославленный воевода Шуйский, принятый царем на «дворовую» службу, и земский боярин и дворецкий Никита Романов.

В свое время Иван велел сжечь неких баб-ведуний, которых держал в своем доме новгородский архиепископ Леонид. Теперь он намеревался проделать то же самое и с колдунами, собранными Богданом Бельским. Больной не мог отказать себе в удовольствии посмеяться над кудесниками, предсказавшими ему смерть. Они должны были заплатить жизнью за свои предсказания. Казнь почти всегда в глазах самодержца являлась решающим аргументом в спорах с упертыми недругами, будь то священнослужители или язычники. Глава сыскного ведомства Бельский считал, что его час настал. Он готовился подхватить всю власть, едва она выпадет из рук умирающего властителя. Днем временщик держал совет с ведьмами и сообщил им, что они будут сожжены или зарыты в землю. Кудесники

просили лишь об одном: дожидаться захода солнца — окончания названного ими дня смерти государя.

В третьем часу дня 18 марта царь велел приготовить себе баню. В этой процедуре участвовал и лейб-медик Эйлоф. В бане государь пробыл более четырех часов. На досуге царь любил слушать песни и былины. Во время купания больной по обыкновению тешился музыкой. Из бани Ивана перенесли в спальню и посадили на постель. Государь желал игры в шахматы. Иван велел позвать дворянина Родиона Биркина, искусного шахматиста. В опочивальне собралось большое общество — Бельский, Годунов, сановники и штат слуг. Государь стал расставлять фигуры, но руки не слушались его. Все фигуры стояли по своим местам, кроме короля, которого он никак не мог поставить на доску. Не справившись с королем, больной лишился сознания и повалился навзничь. В опочивальне поднялась суматоха. Одни спешили вызвать духовника, другие посылали за водкой, за лекарями, в аптеку за ноготковой и розовой водами. В числе первых в спальню царя прибежал его духовник Феодосий Вятка. Иван был мертв, и прибывший духовник совершил обряд пострижения уже над мертвым телом:

— ... возложи на него, отшедшего государя, иноческий образ и нарекоша в иноцех Иона.

Саму кончину царя поначалу пытались скрыть от народа. Тем временем Бельский приказал запереть ворота Кремля и поднял в ружье стрелецкий гарнизон...

Глава 25

Измена князя Курбского русскому царю: фрагменты переписки Иоанна Грозного с Андреем Курбским

(На правах приложения)

Убыв скоропалительно и тайно весной 1564 года под покровительство польского короля Сигизмунда, князь Андрей Курбский тут же пустился в письменные изъяснения со своим бывшим господином — царем Иоанном:

«Царю, некогда светлomu, от Бога прославленному — ныне же по грехам нашим омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совети, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горести сердечной скажу мало, но истину.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносноу в церквах божьих пролил, и кровью мученическою обагрил

церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане — соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие, по мудрости их, им от бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьей — надеждой христианской, богочначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все прегрешения власти их, как говорится: “Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимскую одесную величайшего из высших, — судья между мной и тобой”.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем объята душа моя. Но обо всем вместе скажу: до конца всего лишен был и из земли божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою — непримиримой ненавистью. И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед богом моим. Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел — в чем же я перед тобой согрешил. Полки твои водил и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела господня одерживал для твоей же славы и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив — преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет трудился и много пота пролил и перенес, так что мало мог видеть родителей своих, и с женою своею не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым господь мой Иисус Христос свидетель; а как часто ранен был варварами в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю их, что Бог их еще лучше ведает. Он ведь, Бог, за все это воздаст и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь, думаю, лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами

обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского владыки мать — надежду мою и заступницу, владычицу богородицу, и всех святых, избранников божьих, и государя моего князя Федора Ростиславовича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли, и истреблены тобою без вины, и заточены и изгнаны несправедливо, и не радуйся этому, гордясь словно суетной победой: казенные тобой, у престола господня стоя, взывают об отмщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взываем день и ночь к Богу, обличая тебя. Хвалишься ты в гордости своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляя на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, словно жрецы Крона. И обо всем этом здесь кончаю. А письмишко это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, владении государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалах моих милостью его королевской, а особенно с помощью Божьей».

Обдумывая строго изложенное выше искреннее помышление князя, царь невольно задумался: а есть ли все-таки хоть какая-то правда в словах его бывшего слуги? Однако короткое раздумье Ивана решительно привело его к иному соображению. И в самом деле: получается прямо как на рынке — сплошная торговля заслугами, которые, видимо, должны были быть в сознании князя своего рода крепкою броней. Кроме того, явное презрение князя к слугам царя, которые в честном служении своем даже детьми своими жертвуют, также весьма примечательно. Но чем же? А тем, что для князя есть известные пределы в служении царю, которые им самим изначально установлены. Думая так, царь вызвал дьяка и повелел ему записывать:

«...Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою едиnorodную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; ради чего же за тело душой пожертвовал, если утратился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаям бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных и посему возводя на нас многочисленные поклепы и оскорбления. Вы же

за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое — Бог. Или мнишь, окаянный, что уберешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла...

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстро текущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе пророческие слова: “Кто думает, что он имеет, всего лишится”. В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе — злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоился смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты призрел слова апостола Павла, который вещал: “Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится божьему повелению”. Воззри на него и вдумайся: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наилучший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу! Тот же апостол Павел говорит (и этим словам ты не внял): “Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть”. На это уже воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивного владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради проходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом ты погряз, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему, когда же воссияло знойное солнце, — тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за

лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все божественные писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, — то жив Господь Бог мой, жива душа моя — в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить. Но более всего уповаем — воплощения божьего слова и пречистой его матери, заступницы христианской милостью и молитвами всех святых — дать ответ не только тебе, но и тем, кто пограл святые иконы, отверг христианскую божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать».

Остановив диктовку, суровый царь много задумался. О чем Иван думал в этот момент? Его мысли вдруг обратились к далекому и неведомому еще будущему святой Руси. Не князю только следует говорить, он лишь повод для беседы с потомками. Размышляя так, Грозный продолжил диктовать свое послание Курбскому:

«Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд ты спрятал под языком своим, поэтому хотя письмо твое по замыслу твоему и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: “Слова их мягче елеса, но подобны они стрелам”. Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд, подобно бесу?.. И совершенно ослеп ты в своей злобе, не способен видеть истину: как мнишь себя достойным стоять у престола всевышнего, и всегда служить с ангелами, и своими руками заклать жертвенного агнца для спасения мира, когда все это вы же пограбили со своими злобными советниками, нам же своим злолукавым коварством многие страдания принесли? Вы ведь еще со времени моей юности, подобно бесам, благочестие нарушали и державу, данную мне от Бога и от моих праотцев, под свою власть захватили...

Это все о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я — человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; а не так как ты — считаешь себя выше людей и равным ангелам. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под... ваше злодейское управление...

В том ли “сопротивным явился”, что я не дал вам погубить себя? А ты зачем против разума душу свою и крестное целование ни во что счел, из-за мнимого страха смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но всего более этими и оскорблениями и укорами, которые вы как начали в прошлом, так и до сих пор продолжаете, ярясь как дикие звери, вы обнаруживаете свою измену, — в этом ли состоит ваша усердная и верная служба, чтобы оскорблять и укорять? Уподобляясь бесноватым, дрожите, предвосхищая Божий суд, и прежде его своим злолукавым и самовольным приговором, со своими начальниками, с попом и Алексеем (речь о Сильвестре и Адашеве. — А. М.), осуждаете меня, как собаки. И этим вы стали противниками Богу, а также и всем святым и преподобным, прославившимся постом и подвигами, отвергаете милосердие к грешным, а среди них много найдешь падших и вновь восставших (не позорно подняться!), а подавших страждующим руку, и от бездны грехов милосердно отведших, по апостолу, “за братьев, а не за врагов их считая”, ты же отвернулся от них! Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал».

Далее в своем письме к князю Андрею Курбскому Иоанн сделал еще следующее добавление:

«Ради спасения души моей приблизил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне споспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять царством без царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольства в бояр; раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками. Я был невольником на троне. Могут ли описать претерпенное мною в сии дни уничижения и стыда? Как пленника влекут царя с горстию воинов сквозь опасную землю неприятельскую (Казанскую) и не щадят ни здоровья, ни жизни его; вымышляют детские *страшила*, чтобы привести в ужас мою душу; велят мне быть выше естества человеческого, запрещают ездить по святым обителям; не позволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжелой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, мимо сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорблениями: ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. И так удивительно ли, что я решился наконец не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?»

Царь снова взял некоторый роздых, который, однако, быстро миновал продолжением диктовки:

«Как тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, кто за что пострадал? Апостол восклицал: *“Тот, кто незаконно, то есть не за веру, подвергнется мученичеству, не достоин мученического венца”*; божественный Златоуст и великий Афанасий в своем исповедании говорили: *“Мучимы воры, разбойники, злодеи и прелюбодеи, но они не блаженны, ибо мучимы за свои грехи, а не во имя Бога”*. Божественный же апостол Петр говорил: *“Лучше пострадать за добрые дела, чем за зло”*. Разве ты не видишь, что никто не восхваляет мучения творивших зло? Вы же, уподобляясь своим злобесным поведением ехидне, изрыгающей яд, не разбираете ни обстоятельств, ни покаяния, ни преступности человека, а хотите только с бесовской хитростью прикрыть свою коварную измену лживыми словами».

Выдохнув с последними словами, Иван опять остановился в своем речении. Царь удовлетворенно про себя отметил, что он ясно и абсолютно исключает какую-либо торговлю вокруг понятия державного *суверенитета*. Иначе говоря, суверенитет в пользу *правды Божьей* (православия) должен быть неизблемым и какая-либо демократия или иная политическая цель здесь полностью исключаются. Почему? Да потому, что борьба за удобства жизни, царящая на Западе, никогда не станет подлинной борьбой за праведность человеческой жизни. Тут же Иван внутренне порадовался, что категорически настаивает на различии характера всякого страдания, или что утверждает святость только страдания за веру христианскую. Всякие иные страдания человеческие у него сугубо окрашены укором самому страдальцу, выбравшему когда-то лукаво этот горький путь презрения веры православной для самого себя. Вот это по-русски будет! Несколько помолчав, мрачный владыка продолжил:

«Разве же это “супротив разума” — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславович, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым. А как же Давид, возлюбленный Богом, как повелел тот Давид, чтобы всякий убивал иевусеев — и хромых, и слепых, ненавидящих душу Давидову, когда его не приняли в Иерусалиме? Или и тех причтешь к мученикам, хотя они не захотели принять данного Богом царя? Как же ты объяснишь, что такой благочестивый царь обрушил силу свою и гнев на немощных рабов? Но разве нынешние изменники не совершили такого же злодейства? Они еще хуже. Те только попытались помешать царю вступить в город, но не сумели этого сделать; эти же, нарушив клятву на кресте, отвергли уже принятого ими, данного им Богом и родившегося на царстве царя и сколько могли

сделать зла — сделали: словом и делом и тайным умыслом. Почему же эти менее достойны злейших казней, чем те? Ты скажешь: “Те действовали явно, эти же тайно”; но потому-то ваш злобесный нрав еще хуже; люди видят доброхотство и службу, а из сердец ваших исходят злодейские замыслы и злодеяние, и стремление к гибели и разрушению; устами своими благословляете, а в сердце своем проклинаете. Немало и иных найдешь царей, которые спасли свои царства от всяческой смуты и отразили злодеяния, и умыслы злобесных людей. Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще сыпал сорных трав. И сбылось на тебе пророческое слово: “Вы все разожгли огонь, и ходите в пламени огня вашего, который вы сами на себя разожгли”. Разве ты не сходен с Иудой предателем? Так же как он ради денег разъярился на владыку всех и отдал его на убийство, находясь среди его учеников, так и ты, живя с нами, ел наш хлеб и нам служить обещался, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты соблюл крестное целование желать нам добра во всем без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? Как говорил премудрый: “Нет головы злее головы змеиной”, также и нет злобы злее твоей».

Царь внезапно остановился. В его голове прямо-таки стучали слова: разве сами факты бегства в Литву и развязанной последующей идейной брани Курбского с царем не подтверждают ли его правоту? Или, подругому говоря, если у кого-то вдруг не заладилась служба у царя, так отойди от нее прочь, смирись, и дело с концом. Но нет, не может Курбский отойти от нее просто так, уж больно она для него сладка и привлекательна, а значит, горькие слова царя в его адрес весьма и весьма основательны. Вздохнув тяжело, Иван Васильевич продолжил диктовать:

«Почему же ты взялся быть наставником моей душе и моему телу? Кто тебя поставил судьей или властителем надо мной? Или ты дашь ответ за мою душу в день Страшного суда? Апостол Павел говорит: “Как веруют без проповедующего и как проповедуют, если не будут на то посланы?” Так было в пришествие Христово; ты же кем послан? И кто тебя сделал архиереем и позволил принять на себя учительский сан?»

И снова царь замолчал. В его же сознании зазвучало: Курбский в душе своей считает себя равней царю, а значит, полагает себя вправе спорить с ним и даже поучать его. Оттого и понятно, что он не считает государя

помазанным на царство властителем, а лишь лукаво рядится, что это так. Он лицемер и ханжа, который лишь искусно скрывал до поры до времени свою действительно подлую сущность. Признав мысленно полную уместность уже продиктованного, царь заговорил так:

«Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, “сопротивно разуму и прокаженная совесть”, когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Это ты нам советуешь? Так пусть эта погибель падет на твою голову! И потому ты подобен тем, о ком пишет апостол к Тимофею: “Сын мой Тимофей, знай, что в последние дни мира наступят времена тяжелые; люди станут самолюбивы, сребролюбцы, надменны, горды, все хулящие, не слушающие родителей своих, неблагодарные, нечестивые, недружелюбные, клеветники, невоздержанные, жестокие, не любящие добра, предатели, наглы, кичливы, более сластолюбивы, чем боголюбивы, внешне благочестивы, а от духа благочестия отвернувшиеся. От таких людей беги. Их влекут похоти различные, постоянно они учатся, а никогда в разум истинный прийти не могут. Вот так Анний и Амврий противились Моисею, а сами были врагами истины — люди, растленные умом и неискусшенные в вере. Но не преуспеют они во многом: ибо безумие их станет явным всем, как и с теми случилось”».

Взяв значительную паузу, царь ясно понял, что предупреждает своего бывшего слугу, чтобы тот и не думал защищать демократию царских слуг, которая везде и непременно кончается общим духовным оскудением, так как перед нею нет ничего *превеликого*, что только и останавливает и внушает всякому человеку благоговение. Затем, развивая ранее сформулированное соображение о роли царских слуг, Иоанн IV быстро продолжил:

«Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же — только по имени и по чести царь, а властью несколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет? Апостол Павел писал: “Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба; он подчинен управителям и наставникам до срока, отцом назначенного”. Мы же, слава богу, дошли до возраста, отцом назначенного, и нам не подобает слушаться управителей и наставников».

Подождав не поспевавшего за ним дьяка, царь диктовал:

«Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И тьма и горечь ли это, если господствует данный Богом государь, как подробно

написано выше? Ты ведь в своей бесовской грамоте писал, изворачиваясь разными словами, все одно и то же, восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют помимо государя. Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли “горечь и тьма” — отойти от зла и творить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней. Что может быть хуже, чем урывать для самого себя! Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучаешь. Не это ли сладость и свет — отойти от добра и начать творить зло самовластием и в междоусобных бранях? Всякому ясно, что это — не свет, а тьма, и не сладость, а горечь».

И вот уже в самом финале своего послания грозный русский царь отечел:

«Во имя Бога всемогущего, того, кем живем и движемся, кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотевшему быть ярославским владыкою*... Пощади, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая брненное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивного владыки, и наследовать венец мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертию приобретает душевное спасение! Устыдился раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих: ибо они клялися великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твое писание. Яд аспида в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишне миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко и с любовью; а жаловал примерно. Ты в юных летах был воеводою и советником царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в боярах у князя Михайла Кубенского! Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг отечеству. И велика ли слава твоих подвигов? Когда хан бежал от Тулы, вы пировали на обеде у князя Григория Темкина и дали неприятелю время уйти во свояси. Вы были под Невлем с 15 000 и не умели разбить четырех тысяч литовцев. Говоришь о царствах Батыевых, будто бы вами покоренных: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани): но чего нам стоило вести вас к победе? Сами идти не желая, вы безумными сло-

вами и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда буря истребила под Казанью суда наши с запасом, вы хотели бежать малодушно — и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться в дома, победителями или побежденными, но только скорее. Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили? А Ливониею можете ли хвалиться? Ты жил праздно во Пскове, и мы семь раз писали к тебе, писали к князю Петру Шуйскому: «Идите на немцев!» Вы с малым числом людей взяли тогда более пятидесяти городов; но своим ли умом и мужеством? Нет, только исполнением, хотя и ленивым, нашего распоряжения. Что ж вы сделали после с своим мудрым начальником Алексеем Адашевым, имея у себя войско многочисленное? Едва могли взять Феллин: ушли от Пайды (Вейсенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливония давно бы вся принадлежала России. Вы побеждали невольно, действуя как рабы, единственно силою понуждения. Вы, говорите, проливали за нас кровь свою: мы же проливали пот и слезы от вашего неповиновения. Что было отечество в ваше царствование и в наше малолетство? Пустынею от востока до запада; а мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери. Горе дому, коим владеет жена; горе царству, коим владеют многие! Кесарь Август повелевал вселенною, ибо не делился ни с кем властью: Византия пала, когда цари начали слушаться епархов, синклитов и попов, братьев вашего Сильвестра. Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим *сильных во Израиле*; их кровию не обагряем церковью Божиих: сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их? Константин Великий не пощадил и сына своего; а предок ваш, святой Феодор Ростиславович, сколько убил христиан в Смоленске? Много опал, горестных для моего сердца; но еще более измен гнусных, везде и всем известных. Спроси у купцов чужеземных, приезжающих в наше государство: они скажут тебе, что твои *предстатели* суть злодеи уличенные, коих не может носить земля русская. И что такое предстатели отечества? Святые ли, боги ли, как Аполлоны, Юпитеры? Доселе владетели российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчета. Так и будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует; бояре мои живут в любви и согласии; одни друзья, советники ваши еще во тьме коварствуют. — Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, дьявол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде господня держава, и в сей, и в будущей жизни. — Ты пишешь, что я не узрю здесь лица твоего ефиопского: горе мне! Какое бедствие! — Престол Всевышнего окружаешь ты убиенными мною: вот новая ересь! Никто, по слову апостола, не может видеть Бога. Положи свою грамоту в могилу с собою:

сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовью, с прощением, а не с злобою. — К довершению измены называешь ливонский город Вольмар областью короля Сигизмунда и надеешься от него милости, оставив своего законного, Богом данного тебе властителя. Ты избрал себе государя лучшего! Великий король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю: Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно. — Писано наша великия России в царствующем граде Москве, лета мироздания 7072 (1564), июля месяца в 5 день».

Глава 26

Ответ русского царя в диспуте с лютеранином Рокитой

(На правах приложения)

Диспут между царем Иваном Грозным и протестантским проповедником Яном Рокитой состоялся 10 мая 1570 г. в Москве в царских палатах. В Россию Ян Рокита попал вместе с посольством польско-литовского короля Сигизмунда-Августа, которое должно было заключить перемирие между Россией и Польшей. Чех по происхождению, последователь учений Лютера и Кальвина, Ян Рокита был одним из наиболее деятельных членов общины чешских братьев, живших в Польше. Образование он получил в Германии, хорошо знал латинский, немецкий и славянские языки, неоднократно принимал участие в различных спорах о вере. И в России Ян Рокита попытался проповедовать протестантизм. Во время диспута царь Иван Васильевич потребовал от пастора изложить суть протестантского учения, позволил говорить ему смело и откровенно, задал Яну Роките несколько вопросов об основных положениях его веры. Речь Яна Рокиты была записана и уже вскоре, 18 июня 1570 г. пастору был отправлен развернутый письменный ответ с опровержением догматов, высказанных проповедником.

«Не хотел тебе отвечать, поскольку ты заявлял, что прения эти лишь ради спора, а не веры. Но мы научены Христом не давать святое псам и не метать бисер перед свиньями, не давать святого слова псам неверным <...> Немногое скажу, но ты не возомни, что не понимаю, какой яд ты излил, и чтобы вы не подумали, что не могу я против вас и слова составить и не знаю Писания, или испугался тьмы ваших обманов и в уныние впал, или сладость вашего учения принял, или не знаю ничего об истинном христианстве. Чтобы разрушить ваши сомнения, скажу немногое.

О вашем учителе Лютере. <...> Поистине Лютер лютым называется, люто это, люто, если к краугольному камню — Христу прижаться, и его

божественные уставы разорять, и божественное его учение и апостольские проповеди рассекать, и святых отцов уставы извращать. И всяческие козни строить, неистинное писание исповедуя. Подобно тому как Сатанаил отвержен был небесами и вместо ангела света — тьмой и обманом нарекся, а ангелы его — бесами. Так и вы, подобно тому как начальник бесов зовется Сатана, так и вашему начальнику имя Лютер, как его же ангелы именуются бесами, так и вы — кознодеями.

Писал ты, что из-за преступления, совершенного Адамом, мы все рождаемся под завесою плоти и осуждены умирать. Но ведь ради этого Бог Слово и вселился в нас, захотел Бог помиловать заблудшего человека. Воплотился в человека от пречистой девы Марии. До того царствовала смерть от Адама и до Авраама, а от Авраама до Моисея, от Моисея до воплощения Христова и на несогрешивших. <...>

Царство же это смертное, где и праведники до Христова воплощения были осуждены на смерть и сходили в ад. Но после воплощения Христа этого дерзновения смерть не имеет, ведь господь наш Иисус Христос проложил новый путь делающим благо и верующим в правду спасения. Сейчас смерть утратила всякую власть, и все праведники, будто сном засыпая, к вечному царствию приходят. <...> Они последовали по стопам Христа, и князь мира сего не имеет над ними никакой власти. Поэтому и смерти среди них места нет. А если кто самовольно предаст себя князю мира сего и соблазнам его последует, те по собственной воле попадут в царство смерти. И здесь горестные души их страшно с телом расстанутся и бесконечные муки примут. Ведь господь наш Иисус Христос сотворил человека самовластного, каким и был Адам до грехопадения. Поэтому тем, кто идет по стопам Христовым, грехопадение прощается, и смерть на них никакой власти не имеет. Согрешившим или отступникам приходится отвечать не только за преступление Адама, но и за все свои злые дела, и вдвойне они от своих грехов мучаются. На них царствует смерть как и прежде. <...>

Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение. Что же значит: «в человецех благоволение»? Прежде гнев божий и гнев его пребывали на роде человеческом, от Адама до воплощения Христова, Христовым же божественным телесным состраданием все это было разрушено, и смерть, и грех, и власть дьявола. И самовластны люди благодатью Христа, и научены, как побеждать князя тьмы века сего и миродержителя. <...> Самовольно же не принимающие заповедей Христовых и самовластно дьяволу покоряющиеся обречены на муки вечные.

Божественный апостол Павел говорит: «Каждому дается проявление духа на пользу; одному дается духом слово мудрости, другому слово знания, тем же духом; иному вера, тем же духом; иному дары исцелений, тем же духом; иному чудотворения, иному пророчество; иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит

один и тот же дух, разделяя по власти, как ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет много членов, все же члены одного тела, хотя их и много, суть одно тело; так и Христос. “Ибо единым духом мы все в единое тело крестимся, иудеи, эллины, рабы, свободные, и все единым пивом напоены”.

Писал ты о поклонении иконам, и это твое безумие кратко обличу. Если хочешь узнать истину, то прочти о царствовании Льва Исавра Иконоборца, и сына его Константина Гноетезного, и Льва Армянина, и Феофила Богомерзкого, святым досадителя, и там найдешь все объяснения божественному иконопоклонению и богомерзкому сопротивлению этих царей, нечестию которых вы самовольно предались. А что к Второзаконию прибегаешь, о том я уже тебе писал. Если к закону Моисееву прибегаешь, то подобает тебе все по закону делать. Если только обрезание сделаешь, не только все законы, но и Иисус Христос на пользу тебе не пойдет, вот и апостол Павел пишет в послании к галатам: “Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати”. А если еще приводить от Десятисловия: “Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли”, что подтверждают и все пророки, и я из этого пользу для себя извлекаю, поскольку все это об идолах сказано. Как в Исходе Моисеевом говорится, что когда Моисей получил скрижали, тогда народ “собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось”. И собрали они золото, перстни и серьги у жен своих, и бросили их в огонь, и отлили тельца, и поклонились ему, говоря: “Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской”. Из-за женской красоты Ваальфегору послужили, и ели жертвы бездушных идолов... смешались с язычниками, и научились делам их, и служили истуканам их, которые стали для них сетью. И пожрали сыновей своих и дочерей своих, и пролили невинную кровь, кровь сынов своих и дочерей, пожранных истуканами хананеянскими <...>. И много об идолопоклонстве пророки и апостолы говорили, и ты, между святым и мирским не различая, о Христовой иконе судил как об идолопоклонстве, скверно и мерзко. Христовы же образы и пречистой матери Его и всех святых, хотя и видимы, но одновременно и бестелесны и подобно первообразу спасению способствуют. Где ты найдешь жертвоприношение и кровопролитие перед иконами <...>. Этого перед иконами не совершается. Идолам — капища и дым жертвенный, и не только жертвы, но и кровавые возлияния, иконам же в церквах — духовные молитвы и сердечные жертвы. Иконам честь воздавая, поклонимся. Но образам Христа и Богородицы, а не краскам и доскам поклонимся. И на первое место ставим поклонение не материи иконы, а образу, запечатленному в ней. А если на закон

Моисеев ссылаешься, то приведу тебе самого Моисея. Как Моисей двух золотых херувимов создал в святая святых, как и завесу соткал, на которой были вышиты образы небесного, а также кивот завета, окованный золотом, в котором хранились манна, жезл Ааронов и скрижали завета, все, чему поклонялись иудеи. <...> Так же было воплощено и слово Божие. Эдесский князь Авгарь принял образ господя на убрuse. И он поднял его от недуга расслабления. И на том самом одре болезнь прекратилась, когда наш господь Иисус Христос послал ему свой образ на убрuse с апостолом. <...> И сколько от того божественного образа было различных чудес. Больным исцеление и изгнание бесов, поражение воинствам нечестивых, благочестивым — победа. Вплоть до гибели греческого царства много было чудес от этого благочестивого образа. Если хочешь истину познать, прочти о царстве греческом и все узнаешь. О том, как кровоточивая жена, исцеленная от раны, божественный образ Христов в меру возраста господня из меди отлила. Много исцелений было от него вплоть до лета сатанинского, когда пришел отступник, злочестивый царь Юлиан. Что о Лиддской церкви, то в ней появилось изображение пречистой Богоматери с предвечным младенцем на столбе у западных врат. Эту церковь создали апостолы, в ней и явилось это изображение. <...> Божьим повелением нерукотворный образ на столбе возник. Не рукописан был, но богописан, как сама Богоматерь во плоти. Апостолы просили ее прийти на освящение храма. Она же сказала: «Придете, чада, и я с вами там буду». И когда они пришли, то увидели преславный этот образ и, радости бесчисленной исполнившись, со слезами молились Творцу. Потом и Богоматерь пришла, увидела свой образ и сказала: «Благодать моя и сила да будет с тобою». И это божественное изображение злосмрадный Юлиан хотел уничтожить. Но сколько его воины рубили камень, пытались образ на землю низвергнуть, настолько божественным повелением оно силу взяло, в камень войдя, и до той поры совершались чудеса, пока посланные воины не отошли, не сумев сбросить образ. <...>

И об Энее. Исцеленный от Петра и Иоанна, он воздвиг прекрасную церковь, где появился образ Богоматери. Этой иконой совершились многие чудеса. Вот и божественный Лука образ Богоматери написал и к ней принес. Она же сказала: «Благодать моя и сила будет с тобою». Божьим повелением эта икона здесь, в царствующем граде Москве, сохраняя христианство, пребывает. <...> И что еще скажу? Не хватит мне времени, чтобы рассказать обо всем, как апостол Павел в «Послании к евреям» пишет. И если хочешь истину познать, все в божественном Писании найдешь... Божественное воплощение — это воплощение Спаса и Господа нашего Иисуса Христа, изволившего воплотиться и спасти нас. Пречистая его Богоматерь сподобилась такому божественному таинству послужить и огонь божественный в утробу приняла. Потому что ходатайствует она

о спасении рода нашего, через нее с Богом сочетаемся. И во имя этого ее образу поклоняемся. <...>

Отличается поклонение иконам от идольского бесования. Скажи мне, могут ли такие чудеса быть от идолов? И такие же исцеления, как и от икон? Если ты иконному поклонению, как пес, не веруешь, по заповеди Господа не подобает с тобой о святом говорить. Что ты писал об Иоанновом послании? В этом послании сказано: “Дети! Храните себя от идолов”. А об иконах там ничего не сказано. И здесь ты ложь написал. А что писал о тех, которых Бог карал за то, что образы ставят, и мы того в божественном Писании нигде не нашли. А что писал о вознесении господнем, и той строки там нет. <...> И еще в “Откровении Иоанна Богослова” об ангеле. Все это смирения ради. Поэтому и сам господь наш Иисус Христос, когда преобразился на горе и сошел с нее, заповедал ученикам своим никому не рассказывать о виденном, покуда сын человеческий не воскреснет из мертвых. Это Господь показал во имя смирения и уча смиряться, чтобы никто себя сам не превозносил. Ради этого и ангел у Иоанна Богослова смиряется. Так и Петр поднял Корнилия ради смирения. <...>

А еще ты писал, что не подобает, кроме Бога, никаких святых на помощь призывать, но в Евангелии написано иное: “Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря”. Тогда обратился он к ученикам своим: “Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою”. И призвал учеников своих, дав им власть на духов нечистых, чтобы их изгонять и исцелять всякий недуг и всякую болезнь. И ты видишь, какая власть была дана Господом ученикам своим и святым, не потому, что он сам не мог спасти людей, но сходя к их немощам и неразумию... А если ссылаешься на псалом Давида, так там все об идолах писано, а не об иконах. А еще писал, что несколько сот лет образов не было. И это писал ложно, от Христова воплощения начались образы и доныне появляются. А что писал о святом Епифании Кипрском, будто он образ терзал какого-то святого, и то писано ложно. Это написание еретическое и истинными христианами не приемлется. <...> А что в вашей стране делается с образами, о том и говорить не хочу, поскольку поддались вы бесовскому обольщению и сами о том знаете.

<...> Вот мое слово. За то, что ты писал по нашему велению вольно и говорил смело, мы на тебя не гневаемся, и сейчас свое слово помним, и на тебя опалы никакой не кладем. Почему мне тебя нельзя не считать еретиком, так это потому, что учение твое полностью противоположно Христову учению и все рассуждения твои против Христовой Церкви направлены. И ты не только еретик, но и слуга антихристово дьявольского совета. Едва ли не больший, чем Лютер. Впредь своего учения в нашей стране не объявляй. Господа нашего Иисуса Христа, всех спасителя, при-

лежно молим, чтобы наш российский род сохранил от тьмы неверия вашего. Отцу слава с присносущим Его Сыном и Святым Духом и во веки веков. Аминь».

Глава 27

Последнее важное для достоверного понимания сути фигуры Иоанна Грозного его послание

(На правах приложения)

Комментарий автора. При изучении многих документов, связанные с исследованием останков первого русского царя, в поле зрения автора романа попали вполне достоверные сведения о причине его смерти. Эксперты получили научные сведения, что он был отравлен соединениями ртути, которыми его лечили многие годы по причине наличия у него хронического заболевания. Это заболевание было определено как сифилис. На позднейших стадиях воспалительный процесс, рожденный этим заболеванием, затрагивает мозг, что вызывает в конечном счете деменцию, или слабоумие. Ниже, знакомясь с историческим документом, всякий взыскательный читатель вполне сумеет убедиться в обратном, что ум Иоанна Грозного в конце его жизни (за два с лишним года до его кончины) пребывает в состоянии, достойном всяческих похвал, что совсем немногие правители России смогли оставить о себе столь же убедительное свидетельство высокого или большого ума. В упомянутом документе первый русский царь демонстрирует читателю удивительную способность разбирать сложнейшие ключевые вопросы международной политики в момент нахождения русского царства в крайне невыгодной позиции. То есть он прекрасно видит и осознает как политические (юридические) аспекты наличных международных отношений, так и моральные (религиозные). В результате он предельно убедительно рисует перспективу враждебных действий своего политического контрагента и фактически не оставляет ему никакого шанса в смысловом отношении для продолжения уже проводимой им антирусской линии. Тем самым всякие разговоры о слабоумии Иоанна Грозного, якобы вызывавшим многие странности его поведения, выглядят как либо нечестные, либо как воистину слабоумные.

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИУ (1581)

«А это — грамота от государя к королю, пересланная с его гонцом Криштофом Держком:

“Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержателем, царь и великий князь всея Руси [следует полный титул], по Божьему изволению, а не по многоятежному желанию человечества, — Стефану, Божьей милостью королю Польскому [следует титул], князю Семиградскому и иных.

Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка с грамотой; а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы — дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин, и дворянин наш и наместник шацкий Федор Писемский, и дьяк Иван Андреев сын Трифонов — прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необходимыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; но когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского [Нейгаузен], Сыренска [Нейшлос], Адежа [Неймюль] и Ругодива [Нарва], да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью Божьей перешли в твои руки; за это они, по твоим словам, должны были быть отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях мира и дружбы, и ты разрешил им это. Ты хочешь теперь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом и прислали грамоту со всеми полномочиями для заключения христианского мира и установления дружбы и братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть город Себез, построенный на земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать больших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.

Твои же паны, как сообщают наши послы, дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами помирись, только если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последней пяди, что Велиж, Усвят и Озериче — все — это уже у тебя, а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекос-

ловно оставлены нами при отступлении и что мы должны разрушить город Себеж да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать наши земли. Мы никогда еще не встречали такой самоуверенности и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твоя рада предъявляет такие безмерные требования — чего же они требуют, прервав мирные переговоры? Твои паны попрекали наших послов, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное — это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи — от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа, они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, — вот к чему стремились паны в прежние времена. Ездят, бывало, туда и обратно, побранятся с послами и снова помиряются, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле христианство умалывается; поэтому-то твоя рада, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действует наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов — воеводу мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами, то они без всякого принуждения договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, привесли к этой грамоте свои печати и присягнули, целуя крест, что, когда приедут наши послы, ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов — дворецкого Тверского и наместника муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина — довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к присяге. Но наш полномочный посол Михаил Долматович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты пренебрег договором, отказался следовать присяге твоих послов, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под

стражу как узников. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою надменность, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нашем здоровье, не решались без нашего ведома стерпеть это. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя в доме нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой, а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы нарушать скрепленное присягой? Даже если послы совершают что-нибудь дурное, то и тут не нарушают соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послов за их вину наказывают, а что сделано, не переделывают, нигде не переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашей присягой и вопреки присяге твоих послов, сделанной за тебя, захотел делать все сызнова — это нигде не ведется!), но и в бусурманских [мусульманских] государствах не принято нарушать клятву; даже бусурмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обещание, укоряют и хулят и нигде не нарушают обещанного. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились: ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах — ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде-Августе никогда не поступали по своему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками — чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обещаний своих послов. Узнав о таком неподобающем деле, мы задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца.

И тут мы узнали, что ты готовишься к войне. Тогда мы отправили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой, в которой написали, что нельзя так поступать: отменить присягу и все делать заново; тебе следовало довести до конца то соглашение, которое заключили твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, и мы поручим боярам договориться с ними как должно. И ты, не послушав этого, впал в еще

большую ярость и, нарушив присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до свидания с тобой. С ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцлава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, которых не стоит подробно повторять, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью. Сам же ты пошел войной со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками — Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что отомстишь нам за наших изменников. Не на войско надеешься — на изменников! А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на присягу твоих послов (ведь ты поступил так, как от века не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая, вопреки присяге, начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и большого числа людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить — это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь как бы для колдовства. Ты пишешь и называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не подобает радоваться крови и убийствам и действовать подобно варварам. И мы, все еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снести с твоими панами, да и сами неоднократно с тобой сносились. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы “призваны перед твоей маестат” — как будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога дверей, и оттуда они беседуют с тобой, как с Богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твоей маестат» и твоя безмерная гордость! Ни в каких землях такого не слыхано: когда к великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как дан-

ников, не ставят их «перед маестатом». Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Лево́й Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а твои паны написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что похоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе Виленскому не написал таких укоров, какие заключены в этой грамоте. Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, все еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина, а в грамоте писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую, какую ты послал с Лево́й Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидался наших послов в своем государстве. Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было поспеть не только послам, но и гонцу. А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же, не дожидаясь наших послов, сел на коня и пошел войной на нашу землю. А при предках твоих не принято было воевать, пока послы едут; только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, — какой же это мир?

И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов — своего стольника и наместника нижегородского князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, своего думного дворянина и наместника елатмовского Романа Михайловича Пивова и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. Этот наш гонец встретил тебя на дороге вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не щадя христианской крови. И мы велели своим послам идти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя убагатворить, да не убагатворили — ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою не спеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам уступили твоим людям Велиж, Усвят и Озерище,

а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим послам велел вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Сколько льется неповинной христианской крови, а послам вести переговоры! А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда миру не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, — что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты занял город, тут послам уже и посольствовать нечего — тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Суцова, а предлагал при этом неподобающее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любошинского прислал к нам с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь невозможные, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в бусурманских государствах не слышано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы — то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска. Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А когда послы наши были у тебя в Варшаве, твои паны отказались от тех условий, о которых они же сами говорили нашим послам под Невелем. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме радных панов. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Побеспокоились ли твои паны о христианской крови, когда они говорили нашим послам в Варшаве: “На тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили ответ, христианский мир заключен быть не может, — ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова собирать войско, тут уж без расходов не обойтись”? По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития — послов у себя держать, дела с ними не делать, от брата своего послов не ждать, а войско снова собирать, да все это еще нам в убыток поставить? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, все еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя и откажешься от безмерных требований, послали к тебе других послов — дворянина своего и своего наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, охваченный высокомерием, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж, Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, — всего четыреста тысяч золотых червонцев и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взять теперь у нас казну, нанести нам убыток да на наши же деньги нанять людей и взять нашу Ливонскую землю, а немного погодя, наполнив ее своими людьми, собрать еще большие силы да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно, ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; хотя бы мы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоишь, и после этого все равно ты будешь лить христианскую кровь! Вот и теперь — чего только ты у прежних наших послов ни просил, а нынешним нашим послам ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его — возгордишься безмерно и еще чего-нибудь попросишь, ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю все это у тебя делается! Мы писали к тебе неоднократно, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие неповинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что, когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь предложением, ты на него не соглашаешься, выставляешь новое требование и, прервав переговоры, снова принимаешься воевать; просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по бусурманскому обычаю такие, чтобы послать было нельзя. Вот ведь и теперь — мы уже надеялись, что тебя ублажили, послали своих послов, согласившись на все, что ты хотел, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось,

как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя соглашения.

А что наша вотчина, Ливонская земля, — твоя, это написано несправедливо; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она при каких-либо твоих предках со времен Казимира входила в королевство Польское и великое княжество Литовское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови. В семь тысяч шестьдесят седьмом году [1558/59 г.], когда король Сигизмунд-Август присылал послов своих — пана подляшского Василя Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с Ливонией — орденом Немецкой империи, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, архиепископ Рижский Вильгельм князь бренденбургский — его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они — христиане; поэтому он и нас просил остерегаться кровопролития и сохранять мир с его родственником, князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», — заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом году [1560 г.] прислал к нам король Сигизмунд-Август своего посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христианскими императорами передана его предкам и присоединена к их наследственному владению — великому княжеству Литовскому для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: через своих послов передавал как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и называет ее своею! В своей грамоте он писал также, что князья, магистр Кетлер и другие обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправое дело, паны короны Польской и великого княжества Литовского стали называть Ли-

вонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорят и пишут разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь. После этого твои паны стали говорить, что мы вопреки присяге вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить, что мы нарушили охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны очищать свою вотчину, Ливонскую землю, от врагов. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли их к нам, и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет и никогда не бывало? А у панов твоих вечно одни и те же слова: напал на ливонцев, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр и архиепископ и епископы, а в городах — князья, а ни одного литовца там не было, то была ли тогда нарушена присяга и охранная грамота с Литвой? И кто ими владел, неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать! Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными, а поссорившись, заключали мир с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом. А в челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю польскому и великому князю литовскому, и что отныне они никогда не будут присоединяться к нему и ничем не будут ему помогать. Если хочешь — можешь в этом убедиться: мы послали тебе списки с тех грамот при этой своей грамоте. А если, может быть, ты хочешь посмотреть самые эти грамоты, то пошли посмотреть своих полномочных послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы били челом о своих винах нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и в которых они отреклись от подчинения королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему твои предки не удержали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом году [1460 г.] присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти великому государю Василию Васильевичу, о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. А они много-

кратно посылали бить челом также и деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и к нам, и эти приходы и челобитья их послов, не тайные, но явные, были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их области и не называли их своими подданными; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а раз молчали — значит, это была не их земля! А что твои паны возражают: если это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие? Так ведь эта земля была особая, наша вотчина, отданная в держание [управление], жили в ней немцы, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Псковом — с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься прусским, а в Пруссии свой князь, и ты принимаешь от него присягу — стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей вотчиной, отданной в держание, как Пруссия у тебя. Твои паны говорят на это, что если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им держателей [управителей], — но ведь эта наша вотчина. Ливонская земля была не нашей веры, а жили в ней немцы, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и держателей согласно их вере и обычаю, а у них зато были устроены христианские церкви, дворы и слободы для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним. А хотя держателей они получали, но ведь они получали их от Папы, — епископов ведь всех ставит Папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. Вы вспоминаете еще, что архиепископ Вильгельм был родственник короля Сигизмунда-старшего, — так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки Папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведают Папа и архиепископы и епископы; так дает ли это основание считать Ливонскую землю вашей? А что паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так тут дивиться нечему! Часто бывает, что подданный, желая выйти из подданства, противится своему государю — за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем Мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь Прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф Бранденбургский, Штетинский, Померанский, Кашубский и герцог Вендский, бургграф и герцог Ноурмерский [Неймарк-

ский] и князь Ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего. Да ты сам зачем к Гданску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной? Вот так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям Польским и великим князьям Литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не значит ли это, что и ты покушаешься на чужую собственность? Почему же вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайло из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильно?! Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и великому княжеству Литовскому; сколько ни разбирай это дело — всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей попусту, желая пролития неповинной христианской крови. Говорили еще твои паны нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, — христианское ли это дело: присягать, что будешь вздорно и несправедливо, желая славы, богатства и расширения государства, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, — а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской [католической] веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле были два государя. “А у нас государь — по нашей воле: выбираем себе государем кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю. Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь Папа и все римляне и латиняне [католики] вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году от сотворения мира [1439 г.] при Папе Римском Евгении собор и присутствовал на нем греческий царь [император] Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский [Константинопольский] Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. Как же паны

твои придерживаются христианства, если они не допускают, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и Папе своему не следуют: Папа их установил, что греческая и латинская веры едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую! Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обрабаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся какой хотят. Говорят еще твои паны, что если в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и послали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о тех, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано по бусурманскому обычаю, ради пролития неповинной христианской крови. Вот, значит, каков твой мир: ничего не хочешь, кроме истребления христиан; помирись ли ты и твои паны с нами или будешь воевать — тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание — губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

Тебе же ничего другого не нужно, только бы тебе быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих нас? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны, тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь беспрестанно отвоевывать все те области, которые отделены от великого княжества Литовского к Московскому государству, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если так-то твои и твои рады неперестанное стремление и желание кровопролития — какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области, — чего же было и послов посылать? Одною душой, а дважды ты присягал: ты присягал панам и земле, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь еще раз — и совсем будет непонятно, какая присяга крепче, и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той, которую дали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной — нельзя и две присяги вместе соблюсти; какое же тут может быть соглашение? И поэтому между обеими нашими землями никогда не будет конца кровопролитию. Когда же ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына бояр-

ского Никифора Суцова, а твои паны велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного — разве же это по христианскому обычаю было сделано? Неизвестно, послы ли они, пленники ли, твои ли люди, мои ли, если ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это — прямое притеснение, а ведь твои послы, наоборот, поступали по своей воле, и ты их присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни посылай, что ни делай — ничем вас не удовлетворишь и миру не добьешься. Ведь твои паны писали, и ты сам неоднократно передавал с послами и посланниками, что ты для того и приглашен на престол, чтобы разрешить давние споры. Это к добру не приведет: взыскиваешь более чем за сто лет, а за это время с обеих сторон не один государь умер и предстал на Божий суд. Видно, все те государи не знали, как за свое стоять, а бояре и паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не только кровью? А ты, видно, всех своих предков лучше, а паны твои умнее своих отцов: чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут, кроме кровопролития, ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны посадили тебя на престол для этого, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство бусурманам! А когда обессилишь обе земли — Русскую и Литовскую, все бусурманам и достанется. Называешь себя христианином. Христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде, при твоих предках, перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а ныне и подавно верить нечему — присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, и начал кровь проливать. Но если ты присяги не соблюдаешь — нечему верить, а раз нечему верить, невозможно заключить вечный мир. А город Себеж, поставленный от нашего имени в годы нашего детства, король Сигизмунд-старший, как набожный христианский государь, не желая кровопролития и стремясь к миру, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты, пришелец, просишь теперь от нас невозможного: самим сжечь или разобрать этот город, а землю уступить тебе вместе с Полоцком: какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем несообразно? Ты пишешь, что в верительной грамоте наших полномочных послов — нашего дворянина и наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина, нашего дворянина и наместника шацкого Федора Андреевича Писемского и дьяка Ивана Андреева сына Трифонова — указано, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; так ведь такие слова пишутся во

всяком охранном листе; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых говорится в твоей грамоте, в речах твоих панов нашим послам и в письмах наших послов, соглашение заключено быть не может. Ты пишешь, что нам следует дать им еще более подробные указания, но подробнее этого как можно указать! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов — Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская земля тебе в придаток, а в ней городов с тридцать. Ни в каких государствах это не принято — уступать города; а мы тебе столько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! Просили они тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив [Нарву], но ты и этого не хочешь уступить! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил: как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины, доставшиеся нам от наших прародителей? И ты обо всем этом договориться не пожелал и решил отослать их, не договорившись; а когда они попросили разрешения снести с нами, ты сообщил им твои условия мира, чтобы мы, ознакомившись с их сообщением, дали им указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, но подрывают христианский мир, ведут к кровопролитию и делают невозможной долгую дружбу между нашими потомками — им остается только вечно продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, что мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток, — так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить город Себеж и землю его уступить — на это согласиться невозможно; а если ты хотел христианского мира, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал — все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при короле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде-Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны ни из-за чего не было; а ты нынче пишешь, чтобы только ссору затеять. Твои паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу — таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль? Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь, а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большое, — пи-

шешь о нерушимости доброго дела, а сам его всячески разрушаешь, опасаясь малым делом разрушить большое, а сам ни большого, ни малого не укрепляешь — только бы воевать! А купцы, о которых ты писал, были задержаны из-за войны, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, товары у них не отняты и находятся в тех же домах, где они сами, а не отпускаем мы их ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, опасаясь, что мы узнаем вести о тебе и твоём государстве. Но если между нами, Бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе об этом в особой грамоте. Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, то мы отпустили его, как только смогли. Но этот твой дворянин, Криштоф Держко, приехал к нам за тринадцать дней до истечения этого срока, и поспеть к этому сроку он не мог, но даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку, то все равно мы бы тебя этим не ублажили и не отвлекли от кровопролития: поспеет гонец или не поспеет, мир или война, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на границе. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь оплатить военные сборы — это ты придумал по бусурманскому обычаю: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань, — нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут дань. Ты ведь называешься христианским государем — чего же ты просишь с христиан дань по бусурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал — и с нас же убытки взимаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам за что тебе платить? Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы вернуть без выкупа. А это разве по-христиански у тебя делается, что когда наши послы, посланники и гонцы, на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других городов, этих наших людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? И если ты, забыв христианское благочестие, так стремишься к кровопролитию и настолько охвачен гордостью, что словно хочешь все вокруг проглотить и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое: “Не надейтесь на Бога, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!” — то к чему и писать много! Мы же надеемся на Всевышнего и упо-

ваем на силу Животворящего Креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою благочестивого и Животворящего Креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели [следуют цитаты из Псалтыря о всемогуществе Бога и о ничтожестве человеческих сил в сравнении с силой Бога]. И если ты силен, то плени: “Господь мне в помощь, убоюсь ли человека?” [следует дальнейший текст цитаты из Псалтыря об “имени Господнем”, побеждающем всех врагов]. И если уж мира не будет, а только кровопролитие, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой Бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить перемирие и вечный мир. А на тех условиях, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты заключить с нами вечный мир и перемирие не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником нижегородским князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир и чтобы на основании этой грамоты мог быть заключен христианский мир, — мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали и передаем устно через своих послов, послав им наказ. И если ты хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласишься на условия, переданные нашим послам — дворянину и наместнику муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов, и пусть с этого времени между нами в течение сорока-пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагрконь [осел], и стремишься к битве; Бог в помощь! Уповая на его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам Бог. Писана в Москве, в нашем царском

дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом году, двадцать девятого июня [29 июня 1581 года], на 46-й год нашего правления, на 34-й год нашего Российского царства, 28-й — Казанского, 27-й — Астраханского»».

***Некоторые источники,
использованные при работе над книгой***

- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981.
- Завещание Ивана Грозного — Царская правда. М.: Алгоритм Эксмо, 2009.
- Иоанн Грозный. Антология. М.: Алгоритм Эксмо, 2004.
- Грозный царь Иван Васильевич. СПб.: Лениздат, 1996.
- Володихин Д.* Иван IV. М.: Вече, 2010.
- Фомин С. В.* Правда о первом русском царе. М.: Русский издательский центр, 2010.
- Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Аст, Астрель, 2005.
- Маслов Александр, Маслов Алексей.* Смертельный трон. Ростов н/Д: Феникс, Неоглори, 2010.
- Валишевский К.* Иван Грозный. М.: СП «Квадрат», 1993.
- Иванов А.* Летоисчисление от Иоанна (по фильму П. Лунгина «Царь»). СПб.: Азбука-классика, 2009.
- Арсеньева Е.* Гарем Ивана Грозного. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
- Аксеничев О.* Тайное око Ивана Грозного. М.: Яуза-Пресс, Эксмо, Лепта книга, 2008.
- Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2010.
- Васильева Л.* Жены русской короны (книга 1). М.: Бослен, 2011.
- История российской монархии. Иван IV Грозный. М.: Эксмо, 2011.
- Бушков А.* Иван Грозный / Кровавый поэт. М.: Олма Медиа Групп, 2007.
- Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования / Личность царя Ивана Васильевича Грозного... М.: Книга, 1990.
- Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV — начало XVII в. М.: Ладомир, 1998.
- Алексеев Ю.* Государь вся Русь. Новосибирск: Наука, 1991.
- Аль Д.* Иван Грозный: от легенд к фактам. СПб.: Нева, 2005.
- Альшиц Д.* Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1978.
- Андреев А.* История власти в России. М.: Евролинц, 2003.
- Балазин В.* Иван Грозный и воцарение Романовых. М.: Олма, 2006.
- Беляев Л.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М.: АСТ, 2005.
- Бобенко Г.* Ногою твердой стать при море... СПб.: Книжный мир, 2005.
- Борисов Н.* Иван III. М.: МГ, 2003.
- Борисов Н.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: МГ, 2004.
- Боханов А.* Русская идея: От Владимира Святого до наших дней. М.: Вече, 2005.
- Булычев К.* Тайны Руси. М.: Дрофа, 2003.
- Володихин Д.* Иван Грозный: бич божий. М.: Вече, 2006.
- Всемирная история (1500—1650). СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1911.

Геллер М. История Российской империи. Т.1. М.: Мик, 2001.

Георгиева Т. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М.: Высшая школа, 2006.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988.

Гобри И. Лютер. М.: МГ, 2000.

Горяинов С., Егоров А. История России IX—XVIII вв. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

Гумилев Л. Древняя Русь и великая степь. М.: АСТ, 2004.

Демин В. Русь летописная. М.: Вече, 2003.

Домников С. Мать-земля и царь-город: Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002.

Зарезин М. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси. М.: Вече, 2004.

Зимин А., Хорошевич А. Россия времен Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.

Зимин А. Россия на пороге Нового времени. М.: Мысль, 1972.

Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука-классика, 2000.

Из глубины столетий. Казань, 2004.

Иловайский Д. Собиратели Руси. М.: Чарли, 1996.

Иловайский Д. Царская Русь. М.: Чарли, 1996.

Исаев И. История государства и права России. М.: Юристъ, 2006.

История Польши. М.: Монолит, 2002.

История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: Эксмо, 2007.

Казаков С. Загадки и легенды русской истории. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

Казакова Н., Лурье Я. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1955.

Карамзин Н. История Государства Российского. Кн. 2. М.: АСТ, 2004.

Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. Выбирая свою историю. М.: Колибри, 2006.

Книга для чтения по истории Средних веков. М.: Т-во Сытина, 1912.

Князев Е. Власть отвратительна. М.: Сампо, 2000.

Князьков С. Допетровская Русь. М.: Вече, 2005.

Козлов В. Тайны фальсификации. М.: Аспектпресс, 1996.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980.

Колобов В. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб.: Алетейя, 2004.

Коротков И. Иван Грозный: Военная деятельность. М.: Воениздат, 1952.

Костомаров Н. Земские соборы. М.: Чарли, 1995.

Костылев В. Иван Грозный. Исторический роман: В трех книгах. М.: Альфа-книга, 2010

Кравченко С. Кривая империя. М.: Быстрое, 2002.

Кричевский Б. Митрополичья власть в Средневековой Руси. СПб.: Искусство, 2003.

Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.

Ломоносов М. В. Собрание сочинений. Т. 6. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1952.

Манягин В. Правда грозного царя. М.: Алгоритм, 2006.

Меденков В. Русские: история, психология, судьба. М.: Русская книга, 2003.

Мельсунов С. Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв. М.: Задруга, 1922.

Мизун Ю., Мизун Ю. Г. Хань и князь: Золотая Орда и русские княжества. М.: Вече, 2005.

Милов Л. По следам ушедших эпох. М.: Наука, 2006.

- Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1993.
- Мир русской истории: Энциклопедический справочник. М.: Вече, 1997.
- Морозова Л. Затворницы. М.: АСТ, 2002.
- Мурашев Г. Титулы, чины, награды. М.: АСТ, 2006.
- Никольский Н. История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.: Российские семена, 1996.
- Павлов-Сильванский Н. Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
- Пересветов Р. По следам находок и утрат. М.: Советская Россия, 1963.
- Пересветов Р. Тайны выцветших строк. СПб.: Авалон, 2006.
- Платонов С. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск: Фолиум, 1996.
- Покровский М. Русская история. Т. 1. СПб.: Полигон, 2001.
- Полевой Н. История русского народа. М.: Вече, 2006.
- Поссевин А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983.
- Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Алетей, 2005.
- Пронина Н. Иван Грозный: «мучитель» или мученик? М.: Яуза, 2006
- Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М.: Наука, 1986.
- Разин Е. История военного искусства. XI—XVI вв. СПб.: Полигон, 1994.
- Россия XVI века: Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003.
- Русская артиллерия от Московской Руси до наших дней. М.: Вече, 2006.
- Русское православие: Вехи истории. М.: Политиздат, 1989.
- Рыбина Е. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М.: МГУ, 1986.
- Рязанцев С. Рога и корона. СПб.: Астрель, 2006.
- Серяков М. Любовь и власть в Древней Руси. М.: Яуза, 2005.
- Серяков М. Любовь и власть в русской истории. М.: Олма, 2002.
- Скрынников Р. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. М.: Наука, 1991.
- Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1996.
- Скрынников Р. Иван III. М.: АСТ, 2006.
- Скрынников Р. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2002.
- Скрынников Р. Переписка Грозного и Курбского. Л.: Наука, 1973.
- Скрынников Р. Россия в начале XVII в.: «Смута». М.: Мысль, 1988.
- Смирнов В. Загадки колдунов и властителей. М.: Вече, 2006.
- Соловьев С. История России. 1054–1462. М.: Астрель, 2001.
- Соловьев С. Учебная книга русской истории. М.: АСТ, 2003.
- Соловьев С. История России с древнейших времен: Избранные главы. М.: Олма, 2004.
- Соловьев Б. Русское дворянство. СПб.: Полигон, 2003.
- Солоневич И. Народная монархия. М.: Эксмо, 2003.
- Средние века: Книга для чтения по истории. М.: Астрель, 2006.
- Стеллецкий И. Поиски библиотеки Ивана Грозного. М.: Сампо, 1999.
- Сто великих диктаторов. М.: Вече, 2004.
- Сычев Н. Книга династий. М.: АСТ, 2005.
- Татищев В. История российская. Т. 3. М.: АСТ, 2002.
- Тимошина Т. Экономическая история России. М.: Филинь, 2000.
- Торопцев А. Рюриковичи: От Ивана Калиты до Ивана Грозного. М.: Олма, 2006.

Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М.: ОГИ, 2004.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006.

Флоря Б. Иван Грозный. М.: МГ, 2002.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006.

Хоскинг Д. Россия: народ и империя. Смоленск: Русич, 2000.

Хрестоматия по истории Средних веков. М.: Соцэклитиздат, 1963.

Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М.: Владос, 2004.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М.: Проспект, 2007.

Царь Иван IV Грозный. М.: Русский мир, 2005.

Цечоев В., Власов В. История отечественного государства и права. Ростов н/Д: Феникс, 2003.

Чекалов Д. Иоанн Грозный: звезды и числа. М.: Эксмо, 2006.

Шамбаров В. Бей поганых! М.: Алгоритм, 2005.

Широкопад А. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ, 2007.

Широкопад А. Русь и Орда. М.: Вече, 2004.

Широкопад А. Путь к трону. М.: АСТ, 2004.

Широкопад А. Русь и Литва: Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004.

Шмурло Е. История Росиии. М.: Аграф, 2001.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань: Александрия, 2005.

Фильм «Иван Грозный», реж. А. Эшпай, 2009.

*Сергий Радонежский:
милость Божья
всему русскому народу,
или Святое в услужении
мирскому...*

(актуальное чтение)



Предисловие.....	305
Глава 1. <i>Начало пути в святость великую. Догадка о главной цели предстоящего служения Руси</i>	308
Глава 2. <i>Пострижение Варфоломея и начало его иноческой жизни</i>	312
Глава 3. <i>Лютое начало великого стояния Сергия Радонежского в пустыньке</i>	315
Глава 4. <i>От полного уединения к духовному общежитию</i>	320
Глава 5. <i>Игумен русского сердца</i>	322
Глава 6. <i>Первое принародное чудотворение Сергия путем насыщения едой страждущих богомольцев</i>	330
Глава 7. <i>О внешнем виде и подлинном значении всякого человека, и не только...</i>	335
Глава 8. <i>Водное чудотворение Сергия на его пути к цели спасения Руси</i>	340
Глава 9. <i>Чудо воскрешения отрока — еще одно свидетельство о неслучайности личности Сергия в истории Руси</i>	341
Глава 10. <i>Расширение славы Сергия до границ всего православного мира</i>	343
Глава 11. <i>О том, почему на самом деле Сергей категорически отказался от сана митрополита</i>	345
Глава 12. <i>Благословение Сергием великого князя московского Дмитрия Ивановича на сражение с ордой Мамай</i>	354
Глава 13. <i>Последнее великое мирское служение святого Сергия</i>	357
Послесловие	360

Предисловие

Фигура преподобного Сергия Радонежского одна из тех совсем немногих, в отношении которых в русском обществе нет и никогда не было серьезных разногласий. Почему же? Да, видимо, потому, что глупые люди перед ним пасуют, а умные — понимают, что этот святой прочно защищен всей собственной жизнью от критики, включая самое раннее младенчество, когда знавшие его люди дружно, как один, вопрошали: «Кем будет юноша этот, которого уже с детства одарил Бог столь великой добродетелью?». Впрочем, необходимо также понимать и то, что он, будучи первым уникальным деятелем Русской православной церкви, во многом есть еще и крупнейший политический деятель, но так и оставшийся в тени русской истории. То есть Сергей Радонежский, как стало широко известно лишь совсем недавно, принимал самое существенное участие в жизни Древней Руси, никак его при этом не афишируя. Кроме того, известен также факт непосредственного участия величайшего русского святого в спасении московского Кремля от его штурма крымскими татарами в 1521 году. В честь этого события была водружена над Спасскими воротами Кремля соответствующая икона, которая и поныне находится там. Ко всему сказанному еще существует предание, известное благодаря картине Николая Рериха, посвященной Сергию, что, вероятно, скоро предстоит новое пришествие Радонежского с целью последнего спасения Русского государства, стоящего ныне на краю своей гибели по причине захвата его меркантильными по духу людьми (служителями безудержной наживы), во главе которых оказался дрянцо человек. Но почему вдруг дрянцо человек? Да потому, что он все делает только исподтишка, только с позиции заранее уворованного и явного преимущества. Другими словами, он в ситуации равного поединка заранее пасует перед любым противником, приводя тем самым в русскую историю самые омерзительные последствия повсеместного демонстративного господства продажности и узаконенного откровенно несправедливого насилия. Именно названные выше мрачные сущности путем освобождения самих себя от какой-либо серьезной ответственности

и полной симуляции общественной жизни и создали ситуацию тотального обесмысливания бытия уже самой России, ведущей к полному взаимному отчуждению различных социальных групп и слоев русского народа, порождающего ее грядущий распад. Поэтому-то третий приход Сергия Радонежского, как говорится, уже стучится в двери самого ближайшего будущего.

Отрок Варфоломей (таково было имя Сергия Радонежского в детстве) мыслился его отцом, ростовским боярином Кириллом, будущим воителем. Однако сын воспротивился воле отца, пожелав идти в монахи. Вместе с тем, как выяснилось уже много позже, Варфоломей выбрал единственно возможную стезю для спасения дорогой его сердцу Руси. Этот путь предполагал обретение им несомненного личного авторитета в глазах любого русского человека для последующего его использования ради цели решительного объединения русских земель. Поэтому-то Варфоломей и избрал себе раз и навсегда путь в жизни, который и был описан в его житии: «Отрок же преславный, преславного отца сын, о котором мы речь ведем, подвижник, о котором всегда помнят, родившийся от родителей благородных и благоверных, вырос как от доброго корня добрая ветвь, воплотив в себе всяческие достоинства доброго корня этого. Ведь с молодых лет он был подобен саду благородному и вырос как богатый плод, был отроком красивым и благонравным. Хотя по мере роста он становился все лучше, но красоты жизни он ни во что не ставил и всякую суету мирскую, как пыль, попирал ногами, так что, можно сказать, самую природу свою хотел презреть, и унижить, и преодолеть, часто нашептывая про себя слова Давида: «Какая польза в крови моей, когда я сойду в могилу?». Кроме этого, житие также отмечает в нем: «Ночью же и днем он не переставал молить Бога, который начинающим подвижникам помогает спастись. Как я смогу перечислить прочие добродетели его: спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без ухищрений. Он любил одинаково всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха; но когда хотелось ему улыбнуться (ведь и ему это было нужно), он и это делал с великим целомудрием и воздержанием. Он всегда сокрушаясь ходил, как будто в печали; еще же более плакал, часто слезы из очей по щекам испуская, на плачевную и печальную жизнь этим указывая. И слова Псалтыри всегда на устах его были, он воздержанием всегда был украшен, тяготам телесным всегда радовался, бедную одежду прилежно носил. Пива же и меда он никогда не вкушал, никогда к устам их не подносил и даже запаха их не вдыхал. К постнической жизни стремясь, он все это не нужным для человеческой природы считал». Дальнейшие же последствия сего выбора канвы всей жизни — это уже подготовка открытой военной борьбы за освобождение Руси от многолетнего татарского ига. Иначе говоря, всякая надежда на то, что иго исчезнет само собой, что оно, в кон-

це концов, не сгубит Русь как обитель православия уже навсегда, была, наконец, отринута и самой Русской православной церковью. И была она отринута как сущая ересь. И решающий вклад в сие прозрение и в последующее освобождение Руси как раз и внес великий русский монах, изначально казавшийся своим родным лишь странным и упрямым ребенком.

И все же спросим самих себя снова: а чем же ценен России образ Сергия Радонежского, который решительно с самого начала своей жизни отринул все мирское для себя, признав его воистину погибельным? Или неужели его личное спасение следует признать только его же личным делом и частным выбором? Если преподобный Сергей презирал все мирское и жаждал лишь Небесного, то почему мы, сознательно грешные, сегодня вспоминаем его и полагаем важным его бытие в нашей очень не святой жизни? Ответ, возможно, состоит в том, что вряд ли Господу угодны только отдельные святые люди, когда остальное человечество, как говорится, открыто пропадает в грехе. Иначе говоря, такие великие святые, как Сергий Радонежский, ему нужны для чего-то гораздо большего? Но для чего именно? Да, с его помощью Русь обрела многочисленные монастыри, где уже спасались многие и многие русские люди, но главным делом его жизни все же, по-видимому, следует считать его личное участие в создании и в духовном охранении самого русского Православного царства. Однако ныне, в эпоху тотального перерождения России уже в царство всевозможных мирских (богоборческих) утех и похотей, в котором нарочито царят ложь и зло, подло рядящиеся при этом в правду и добро, его личное и зримое присутствие представляется абсолютно необходимым. Впрочем, сие присутствие, как и встарь, невозможно без широкого запроса души самого русского народа, а значит, и без осознания им самой всеобщей беды, случившейся ныне на русской земле. Вот для чего и пишется сия книга. Ее автору очень хочется верить в то, что пробуждение и прозрение русских людей вполне возможно, что они все равно скинут ярмо слуг сатанинских, накинувших его на саму их душу. И, как говорится, помогай им в том Господь Бог Иисус Христос и его величайший русский святой Сергий Радонежский, о котором сказал автор жития Епифаний Премудрый:

«Преподобный игумен отец наш святой Сергий: старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, *предводитель вождям*, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, молчальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, *настоящий вождь*

и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагой руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общежительства, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образец, столп терпения; он прожил на земле ангельской жизнью и прославился в земле Русской, как звезда пресветлая; великая его добродетель многим людям на пользу была, для многих спасение, для многих успех душевный, для многих поддержка, для многих опора; он был для благоверных князей великих русских учителем православия; вельможам же, и тысяцким, и прочим начальникам, и всем придворным, и благоверному всему войску благочестия твердый поборник; архиепископам же, и епископам, и прочим святителям, архимандритам благоразумный и душеполезный предстатель и испытатель; честным же игуменам и пресвитерам прибежище, инокам как лестница, возводящая на высоту небесную; сиротам как отец милосердный, вдовицам как заступник горячий; печальным утешение, скорбящим и сетующим радость, воюющим и гневающимся умиротворение, нищим же и слабым сокровище неистощимое, бедным, не имеющим повседневной пищи, великое утешение, страдающим многими недугами успокоитель, изнемогающим укрепление, робким опора, злосчастным заступник, обиженным помощник, насильников и хищников твердый обличитель, находящимся в плену избавитель, в трудах изнемогающим освободитель; в темницах в оковах содержащимся избавление, должникам выкуп, просящим подаяние, пьяницам трезвость, горделивым целомудрие, чужое грабящим обуздание, лихоимцам запрещение; грешникам кающимся и всем приходящим к нему, как к источнику целительному, — верный помощник».

Глава 1

Начало пути в святость великую.

Догадка о главной цели предстоящего служения Руси

Прожив почти 20 лет своей чудной жизни с момента рождения в 1314 году, Варфоломей, средний сын ростовского боярина Кирилла и боярыни Марии, скончавшихся в мужском и женском монастырях, решил окончательно воплотить свою мечту о благой жизни в пустыни. Для этого он обратился к своему старшему брату Стефану, который в это время уже принял монашество в Покровском монастыре Хотькова:

— Брат мой Стефан! Хочу с тобой спастись в пустыни. Соблаговолишь ли ты идти со мной?

— И где же ты, Варфоломей, думаешь спастись? — вопросом на вопрос ответил старший брат.

— Думаю приискать пустыньку в лесных окрестностях Радонежа, — спокойно и твердо пояснил младший брат.

— Что ж, ты готов это делать даже один? — снова спросил Стефан Варфоломей.

— Да, если тебе не будет угодно идти со мной, — опять спокойно и твердо ответил будущий угодник Божий.

— И что ты думаешь об этом спасении: оно только для тебя или и для других людей тоже сгодиться может? — продолжил выяснение осмысленности желания брата Стефан.

— Я думаю, что Господь сам мне откроет замысел свой обо мне, правда, ежели с меня толк в лесу будет! — удивительно смело заявил Варфоломей.

— Зря ты, Варфоломей, передо мною таишься. Ведь не ты ли еще в утробе матери нашей в церкви во время литургии троекратно прокричал, и не ты ли привел в дом чудесного черноризца, научившего тебя враз грамоте? Давай рассказывай как на духу, иначе дела у нас тобой не будут! — обиженно произнес старший брат.

— Да, брат, все так. Но боюсь я прогневить Бога своими желаниями не по чину. Впрочем, ежели ты, Стефан, настаиваешь, то я скажу тебе так, — начал говорить свое Варфоломей, — помнишь ли ты, почему мы с родителями нашими оказались в Радонеже?

— Да, помню. Это случилось из-за невозможных поборов московского воеводы Василия Кочевы, — ответил с любопытством Стефан.

— А почему москвич помимо личной жадности так вел себя, как думаешь? — снова зашел издалека Варфоломей.

— Не томи, брат, коль знаешь сам! — смущенно ответил Стефан.

— Знаешь ли ты, Стефан, что Русь уже почти сто лет платит дань монголам? — спросил Варфоломей.

— Знаю, и что с того? — возмутился старший брат.

— А то, что пора бы попробовать прекратить сии несносные поборы, порождающие к тому же неслыханные распри среди русских князей и воевод, — спокойно проговорил младший брат.

— И ты решил сие сотворить в пустыньке? — насмешливо, прямо как слабоумного, спросил Стефан своего брата.

— А ты бы, брат, не насмехался, коли спрашиваешь с пристрастием. Лучше бы попытался понять меня. Я хочу истово молить Бога нашего о спасении своей души не только ради нее самой. Я хочу святостью своей, коли она случится с Божьей помощью, помочь Руси преодолеть вековое рабство, вызванное раздором княжеским, для которого и ныне так и нет примирительного общерусского авторитета, — закончил свою главную мысль Варфоломей.

— Хорошо, брат, не обижайся на меня. Я подумаю немного о том, что ты сказал, и сообщу тебе, надеюсь, вскоре свое решение, — завершил беседу братьев Стефан.

Спустя два дня Стефан прямо с утра объявил Варфоломею свое решение:

— Предложение твое, брат, принимаю и готов начинать изыскания места для будущего нашего с тобой отшельничества.

Братья сговорились начать поиски уже в ближайшие дни, как только уладят все свои дела. Крепко помолившись, братья приступили к выполнению задуманного. Ниже читаем фрагмент жития преподобного в изложении Епифания:

«Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда блаженный юноша сказал Стефану:

— Поскольку ты брат мой старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя, как отца. Сейчас не с кем мне советоваться обо всем, кроме тебя. В особенности я умоляю тебя ответить и спрашиваю тебя: вот уже церковь поставлена и окончательно отделана, и время пришло освящать ее; скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее?

В ответ Стефан сказал ему:

— Зачем ты спрашиваешь, и для чего ты меня испытываешь и терзаешь? Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: “Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели святую литургию”. Так что все люди, стоявшие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: “Кем будет младенец этот?” Но священники и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: “Поскольку в чуде с младенцем число три проявилось, это означает, что будет ребенок учеником Святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в Святую Троицу”. Поэтому следует тебе освящать церковь эту лучше всего во имя Святой Троицы. Не наше это измышление, но божья воля, и предначертание, и выбор, Бог так пожелал. Да будет имя Господа благословенно вовеки!

Когда это сказал Стефан, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил:

— Правильно ты сказал, господин мой. Это и мне нравится, и я того же хотел и думал об этом. И желает душа моя создать и освятить церковь во имя Святой Троицы. Из-за смирения я спрашивал тебя; и вот Господь Бог не оставил меня, и желание сердца моего исполнил, и замысла моего не лишил меня.

Решив так, взяли они благословение и освящение у епископа. И приехали из города от митрополита Феогноста священники, и привезли с собой освящение, и антиминос, и мощи святых мучеников, и все, что нужно для освящения церкви. И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом киевским и всея Руси, при великом князе Семене Ивановиче; думаю, что это произошло в начале княжения его. Правильно церковь эта названа была именем Святой Троицы: ведь поставлена она была благодатью Бога Отца, и милостью Сына Божьего, и с помощью Святого Духа.

Стефан же, построив церковь и освятив ее, недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыне, жизнь печальная, жизнь суровая, во всем нужда, во всем лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ни чего другого, нужного для жизни. Ведь не было к тому месту ни дорог, ни подношений ниоткуда; ведь не было тогда вокруг пустыни этой поблизости ни сел, ни домов, ни людей, живущих в них; ниоткуда не было к тому месту тропы человеческой, и не было ни прохожих, ни посетителей, но вокруг места этого со всех сторон был только лес, только глушь. Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пустыню, а также брата своего родного, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушел оттуда в Москву».

А вот как, возможно, протекал последний разговор братьев перед уходом Стефана.

— Варфоломей, как ты, наверное, уже догадываешься, я решил твердо покинуть тебя. С одной стороны, братскую помощь в приискании тебе пустыни и в обустройстве ее я оказал, с другой — теперь, видимо, наступает уже твое дело — дело особого спасения души твоей, как ты сам себе его знаешь. Я тебе теперь могу быть лишь помехою, так как ясно чувствую, что не смогу я смиренно переносить великие тяготы лесной жизни. Поэтому завтра утром я покину тебя. Думаю, что ты простишь меня. Мой путь теперь в Москву. Надеюсь, в свое время мы еще встретимся с тобой.

— Стефан, спасибо тебе за братскую помощь. Без тебя я бы вряд ли решился сам обосноваться в пустыне. Я буду молиться Богу за тебя всегда, пока силы мои будут при мне. Думаю, что мы еще будем молиться Богу вместе, но случится это еще не скоро. Думаю, что ты прав в решении своем.

— Что ж, Варфоломей, спасибо за понимание и поддержку. Будем полагать, что Богу сие наше решение вполне угодно.

А вот что сообщает Епифаний Премудрый о дальнейшей участи Стефана:

«Придя в город (Москву. — А. М.), он поселился в монастыре святого Богоявления и нашел себе келью, и жил в ней, весьма преуспевая в добродетели: ведь и он любил жить в трудах, жил он в келье своей жизнью суровой, постился и молился, и от всего воздерживался, и пива не пил, и скромные носил одежды. В то время в этом монастыре жил митрополит Алексей, который еще не был поставлен в митрополиты, но иноческую жизнь с честью вел. Они со Стефаном в монашеской жизни вместе жили и в церкви на клиросе оба, рядом стоя, пели; также некто Геронтий, известный и славный старец, в том же монастыре жил. Когда узнал князь великий Семен о Стефане и славной жизни его, он повелел митрополиту Феогносту поставить его в пресвитеры, облечь его в священнический сан, а потом велел игуменство ему поручить в том монастыре, и взял его себе духовным отцом; так сделали и Василий-тысяцкий, и Федор, брат его, и остальные бояре старшие сделали так один за другим».

Глава 2

Пострижение Варфоломея и начало его иноческой жизни

Оставшись один, Варфоломей решил совершить обряд пострижения самого себя в монахи. Вот что об этом сообщает в житии Епифаний:

«Преподобный отец наш не принял ангельский образ до тех пор, пока не изучил все монастырские дела: и монашеские порядки, и все прочее, что требуется монахам. И всегда, в любое время, с большим прилежанием, и с желанием, и со слезами он молился Богу, дабы удостоиться принять ангельский образ и приобщиться к иноческой жизни. И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. Варфоломей просит и умоляет его, смиренно кланяясь, перед ним радостно преклоняет голову свою, желая, чтобы Митрофан в иноки его постриг. И повторял ему святой:

— Отче! Сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин, ведь я с юности моей давно очень хочу этого, но воля родителей удерживала меня. Сейчас же, от всего освободившись, я так жажду этого, как олень стремится к источнику водному; так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни.

Игумен немедля вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий: ведь так в то время давали случайные имена, не считаясь с мирским именем; но какого святого память отмечалась в тот день, когда постригали, такое имя и давали

постригающемуся. Было святому, когда он стал иноком, двадцать три года. А в церкви, о которой я говорил, самим Сергием созданной и названной в честь Святой Троицы, в этой церкви игумен тот вместе с чином пострига отслужил и божественную литургию. Блаженный же Сергий, только что постриженный инок, когда совершен был постриг, причастился Святых Тайн, вкусил пречистое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, как достойный сподобился такой святости. Так вот, после святого причащения или во время самого причащения снизошла на него и вселилась благодать и дар Святого Духа. Откуда же это известно? Были некие люди здесь в то время, поистине правдивые свидетели того, что, когда Сергий причастился Святых Тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием: не только в церкви, но и вокруг церкви чувствовался запах благовонный. И все видевшие и ощутившие этот запах прославили Бога, так прославляющего своих угодников.

Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Первый в начинании, но высший мудростью; первый челом, но высший трудами. Я скажу, что он был и первый, высший: ведь многие в той церкви постриглись, но ни один из них не смог достичь его совершенства; многие так начинали, но не все так окончили свое дело; многие потом в том месте — и при жизни Сергия, и после него — были иноками, поистине все они славными были, но не все могут сравниться с ним. Это был в том месте первый инок, он положил начало подвигам; всем другим монахам, живущим здесь, он примером был. Ведь когда он постригался, он не только постригал волосы на голове своей, но вместе с бесчувственными волосами он плотские отсекал желания; а когда одежды мирские сбрасывал, он с ними отвергал от себя эти желания. Это был тот, кто с себя прежнего человека совлекал и удалял, а в нового превращался. И, крепко подпоясавшись, приготовился он подвиги духовные мужественно начать, оставив мир и отрехшись от него и от всего, что в миру, от имущества и всех остальных житейских благ. И, попросту говоря, все узы мирские он разорвал, — как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает — так и этот преподобный оставил мир и все мирское, бежал от всех житейских благ, оставив род свой и всех близких и родственников, дом и отечество, подобно древнему патриарху Аврааму.

Находился блаженный в церкви семь дней, ничего не ел он, только лишь просфору, взятую из рук игумена; от всего отстранившись, только лишь в посте и молитве пребывал. Песня Давида постоянно была на устах у него, слова псалмов, ими он себя утешал, ими же и бога хвалил. Пел он про себя и так благодарил Бога:

— Господи! Я возлюбил красоту дома твоего и место вселения славы Твоей; в доме Твоем пребудет святость господня долгие дни. Как вожделены села Твои, Господи, сил! Истомилась душа моя по дворам господним;

сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом. И птица находит себе жилье, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих. Блаженны живущие в доме твоём; во веки веков будут они восхвалять Тебя. День один во дворах Твоих лучше тысячи дней; лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели в жилище грешников.

Когда же провожал Сергий игумена, который постриг его, со многими смиренными словами сказал он ему:

— Вот, отче, уходишь ты теперь отсюда, а меня, смиренного, как я и хотел, одного оставляешь. Долгое время я всеми помыслами моими и желаниями стремился к тому, чтобы жить мне одному в пустыне, без единого человека. Издавна я этого просил у Бога в молитвах, всегда слыша и вспоминая пророка, восклицавшего и говорящего: “Я удалился, убежав, и остался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от малодушия и от бури. И поэтому услышал меня Бог и внял гласу моления моего. Благословен Бог, который не отверг молитвы моей и не отвратил милости своей от меня”. И сейчас я благодарю Бога, сделавшего все по моему желанию, за то, что он дал мне одному в пустыне жить в одиночестве и безмолвии. Ты же, отче, ныне уходя отсюда, благослови меня, смиренного, и помолись о моем уединении, а также и научи меня, как жить мне одному в пустыне, как молиться Богу, как без напасти прожить, как противиться нашему врагу и гордым его помыслам. Ведь я, новопосвященный, только что постригся и стал иноком, поэтому я должен обо всем расспросить тебя.

Игумен, охваченный ужасом, ответил, удивляясь:

— И ты меня, — сказал он, — спрашиваешь о том, что ты много лучше нас знаешь, о достойный человек! Ведь привык ты всегда таким образом пример смирения показывать. Но все же ныне и я отвечу, как подобает мне словами молитвы отвечать тебе, так: Господь Бог, еще раньше избравший тебя, пусть щедро одарит тебя, вразумит тебя, научит тебя и радости духовной да исполнит тебя.

И, немного о духовном побеседовав с Сергием, он хотел уже уйти. Но преподобный Сергий, поклонясь ему до земли, сказал:

— Отче! Помолись за меня Богу, чтобы помог он мне терпеть плотские искушения, и бесовские нашествия, и зверей нападения, и труды в пустыне.

Игумен же в ответ сказал:

— Говорит Павел-апостол: “Благословен Господь, который не даст нам сверх сил искушений”. И еще сказал: “Все могу, если укрепит меня Бог”.

И снова, уходя, игумен поручает его Богу и оставляет его в пустыне одного безмолвствовать и жить в одиночестве. Сергий же, провожая игумена, еще раз просил у него благословения и молитвы. Игумен же преподобному Сергию сказал:

— Вот я ухожу отсюда, а тебя оставляю Богу, который не допустит гибели преподобного своего, который не даст грешным поднять жезл на жизнь праведных, который не предаст нас в зубы грешников. Ведь Господь

любит праведника и не оставит преподобных своих, но навеки сохранит их; Господь сохранит тебя в начале твоей жизни и в конце ее отныне и навеки, аминь.

Сказал это игумен и, помолившись и благословив Сергия, ушел от него; и пошел туда, откуда и пришел. Следует также вот что знать читающим житие: в каком возрасте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по божественной благодати. После ухода игумена преподобный Сергей в пустыне подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне?»

Оставшись в полном одиночестве, новоявленный инок Сергей подумал:

«Вот и сбилось то, к чему стремилась моя душа: я один и могу искать Бога без помех людских. Но как я пойму, что дело мое разумно движется, что я не впал в соблазн или прелесть меня не объяла? Разве что враг Божий своим домогательством о том сообщит? Почему нет, ведь на заблуждающегося человека ему нет нужды тратиться? Но устою ли я, когда он придет меня подминать под себя? Господи, не оставь тогда раба твоего!»

Глава 3

Лютое начало великого стояния Сергия Радонежского в пустыньке

Однажды преподобный Сергей ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством воинов бесовских появился — вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерших; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сровнять то место с землей. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему хором:

— Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя; и ты умрешь в руках наших, и не быть тебе живым.

И звучало это все на фоне криков, зверского завывания и жуткого смеха, нарастая по частоте своей и силе звука. Кроме того, речи сии порой звучали странно, как умоляюще-сожалеющие. Затем они вдруг резко начинали переходить в буквально рычащие интонации совсем уж нечеловеческого свойства:

— Уходи отсюда! Уходи!! Не надейся здесь жить!!!

Сергий, собравшись с духом, спокойно заговорил:

— Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого усташуся? Внегда приблизятся на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю...

Неожиданно погасла свеча и за ней вслед лампада перед иконой, осветилась вода в ведре, а в ней лик ужасный, говорящий утробно:

— Не думай, что мы уступим тебе это место.

Преподобный смиренно продолжал читать «Псалом Давиду, прежде помазания, 26»:

— Едино просих от Господа, то възщу: еже житии ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святыи Его. Яко скры мя в селении Своем в день зол моих, покры мя в тайне селения Своего, на камень вознесе мя. И ныне се вознесе главу мою, на враги моя: обыдох и пожрох в селении Его жертву хваления и воскликновения, пою и воспую Господеви...

Враг же параллельно с молитвой Сергия упрямо продолжал свое наступление на него на фоне воя звериного уже очень низким голосом, который исходил от мрачного лица с горящими глазами, появившегося прямо в проеме церковного окна:

— Иди отсюда, иди теперь же, не озирайся...

Преподобный, как бы не видя и не слыша ничего, продолжил произносить свою молитву:

— Услыши, Господи, глас мой, имже възвах: помилуй мя и услыши мя. Тебе рече сердце мое, Господа възщу. Не отврати лица Твоего от мене и не уклонися гневом от раба Твоего: помощник мой буди, не отрини мене, и не остави мене, Боже Спасителю мой. Яко отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя...

В ответ на последние слова Сергия раздался возглас:

— Не призывай того, кто не в силах помочь тебе! Слышишь? Нет? Тогда смотри!!!

Сразу после последнего произнесенного слова вкрут Сергия запылали огромные пламя. Стены церкви вдруг упали, и преподобный оказался в огне и под звездным небом. Тут же раздался громopodobный угрожающий голос:

— Все в моей власти! И ты будешь мне служить!!!

Сергий же, прикрыв свои очи, закончил чтение молитвы:

— Законоположи ми, Господи, в пути Твоем и настави мя на стезю правую враг моих ради. Не предаждь мене в души стужающих ми, яко восташа на мя свидетеле неправеднии и солга неправда себе. Верую виде-

ти благая Господня на земле живых. Потерпи Господа, мужайся и да крепится сердце Твое, и потерпи Господа.

Свеча вновь загорела, и лампадка опять осветила икону. Враг человека, очень боявшийся как бы на пустынном месте не возникла священная обитель многих иноков в прославление имени Божия и спасения душ человеческих, вместе со своими бесами стал невидимым, и пропали они все без вести. И что все усилия дьявола против силы Божией? Преподобный устоял и вышел победителем из сей многотрудной брани, которая велась тогда и за всю Русь великую. Сергей же великую благодарность воздал Богу, избавившего его от такой страшной напасти.

Через несколько дней, когда блаженный в хижине своей всенощную свою молитву в одиночестве непрерывно творил, внезапно раздался шум, и грохот, и волнение великое, и смятение, и страх — не во сне, но наяву. И вот бесы многие вновь напали на блаженного, стадом бесчинствующим, вопя и с угрозами говоря:

— Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришел в пустыню эту? Что хочешь найти на этом месте? Чего ты добиваешься, в лесу этом сидя? Или жить здесь собираешься? Зачем ты здесь обосновываешься? Не надейся, что сможешь здесь жить: и часа ты никак не сможешь здесь оставаться. Ведь тут, как ты и сам видишь, место пустынное, место неудобное и трудно доступное; отсюда во все стороны до людей далеко, и никто из людей не приходит сюда. Не боишься ли, что ты можешь от голода умереть здесь или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя; ведь и звери многие кровожадные живут в пустыне этой, и волки свирепые воют, стаями приходят сюда. Также и бесы многие пакостят злобно, и страшилищ много всяких грозных появляется здесь, которым нет числа; поэтому пусто издавна место это, к тому же и неудобно. Что хорошего, если звери нападут и растерзают тебя здесь или если ты какой-нибудь другой безвременной, ужасной, напрасною смертью умрешь? Но без всякого промедления встань и беги скорее отсюда, нисколько не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь, не озираясь по сторонам, не то мы тебя отсюда быстро прогоним или убьем.

И так со многими вариациями продолжалось еще очень и очень долго. Какая душа человеческая могла бы устоять в этом лесу без помощи Божьей? И как надо было тогда хотеть устоять, полагаясь только на милость Божью? А вот что писал об этой брани великой преподобного автор жития его Епифаний Премудрый:

«Прошло время, и дьявол был побежден блаженным во всех своих проявлениях — напрасно он трудился вместе с бесами своими: хотя многими и различными видениями Сергея смущал, но, однако, не смог в ужас повергнуть этого твердого душой и храброго подвижника. Еще более после различных наваждений и грозных видений преподобный Сергей храбро вооружался и ополчался на бесов, смело встречал их, уповая на божью

помощь; и так, оберегаемый Божьей благодатью, он невредим остался. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения — ведь много зверей, как было сказано, в этой пустыне тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Был среди них один зверь, называемый аркуда, то есть медведь, и он всегда имел обыкновение приходиться к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать: не было ведь тогда в пустыне у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить. Не один раз и не дважды зверь этот приходил привык, но несколько раз каждый день, и более года это продолжалось.

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях. Ибо он приобрел разум и великую веру в Бога, которой мог все стрелы вражеские огненные погасить, с которой он мог победить все, что желает быть выше разума Божьего, и с которой демонских нападений он мог не бояться. Ведь написано: “Праведник, как лев, смел”, и на все дерзает ради веры, не ищущая бога, но надеясь на него: “Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется вовек”. Надеющийся воистину на Господа твердого, как и тот блаженный, будет как некий храбрый воин, вооруженный и облеченный силой духа, так что не только он всегда будет думать о Боге, но также и Бог о нем скажет: “С ним я в скорби; избавлю его и прославлю его. Долготою дней насыщу его и явлю ему спасение мое”. Слабый и ленивый в делах своих такой надежды не может иметь; но лишь тот, кто с Богом непрестанно пребывает во всех занятиях своих, и приближается к Богу благодаря своим добрым делам, и щедро и неуклонно доверяет со-

хранение своего сердца благодати его, как Давид пророк сказал: “Истомились глаза мои от ожидания Бога моего”».

И снова Сергей в размышлении:

«Мне Господь дал силы устоять перед врагом человека. Что же мне теперь делать? К чему следует стремиться? Стоит ли мне и далее быть одному или пора уже стать основателем новой монастырской жизни? Если и далее я буду в пустыне один, то к чему я приду? И смогу ли сделать то, что Богу угодно в полном одиночестве? Вряд ли, ведь даже достигнув ангельского чина, я так и останусь вне возможности заметного влияния на судьбу Руси. А без спасенной Руси разве я буду угоден Господу? Но и создать в пустыньке новый монастырь разве мне ныне под силу? И потом, вряд ли кто из претендентов на святость сможет перенести безропотно тяготы и лишения тяжелой жизни в лесной чаще. Ведь даже мой брат Стефан, уже преуспевший в иноческой жизни, так и не устоял. Впрочем, время само покажет, что и как. Мне же, видимо, следует еще более молиться, ожидая в страхе Божьем знаков Свыше, полностью полагаясь на волю Господа.

А вот что пишет о том же Епифаний:

«И преподобный возложил на Господа печаль свою, и возложил на Бога упование свое, и Всевышнего сделал убежищем своим, и пребывал он от страха без страха, и без пакости, и без вреда. Ведь Бог — благой человеколюбец, который быстрое и верное утешение дарует рабам своим, который всегда щадит и сохраняет угодника своего, как говорит Святое писание: “Ибо ангелам своим заповедует охранять тебя”. Так и здесь, послал Бог милость свою и благодать свою на помощь Сергию, чтобы сохранить его от всяких досаждений, видимых и невидимых. Преподобный же, видя, что охраняет его Бог своей благодатью, и днем и ночью прославлял Бога и благодарные хвалы воссылал к Богу, не позволяющему грешным принести зло жизни праведным, который не дает нам сверх силы искушений. Он часто священную читал книгу, чтобы оттуда всякую почерпнуть добродетель, сокровенными мыслями укрепляя разум свой для достижения бесценных вечных благ. И еще удивительнее то, что никто его суровую добродетельную жизнь не знал, один только Бог, который все тайное зрит и все тайное узнает, и скрытое перед очами видит; так что безмолвной и безмятежной жизни святой лишен был. Но ведь то прекрасным казалось святому, чтобы единому Богу частые, и прилежные, и тайные возносить молитвы, и с Богом одним беседовать, и к превышнему вездесущему помыслы обращать, и к Нему одному приближаться и от Него благодатью просвещаться. И, таким предаваясь мыслям, он хотел, чтобы угоден был Богу подвиг его и безупречен; и для этого ежедневно в бдении проводил он ночи, частые к Богу молитвы усердно вознося все время. Бог же по милосердию своему и безграничной щедрости своей мольбы его не отверг, — не привык он отвергать мольбы боящихся его

и послушных воле Его. Шло время, а Сергий оставался в пустыне один в уединении, — или два года, или больше, или меньше, сколько — он не знал; Бог знает».

Глава 4

От полного уединения к духовному общежитию

Продолжая свой рассказ о восхождении преподобного Сергия к Богу, снова заглянем в житие:

«И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыне: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. Это было устроено промыслом все-сильного и милосердного Господа Бога, который хотел, чтобы не один Сергий жил в пустыне этой, но многочисленная братия, как сказал Павел-апостол: “Не ищущи пользы лишь для себя, но для многих, чтобы спаслись”. Или можно сказать, что захотел Бог прославить место это, и пустыню эту преобразить, и здесь монастырь устроить, и множество братьев собрать. Поскольку Бог так пожелал, начали посещать святого монахи, сперва по одному, потом иногда по два, а иногда по три. И молили они преподобного, преклоняясь перед ним и говоря:

— Отче, прими нас, мы хотим с тобой на месте этом жить и души свои спасти.

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря:

— Не можете вы жить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыне: голод, жажду, скорбь, неудобства, и бедность, и нужду.

Они же отвечали:

— Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем.

Преподобный же еще раз спросил их:

— Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?

Они же ответили:

— Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Сергий, видя настойчивость пришедших к нему монахов, крепко задумался:

«Вправе ли я, Господи, прогонять этих людей? Не беру ли я на себя лишнее, полагая их заведомо слабыми и неспособными? Может быть, сле-

дует их принять хотя бы ради пока не ведомого мне смысла, который откроется лишь в грядущем?»

Размышляя так, преподобный и пришел к мудрому решению, о котором также повествует житие:

«Преподобный же Сергий, убедившись в вере их и усердии, удивился и сказал им:

— Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: “Приходящего ко мне не изгоню вон”; и еще сказал: “Где двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них”. И Давид сказал: “Как хорошо и как приятно жить братьям вместе”. Ведь я, братья, хотел один жить в пустыне этой и скончаться здесь. Но если так пожелал Бог и если угодно ему, чтобы был на месте этом монастырь и многочисленная братия, да будет воля Господня! Я же вас с радостью принимаю, только пусть каждый сам построит для себя келью. Но да будет вам известно: если в пустыню эту вы жить пришли, если со мной на месте этом жить хотите, если служить Богу вы пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякие несчастья, и нужду, и лишения, и бедность, и недосыпание. Если вы служить Богу желаете и для этого пришли, приготовьте сердца ваши не для пищи, не для питья, не для покоя, не для беспечности, но для терпения, чтобы претерпеть всякое искушение, и всякую скорбь, и печаль. И приготовьтесь к тяготам, и к постам, и к подвигам духовным, и ко многим скорбям: “Многими ведь скорбями надлежит нам войти в царствие небесное”; “Узок путь и скорбен, ведущий в жизнь вечную, и немногие находят его”; “Силой берется царство небесное, и употребляющие усилие восхищают его”; “Много званных, а мало избранных”. Ибо мало спасающихся, поэтому мало избранное стадо Христово, о котором в Евангелии сказал господь: “Не бойся, малое мое стадо! Ибо благоволил отец мой дать вам царство небесное”.

Когда блаженный Сергий так сказал им, они с радостью и с усердием обещали:

— Все, что повелел ты, сделаем, и ни в чем не ослушаемся тебя.

И построили они каждый отдельную келью, и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх божий постоянный. Ведь “начало мудрости — страх господен”; как цветы — начало ягод и всяких овощей, так и начало всякой добродетели — страх Божий. Он страх Божий в себе укрепил, и им огражден был, и закону господнему поучался денно и ночью, подобно дереву плодовитому, посаженному у источников водных, которое в свое время даст плоды свои...

Так и жил он с братьями, и хотя не был поставлен в священники, но очень с ними пекся о церкви Божьей. И каждый день пел он с братьями в церкви и полунощную, и заутреню, и “Часы”, и третий, и шестой, и девятый, и вечерню, и мефимон, как сказано: “Седмикратно в день прославляю тебя за суды правды твоей”. В промежутках они устраивали частые молебны, ведь для того и ушли из мира, чтобы беспрестанно молиться Богу и в церкви, и в кельях, как сказал Павел: “Непрестанно молитесь Богу”. А обедню служить Сергей призывал кого-нибудь другого, в сане священника или старца игумена, встречал их и просил служить святую литургию: сам Сергей сначала не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять из-за великого и беспредельного смирения. Ведь был он полон кротости большой и великого истинного смирения, во всем всегда подражая своему владыке, господу нашему Иисусу Христу, давшему пример для подражания желающим подражать ему и следовать ему и сказавшему: “Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем”. Из-за этого смирения Сергей не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять: говорил он всегда, что желание быть игуменом — начало и корень честолюбия».

Вот опять перед Сергием развилка выбора: остаться в тени или выдвинуться на первую роль игуменскую. С одной стороны, все начальственное в мире грешном сопряжено и понятием «клин клином вышибают», а значит, принуждение — это неременный атрибут всякого начальника; с другой, для служения Руси одного личного примера мало, так как мало кто из русских людей по своей воле станет, как говорится, сгибать самого себя в дугу. Но тогда неизбежно кто-то должен взять на себя задачу принуждения слабых и лукавых к тому, чтобы они сначала буквально «через не хочу», а затем уже и по привычке к правому пути жизни и по убеждению, вытекающему из него, стали жить если не безгрешно, то хотя бы без пагубной страсти. Размышляя так, преподобный и решил, что ему в будущем, возможно, придется принять на себя игуменство, ведь к тому обязывает его изначальная личная забота о созданной им обители. Но слушаться сие должно строго в свое время и только в случае полной невозможности уклонения от этой роли.

Глава 5

Игумен русского сердца

Снова открываем житие преподобного и читаем:

«Как же и каким образом началось игуменство Сергия? Вложил Бог в сердце братьям желание сделать так, чтобы Сергей начальствовал как начальник их. Осенила некая мысль братию; и сошлись монахи сначала

сами по себе, и совет собрали они; так утвердившись в своем намерении, они все вместе пришли к преподобному Сергию, говоря:

— Отче! Мы не можем жить без игумена! Ныне мы пришли к тебе открыть мысли наши и желания: мы очень хотим, чтобы ты был нашим игуменом и наставником душ и тел наших, чтобы мы приходили к тебе с покаянием исповедоваться в грехах своих; хотим от тебя прощение, и благословение, и молитву каждый день получать и видеть, как ты ежедневно совершаешь святую литургию; хотим всегда из честных рук твоих причащаться пречистых тайн. Да, честный отче, этого мы желаем от тебя, только не отказывайся.

Преподобный же Сергей вздохнул из глубины души и сказал им:

— У меня и помысла не было стать игуменом, но только желает душа моя скончаться в иноках на месте этом. Не принуждайте меня, но оставьте меня Богу, и он, что захочет, то и сделает со мной.

Они же ответили:

— Мы, отче, желаем, чтобы был ты нашим игуменом, а ты отказываешься. Мы же говорим тебе: или сам будь игуменом, или иди и попроси нам игумена у епископа. Если же ты не сделаешь так, то из-за такого несчастья мы разойдемся все с места этого.

Преподобный же Сергей, стenea сердцем, снова сказал им:

— Сейчас разойдемся каждый в свою келью, и все помолимся Богу прилежно о том, чтобы он явил и открыл нам, что следует делать.

Они же разошлись каждый в свою келью.

По прошествии нескольких дней опять пришла братия к преподобному Сергию, говоря:

— Мы, отче, пришли на место это, потому что слышали о тебе, что ты начал славное подвижничество и церковь основал, которую своими руками построил. Имея благодать Святой Троицы, мы к ней обращаемся, на нее мы всю надежду и упование возложили под твоим началом, и теперь стань нам отцом и игуменом. И будешь предстоять у престола Святой Троицы, серафимскую трисвятую песнь воссылать к Богу, бескровную совершая службу, и своими руками подашь нам пречистое тело и божественную кровь господа нашего Иисуса Христа, и, устроив старость нашу, гробу предашь нас.

Отец Сергей долго отказывался и не хотел этого, умолял их и говорил, успокаивая:

— Простите меня, отцы мои и господа мои! Кто я такой, чтобы посметь дерзнуть на то, чего со страхом и ужасом ангелы не могут достигнуть? Как же я, недостойный, на сию дерзость решусь, не достигнув такой веры? Я и начала монашеского устава и жизни не смог еще постигнуть; как посмею я к этой святине приступить или прикоснуться к ней? Мне бы о своих грехах плакать и с вашей молитвой этого блага достигнуть, страны желанной, к которой стремился я с юности моей.

И такие слова, и многие другие он им сказал и удалился в келью свою.

Блаженные же эти старцы через несколько дней снова пришли и стали беседовать с Сергием, повторяя те же доводы и другие приводя, и сказали они:

— У нас, отче духовный, распри никакой с тобой нет: поскольку Бог наставил нас, мы к тебе пришли сюда, и твоей жизни и благонравию уподобиться захотели, и наслаждения будущими благами сподобиться надеялись. Если же ты не хочешь заботиться о наших душах и пастухом у нас, овец словесных, быть не хочешь, мы уходим с места этого и от храма Святой Троицы и обет наш невольно нарушаем. И будем блуждать, как овцы без пастуха, в горах гордости и распутства; дурным мыслям предаваясь, мы побеждены будем мысленным зверем, то есть дьяволом. Ты же ответ дашь беспристрастному судье Вседержителю Богу.

Так говорила ему братия, страхом устрашая и угрозами угрожая: ведь много раз прежде, много дней умоляли они Сергия, понуждая его или смирением, или же спокойными и ласковыми словами, иногда же угрозами и строгими словами они угрожали в горести. Он же, крепкий душою, твердый в вере, смиренный умом, и на ласковые слова не отзывался, и угрозам не внимал, но был мужем выше угроз».

Твердо выдерживая многочисленные атаки монахов, Сергий размышлял о том, что так дальше продолжаться не может, что, так или иначе, близка развязка и ему все равно придется уступить не унижающемуся напору братии. Что ж, чему быть, того не миновать, но только при условии исключения всех возможностей иного решения!

Продолжаем прочтение ценных свидетельств из жития святого:

«Долго принуждала его братия стать игуменом, он же, смиренный разумом, не хотел игуменство принять и не хотел с детства присущее ему и к Богу приближающее его смирение оставить. Отверг он эти мольбы братии, грешным себя считая и недостойным, и добавил вот что:

— Мои слова не согласны с вашими словами, потому что вы чересчур упорно принуждаете меня стать игуменом, а я чересчур упорно отказываюсь. Ведь я и сам в поучении нуждаюсь и более хочу учиться, чем других поучать: я больше стремлюсь сам у других в подчинении быть, чем над другими властвовать и начальствовать. Боюсь я суда Божьего; если же будет Богу угодно то, что вы повелеваете мне, да будет воля Господня!

Ибо одержало в нем верх его сердечное братолюбие и его усердие и старательность — и он наконец внял их мольбам. И пообещал он исполнить просьбу их, и повиновался воле их, вернее сказать, воле Божьей. И после этого всего преподобный Сергей восстал из глубины сердца, и все мысли, упование возложив на Вседержителя Бога, сказал им со смирением душевным:

— Отцы и братья! Я наперекор вам ничего говорить не буду, воле господней предавшись: ведь Бог знает сердца и помыслы. Пойдем в город к епископу.

Митрополит же всея Руси Алексей тогда был в Царьграде, оставив в городе Переяславле вместо себя епископа Афанасия Волынского. К нему и пришел преподобный отец наш Сергей, взяв с собой двух старцев, и, войдя, поклонился епископу. Епископ же Афанасий, увидев его, благословил его и спросил имя его; Сергей же имя свое назвал. Афанасий, узнав, кто он, обрадовался и по-христиански поцеловал его: ибо раньше он слышал о Сергии, о начале славного подвижничества его, о построении церкви и об основании монастыря, обо всех богоугодных деяниях Сергия, любви его и заботе о братии, и о многих добрых делах его. И он побеседовал с Сергием о духовных делах; когда же закончилась беседа, Сергей снова поклонился епископу.

Блаженный отец наш Сергей начал умолять святителя дать игумена — наставника душам монахов. Преподобный же Афанасий, исполненный святого духа, сказал:

— Возлюбленный! Бог через святого духа устами Давида сказал: “Выведу избранного из народа моего”; и еще: “Ибо рука моя поможет ему, и мышца моя укрепит его”. Апостол же Павел сказал: “Никто не приемлет ни чести, ни сана, но только призываемый Богом”. Тебя, сын и брат, Бог призвал от утробы матери твоей, и я от многих слышал о тебе; да будешь ты отныне отцом и игуменом братии, богом собранной в обители Святой Троицы.

Когда же преподобный Сергей отказывался и о своем недостойнстве говорил, Афанасий, исполнившись благодати святого духа, отвечал ему:

— Возлюбленный! Всем обладаешь ты, а послушания нет у тебя.

Отец наш Сергей поклонился и ответил:

— Как Господу угодно, так пусть и будет; благословен Господь навеки!

И все сказали:

— Аминь!

Тогда святой епископ Афанасий повелел священникам войти в святой алтарь; сам же он взял блаженного Сергия и вошел с ним в святую церковь. И оделся он в священные одежды, взял блаженного Сергия и повелел ему произнести изложение Символа святой веры, то есть: “Верую во единого Бога”. После этого Сергей голову преклонил, а святитель его перекрестил, и сотворил молитву для посвящения в сан, и поставил его иподьяконом, а затем дьяконом, и совершил божественную литургию, и вместе они причастились божественного тела и крови Господа нашего Иисуса Христа. Наутро же он посвятил Сергия в священнический сан и вновь повелел ему совершить святую литургию и своими руками принести бескровную жертву. Преподобный же отец Сергей все повеления со страхом и радостью духовной выполнил.

Епископ же Афанасий в сторону отвел его и о правилах апостольских, и об учении отцов церкви, о том, что нужно для усовершенствования и исправления души, беседовал с ним:

— Следует тебе, возлюбленный, как говорит апостол, “немощи немощных сносить, а не себе угождать. Во благо ближнему каждый угождать должен”. И в послании к Тимофею Павел говорит: “Это передай верным людям, которые были бы способны других научить”. И еще: “Друг друга бремя носите и таким образом исполните закон Христов”. Выполнив это, и сам ты спасешься, и те, кто с тобой.

Так сказав, епископ духовными дарами наградил его, и по-христиански поцеловал его, и отпустил его, воистину игумена, и пастуха, и сторожа, и врача духовной братии».

Сергий же, имея вид торжественно-опечаленный, подумал, что отныне кончилось милое его сердцу уединение с Богом, что теперь он в ответе и за тех, кто может ему много противиться, попадая по слабости своей или лукавству под влияние врага человеческого. Но, видно, такова его предстоящая участь: нести крест и за других русских людей, понимая служение Господу как служение общественное, а может, даже и государское.

И опять заглянем в житие:

«И пришел преподобный отец наш игумен Сергий в свой монастырь, в обитель Святой Троицы. Братия же встретила его и поклонилась ему до земли, радостью исполнившись. Он же, войдя в церковь и пав ниц на землю, со слезами молился невидимому царю, взирая на икону Святой Троицы, на помощь призывал святую Богородицу, служителя престола небесных сил Предтечу и мудрых апостолов, с ними и первых святителей — Василия Великого, Богослова Григория и Златоуста Иоанна, и всех святых. Молиться их просил Сергий, чтобы десница Вседержителя дала ему твердую решимость встать у престола славы Живоначальной Троицы и коснуться руками агнца божьего, за мир закланного Христа, сына Божьего...

Ежедневно он служил божественную литургию, утренние и вечерние молитвы легко произносил — и за смирение всего мира, и за долговечность святых церквей, и за православных царей, и князей, и за всех православных христиан. Говорил он братьям:

— Подвиг великий должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом: ведь он как лев рыкающий ходит, стремясь каждого растерзать.

Наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами...

В начале игуменства его было братии двенадцать человек монахов, не считая самого игумена, тринадцатого. В числе двенадцати человек собрались монахи, и так они жили и два года, и три, ни больше их не становилось, ни меньше. Если один из них или умирал, или уходил из обители,

то другой брат на его место приходил, так чтобы число их не уменьшалось. Но только лишь в числе двенадцати они жили, так что некоторые об этом говорили:

— Что же будет? Или всегда двенадцать монахов будет на месте этом, по числу двенадцати апостолов, как написано: “Призвал господь учеников своих, и избрал из них двенадцать, и апостолами назвал их”; или по числу двенадцати племен израильских; или по числу двенадцати источников воды; или по числу избранных камней драгоценных двенадцати, бывших на ризах архиерейских по чину Аарона?

И так монахи жили, пока не пришел к ним Симон, архимандрит смоленский, и он разрушил число двенадцать; и с тех пор, с того дня, братия умножалась все более, и уже они исчислялись большим числом, чем двенадцать...

Этот удивительный муж Симон был архимандритом старейшим, славным, известным, в особенности же отличался он добродетелью, и жил он в городе Смоленске. Там услышал Симон о жизни преподобного отца нашего Сергия, и воспламенился он душой и сердцем: он оставляет архимандритство, оставляет честь и славу, оставляет славный город Смоленск, а вместе с ним оставляет родину и друзей, родных, близких, и всех знакомых, и доброжелателей; и становится он смиренным, и решает странствовать. И оттуда двинулся он, из такого далекого конца земли, из Смоленска, в московские пределы, то есть в Радонеж. Пришел Симон в монастырь к преподобному отцу нашему игумену Сергию и с большим смирением умолял Сергия, чтобы тот ему разрешил жить под твердым руководством его в повиновении и в послушании. Еще же Симон имущество свое принес с собой и передал его игумену на устройство монастыря. Преподобный Сергий принял Симона с радостью. Симон же много лет прожил с покорностью и послушанием, а также в странничестве и в смирении, и был он всеми добродетелями исполнен, и в старости праведно отошел к Богу. Игумен Сергий проводил его до гроба и с братьями похоронил его, как подобает. И так осталась вечная о нем память...

Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним, а их имена в книгах жизни. Так понемногу монастырь увеличивался, братья умножались, кельи строились. Преподобный Сергий, видя, что братия умножается, и сам труды свои все более умножал, подавая пример стаду своему, как сказал апостол Петр: “Пасите стадо, какое у вас, надзирая за ним не по принуждению, но охотно, не господствуя над братией, но пример подавая стаду”. И еще написано в книгах святых отцов, то есть в Патерике: “Сошлись святые отцы, и пророчествовали о последнем поколении, и сказали, что последнее поколение будет слабым”. Сергия Бог укрепил для себя в последнем поколении как одного из древних святых отцов. Бог сделал его тружеником, наставником множеству иноков, многочисленной братии игуменом и главой.

И еще, кто бы мог подумать, что на месте, где был прежде лес, чаща, пустыни, где жили зайцы, лисицы, волки, а иногда и медведи заходили, порою же и бесы бывали, — на этом месте ныне церковь поставлена будет, и монастырь великий воздвигнется, и иноков множество соберется, и слышно будет славословие и в церкви, и в кельях, и молитва постоянная Богу? Всего же этого зачинатель и основатель — преподобный отец наш Сергий. Но узнайте, как прославил Господь преподобного своего. С тех пор как поставлен был Сергий игуменом, каждый день святая литургия была, просфоры же он сам пек: сначала пшеницу толоч и молот, муку просеивал, тесто месил и квасил. Так, испекши просфоры, служил он Богу от своих праведных трудов, а другому не разрешал никому, хотя очень хотели многие из братьев печь просфоры. Но преподобный старался быть учителем и исполнителем: и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил.

Преподобный отец наш игумен Сергий, хотя и принял игуменство, чтобы стать старшим, но не изменил правила свои монашеские, помня того, кто сказал: «Кто из вас хочет быть первым, да будет из всех последним и слугой всем». Это поучение Спаса зная, он смирял себя, и ниже всех ставил себя, и собой пример всем подавал, и на работу раньше всех шел, и на церковном пении раньше всех был, и на службе никогда к стене не прислонялся; и с тех пор процветало место то, и умножалась братия.

Обычай Сергий в начале игуменства своего такой имел: из всех, кто приходил к нему и хотел стать монахом, желая постричься, Сергий не прогонял никого, ни старого, ни юного, ни богатого, ни бедного; но всех он принимал с усердием и с радостью. Но он не сразу постригал желающего, но сначала повелевал ему надеть одежду длинную из сукна черного и в ней находиться вместе с братьями продолжительное время, пока не узнает тот все правила монастырские. Тогда Сергий облачал его в монашескую одежду, как человека, во всех делах искушенного; и, постригши его, облачал в мантию и клобук. А если окажется тот хорошим чернецом и в жизни чистой преуспеет, такому Сергий разрешал принять святую схиму.

Когда же началось игуменство его, когда преподобный Сергий прославился в месте этом, в монастыре, названном «который в Радонеже», когда имя его стало известно всюду, в разных местах и городах (ведь может добродетель озарить того, кто обладает ею, не меньше, чем свеча несущего ее), тогда многие, любящие Христа, ради любви к Богу издалека стали приходиться к нему; оставляли они жизни суету и под благой ярем господя свои шеи подставляли. Ведь всегда к Сергию ученики приходили: обращались они к источнику благодатей — к его добродетельной душе, подобно оленям словесным, жаждущим воды духовной».

И как же пестовал свою братию Сергий? И об этом ясно говорит нам Епифаний:

«Такой был обычай у блаженного сначала: после повечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же

в темные и долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергей заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. “Претерпевший, — сказано, — до конца — спасется”.

Если же Сергей слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом, и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издали, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу. И если был брат покорным, и смиренным, и горячим в вере и в любви к Богу, то вскоре, поняв свою вину, со смирением он падал и склонялся перед Сергием, умоляя простить его. Если же был брат непокорным, с сердцем, исполненным помрачением бесовским, и стоял, думая, что не о нем говорит святой, чистым себя почитая, пока преподобный терпеливо обличал его, как сказано: “Пусть накажет меня праведник милостью своею, пусть обличит меня”, — то на такого непокорного брата игумен епитимию накладывал, потому что тот не понял своей вины и не осознал своих грехов; и так провинившегося, на путь исправления наставив, он отпускал. Таким образом Сергей всех учил прилежно молиться Богу, и не беседовать ни с кем после повечерия, и не ходить из своей кельи по чужим кельям без большой необходимости в чем-либо нужном, но в своей келье каждому втайне молиться Богу наедине и заниматься по возможности своей работой, которую руки его могут делать, во все дни псалмы Давида всегда на устах своих имея».

Кто-то из читателей, возможно, заметит, что Сергей был чересчур строг, что человеку положен и отдых, что свободная небольшая беседа вполне подходит для того. Но так хорошо лишь для обычного человека, чьи помыслы часто далеко от Бога отстоят. Поэтому он и не чувствует серьезного ослабления собственного положения, ведь его душа не бывает в третьей позиции: сама по себе. Она непременно либо к Богу тяготеет, либо — к сатане. Именно по этой причине преподобный и утверждал правило, что нет отдыха без дум о Боге, что иное помышление есть сущее неразумие и грех, а значит, никакого снисхождения праздному бытию быть не может в принципе. Впрочем, для неверующих или мало верующих, а также для ложно верующих (еретиков и прочих иноверцев) праздное состояние

вполне возможно и даже уместно. Оно и удерживает их вполне от стремления к Господу, внушая мысль об изначальной сложности, а значит, и ненужности непрерывных дум о Боге. Такое положение неизбежно восполняется только мыслями и стремлениями, своей сутью уже противостоящими Господу.

Завершая главу, скажем еще о том, что родной брат Сергия Стефан определил к нему своего собственного сына:

«Стефан же, родной брат Сергия, пришел из города Москвы и привел с собой своего младшего сына по имени Иван. Стефан вошел в церковь, взял за правую руку сына своего и препоручил его игумену Сергию, повелев постричь сына в иноки. Игумен же Сергий постриг его и дал имя ему в монашестве Федор. Старцы, увидев это, подивились вере Стефана, сына своего не пощадившего, еще отрока, но с детских лет отдавшего его Богу,— как в древности Авраам не пощадил сына своего Исаака. Федор же с детских лет воспитан был в посте, и во всяком благочестии, и в чистоте, как научил его дядя, и был он всеми добродетелями монашескими исполнен и украшен, пока не достиг возраста зрелого мужчины».

Глава 6

Первое принародное чудотворение Сергия путем насыщения едой страждущих богомольцев

Двигаясь по намеченному когда-то пути обретения подлинной святости, преподобный Сергий своими удивительными молитвами вызвал к жизни невероятное и крайне важное для последующего объединения Руси событие. Почему же так? Подробно об этом речь пойдет несколько ниже. Житие же повествует о предпосылках к чудотворению так:

«Когда сначала устраивалось место это, когда немного братьев жило здесь, когда немного было людей, приходящих и приносящих все нужное, тогда часто недостаток ощущался в необходимых вещах, так что много раз с утра и хлеба не хватало. Да и кто может перечислить все лишения, которые испытывал преподобный отец наш Сергий? В первое время, когда начиналось устройство места этого, порой не было хлеба, и муки, и пшеницы, и всякой пищи; иногда же не было масла, и соли, и всяких съестных припасов; порой не было вина, чтобы обедню служить, и фимиама, чтобы кадить; иногда не было воска, чтобы свечи делать, и пели монахи ночью заутреню, не имея свеч, но только лучиной березовой или сосновой светили себе, и так вынуждены были каноны петь или по книгам читать, и так совершали ночные службы свои. Преподобный же Сергий всякую нужду, и затруднение, и всякую скудость, и лишения терпел с благодарностью, ожидая от Бога большой милости.

Случилось однажды такое испытание, потому что с испытанием свершается и милость Божья: как-то не было хлеба и соли у игумена, и во всем монастыре истощилась всякая еда. А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. Как братьям он повелевал и заповедовал, так и сам поступал, и терпел, и оставался три или четыре дня без всякой еды.

Когда прошло три дня и четвертый уже наступал и светало, Сергей взял топор, и пришел к одному из старцев, живущему в монастыре его, по имени Данило, и сказал ему:

— Слышал я, старче, что хочешь ты сени соорудить перед кельей своей. И я для этого пришел, чтобы руки мои не были праздными,— построю сени тебе.

В ответ Данило сказал ему:

— Да, я очень хочу и давно собираюсь это сделать, но жду плотников из села. С тобой договариваться боюсь, как бы ты большую плату не взял с меня.

Сказал ему Сергей:

— Я не очень большую плату прошу у тебя, но нет ли у тебя гнилого хлеба, потому что очень хочется мне поесть такого хлеба. Ничего же другого сверх этого я не прошу, не нужно мне никакой платы: у меня нет и такого хлеба. Не говори, старче, что ты будешь ждать другого плотника вместо меня; кто у тебя будет лучшим плотником, чем я?

Старец же Данило вынес ему решето гнилого хлеба, наломанного, и сказал:

— Если вот такого захотелось тебе, то вот, я охотно отдаю тебе; а больше этого у меня нет.

Отвечал Сергей:

— Довольно мне и этого, и это больше, чем нужно мне. Но только сохрани хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились и до работы, платы не беру.

И сказав это, опоясал чресла свои крепко и начал работать и тесать с утра до вечера. И доски все обтесал, также и столбы обработал и поставил, с Божьей помощью сени построил к вечеру и поставил их. Уже поздно, в вечернее время, Данило-старец снова вынес ему решето хлебов тех, плату за дело рук его. Сергей же взял хлеб, и положил его перед собой, и попросил в молитве благословения, и начал есть хлеб с водой, а другого не было ничего — ни вареного, ни соли, ни питья; было это ему и обедом и ужином. Некоторые из братии видели, что из уст Сергея как будто дымок исходил, когда он такой ел хлеб. Тогда, друг к другу наклонившись, говорили они:

— Вот, братья, каково терпение мужа этого и воздержание Сергия! Ведь он четыре дня ничего не ел и на четвертый только поздно гнилым хлебом голод свой утоляет и усмиряет; и хлеб гнилой не даром, но, дорогой ценой получив, ест.

Один же из братьев возроптал тогда на Сергия: ведь не ели они больше двух дней. И возмущались иноки, оставшись без еды, и пришли они к Сергию, и стали они его ругать и поносить, говоря:

— Заплесневел хлеб у нас! Доколе нам к мирянам не ходить просить хлеба? Вот мы на тебя смотрели, как ты учил нас; послушались мы тебя и теперь вот умираем от голода. Поэтому утром рано уйдем с этого места куда нужно за едой, и больше мы не возвратимся сюда, не в силах будучи терпеть здесь лишений и скудости.

Не все, однако, роптали, но некий брат, один из них.

Из-за него Сергий всю братию созвал: видя, что они ослабели и опечалены, преподобный Сергий малодушие их своим терпением, и кротким нравом, и мягкостью исправить хотел. Он поучал их словами Святого Писания, из Ветхого и Нового Заветов, говоря так:

— Зачем скорбите, братья? Зачем смущаетесь? Уповайте на Бога; ведь написано: “Посмотрите на древние роды и увидите: кто уповал на Бога — был постыжен когда-либо? Или кто верил в Господа — и посрамлен был? Или кто пребывал в страхе Его — и оставлен был? Или кто призывал Его — и не был услышан и презрен был Им?” Ведь говорит Господь: “Не я ли есть податель пищи, и урожая хлеба приносящий, и житницы наполняющий, и кормитель всего мира, и питатель вселенной, дающий пищу всякой плоти, дающий пищу в свое время, раскрывающий руку свою, насыщая все живущее по благоволению?” И в Евангелии Господь сказал: “Ищите и просите прежде всего царствия божьего и правды его, и это все приложится вам. Посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец небесный кормит их: лучше ли они вас, маловерные? Терпите поэтому, ведь терпение нужно вам: терпением нашим спасайте души ваши; претерпевший же до конца спасется”. А вы ныне из-за голода скорбите, который на короткое время для испытания с вами приключился. Но если вы будете терпеть с верой и с благодарностью, то пользу вам принесет испытание это и большую выгоду: ибо благодать Божья всем дается не без испытания, как в Лествице сказано: “Без искуса золота не бывает; после скорби мы на радость надеемся, потому что следует за скорбью радость: ведь вечером, сказано, водворится плач, а наутро радость”. И у вас сейчас недостает хлеба, и не хватает всякой пищи сегодня, а завтра множеством еды всякой нужной и обильем всякой пищи и питья вы насладитесь: я верю, что не оставит Бог места этого и живущих здесь».

Вот что было накануне самого чуда, которое впоследствии родило в народных умах уже то устойчивое представление, что Сергий является

если не прямым посланником Неба на Руси, то наверняка имеет с ним прямое общение, а значит, и требования преподобного к русским людям исключительно весомы и авторитетны. Однако продолжим чтение жития:

«И когда еще Сергей это говорил, кто-то вдруг постучал в ворота. Привратник, быстро посмотрев в глазок, увидел, что принесли много пищи необходимой; он от радости — ведь и он был голоден — и ворот не открыл, и, повернувшись, стремительно побежал и явился к преподобному Сергию, говоря:

— Отче! Благослови принесших хлеб! Благодаря молитвам твоим получили мы много еды необходимой, и все это находится у ворот.

Преподобный же велел:

— Быстрее откройте ворота, чтобы люди вошли внутрь.

Когда открыли ворота, увидели привезенную в монастырь пищу на телеге и в корзинах. И прославили братья Бога, пославшего им эту пищу и ужин удивительный, приготовленный на земле, чтобы накормить их и души алчущие насытить, чтобы напитать их в день голода.

Преподобный Сергей повелел монахам позвать к столу тех, кто привез еду, и сказал монахам так:

— Вы сами голодны, но насытите сытых досыта, накормите кормящих вас, напитайте питающих вас, и угостите их, и почтите: ведь достойны они угощения и почитания.

Сам он не сразу взял принесенную ему готовую еду, хотя и очень голоден был, но сначала повелел бить в било, и вошел с братьями в церковь петь молебен, и великую благодарность и хвалы воссылал к Богу, не оставляющему надолго рабов своих, страдающих ради него. Выйдя из церкви, Сергей сел с братьями за трапезу, а перед ними положены были свежеспеченные хлеба эти, только что принесенные. Преподобный встал и совершил молитву, и благословил, и преломил, и разделил хлеб, и дал чернецам своим; и ели все, и насытились, прославили Бога, так накормившего их. Были же хлеба теплыми и мягкими, как обычно бывает свежеспеченный хлеб. Вкус же их удивительным каким-то и непонятным казался, словно медовой некой сладостью были наполнены, насыщены и пропитаны, как будто с маслом постным они были испечены и приготовлены, будто какие-то в них пряности были положены ароматные, и вкус постный, как кажется, и от этого они имели. Так же и в древности некогда в пустыне бог манну послал израильтянам, о которых сказал Давид-пророк: «Дождем послал им манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, пищу послал Бог им в изобилии, и они ели, и насытились весьма». И нерукотворной истине казалась ниспосланная пища».

Последнее предложение из жития предельно красноречиво сообщает нам, что чудотворение еды оказалось оглушительной явью, а преподобный приобрел в глазах видевших сие событие абсолютный авторитет. Но, впрочем, вернемся к тексту жития:

«Так показал Бог преподобному Сергию плоды терпения и воздержания его, которые претерпел он в течение четырех дней. Страдая от голода и жажды, с голодом борясь, терпел он Бога ради, как сказал пророк Давид: “Терпение бедных не погибнет до конца; плоды трудов твоих ешь; блажен ты и добро тебе будет”. За хлеба эти гнилые Бог такую вкусную послал ему пищу: вместо гнилых хлебов не гнилые, но свежеспеченные, вкусные, ароматные, вместо истлевающих нетленные, земными благами наслаждение. Это только еще в настоящей жизни, а в будущей жизни Бог пошлет вместо земных благ небесные, вместо временных благ наслаждение вечными, как сказал апостол: “Того глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило то, что приготовил Бог любящим его и хранящим заповеди его”. Не только Сергию одному, но и всякому, кто от всей души возлюбил Бога, и выполняет волю его, и хранит заповеди его, будет воздаяние великое.

Когда ела братия, сказал преподобный:

— Где тот брат, который раньше роптал и сказал, что хлеб заплесневел? Пусть он увидит теперь и поймет хорошо, что не заплесневелые у нас хлеба, но весьма вкусные и мягкие. Как не вспомнить пророка, говорящего: “Я пепел как хлеб ел и питье мое слезами растворял”.

Потом начали спрашивать, чей это хлеб, и где принесшие его, и кто послал их. И смотрели монахи друг на друга, допытываясь и спрашивая один другого. Никто не мог до конца понять случившегося, пока преподобный не спросил их:

— Не говорил ли я вам: позовите есть привезших хлеба эти, где же они теперь? Почему они с самого начала не ели с нами?

Монахи же ответили:

— Мы, как ты сказал, звали их и о хлебах спросили их, говоря: “Чей это хлеб, который сюда послан с вами?” Посланные же сказали: “Один христианин, очень богатый, живущий в дальних странах, послал хлеб на имя Сергия и живущих с ним братьев.

И снова монахи, по велению Сергия, посланных позвали на обед. Те же не захотели, но пожелали обратно идти; и вот исчезли из глаз монахов. Это было удивительно, что тогда монахи не поняли, не уразумели, кто привез хлеб этот и кто послал их. Братья только пришли к игумену, в удивлении говоря:

— Отче! Как пшеничный хлеб, с маслом и с пряностями испеченный, остался теплым, — ведь он издалека привезен?

На другой день также много пищи привезено было в монастырь, и еды, и питья. Вновь на третий день, с другой стороны, таким же образом, как мы только что рассказали, привезена была пища.

Игумен Сергий, видя и слыша это, со всеми братьями прославил Бога, говоря:

— Видите ли, братья, что заботящийся обо всех Бог не оставит места этого, и никогда не оставляет рабов своих, вместе иночествующих, живу-

щих на месте этом, работающих для него денно и нощно и терпящих все с верой и с благодарностью?

Напоминал братьям старец слова, Павлом-апостолом сказанные: “Имея пищу и одежду, тем довольны будем”.

— А ни о чем бесполезном, — говорил Сергей, — не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, который может кормить нас, и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим. Помолимся Богу, чтобы он заботился о нас, и будем надеяться на Него всегда; ведь Он в древности израильтян, столь жестоких и непокорных, накормил такое множество тысяч в пустыне и впоследствии также не раз насыщал многих: “Одождил на них манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, они просили, и налетели перепелы, и Бог одождил на них, как пыль, мясо, и, как песок морской, птиц пернатых; они ели и насытились весьма”. Сам Бог теперь о нас будет заботиться, — сказал Сергей, — ведь он не стал силой слабее теперь, и заботы его не преуменьшились, но как прежде в древности, так и теперь нам всегда сможет пищу подавать.

С тех пор уже монахи привыкли больше не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах. Но все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия».

Но стали ли все монахи, окружавшие тогда своего игумена, понимать твердо, кто их облагодетельствовал едой на самом деле? Вряд ли. Однако все из них с тех пор узнали, что Сергей — это вполне серьезный человек и что его слово воистину много значит. В результате на Руси складывалась слава о нем не только среди богомольцев, но и многие миряне также узнали о нем как о монахе, стоявшем и среди монахов много выше. Помянутая слава о нем среди мирян неизбежно превращалась в грозную политическую силу, смысл которой открылся много позже.

Глава 7

О внешнем виде и подлинном значении всякого человека, и не только...

В настоящей главе речь пойдет о нравоучительном деле, с одной стороны, с другой — о первом серьезном возвышении Сергия встречей с могущественным князем, в котором преподобный явил свои полномочия и пожелания. А некоторые события сии житие описывает так:

«Рассказывали некоторые из монастырских старцев о преподобном Сергии, что одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное — ни синего цвета, ни багряного, или

коричневого, ни других многих различных ярких цветов, ни белая или пышная и мягкая одежда: “Мягкие одежды носящие, — сказано,— находятся в домах царских”. Но только из сукна простого, то есть из сермяги, одежду, из шерсти и из руна овечьего спряденную связанную, и ту простую, и не окрашенную, и не выбеленную, и не разукрашенную, но только из грубой шерсти, то есть из сукна он одежду носил, ветхую, не раз перешитую, и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами.

Иногда же и так получалось: однажды нашлось у братьев сукно некое негодное — и плохое, и некрасивое, так что оно даже полиняло, — и вся братия с презрением гнушалась им и отворачивалась. И если какой-нибудь брат это сукно брал, то, немного подержав его, назад возвращал и бросал; так делал и другой, и третий, вплоть до седьмого. Преподобный же не отвернулся, но аккуратно взял сукно, благословил, и начал кроить, и шить, и сделал рясу, которую не погнушался надеть. И не захотел снять ее и выбросить ее, но, напротив, начал с благодарностью на теле своем носить ее, пока через один год она, обветшав, не разорвалась и не распалась. Отсюда можно понять, сколь усерден был Сергий в своем смирении, если ходил в облачении нищего.

Ведь на нем обычно была весьма плохая одежда, которую он каждый день носил, так что если бы кто-нибудь не видел его, и совершенно не знал его, и посмотрел на него где-нибудь, одетого в такую одежду, то не подумал бы, что это сам игумен Сергий, но решил бы, что это один из иноков, нищий, и убогий, и пришелец, работник, на всякой работающий работе. И если попросту сказать: настолько бедную одежду он носил, что она была беднее и хуже, чем у любого из иноков его, так что некоторые, не знающие его, из-за этого могли смутиться и впасть в заблуждение; так и случилось, что многие впадали в обман и ошибались, и я вам об одном крестьянине подробно рассказать постараюсь.

Когда слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его приходили, желая лишь увидеть его, и те, кто видел его, возвращались восвояси и, друг другу рассказывая о Сергии, удивлялись. Услышав об этом, некий человек, христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пашущий землю плугом своим и своим трудом питающийся, живший в отдаленных краях, слыша много о Сергии, желанием возгорелся увидеть его. Однажды, освободившись от работы, пришел он в монастырь Сергия; а до этого он никогда не видел святого. В то время получилось так, что преподобный мотыгой работал, в огороде копал землю для насаждения какой-то огородной зелени. Когда пришел усердный земледелец этот, чтобы увидеть Сергия, начал он искать святого и спрашивал:

— Кто здесь Сергий, и где чудесный и славный этот муж, о котором я слышал столько? И как мне увидеть его?

И у каждого из братьев он допытывался, спрашивал и умолял, чтобы ему показали того, кого он ищет. Братья же сообщили ему:

— В огороде он, один уединившись, копает землю. Немного потерпи, пока он не придет.

Тот в большом нетерпении не дождался, но, прикинув к щели, увидел блаженного в бедной одежде, весьма рваной и залатанной, в поте лица трудящегося. Он никак не мог подумать, что это тот, кого он хотел увидеть, которого он ищет, и никак не верил, что это тот, о котором он слышал. Снова земледелец приставал к братьям, досаждая им и говоря:

— Почему вы не укажете мне того, к которому я издали поклониться пришел? И дело важное у меня есть к нему.

Они же сказали:

— Мы показали тебе его, и ты его видел в щель. Если же не веришь нам, то убедишься в этом, увидев его снова.

Он же упрямо не хотел верить, но около дверей стоял, неизвестно откуда ожидая Сергия. Когда же преподобный, сделав дело свое, из-за ограды в монастыре появился, монахи быстро указали на него земледельцу, говоря:

— Вот тот, кого ты желал увидеть.

Но этот земледелец отвернул лицо свое от блаженного, и начал смеяться, и гнушался им, говоря:

— Я пророка увидеть пришел, вы же мне сироту показали. Издали я шел, надеясь получить пользу, а вместо пользы ничего не получил. Хотя я и в честный монастырь пришел, но никакой здесь пользы не получил; вы глумитесь надо мной, думаете, что я обезумел. Я святого мужа Сергия, как я слышал о нем, надеялся увидеть в большой чести, и славе, и величии. Ныне же из всего этого в человеке, указанном вами, ничего не вижу, — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежды красивой и дорогой, ни отроков, служащих ему, ни спешащих слуг, ни множества рабов, прислуживающих или честь воздающих ему; но все на нем бедное, все нищенское, все сиротское. И думаю я — не он это.

Так говорил монахам поселянин этот, земледелец, и поистине он поселянин, потому что невежда и не смотрит внутренними глазами, но внешними, не знает книжной мудрости, как премудрый Сирах сказал: “Человек смотрит на лицо, а Бог зрит в сердце”. Этот земледелец внешние вещи видел, а не внутренние, и, на теле блаженного бедную одежду увидев, убедившись, что тот трудами земледельческими занимается, он добродетель старца и нищету хулил, никак не веря, что это тот, о ком он слышал. В мыслях его было какое-то недоверие, и он думал про себя так:

“Не может такой муж, честный и славный, в нищете и бедности жить, а я о его многом величии, чести и славе рассказы прежде слышал”.

Братия же игумену сказала:

— Не смеем и боимся сказать тебе, честный отче, а гостя твоего мы бы отослали отсюда как человека негодного и бесчестного, потому что он

невежа и поселянин: он тебе не поклонился, ни чести достойной не воздал, а нас укоряет и не слушает, считая, что мы лжем. Хочешь, мы выго-ним его?

Божий человек Сергей, посмотрев на братию, увидел их смущение и сказал:

— Ни в коем случае, братья, не делайте этого, ведь он не к вам, но ко мне пришел. Зачем вы обижаете его? Ведь он доброе дело сделал мне, и я вины не нахожу за ним. Если вы находите за ним вину, услышите Павла-апостола, говорящего: “Если человек впадает в некое прегрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости”; и подобает таких людей смирением и кротостью исправлять.

И, сказав это, не дождавшись от крестьянина поклона, Сергей сам опередил его, подошел и поцеловал земледельца старательно и поспешно. И с великим смирением Сергей поклонился ему до земли, и с большой любовью по-христиански поцеловал его, и, благословив, весьма похвалил крестьянина, который так о нем подумал. Этот случай дает понять, сколь великое смирение внутри себя имел Сергей, ибо такого поселянина, невежду, который негодовал и гнушался им, святой сверх меры полюбил: потому что насколько гордые почестям и похвалам радуются, настолько радуются смиренные своему бесчестию и осуждению. И не только поцеловал его, но взял его за руку преподобный и посадил справа от себя, едой и питьем насладиться предлагая ему, с честью и любовью обходился с ним. Крестьянин же печаль свою объяснял:

— Сергия ради я постарался сюда прийти и его увидеть, но не исполнилось желание мое.

Преподобный же Сергей сказал ему:

— Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чем ты печалишься, что ищешь и чего желаешь, — тотчас даст тебе Бог.

И в то время, пока еще Сергей говорил, вдруг князь некий подошел к монастырю в великой гордости и славе, и полк великий окружал его, бояре, и слуги, и отроки его. Идущие впереди телохранители князя и подвойские крестьянина этого взяли за плечи руками своими и далеко куда-то отбросили его от лица князя и Сергея. И еще издалека князь поклонился Сергию до земли. И Сергей благословил его; и поцеловались они, и сели вдвоем только, а все стояли. Крестьянин же тот бегал вокруг. И кем он прежде пренебрегал и гнушался, к тому теперь стремился, — где бы только посмотреть на него, — и не находил места. И спросил он одного из стоящих там:

— Кто этот монах, который сидит справа от князя, скажи мне?

Тот посмотрел на крестьянина и сказал ему:

— Разве ты не здешний? Не слышал ли ты о преподобном отце Сергии? Говорящий с князем он и есть.

Услышав это, крестьянин ощутил стыд и трепет.

Когда же князь из монастыря ушел, тогда этот крестьянин взял с собой некоторых из братии и за себя их молить попросил, и сам с ними и перед ними кланялся до земли игумену, говоря:

— Отче! За все мои нечестия и прегрешения прости меня и помоги в моем неверии. Теперь я узнал истину о тебе, отче; что слышал, то и увидел.

Преподобный же Сергей простил его, и благословил, и побеседовал с ним душеполезными, утешительными словами, и отпустил его домой. С тех пор человек этот великую веру имел в Святую Троицу и в преподобного Сергия до своей смерти. И через несколько лет он пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монахи, и, прожив несколько лет в покаянии, и исповедаюсь, и исправляясь, отошел он к Богу».

Однако теперь в самую пору рассказать, о чем беседовали преподобный и князь. Если князь, понятное дело, советовался и просил благословения на свои планы княжеские, то уже Сергей говорил князю такое:

— Правда ли, княже, что Русь стонет и погибает под гнетом татарским?

— Точно так, преподобный, стонет и погибает, — ответил князь.

— А что мешает Руси, чтобы прекратить сие скорбное бремя? — стал напирать на князя Сергей.

— Нет единства среди князей, многие стараются возвыситься на Руси за счет ярлыков татарских, — грустно заметил властный человек, понимая упрек преподобного также и на свой счет, и продолжил: — А разве монахам есть до этого дело, ведь им заповедь «не убий» заповедана Богом в исполнение неуклонное? А кроме того, татары вполне терпимы к вере нашей и даже иногда поощряют ее и у себя самих.

— Все так, княже, только монголы поддерживают не веру нашу. Они чтят лишь ее лукавое исповедание. Враги Руси почитают напоказ только отступления от нее, — заявил строго преподобный и, помолчав, добавил: — ведь не смогли бы татары напасть на православный народ и закабалить его, коли бы они веру нашу доподлинно уважали. А так — ложно они запросто могут. Вот и выходит то, что борьба с монгольским игом — это и борьба за веру нашу, за ее чистоту и прямоту. Поэтому не может церковь православная поддерживать иго безбожное.

— Так ты, отче, призываешь меня и других князей к объединению и выступлению против татар? — поинтересовался князь.

— Не могу возражать тебе, так как призываю вас к тому всюою душою своей, — спокойно завершил свое речение преподобный Сергей.

Князь, удивившись весьма словам святого, пообещал передать их другим князьям. По дороге к себе он размышлял:

«Неужели Сергей прав, и в церкви нашей царит ересь? Но тогда впереди раскол и в церкви, вдобавок к раздору княжескому? Разве это может

помочь несчастной Руси? Или преподобный все-таки знает что-то такое, что сможет удержать и церковь, и князей в мире? Помогай нам всем Боже, иначе татары нас со свету сживут и вовсе...»

Глава 8

Водное чудотворение Сергия на его пути к цели спасения Руси

Время шло, и новое важное происшествие случилось в обители преподобного Сергия. Оно также привнесло свою могучую лепту в копилку необоримых доказательств особого величия и особого права влияния на русскую жизнь нового русского святого. Но что сие было? Вот как повествует о том Епифаний Премудрый:

«ОБ ИЗВЕДЕНИИ ИСТОЧНИКА

Хочу вам, возлюбленным, рассказ продолжить о славных чудесах, которые творил Бог через угодника своего. Как мы раньше говорили про этого великого пастыря и мудрого человека, когда он в пустыню пришел и один хотел на том месте безмолвствовать, тогда воды не было вблизи от обители. После того как братия умножилась, неудобно весьма было издалека воду приносить. И по этой причине некоторые возроптали на святого:

— Зачем, — говорили они, — ты, не подумав, решил на этом месте, где воды нет поблизости, обитель создать?

Так многократно они с упреками говорили; а святой им отвечал:

— Ведь я один на этом месте хотел безмолвствовать, Бог же захотел такую обитель воздвигнуть, чтобы прославлялось святое Его имя. Так просите в молитве своей и не отчаивайтесь! Ведь если Бог непокорным людям еврейским из камня воду источил, то вас, работающих для него днем и ночью, разве оставит он?

И отпустил он монахов в их кельи.

Сам же он вышел из монастыря, одного брата взяв с собой, и зашел в глушь леса около монастыря, — а не было здесь нигде проточной воды, как старые люди определенно сказали. Нашел святой в одной канаве немного воды, оставшейся после дождя, и, преклонив колени, начал молиться, говоря так:

— Боже, отец Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и вся видимая и невидимая, создавший человека из небытия, не желающий смерти грешников, но жизни! Молимся тебе, и грешные, и недостойные рабы твои: услышь нас в этот час и яви славу свою. Как в пустыне чудодействовала крепкая твоя десница через Моисея, который из камня по твоему повелению воду источил, так и здесь яви силу твою. Ведь ты неба и земли творец; даруй нам воду на месте сем! И пусть узнают все, что ты слушаешь боящихся тебя и имени твоему славу воздающих, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, во веки веков, аминь.

И когда это сказал святой и место указал, внезапно источник большой появился, который и до сих пор все видят и из которого черпают для всяких нужд монастырских, благодаря Бога и Его угодника Сергия. Многие исцеления происходят от воды той для приходящих с верой, и различными недугами страдающие исцеление получают. И не только те, кто к самой этой воде приходит, исцеляются, но и те, кто из дальних мест присылают людей, которые черпают воду эту и к себе уносят, и больных своих поят или кропят, и те исцеление получают. Таких не один или два, но бесчисленное множество есть даже и донныне. И с тех пор источник называли именем Сергия лет десять или пятнадцать. Разумный же этот человек, поскольку он не любил славы, из-за этого негодовал, говоря:

— Чтобы я никогда не слышал, как вы моим именем источник этот называете. Ведь не я дал воду эту, но Господь даровал нам, недостойным».

Что тут можно сказать, имея в виду невероятную личную скромность Сергия? Может быть, без нее и святости не бывает? А что мы видим ныне у многих служителей церкви? Мы видим у них крайнюю степень личной нескромности, говорящую нам, что эти люди очень далеки и от святости, и от Бога. Вероятно, по причине этой сегодняшняя Русская православная церковь и не может быть спасителем России, целиком попавшей в руки любителей личной наживы. Как же нам быть теперь и на что надеяться? Поиск ответов на эти вопросы и должен составить ключевые смыслы грядущей истории Руси.

Глава 9

Чудо воскрешения отрока — еще одно свидетельство о неслучайности личности Сергия в истории Руси

Ниже приводится еще один рассказ из жития о становлении непрекаемого авторитета преподобного Сергия, который и был употреблен святым на благо созидания единого Русского царства:

«О ВОСКРЕШЕНИИ ОТРОКА МОЛИТВАМИ СВЯТОГО

Некий благочестивый человек, живущий в окрестностях монастыря того, имел веру великую в святого Сергия. Сын же человека этого, малолетний отрок, единственный ребенок его, от болезни страдал. Отец отрока, зная Сергия добродетель, понес сына в монастырь к святому, размышляя так:

“Если только живым донесу его к человеку божьему, он обязательно выздоровеет”.

Принес он сына в монастырь, умоляя святого помолиться.

Но пока человек этот просьбу излагал, отрок, жестокой болезнью страдавший, ослабел и испустил дух. Когда увидел человек этот, что умер сын его, он всякую надежду утратил и заплакал:

— Увы! — говорил он. — О, человек божий! Я с верой и слезами в безмерной печали к тебе пришел, надеясь утешение получить, а теперь вместо утешения вверг себя в большую печаль. Лучше бы мне было, чтобы в моем доме отрок мой умер! Увы мне! Что делать? Что этого страшнее или хуже?

Пошел человек приготовить гроб, чтобы положить умершего сына, а тело ребенка оставил в келье. Святой же сжалился над человеком этим, преклонил колени и начал молиться за умершего. И внезапно отрок ожил, и душа к нему возвратилась, и начал он двигаться.

Пришел отец отрока, неся все, что нужно для погребения; увидев его, святой сказал ему:

— Зачем ты, человек, трудишься, неверно помыслив: отрок твой не умер, но жив.

Тот же не мог поверить: ведь был убежден он, что сын его умер. И пришел он, и нашел сына живым, как сказал святой; и припал он к ногам человека Божьего, благодарность ему принося. Святой же ему сказал:

— Ошибся ты, о человек, и не знаешь, что говоришь: потому что отрок твой, когда нес ты его сюда, по пути от холода ослабел, и тебе показалось, что он умер. Теперь же он в теплой келье согрелся, а ты думаешь, что он ожил. Ведь не может ожить никто до общего воскресения.

Но человек упорствовал, говоря:

— Он твоими молитвами ожил.

Святой же запретил ему так говорить, сказав:

— Если разгласишь это, сам себе навредишь и отрока окончательно лишишься.

Тот обещал никому не говорить; и, взяв отрока здорового, ушел в дом свой. Молчать он не мог, а разглашать не смел; но только про себя удивлялся, хвалу воздавая Богу, совершающему удивительные и славные вещи, “которые видели, как сказано, глаза наши”.

Известно же стало чудо это от ученика святого».

Выше перед нами рассказ о беспрецедентном чуде воскрешения умершего человека. При этом Сергий наставляет о молчании насчет случившегося, полагая в том лишь соблазн для мало верящих в Бога людей, так как они могут успокоиться в деле необходимости личного возрастания собственных духовных усилий, а для других будет повод усомниться в том происшествии в принципе и возмутиться, что, мол, сие воскрешение поддельно. Основанием же для последнего суждения мог вполне стать, например, случай воскрешения Лазаря самим Иисусом Христом, послуживший окончательному решению Синедриона о подготовке ареста Спасителя. То есть нам ныне окончательно неизвестно, что было тогда с отроком, которого вернул к жизни преподобный, но отрицать сам факт этого события все же не следует никому. Думается, что сей рассказ также послужил приращению дополнительной политической силы Сергия в глазах многих влиятельных людей того времени.

Глава 10

Расширение славы Сергия до границ всего православного мира

После случившихся по молитвам преподобного к Богу разнообразных чудес, описанных выше, а также еще многих других, оставшихся за границами настоящего повествования, впору уже рассказать и о расширении славы Сергия до границ всего православного мира. Житие сообщает нам о том следующим образом:

«О СОЗДАНИИ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

Потом однажды пришли греки из Константинополя, патриархом посланные к святому. Они поклонились ему, говоря:

— Вселенский патриарх константинопольский, владыка Филофей благословляет тебя.

Также от патриарха подарки они передали ему: крест, и параманд, и схиму; затем и послание отдали ему. Святой же сказал им:

— Подумайте, не к другому ли вы посланы: кто я такой, грешный, недостойный такие дары получить от святейшего патриарха?

Они же сказали:

— Мы, отче, ничуть не ошиблись относительно тебя, святой Сергий. К тебе мы посланы.

Старец поклонился им до земли. Затем поставил перед ними трапезу и, хорошо угостив их, он повелел разместить их на отдых в обители. Сам же пошел к митрополиту Алексею, относя послание, полученное от патриарха, и отдал его митрополиту, и сообщил о принесших его. Митрополит же послание повелел прочитать; а написано было следующее:

П о с л а н и е:

— Милостью божьей архиепископ Константинополя, вселенский патриарх владыка Филофей в святом духе сыну и сподвижнику нашего смирения Сергию. Благодать и мир и наше благословение пусть будет с вами! Слышав о твоей в Боге жизни добродетельной; весьма восхвалили и прославили Бога. Но одной вещи еще недостает — общежительство у вас не устроено: потому что все, о преподобный, и сам прародитель Бога пророк Давид, который все охватил разумом, ничто другое так не хвалят, только вот что: “Что может быть лучше и прекрасней, чем жить братьям вместе”. Поэтому и я совет добрый даю вам, чтобы вы устроили общежительство. И милость Божья и наше благословение пусть будет с вами.

Старец же спрашивает митрополита:

— Ты, святой владыка, что повелеваешь?

Митрополит же в ответ старцу сказал:

— Поскольку, преподобный, ты таких благ сподобился, так как Бог прославляет славящих Его, поскольку дальних мест достигла слава жизни твоей, поэтому тебе великий и вселенский патриарх дает совет для великой

пользы. Мы также настоятельно советуем так сделать и весьма славим тебя.

С этого времени устанавливается в обители святого общежитие. И распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием; в церкви же ставит: во-первых, еkkлесиарха, а потом паракклесиархов, пономарей и других. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец...

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбие увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительность, и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так:

— Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа.

Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время он ни оставался здесь из-за такого ненастья, — все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные — все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного его угодника святого Сергия».

И вот она, всерусская слава святого Сергия налицо. А далее — учреждение с его участием многочисленных монастырей. Среди них и монастырь «на реке Киржач», и Андроников монастырь, и Симоновский монастырь, и Голутвинский монастырь, и монастырь «что на Высоком», и, наконец, «на Дубенке», основанный князем Дмитрием в честь победы над

Мамаем. И что затем? А затем уже попытка возведения подлинного величайшего русского святого в митрополичий сан. И здесь уже настоящая проверка целей и смысла служения Сергия как посланца Неба. И если бы преподобный вдруг поддался на сию попытку на свой счет, то он, очевидно, утратил бы и свою великую связь с Небом, разменяв ее на известные блага земные. В результате и его авторитет как носителя истины был бы утрачен всенепреренно.

Глава 11

О том, почему на самом деле Сергий категорически отказался от сана митрополита

Ниже речь пойдет о важнейшем событии в истории преподобного, являющемся, возможно, и ключом ко многим русским бедам вообще. Но сначала, видимо, следует обратить свое внимание еще на другое событие, которое, в свою очередь, является своего рода спусковым механизмом последующего и главного события. Епифаний Премудрый рассказывает о нем следующее:

«В скором времени вновь началось смятение. Ненавидящий добро враг, который не мог терпеть от преподобного сияющую зарю, видя, что его унижает преподобный, в помыслы вложил братьям противиться наставничеству Сергия. В один из дней — а день был субботний — вечерню пели; игумен же Сергий был в алтаре, облаченный в священническую одежду. Стефан же, брат его, на левом стоял клиросе и спросил канонарха:

— Кто тебе дал книгу эту?

Канонарх же ответил:

— Игумен дал мне ее.

И сказал Стефан:

— Кто игумен в месте этом: не я ли раньше пришел на место это?

И другие некоторые слова неподобающе произнес. Услышал это святой в алтаре, но не сказал ничего. А когда вышли из церкви, святой не пошел в келью, но сразу же покинул монастырь, так что никто не знал об этом, и отправился один по дороге, ведущей в Кинелу. Так наступила ночь, и он в пустыне спал; утром же, встав, он пошел дорогой своей и пришел в монастырь на Махрище. И попросил у Стефана, который был в том монастыре, какого-нибудь брата, который смог бы показать ему место пустынное. Многие места обойдя наконец нашли они место, красивое весьма, — и река была поблизости, называемаяся Киржач, где теперь монастырь стоит честного Благовещения пречистой владычицы нашей Богородицы.

Когда Сергий, как мы раньше сказали, ушел из монастыря, хватились и не нашли его. Тогда все весьма встревожились и отправили повсюду братию искать его — одних в пустыни, других же в город: ведь не могли

они с таким пастырем разлучиться. Один же из братьев пришел к Стефану на Махрище, желая узнать о Сергии. И услышал он, что Сергий в далекую пустыню ушел, желая монастырь построить, и весьма обрадовался. И хотя в радости хотелось ему идти к святому, но он все же назад возвратился в монастырь, чтобы братию утешить в скорби о святом. Когда же братия услышала о святом, она весьма обрадовалась, и начали приходиться к Сергию иногда по два человека, иногда по три, а иногда и больше.

Сам же отец наш Сергий сначала поставил келью, чтобы в покое пребывать после великого труда. Затем он посылает двух учеников своих к всесвятейшему митрополиту Алексею, прося благословения на основание церкви. Получив благословение, он начал строить церковь, сначала молитву произнеся такую:

— Господи боже сил, в древности Израиль обративший к вере многими великими чудесами и законодателю Моисею многие давший знамения, Гедену с помощью руна победу предсказавший! Ныне, владыка-вседержитель, услышь меня, грешного раба своего, молящегося тебе! Прими молитву мою и благослови место это, которое по Твоему изволению создано для славы Твоей, в похвалу и честь пречистой Твоей матери, честного Ее Благовещения, чтобы и здесь всегда славилось имя Твое, Отца, и Сына, и Святого Духа.

Он закончил молитву, и работа успешно пошла благодатью Христовой. И было много людей, помогающих в этом деле, иноков и мирских, — одни кельи строили, другие же службы монастырские. Иногда же и князья и бояре приходили к нему, серебра много давали для построения монастыря. Так по благодати Божьей быстро церковь поставлена была, и множество братьев собралось.

Некоторые из монастыря Святой Троицы, не вынося с духовным учителем разлуки и любовью великой возгоревшись, пошли в город к митрополиту и сказали:

— Святой владыка! Знаешь ты, святой владыка, о нашей разлуке с духовным пастырем. Сейчас мы живем, как овцы, не имеющие пастыря: священноиноки, и старцы, и святое, Богом собранное братство, не вынося разлуки с отцом, уходят из монастыря; и мы не можем больше не видеть святого его лица. Поэтому если ты соизволишь, Богом данный нам наставник, прикажи Сергию назад вернуться в его монастырь, чтобы не до конца изнемогли мы без него.

Услышал это митрополит от пришедших братьев и немедля посылает двух архимандритов, Герасима и Павла, некоторые поучения посылая Сергию из божественного Писания: ведь митрополит его, как отец, учил и, как сына, наставлял. Пришли архимандриты те и, поцеловав Сергия, как принято, сказали:

— Отец твой, Алексей митрополит, благословляет тебя. “Весьма, — сказал он, — обрадовался я, услышав про твою жизнь в дальней пустыне,

что и там многими прославляется имя Божье. Но подобают тебе тобой построенная церковь и Богом собранное братство, поэтому, кого ты считаешь в добродетели преуспевшим из своих учеников, того поставь вместо себя настоятелем святого монастыря. Сам же назад возвратись в монастырь Святой Троицы, чтобы больше братия, скорбя о разлуке со святым твоим преподобием, из монастыря не уходила. А тех, кто досаждают тебе, я изгоню из монастыря, чтобы не было там никого, кто бы обиды тебе наносил; но только не слушайся нас. Милость же Божья и наше благословение всегда пусть будут с тобой”.

Услышав это, святой ответил им:

— Так скажите господину моему митрополиту: все, что исходит из твоих уст, как из уст Христа, я приму с радостью и ни в чем не слушаюсь тебя.

Пришли архимандриты и сообщили митрополиту сказанное святым Сергием. Услышав это, митрополит весьма обрадовался совершенному его послушанию и быстро посылает священников, и они освящают церковь в честь Благовещения пречистой владычицы нашей Богородицы, — а церковь та и до сего дня стоит по благодати Христа. Избрал Сергей одного из учеников своих, по имени Роман, и посылает его к митрополиту. И вот, благословив его на священничество и игуменство в новооснованном монастыре, оттуда назад возвращается святой в монастырь Святой Троицы.

Весьма желал святой Сергей, чтобы был Исаакий-молчальник игуменом в монастыре Святого Благовещения. Тот же никак не хотел, но, как мы сказали, полюбив безмолвие и молчание, упорно умолял святого, чтоб тот наконец благословил его молчать и ничего совсем не говорить. Святой в ответ на просьбу его сказал ему:

— Чадо Исаакий! Если молчать желаешь, наутро, когда закончим божественную службу, ты приходи к северным дверям, и я благословлю тебя молчать.

Исаакий, следуя словам святого, когда увидел, что закончилась божественная служба, пришел к северным дверям. Святой же старец, перекрестив его рукой, оказал:

— Господь пусть исполнит желание твое!

И когда он благословлял Исаакия, тот увидел, как некое огромное пламя вышло из руки Сергия и всего Исаакия окружило. И с того дня пребывал тот в молчании бесстрастным благодаря молитвам святого Сергия: если порой и хотел тихо что-нибудь сказать, то запрещали ему это святого молитвы. Так пребывал он в молчании до конца дней своих, как сказано: “Я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих”. Так совершал он подвиги великого воздержания, тело свое удручая или постом, или бдением, или же молчанием и, наконец, послушанием до последнего своего вздоха. Так он отдал душу свою Господу, к чему и стремился с юности своей.

Когда услышали в монастыре о возвращении святого, вышла братия навстречу ему, и когда увидели они его, то показалось им, что второе солнце воссияло. И из всех уст слышно было:

— Слава тебе, боже, обо всех заботящийся!

И было чудесным зрелище и умиления достойным: потому что одни руки отца лобызали, иные же ноги, а другие к одеждам прикасались и целовали их, а иные впереди шли только из-за желания увидеть его. Все вместе радовались и славили Бога за возвращение их отца. Что же отец? Духом и он радовался, детей своих увидев вместе».

Какой урок из описанного выше события мог сделать Сергий? Что его окружают люди, повлиять на волю которых даже своей молитвой он совсем не вправе? Что просить Господа об отмене пускай даже греховного стремления другого человека он не может в принципе? Пожалуй, что так, ведь в противном случае он сам превратился бы в сущего насильника в духе своем. Впрочем, житие совсем ничего не говорит нам об участии брата Сергия Стефана, которого митрополит должен был бы демонстративно изгнать из обители преподобного. Что само по себе весьма показательно. Видимо, митрополит не исполнил своего обещания. А если бы исполнил, то разве это устроило Сергия? Вряд ли, ведь он не этого добивался своим уходом, он лишь пытался усовестить брата, возмнившего себя господином. Но вернемся к главному вопросу настоящей главы. Житие рассказывает о нем следующее:

«О ТОМ, КАК ХОТЕЛИ СВЯТОГО ВОЗВЕСТИ НА МИТРОПОЛИЮ. Блаженный митрополит Алексей, состарившись и видя, что он слабеет и к концу приближается, призывает святого Сергия. Когда Сергий пришел и начали беседовать они, повелел митрополит вынести крест с параманом, золотом и камнями драгоценными украшенный и подарил это святому. Тот же со смирением поклонился, говоря:

— Прости меня, владыка, но я с юности не носил золото, в старости же особенно хочу в нищете жить.

Архиерей же ему сказал:

— Знаю, возлюбленный, что жил ты так. Но будь послушным: прими то, что мы даем тебе с благословением.

Так он возложил дары своими руками на святого как некий залог. Снова начал он говорить и сказал святому:

— Знаешь ли ты, преподобный, зачем я призвал тебя и что хочу в отношении тебя сделать?

Святой же ответил:

— Как я могу, господин, знать?

Тот же сказал ему:

— Вот я управлял, когда Бог поручил мне, русской митрополией, как Богу угодно было. Теперь же вижу, что мой конец приближается, только

не знаю дня кончины моей; хочу я при жизни моей найти мужа, который сможет после меня пасти стадо Христово. Но во всех сомневаясь, лишь тебя я выбрал как достойного выполнить завет истинный: ведь знаю хорошо, что от великих князей и до последнего человека все требуют на это место тебя. И ты сначала сана епископа удостоен будешь, а после моей смерти мой престол унаследуешь.

Святой, когда услышал это, сильно опечалился, ибо весьма суетным делом считал для себя это, и архиерею ответил:

— Прости меня, владыка, но выше моих сил ты требуешь; и на это никогда я не соглашусь. Кто я такой, грешный и худший из всех людей?

Архиерей же многие слова привел старцу из божественных писаний, желая ими заставить Сергия последовать его воле. Смиранный же человек никак не соглашался, но сказал:

— Владыка святой! Если не хочешь, чтобы ушел я, нищий, и не слышал святыню твою, больше не продолжай об этом говорить со мной, бедным, и другому никому не разрешай, потому что никто меня не сможет переубедить.

Когда увидел архиерей, что святой в этом непреклонен, не стал он ничего больше ему об этом говорить, побоявшись, как бы святой не испугался и не ушел в далекую пустыню, и тогда он такого светильника лишится. И, успокоив его словами духовными, митрополит отпустил его в родной монастырь.

Через некоторое время, в год 6885 (1378), уходит из жизни митрополит Алексей. И снова начинают господа великодержавные князья умолять святого принять архиерейский сан. Но его, как твердый алмаз, никак нельзя было к этому склонить. Взошел тогда на престол архиерейский некий архимандрит, по имени Михаил, осмелившись надеть одежду святителя и возложить на себя белый клобук. Начал он против святого ополчаться, думая, что будет противиться дерзости его преподобный, желая сам архиерейский престол занять. Услышал блаженный, что ополчается Михаил на него, и сказал ученикам своим, что Михаил, ополчающийся на святую обитель эту, не сможет получить желанного, потому что гордостью побежден, и Царьграда не сможет увидеть. Так и случилось, как пророчил святой: когда Михаил плыл к Царьграду, он недугом был поражен и скончался. И все считали святого Сергия одним из пророков».

Что сие было в сути своей? Почему Сергий отказался принять митрополичий сан, разве положение митрополита могло стать ему помехой в деле объединения русских князей для военной борьбы с безбожным игом татарским? Для того чтобы понять сие воистину сложное дело, перечитаем фрагмент из книги А. Миронова «Связующая смысла суть» (СПб.: ГЕЛИКОН ПЛЮС, 2006):

«...Да, нам всем ведомы подлинные подвижники христианской веры, но нам ведомо также и нечто другое. Например, крестовые походы подвиж-

ников веры Христовой, жестокая деятельность в отношении инакомыслящих церковной инквизиции. Как подобные события вообще могли произойти в истории христианской веры, ведь, как известно, от самого ее начала — царство Христово “не от мира сего”, а значит, стремление христиан к использованию возможностей земной власти или ее силы в отношении своих противников объективно превращало слуг Христа в слуг царя земного? Впрочем, кто-то, вероятно, заметит, что, например, римский император Константин Великий и сам стал вполне христианином, а значит, ничего такого с верой во Христа как Сына Божьего и не случилось вовсе. Так оно, конечно, так, только вот от земной власти названный император-христианин долго что-то не отлучался, а значит, его царство все-таки “на круг” оставалось “от мира сего”. Нет ли в последнем наблюдении противоречия? А ежели оно имеется, то что же за ним скрывается? А кроме того, названный выше император своей властью христианскую общину возвысил до крайних пределов земной власти, в частности, он реализовал следующее: *“Мы сочли полезным вместе со всеми нашими правителями, Сенатом, вельможами и народом римским, чтобы, подобно тому как св. Петр был наместником Сына Божия на земле, так и первосвященники, наследники князя апостолов, удерживали начальственную власть — и даже полнее, чем это свойственно земному императорскому достоинству. Именно: мы определяем благоговейно почитать как наше земное императорское могущество, так точно и святейшую Римскую Церковь и, дабы полнее возвысить кафедру над нашим собственным земным тронном, приписываем ей власть, достоинство и честь царскую... Уступаем самим св. апостолам, блаженнейшим Петру и Павлу, а через них отцу нашему, Папе Сильвестру, и всем преемникам его, какие только будут на кафедре св. Петра до скончания веков, дворец Латеранский, который превосходит все дворцы в мире... Передаем Римскому Папе диадему, т. е. корону, со своей собственной головы, нарамники, которыми украшается императорская шея, пурпуровую хламиду, багряную тунуку и все другие царственные одежды. Вручаем ему императорский скипетр и все другие знаки отличия и перевязи — словом, все принадлежности царского величия... Дабы первосвященническая власть не оскудевала, но процветала более самой власти императорской, мы определили передать отцу нашему Сильвестру, кроме Латеранского дворца, город Рим, провинции Италии и всех западных стран, и все места и города в них — в полное распоряжение и власть”* (А. П. Лебедев. История разделения церквей. М.: Дар, 2005). Более красноречивого документа вряд ли вообще возможно сыскать в принципе. С другой стороны, внутри самого христианства впоследствии началась своего рода история самоочищения. Так, патриарх Константинопольской церкви Николай в начале X столетия писал в Рим Папе Анастасию III: *“...Должно повиноваться государю, но только тогда, когда он распоряжается как истинный государь, когда его повеления спра-*

ведливы и нравственны, но не тогда, когда они противны и совести и разуму. Нечестивых приказаний императора слушаться не должно. Подданные принимают правителя в образец, поэтому его обязанность состоит в том, чтобы указывать им путь к добродетели и тем больше побуждать чтить Бога, чем больше он сам Его почитает” (Там же). Как усматривается из последнего, ранее соблазненное земной властью христианство противоречиво и мучительно пыталось освободиться от ее влияния. В результате же этого случилось лишь разделение Вселенской христианской церкви на Католическую и Православную. В дополнение к уже сказанному, вероятно, следует еще заметить, что в содержание Символа веры (христианской) после ее “огосударствления” вводится и утверждается окончательно соответствующий член о вере “*во единую святую, соборную-вселенскую и апостольскую церковь*”. Тем самым как бы специально подтверждается непреходящая самоценность возникшего тогда фактически государственного церковного института. Последнее обстоятельство как раз вполне документально и подтверждает тезис о частичном обмирщении самого христианства, которое начинает выражаться в том, что наряду с верою в Бога Отца, Сына Божьего и Святого Духа христианам дополнительно надлежит верить еще в самую церковь. Ну и что, скажет, вероятно, кто-то, зато святые-то внутри христианства все равно не перевелись! Да, конечно, не перевелись, но зачем, например, по данным князя Ф. Ф. Юсупова (В. Губанов. Святой царь Николай II и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. М.: Ставрос, 2004), Святейший синод Русской православной церкви приказал сжечь рукописи Серафима Саровского, оставшиеся в его келье по кончине старца? Или почему это вдруг тот же Синод 9 марта 1917 года обратился к народу российскому с обращением: “*Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни... доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повинованием облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства...*” (М. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004). Вероятно, что земные заботы “государственного” христианства так или иначе все-таки заслонили заботы о спасении душ человеческих. А в довершение уже сказанного, вероятно, не лишним будет привести предсказание иеросхимонаха Кукши: “*Скоро будет экуменический Собор под названием “святой”. Но это будет тот самый восьмой Собор, который будет сборищем безбожных. На нем все веры соединятся в одну. Затем будут упразднены все посты, монашество будет полностью уничтожено, епископы будут женаты. Новостильный календарь будет введен во Вселенской Церкви. Будьте бдительны. Старай-*

теть посещать Божиим храмы, пока они еще наши. Скоро нельзя будет ходить туда, все изменится. Только избранные увидят это. Людей будут заставлять ходить в церковь, но мы не должны будем ходить туда ни в коем случае. Молю вас, стойте в православной вере до конца ваших дней и спасайтесь!» (В. Губанов. Святой царь Николай II...) То есть получается, что случившаяся с христианством в IV веке трансформация не могла не вести к подобным предсказаниям. Из истории же раннего христианства нам известно, что его подвижники никогда не прибегали к силе земной власти ради торжества своей веры среди язычников. Они использовали лишь силу проповеди и личного примера праведного (по-современному — морального) поведения. В случае же угроз извне применения к ним насилия по причине принуждения их к отказу от веры Христовой они решительно приносили свое физическое здоровье и саму жизнь в жертву. Другими словами, они личным подвигом регулярно подтверждали содержание и качество своего верования и фактически не нуждались ни в какой поддержке со стороны земной власти. Поэтому-то и не случайно в эти самые годы и возникло чрезвычайно много христианских святых великомучеников. В дальнейшем, с вхождением во власть, носители веры Христовой начинают так или иначе осуществлять, с одной стороны, свое заметное продвижение во власть земную, с другой — очевидно дистанцируются от всех сторон мирской жизни, уходя в отшельничество, или уединяются в монастырях и скитах. Что может означать описанный выше разнонаправленный процесс? Лишь смену внешней стороны жизни христианских общин? Вряд ли. Иначе говоря, не могли подлинные христиане встать на поддержку ценностей и целей земной власти, никогда и нигде еще не освобождавшей себя от *первостепенного служения греху плоти и греху всевозможной похоти*. С другой стороны, сама земная власть всегда искала оправдания и даже всемерного освящения своих деяний. Приспособив для этого со времен Римской империи христианство, она и стала особенно яростно культивировать образ христианского воителя (воителя-монаха) или воителя во имя веры Христовой, имея в виду и попутный продукт сего — усиления и расширения пределов самой себя. Вероятно, поэтому и не случайно впоследствии практически все европейские государства легко и отбросили христианство за ненадобностью как удобную и выгодную до поры до времени своего рода оболочку, предоставив его ныне фактически в распоряжение самого себя».

Обдумывая процитированное выше, невольно приходишь к выводу, что Сергий отчетливо понимал всю опасность собственного возведения в митрополиты. Ведь в случае его согласия он неизбежно становился бы на официальную позицию, предполагавшую автоматически очень значительные уступки многим греховным поползновениям своего времени, как представителей верхушки русского мира, так и широких народных масс, вполне даже не чуждых всевозможным мирским соблазнам. В таком слу-

чае все его предшествующее служение Господу неумолимо ставилось бы под удар, а значит, это возвышение перечеркивало бы его ключевые смыслы. Но почему вдруг официальная православная церковь оказалась не способной понять и преодолеть названные трудности? Вопрос сей, скорей всего, связан с отклонениями самой веры или с ересью, проникшей в церковь с самого ее основания в качестве государственного верования. Каковы они? Ответ, видимо, упирается в то, что влиятельным управителем в мире официальной православной веры не может быть лицо, способствующее сколь-нибудь умалению самой этой веры или хоть малейшей ее компрометации. То есть только такое лицо может быть полноправным царем или помазанником Божиим. В противном случае сама упоминаемая вера начинает постепенно скатываться во многие еретические отступления, прикрываясь при этом евангельскими словами «не суди, да не судим будешь». А преподобный, в редакции современной русской речи, размышлял:

«Демонические силы очень хотели меня погубить начальственной должностью, полагая полную невозможность моего отказа от нее. И в самом деле: отказ сей выглядел как странный каприз мой либо как нарочитое посрамление церковных начальников, которым я невольно отказал в какой-либо надежде обретения святости. Но почему все так? Где и в чем в церкви нашей нестроение сущее? Или почему в ее начале не могут быть святые люди? Но, может быть, изначальная невзыскательность многих верующих как поблажка для самих себя и рождает сию традицию допустимости греха среди церковного начальства? Но тогда выходит, что и сама церковь наша просто обречена на погибель в грядущем? Разве не так? И почему сами церковные начальники не озабочены этим? Они что, боятся собственных прихожан, их прихотей и похотей? Да, последнее предположение весьма основательно, если вспомнить, хотя бы историю моей обители, моей брани с враждебными ей людьми. В таком случае следовало бы знать, а зачем верующие идут с желанием к должности начальственной, ведь сие стремление заведомо есть грех большой, губящий наверняка и саму их душу? Господи, вразуми, направь раба твоего на путь правый, не дай мне погрешить на святую церковь твою! Видимо, не мне решать сию задачу, мне же, убогому, предстоит убедить князей русских объединиться и сокрушить иго страшное, сатанинское. Кто-то, возможно, попытается меня обвинить в том, что я призываю к непокорности, к немирению, что это большой грех, ведь «нет власти не от Бога», а значит, власть монголов должна восприниматься русскими людьми смиренно. Да, трудно возразить, что сие попущение не за грехи наши. Но грех-то как раз и связан с тем, что русские живут в раздоре, не по-христиански. Но почему? Может, причина в том, что они несчастно уверовали в то, что всякая власть от Бога и с нее им нельзя ничего спрашивать. В таком случае они и сами становятся безответственными, мол, мы люди маленькие и от нас ничего не зависит. Разве сие поучение во благо человекам? Впрочем,

если же они под давлением общей беды объединяться, наконец, то и грех сей победят. Но тогда непременно придется встретиться с тем, что татары увидят укрепление Руси и попытаются силой прекратить сие стремление. Вот и выходит ровно то, что браниться с ними всерьез все равно придется, ведь они совсем не власть, а только ужасное поущение Божье. А кроме того, мир без торжества праведности Господу и вовсе не нужен...»

Глава 12

Благословение Сергием великого князя московского Дмитрия Ивановича на сражение с ордой Мамаю

Во второй половине августа 1380 года великий князь московский Дмитрий Иванович прибыл в обитель к святому старцу. Зачем и почему он оказался на Маковце?

Готовясь к схватке с ордой Мамаю, князь отчетливо осознавал нехватку сил для успеха в предстоящем сражении. В этой ситуации единственной надеждой на восполнение потребного резерва сил князя Дмитрия становились ополченцы, московский посадский люд и крестьяне, способные хоть кое-как вооружиться и, бросив свои очаги и нивы, отправиться в поход. Но он был во многом чужд тем, к кому собирался обратиться за помощью. При этом ему нечего было пообещать им, кроме верной смерти. О принуждении не могло быть и речи. Даже если бы ему удалось силой собрать ополченцев и погнать их навстречу Мамаю, они попросту разбежались с дороги, растаяли в лесах, ушли в иные земли. И вот теперь он должен был просить их помощи, их крови во имя затеянной им тяжбы с Мамаем. Но как докричаться до них? Как заставить поверить в благородство своих целей, в то, что в случае неудачи он не предаст их, не бросит на произвол судьбы, огрев нагайкой своего быстроногого коня? И Дмитрий нашел единственно правильное решение. Кто-то, чье слово значит для простонародья больше, чем его собственное, должен как бы поручиться за него перед Русью, породнить его с могучей силой русской земли. Сначала, должно быть, эта мысль показалась князю почти оскорбительной. Однако чем дольше он размышлял, тем яснее понимал, что непременно должен взискать себе «поручника свята». Им не мог быть ни митрополит-чужеземец Киприан, ни кто другой из московских иерархов. Народ верил одному только Сергию.

До поздней ночи просидел князь в келье у Сергия, рассказывая о своих заботах и тревогах, исповедуясь как перед причастием. Дмитрий был до конца откровенен с игуменом и высказал заветное: ему нужно было не просто благословение, но и какие-то зримые всем воинам свидетельства того, что великий старец признал вооруженную борьбу с Мамаем священной войной.

Но сначала сам упомянутый выше разговор проходил весьма и весьма непросто. Старец, упомянув собственное примиряющее участие в княжеском съезде в Переяславле-Залесском, приведшем его к тяжелой болезни, а также многие другие его увещевания влиятельных русских князей, сказал Дмитрию следующее:

— А не лучше ли было бы для Руси, господине, и на этот раз откупиться от Орды данью, а не русской кровью? Прежде, господине, походи к ним с правдою и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь Василий Великий утолил дарами нечестивого Юлиана, и Господь призрел на смирение Василия и низложил Юлиана. Враг хочет от нас чести и злата, дадим ему это. Отдай им, господине, честь и злато, и Бог не допустит им одолеть нас. Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их гордость!

Услышав такие слова из уст святого, князь опешил и подумал:

«Видимо, зря приехал, ведь говорили мне, что он упрямый, и с ним невозможно сладить...»

Видя смущение Дмитрия, Сергей вдруг заговорил:

— Подобные слова ты, господине, мог бы услышать из уст митрополита, ведь ему следует держаться интересов своего положения и выгод собственного высокого сана. Я же, по Божьему соизволению, свободен от подобной зависимости и скажу тебе иначе, тем более что, как ты, наверное, уже слышан, нашу обитель некоторое время тому назад наяву посетила сама Богородица и благословила меня на задуманное мною дело освобождения Руси от ига безбожного. То насилие, к которому готов прибегнуть ты, господине, воистину священо. Могучая орда хана Мамаю идет на Русь не для ее очередного покорения, она движется сюда для ее полного и окончательного уничтожения. Заметь, княже, что хан монгольский не есть помазанник Божий или он вовсе не царь, как думают наши святители. И предстоящее русским воинам предание смерти агарян вызвано тем обстоятельством, что они, как иудейские священнослужители, возненавидевшие Господа нашего Иисуса Христа, недостойны по этой причине ни прощения, ни даже самой жизни. Поэтому я благословляю тебя на предстоящую тебе и твоим полкам брань. Однако для выполнения твоего желания о предоставлении тебе, господине, зримых знаков сего благословения мне следует держать совет с наиболее уважаемыми в нашей обители старцами. Тебе же придется остаться у нас на ночлег.

Князь с налетом некоторого недоумения, предполагая, видимо, новые приятные для себя сюрпризы, принял предложение старца.

На следующее утро Дмитрий и его свита присутствовали на литургии, которую служил сам Сергей. День был воскресный, и потому служба отличалась особой торжественностью и продолжительностью. Князь нервничал, спешил назад, в Москву. Однако Сергей уговорил его отобедать в монастырской трапезной, «вкусить хлеба их». Это был не просто жест

вежливости. Обед с иноками за их столом считался своего рода причастием, очищающим от грехов.

Сергий сам подал князю хлеб и соль. Этим двум вещам он придавал особое значение. Хлеб — не только в виде просфоры, но и как таковой — был для него символом самого Иисуса. Он не раз повторял слова Спасителя:

— Я есмь хлеб жизни.

Соль еще с апостольских времен означала благодать:

— Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому.

Подавая князю блюдо, игумен произнес:

— Хлеб да соль!

Эти слова были его обычным благословением. Князь встал и с поклоном принял блюдо.

После трапезы Сергий окропил Дмитрия и его спутников святой водой. Осенив князя крестным знаменем, он громко, так, чтобы услышали все, воскликнул:

— Пойди, господине, на поганые половцы, призывая Бога, и Господь Бог будет ти помощник и заступник!

Потом, наклонившись к князю, Сергий добавил тихо, так, чтобы слышал он один:

— Имаши, господине, победити супостаты своя.

Игумен подозвал к себе двух иноков. Князь узнал обоих: боярин Андрей Ослябя, ушедший «спасать душу» на Маковец, и недавно принявший монашеский постриг молодой богатырь Александр Пересвет.

Дмитрий с недоумением смотрел на одеяния иноков. Оба были облачены в «шлем спасения» — островерхий куколь с вышитым на нем крестом. Это был «образ великой схимы». Князь знал, что Сергий не любит давать своим инокам схимы, избегая любого признака неравенства между братьями.

Обращаясь к князю, святой старец сказал:

— Се ти мои оружници.

И тут князь понял все. Эти два инока и есть то зримое свидетельство благословения, которое он вчера просил у старца. Игумен постриг их в великую схиму, и теперь, верные иноческому послушанию, они готовы были следовать за князем на битву. По понятиям иноков, схима символизировала доспех, в котором монах выходил на бой с дьяволом.

Дмитрий понял, как много дал ему Сергий в лице этих двух иноков. Пересвет и Ослябя — люди не безвестные. Увидев их, каждый сразу догадается, кто послал их с княжеским войском. А необычное одеяние без слов доскажет остальное.

Великий князь осознал и то, как трудно далось это решение старцу, какой подвиг самопожертвования совершил он в ту ночь. Сергий не только посылал своих духовных детей на смерть, но также совершал прямое

нарушение церковных законов. Четвертый Вселенский собор в Халкидоне постановил: монах не должен вступать в военную службу. За нарушение этого запрета он подвергался отлучению от церкви. Принцип иноческого послушания перекладывал этот грех на плечи игумена, благословившего своих монахов на пролитие крови. Посылая иноков на битву, Сергей рисковал спасением своей души.

Низко поклонившись, Дмитрий поцеловал руку игумена, потом выпрямился, глянул в синие, чуть поблекшие от времени глаза Сергия и, стремительно повернувшись, пошел к воротам. Там, за оградой обители, его ждала собравшаяся в дорогу свита. Стремянный держал наготове княжеского коня. Легко вскочив в седло, Дмитрий с места пустил своего застоявшегося жеребца широкой рысью к величайшей победе той поистине тяжелой эпохи.

Глава 13

Последнее великое мирское служение святого Сергия

Спустя 5 лет после блестящей победы русского воинства на Куликовом поле Сергию вновь пришлось решительно вмешаться в мирские дела Руси, выступив в качестве примирителя между великим князем московским Дмитрием и самозванным великим князем рязанским Олегом. Впрочем, об особом авторитете Олега говорило то, что московско-тверской договор 1375 года отводил ему роль третейского судьи в случае конфликта между договаривающимися сторонами.

В 1378 году именно в рязанской земле Дмитрий Московский разгромил татарский отряд Бегича. Можно думать, что Олег помогал ему в этом походе. Вскоре последовала месть Мамаю: посланная им новая рать дотла разорила рязанскую землю.

Накануне Куликовской битвы Олег, наученный горьким опытом, решил прибегнуть к хитрости. Заверив в своей преданности всех участников конфликта — Дмитрия, Мамаю и литовца Ягайло, он уклонился от участия в войне. Эта дипломатия Олега имела определенный успех: Дмитрий, идя навстречу Мамаю и возвращаясь назад, запрещал своим воинам грабить рязанские села.

Тот же прием Олег решил применить и во время карательного нашествия Тохтамыша на Москву в конце лета 1382 года, объявившего себя новым господином Руси поздней осенью 1380 года еще до окончательного разгрома своего главного соперника Мамаю в битве на реке Калке. Уехав в Брянск, он ожидал там окончания войны. Однако хитрость на сей раз принесла Олегу совсем иные, плачевные результаты. Рязанское княжество разорил сначала сам Тохтамыш, возвращаясь из похода на Москву, а затем и московское войско.

Олег был не из тех, кто забывает обиды. Накопив силы, он решил отомстить. 25 марта 1385 года, в день Благовещения, он скрытно подошел к Коломне и, воспользовавшись праздничным весельем воевод, неожиданной атакой захватил город. Не надеясь удержать Коломну, Олег вскоре вернулся в Рязань с богатой добычей и толпой пленных.

Набег рязанцев вызвал немедленный ответ. Князь Дмитрий послал на Рязань большое войско во главе с Владимиром Серпуховским. В походе принял участие и служивший Дмитрию литовский князь Михаил Андреевич, внук Ольгерда. Наступление шло не только на Рязань, но и на Муром. Туда была послана другая московская рать.

Предвидя тяжелую борьбу, Олег также позвал на помощь литовские отряды. Бой был ожесточенным. Московские летописи стыдливо умалчивают о его результатах. Из этого можно сделать вывод: Владимир Серпуховской потерпел от Олега одно из немногих в своей жизни поражений.

Война с Рязанью, а тем более столь неудачно начавшаяся, резко противоречила всем тогдашним планам Дмитрия Ивановича. Поскольку с обеих сторон в нее оказались втянутыми и литовские князья, она грозила расстроить наметившийся в 1384 году союз Дмитрия с Ягайло.

Была и еще одна, крайне опасная особенность создавшегося положения. Поражение, нанесенное москвичам Олегом Рязанским, ободрило новгородцев. В 1385 году они отказались выплачивать Дмитрию внеочередную ордынскую дань — «черный бор», а также подчиняться митрополиту как высшей инстанции в области церковного суда. Новгородские ушкуйники устремились на Волгу, разбойничали во владениях московского князя. Восстановить пошатнувшийся престиж Москвы можно было только большим походом на Новгород, подобным походу на Тверь в 1375 году.

Однако до тех пор, пока Москва находилась в состоянии войны с Рязанью, Дмитрий не мог заняться новгородскими делами. Олег связывал ему руки, постоянно угрожая Московскому княжеству с юга. А между тем хан Тохтамыш был нетерпелив. Задержка с выплатой «черного бора» могла стоить Дмитрию великого княжения.

В этой обстановке Дмитрий не захотел еще раз испытывать судьбу, посылая на Рязань новое войско. Он отправил к Олегу послов с предложением мира. Однако рязанский князь хорошо понимал, что Дмитрию мир куда более необходим, чем ему. И потому он «набивал цену», выдвигал унижительные для Дмитрия условия. Уже казалось, не сегодня-завтра вновь засвистят стрелы, зазвенят мечи, польется кровь... Переговоры зашли в тупик. Вот тогда-то московский князь и решил прибегнуть к помощи Сергия Радонежского.

Что заставило Сергия, которому уже исполнился 71 год, отправиться почти за три сотни верст, в Рязань? Очевидно, в московско-рязанском споре старец увидел нечто большее, чем рядовой военный эпизод. Это была затяжная и кровопролитная княжеская усобица. Она тянулась, то

затухая, то разгораясь, еще с 70-х годов XIV века и грозила превратиться в своего рода «хроническую болезнь» Великороссии. Русские убивали и брали в плен своих же, русских. Повторялась история московско-тверской войны конца 60-х — первой половины 70-х годов XIV века. Судя по успехам Олега, конца кровопролитию не было видно. Подобно тому как прежде князя вовлекали в свои усобицы татар, теперь они звали на помощь литовцев.

Положение в 1385 году стало настолько угрожающим, что Сергей решил вмешаться и попытаться исцелить эту незаживающую рану Руси.

И вот преподобный в самом конце 1385 года в составе посольства из Москвы уже в Рязани. Пришел черед и старца держать уединенно свое слово перед князем Олегом Ивановичем:

— Послушай, господине, раба Божьего Сергия, ничтожнейшего из людей, помогающих и досаждающих тебе много. Изначально посвящая свою ничтожную жизнь в молитве и посте Руси, я молю ныне тебя, как никого другого в Отечестве нашем, о том, чтобы ты, господине, прервал своей могучей волею жуткую традицию русской усобицы, проливающей нескончаемо русскую кровь, кровь православную и христианскую. Одно дело, когда ее нещадно льют агаряне или язычники, другое — свои же единоверцы. Сколь еще ждать полной военной победы одного русского князя над всеми остальными? Разве такая победа мыслима в мире, враждебном Руси?

Старец прервал свое речение, взглянул внимательно в глаза князя Олега Ивановича. Последний муж в свою очередь тут же возразил Сергию:

— Так я, отче, и сам хотел бы мира, но мира справедливого, братского. Мне же Москва предлагает мир строго вассальный, унижительный. Разве такой мир принимают не под принуждением к нему силой? Москвичи же изначально горделивы очень и надменны прямо как татары, что обижают рязанцев весьма. Может быть, они с твоей помощью, отче, поймут, наконец, что негоже так ставить себя среди своих сородичей? Разве я не прав?

Сергий, услышав слова князя, призадумался. Впрочем, его ответ не заставил себя долго ждать:

— Княже, понимаю твою боль как свою. Но только ведь православная вера учит прощению: любите врагов ваших. Да, негоже терпеть нам нарочитое посрамление святынь самой веры нашей и здесь прощение того деяния уже есть наш грех воистину непростительный. Но пока перед нами единоверцы, мы не можем не прощать их. Иначе сие непростение становится уже нашим страшным отступлением от Господа нашего Иисуса Христа. Ты, господине, думаешь, что я склоняю тебя к признанию тобою самого себя слабым человеком, которому все равно придется уступить внешней силе? Ничуть, не потому я говорю с тобой, господине. Я знаю твердо через свою молитву, знаю от самой Богородицы, что Москве быть

главой грядущего русского мира. И ты, княже, никак не сможешь тому стать помехою вполне. Да, ты можешь на какое-то время приостановить приход в мир этого великого царства. Но стоит ли затевать сие странное дело и, главное, ради чего? Я знаю также, что душа православная, которая противится сему великому будущему, сама готовит себе самую горькую участь. Посему только смирение наше перед неразумием и греховной слабостью наших единоверцев, стремящихся к господству над людьми, спасает и душу нашу, и приближает хоть чуть желаемый всеми православными единый образ Святой Руси. А эти гордецы московские, досаждающие тебе, господине, и всем рязанцам очень, будут посрамлены вскоре после твоего великодушного решения о заключении христианского мира с Москвой без многих тяжб и кабальных условий. Только такое помышление твое будет разумным и воистину благим.

Теперь пришла очередь князя рязанского всерьез призадуматься над словами старца. Вдруг в сердце Олега Ивановича что-то радостно екнуло, и он тут же помимо воли своей проникся верой в слова Сергия. Пережив сие вдохновляющее волнение, он сказал:

— Слава Господу, что ты, отче, посетил меня и покрыл своим благоуханным словом. Отныне, как я чувствую, мне не придется истязать самого себя обидой и подозрением, что Москва желает мне только унижения и оскорбления. Думаю, что мы все же найдем с ней прочный и честный мир. Тебе же, отче, желаю и далее спасать нашу матушку Русь так, как ты сделал только что. И помогай тебе Боже во всем и всегда...

Миссия Сергия послужила началом длительному миру между Москвой и Рязанью, скрепленному браком дочери Дмитрия и сына Олега Федора в 1387 году.

Послесловие

Зачем или для чего изложенный выше рассказ о великом русском святом? С одной стороны, он повествует о великой роли этого человека в истории нашего Отечества, сумевшего вдохновить русских князей на первую крупную военную победу над ранее непобедимыми монголами, с другой — сообщает нечто странное, ведь он один сделал для Руси то, что не могла сделать целая Русская православная церковь. Да, он был и есть ее же неотъемлемая часть, а значит, его заслуги — это и ее заслуги. Но все равно, все равно непонятно до сих пор: почему вклад в мирские дела Руси одного святого гораздо выше вклада всей православной церкви вместе взятой, которая полтора столетия никак не могла без него убедить русских князей собрать свои силы в единый кулак для избавления всего русского мира от страшного ига? Вот как раз ответу на последний вопрос и посвящена настоящая работа. По представлению ее автора, внутрь пра-

вославной церкви с самого момента ее признания на Руси фактически государственной религией проникли некоторые еретические отступления, природа которых проистекала в том числе из самого характера жизни восточных славян. Горделивый характер восточных славян, их желание настаивать всегда на своем оказались под защитой новой веры. В результате случившегося смешения внутри православия возникли признаки «кривославия». В чем они себя проявили вполне? А видимо, в том, что с помощью признания монгольских правителей царями земными, так как «нет власти не от Бога», православные иерархи обрекли Русь на ее 250-летнее закабаление безбожниками. Кроме того, именно такая позиция церкви привела к тому, что многие русские князья продолжили яростную борьбу уже с помощью Золотой Орды за собственное доминирование на русской земле. Или непрерывное фактически политическое маневрирование иерархов церкви привело и к компрометации мирской власти на Руси, и к компрометации самой церкви. Подобное положение дел стало приводить к власти на русской земле не просто властных от рождения людей, еще как-то могущих управлять другими, оно явилось мостом во власть для всех лживых и подлых натур, по самой своей природе совсем не способных быть руководителями. То есть именно церковь практически всегда поддерживала в лице своих первых лиц любые авантюры и любые беззакония светских российских властей, выражая корыстную линию на неподсудность всякой власти. Был лишь один период в истории русской церкви, когда она вполне воспротивилась русскому царю, так как этот государь (Иван IV) стал преследовать саму правящую верхушку, обличая ее в эгоизме, в бесконечной подлости и в полной безответственности перед народом за собственные деяния. А самое скорбное это то, что фактическое «кривославие» во все время своего господства портило и портит донныне народные нравы, прививая народу как норму разумного поведения лицемерие, лукавство и желание «продавить» свое личное там и тогда, где вряд ли будет оказано сильное сопротивление. И только малое число воистину православных чудаков-одинок странным образом поддерживает православие самим фактом своего бытия. Но сколько еще можно держаться на плечах этих настоящих богатырей? Сколько нам всем ждать чего-то иного? Разве эта духовная халява может длиться вечно? И если современное православие никак не обличает ныне правящий в России дух частно-корпоративной наживы, дух изощренной лжи и торжество зла, нагло рядящегося в одежды добра, то это только потому, что оно в сути своей все еще «кривославно». Для подтверждения последнего утверждения достаточно вспомнить слова старца Серафима Вырицкого, сказанные им в 1949 году, что ИСТИННАЯ церковь всегда будет гонима. И это ВСЕГДА будет до тех пор, пока на Руси не воцарится новый православный царь, о котором сегодня известно (предсказание Святителя Феофана Полтавского, 1930 год):

«В России будет восстановлена монархия, самодержавная власть. Господь предызбрал будущего царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретичествующих и теплохладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место... Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится... Православие в ней возродится и возторжествует. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле».

Думается, что как раз Сергий Радонежский своими могучими молитвами и поможет привести в реальность сие славное предсказание, остающееся последней надеждой умученной Руси. А наше дело, читатель, видимо, в том, чтобы не остаться в стороне от сего славного труда спасения Отечества, который по ряду признаков уже не за горами. Честным же русским людям остается уповать: помогай нам в том Господь наш Иисус Христос и великий святой — основатель и защитник единой Руси Сергий Радонежский.

*Барон Унгерн:
предтеча
русского чудо-царя?*

(на правах послесловия к книге
«Русло русского речения»)



Вводная часть.....	365
Заключение.....	380

*Русскому проще стать святым,
чем честным человеком.*

Вводная часть

Казалось бы, в предшествующих главах настоящей книги уже названы все главные герои русской истории. Однако вот приходится признать, что есть еще один исторический персонаж, относительно которого стоит поразмыслить на предмет включения его в книгу. Это формально деятель Белого движения — барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг. Что так и почему? Этот человек проявил себя тем, что он своими сугубо личными действиями добился образования современного суверенного государства Монголия. Но при чем здесь, собственно, Россия? — видимо, спросит читатель. Барон Унгерн, угадывая распад западной цивилизации, с помощью Монголии, а также Китая всерьез собирался осуществить восстановление в России монархии, свергнутой в феврале 1917 года. Понимая монархию как единственно разумную для России и для мира в целом форму правления, Унгерн всей своей жизнью и вопреки всем господствовавшим тогда революционным настроениям путем кровавой практики последовательно шел к ее достижению, сознательно обрекая самого себя на печальную участь презируемого, в конце концов, одиночки. Известно, в частности, что Унгерн, узнав о дневнике своего сподвижника Антония Оссендовского, захотел прочесть записи о себе и, прочитав их, написал на обложке тетради: «Печатать после моей смерти». Судя по этой резолюции, собственный образ («загадочный, никем не понятый одинокий пророк, грозный, но справедливый мститель, потомок крестоносцев в костюме монгольского хана») показался ему приемлемым. Чем еще примечательна сия историческая фигура? Барон отличался невероятным личным мужеством и героизмом. Кроме того, этот легендарный воитель был успешным военным организатором и очень удачливым самобытным полководцем. Он неоднократно одерживал победы или достойно противостоял противникам, которые многократно превосходили его в силах и средствах ведения войны. А его

печальный конец — результат предательства его подчиненных, не захотевших идти вместе с ним на Тибет в услужение Далай-ламе XIII. Барону были совершенно чужды и личная корысть, и глубокая личная привязанность к конкретным людям. Он всегда и везде стремился исключительно к справедливому возмездию как за содеянное, так и за несодеянное, как в отношении организаторов всевозможных злоупотреблений, так и в отношении соблазненных ими лиц. При этом жестокость его решений порой имела потрясающий всякое воображение характер. Впрочем, было бы совсем неплохо, чтобы этот человек хотя бы час побыл на вершине современной России и освежил духовно смердящий воздух ее правящих кругов. Кроме того, барон Унгерн уверенно предсказал воцарение в России ига жидовского. Кстати, пугающее слово ЖИД в числе прочих имеет смысл ВОР (смотри дореволюционное издание словаря В. И. Даля). Ныне этот открытый воровской дух в нашем Отечестве виден всякому честному человеку. Впрочем, сам Унгерн, странным образом, был порой безразличен к судьбе России, полагая будущее человечества целиком в руках «желтой расы». После своего пребывания в Париже он усматривал в культуре «белой расы» все признаки ее грядущего распада и гибели. Но сама идея реставрации в России монархии, как теократической формы правления, понималась им как единственная возможность сохранения нашей страны в грядущем. Видимо, он подсознательно чувствовал, что русские люди без царя быстро превращаются в нечто скорбное: практически все они подряд становятся иудами. Иначе говоря, без царя они как бы теряют точку опоры в жизни и в любой действительно сложной ситуации начинают поступать неудачно (неразумно и подло). А всевозможные проходимцы и прохвосты начинают стремительно концентрироваться во всех властных структурах страны (включается сугубо отрицательная с моральной стороны селекция кадров). То есть без царя Россия начинает моментально превращаться в пошлую страну, сама былая ценность которой выветривается почти мгновенно. Другими словами, без царя ею становится уместно и легко торговать во всех смыслах. И только громадные размеры России еще как-то удерживали и удерживают доныне ее на исторической сцене. Но все равно сколь-нибудь продолжительная задержка восстановления православной монархии неизбежно приведет ее просто математически неумолимо к окончательной гибели. Как и через что наступит сия погибель? Исключительно через расцвет стяжательства, невиданного по масштабу воровства и, в конце концов, открытого «узаконенного» грабежа. А главными врагами народа России становятся ее насквозь коррумпированные зомби-власти. Впрочем, неизбежные казни названных выше врагов народа из числа прежде всего правителей генеральского уровня ответственности будут справедливыми уже потому, что эти фигуры имели по занимаемой ими во власти должности право на распоряжение крупными бюджетными ресурсами. По этой причине именно они

окажутся в положении виновных лиц, лично много обогатившихся, возмездие к которым должно достигнуть неумолимо (будут казнены те высокопоставленные чиновники, чье фактическое имущество в разы превзойдет их официальный доход). Без этого акта воистину исторической справедливости какое-либо спасение страны будет уже невозможно в принципе. И главную роль в этом тяжком процессе воздаяния будет играть грядущий царь-владыка. Но почему вдруг такая жестокость? Да потому, что нынешний генералитет в широком смысле этого слово как своим действием, так и своим бездействием объективно занимается методичным выдавливанием русских людей с русской земли путем миграционного замещения их иными народами, подлю ссылаясь на то, что русские — это, мол, ленивые и непутевые люди с окончательно исчерпанным потенциалом активной жизни. Даже простой анализ действия их текущих планов показывает, что уже к 2025 году русских в России должно стать менее 50 процентов всего населения страны. Можно ли миловать этих властных людей за подобные воистину антинародные устремления? Отрицательный ответ напрашивается сам собой. А как же оправдывают свои преступные действия эти враждебные народу власти? Да это, видите ли, естественный мировой процесс, с которым ничего поделать уже невозможно, а значит, всем следует смириться и принять его безропотно. И сам уход русского мира в небытие — это веление самой истории мира сего.

Возвращаясь к барону Унгерну, следует признать его абсолютную правоту, что русские без собственного природного царя не смогут долго сохранять свою страну, а значит, они в силу своей очень противоречивой натуры просто будут обречены к покорению самих себя представителями и ныне хорошо организованной «желтой расы». На допросе в плену у большевиков барон сообщил, что интернационал возник в Вавилоне три тысячи лет назад. Он имел в виду строительство Вавилонской башни, но и не только, ведь Вавилон — «мать всякого блуда и всех ужасов на земле», родина апокалиптической «вавилонской блудницы»; там появился Интернационал, и в точности на такую же временную дистанцию в «три тысячи лет» Унгерн относил в прошлое возникновение «желтой культуры», которая, по его словам, с тех пор «сохраняется в неприкосновенности». Суть в том, что две полярные силы были сотворены одновременно, и ныне их трехтысячелетнее тайное противостояние вышло на поверхность. Рассказав большевикам, как желтая раса двинется на белую, как «будет бой и желтая осилит», барон заключил: «Потом будет Михаил». Кстати сказать, на самом знамени Азиатской дивизии Унгерна присутствовал недвусмысленный вензель: буква «М» с вплетенной в нее римской цифрой «II», то есть Михаил Александрович Романов. В последнем письменном приказе барона говорилось:

«В народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя одно — законный

хозяин Земли Русской Император Всероссийский Михаил Александрович...»

Сие настроение барона подкреплялось библейским пророчеством пророка Даниила:

«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени» (Дан., XII, 1).

Впрочем, в глазах Унгерна Михаил Александрович Романов и грядущий спаситель человечества «Михаил, князь великий» из «Книги пророка Даниила» не сливались воедино. Их тождество декларировалось им лишь в пропагандистских целях. На допросе он прямо заявил, что под библейским Михаилом не подразумевал Михаила Романова и что «Михаил, указанный в Священном Писании, ему неизвестен». Тем не менее по ряду обрывочных сведений кое-какие догадки на этот счет у барона имелись. Но они так и остались до конца не проясненными по причине того, что сам Унгерн не сподобился взяться за перо с целью формулирования своей системы взглядов на будущее мира во всей ее полноте. Видимо, это случилось в числе прочего и по причине ее непрерывного развития, прерванного смертью еще, собственно, молодого человека. Впрочем, следует также полагать, что названное бароном имя МИХАИЛ, возможно, совпало с именем грядущего русского чудо-царя, о котором Павлу I поведал еще прозорливый монах Авель, сказав, что это имя носили святые князья (видимо, речь о Михаиле Тверском и о Михаиле Черниговском).

Еще одно примечательное свидетельство о бароне-пророке. В самом последнем его письменном приказе № 15 есть примечательный 10-й раздел:

«Суд над виновными может быть или дисциплинарным, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что по мере совершенного упадка нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой. Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия изменились. Нет “правды и милости”. Теперь должны существовать “правда и безжалостная суровость”. Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человека, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений не ставить преград. Помнить, что перед народом встал вопрос “быть или не быть”. Единоличным начальникам, карающим преступников, помнить об искоренении зла навсегда и до конца, и о том, что справедливость — в неуклонном суде». Кстати, нечто похожее мы находим и в пророчестве Серафима Саровского:

«Когда Земля Русская разделится и одна сторона явно останется с *бунтовщиками*, другая же явно станет за ГОСУДАРЯ и целость России, вот тогда Господь поможет правому делу — ставших за *Государя и Отечество*

и Святую Церковь нашу — и даст полную победу поднявшим оружие за Него [грядущего Государя], за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской. Но не столько и тут крови прольется, сколько тогда, когда правая за Государя ставшая сторона получит победу и переловит по всему миру царских изменников и врагов Христа и предаст их в руки правосудия, тогда уже никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят, и вот тут то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь будет последняя очистительная кровь. Ибо после того Господь благословит люди Своя миром и превознесет рог Помазанного Своего Давида раба Своего Мужа по Сердцу Своему, Благочестивейшего Государя Императора. Его же утвердила и паче утвердит десница Его Святая над Землею Русскою. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют Истинную Вѣру в Господа Иисуса Христа. Во времена антихриста они совершенно отвергнут и не признают его Мессией, и за то удостоятся великого Благоедания Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого Царства более всемогущественного чем Русско-Славянского не будет на земле. Соединенными силами России и других стран Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией...»

То есть мы видим, что милосердие к подлинным врагам России или прощение их, провозглашенные Унгерном как неуместные в принципе, вполне совпадают со словами ключевого русского святого. Кроме того, говоря на допросах о будущем России, барон кратко сформулировал следующее соображение:

«Россия должна устроить внутреннюю жизнь по расам».

Что означало сие наставление, ныне становится весьма ясным из характерного и стремительного нашествия среднеазиатских народов на центральные города России. Уже сейчас всем способным думать понятно, что добром сие заселение не кончится. Блуд же российских властей, патологически стремящихся к наживе с помощью инородцев, непременно приведет к массовым столкновениям на национальной почве с заранее печальным исходом для разобщенных между собой без царя русских.

Растянувшийся разговор по душам

— Расскажите мне о себе и о своих странствиях, — потребовал барон, обратившись к профессору Антонию Оссендовскому, оказавшемуся волею судьбы у него в гостях.

Сам разговор происходил в столице Внешней Монголии — Урге, занятой войсками Унгерн в результате трех ее штурмов...

Счастливо избежавший смерти во время пленения в монгольском городе Улясунтае бунтовщиков-«михайловцев» (речь о подчиненных полковни-

ка Михайлова во главе с ним самим, отказавшимся идти под знамена барона Унгерна), ординарный университетский профессор из Томска внешне для себя оказался в палатке барона, где после личного знакомства с Унгерном услышал:

— Профессор, хочу быть с вами откровенен. Я очень прошу вас до поры до времени остаться при мне.

— Зачем, господин генерал?

— Не скрою причины. Был столько лет вынужден быть находиться вне культурного общества. Был всегда один на один со своими мыслями.

— А ваши офицеры? Они же единомышленники?

— Что вы, профессор. Все они лихие рубаки, храбрецы. Но не из людей образованных, культурных. Вот в чем беда.

— Хорошо, я готов стать человеком, прикомандированным к вашему штабу, господин Унгерн.

— Вот и прекрасно. Тогда до встречи в Урге...

Будущий писатель рассказал все, что, по его мнению, могло быть интересно барону; казалось, что изложенная история взволновала генерала.

— Теперь моя очередь. Я поведаю вам, кто я и где мои корни... Мое имя окружают такой страх и ненависть, что трудно понять, где правда, а где ложь; где истина, а где миф! Когда-нибудь вы, вспоминая свое путешествие по Монголии, напишите и об этом вечере в юрте «кровавого генерала».

Он прикрыл глаза и, не переставая курить, лихорадочно заговорил, часто не заканчивая фразу, как будто ему мешали договорить.

— Я происхожу из древнего рода Унгерн фон Штернбергов, в нем смешались германская и венгерская — от гуннов Аттилы кровь. Мои воинственные предки сражались во всех крупных европейских битвах. Принимали участие в Крестовых походах, один из Унгернов пал у стен Иерусалима под знаменем Ричарда Львиное Сердце. В трагически закончившемся походе детей погиб одиннадцатилетний Ральф Унгерн. Когда храбрейших воинов Германской империи призвали в XII веке на охрану от славян ее восточных границ, среди них был и мой предок — барон Халза Унгерн фон Штернберг. Там они основали Тевтонский орден, насаждая огнем и мечом христианство среди язычников — литовцев, эстонцев, латышей и славян. С тех самых пор среди членов ордена всегда присутствовали представители моего рода. В битве при Грюнвальде, положившей конец существованию ордена, пали смертью храбрых два барона Унгерн фон Штернберга. Наш род, в котором всегда преобладали военные, имел склонность к мистике и аскетизму.

В шестнадцатом-семнадцатом веках несколько поколений баронов фон Унгерн владели замками на земле Латвии и Эстонии. Легенды о них живут до сих пор. Генрих Унгерн фон Штернберг, по прозвищу «Топор», был

странствующим рыцарем. Его имя и копье, наполнявшие страхом сердца противников, хорошо знали на турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. Он пал при Кадисе от меча рыцаря, одним ударом рассекшего его шлем и череп. Барон Ральф Унгерн был рыцарем-разбойником, наводившим ужас на территории между Ригой и Ревелем. Барон Петер Унгерн жил в замке на острове Даго в Балтийском море, где пиратствовал, держа под контролем морскую торговлю своего времени. В начале восемнадцатого века жил хорошо известный в свое время барон Вильгельм Унгерн, которого за его занятия алхимией называли не иначе как «брат Саганы». Мой дед каперствовал в Индийском океане, взимая дань с английских торговых судов. За ним несколько лет охотились военные корабли, но никак не могли поймать. Наконец деда схватили и передали русскому консулу; тот его выслал в Россию, где деда судили и приговорили к ссылке в Прибайкалье. Я тоже морской офицер, но во время Русско-японской войны мне пришлось на время оставить морскую службу, чтобы усмирить забайкальских казаков. Свою жизнь я провел в сражениях и за изучением буддизма. Дед приобщился к буддизму в Индии, мы с отцом тоже признали учение и исповедали его. В Прибайкалье я пытался учредить орден Военных буддистов, главная цель которого — беспощадная борьба со злом революции... — Он вдруг замолчал и начал поглощать чашку за чашкой крепчайшего чая, напоминающего по цвету скорее кофе. — Зло революции!.. Думал ли кто об этом, кроме французского философа Бергсона и просвещеннейшего тибетского таши-ламы?

Ссылаясь на научные теории, на сочинения известных ученых и писателей, цитируя Библию и буддийские священные книги, возбужденно переходя с французского языка на немецкий, с русского на английский, внук пирата продолжал:

— В буддийской и древней христианской литературе встречаются суровые пророчества о времени, когда разразится битва между добрыми и злыми духами. Тогда в мир придет и завоеует его неведомое Зло; оно уничтожит культуру, разрушит мораль и истребит человечество. Орудием этого Зла станет революция. Каждая революция сметает стоящих у власти созидателей, заменяя их грубыми и невежественными разрушителями. Те же поощряют разнузданные, низкие инстинкты толпы. Человек все больше отлучается от Божественного, духовного начала. Великая война показала, что человечество может проникнуться высокими идеалами и идти по этому пути, но тут в мир вошло Зло, о приходе которого задолго знали Христос, апостол Иоанн, Будда, первые христианские мученики, Данте, Леонардо да Винчи, Гете и Достоевский. Оно повернуло вспять колесо прогресса и преградило путь к Богу. Революция — заразная болезнь, и вступающая в переговоры с большевиками Европа обманывает не только себя, но и все человечество. Карма с рождения определяет нашу жизнь, ей равно чужды и гнев и милосердие. Великий Дух безмятежно подводит

итог: результатом могут оказаться голод, разруха, гибель культуры, славы, чести, духовного начала, падение народов и государств. Я предвижу этот кошмар, мрак, безумные разрушения человеческой природы.

Полог юрты внезапно отогнулся, и на пороге вырос адъютант, почтительно отдавая честь.

— Почему вошли без доклада? — побагровел от ярости генерал.

— Ваше превосходительство, наш разъезд задержал большевистских лазутчиков и доставил их сюда.

Барон поднялся. Глаза его полыхали, лицо сводила судорога.

— Привести к юрте! — скомандовал он.

Все куда-то вмиг сгнуло — вдохновенная речь, убедительные интонации — перед Оссендовским стоял суровый командир, жестко отдающий приказ. Барон надел фуражку, взял бамбуковую трость, с которой не расставался, и стремительно зашагал из юрты. Профессор последовал за ним. Перед юртой под охраной казаков стояли шесть красных солдат.

Барон подошел к солдатам и несколько минут внимательно всматривался в каждого. На его лице можно было прочесть напряженную работу мысли. Наконец он отвернулся, сел на ступени китайского дома и глубоко задумался. Затем снова встал, приблизился к лазутчикам и теперь уже решительно, касаясь плеча каждого задержанного, разделил их на две группы:

— Ты налево, ты — направо.

В одной оказалось четыре человека, в другой — два.

— Этих двух полностью обыскать! Наверняка комиссары! — приказал барон, а у остальных спросил: — Вы мобилизованные большевиками крестьяне?

— Так точно, ваше превосходительство! — выдохнули испуганные солдаты.

— Идите к коменданту и скажите, что я приказал зачислить вас в свои войска!

У двух других оказались при себе бумаги комиссаров политотдела. Нахмутив брови, генерал, медленно чеканя слова, распорядился:

— Забить их палками до смерти!

Повернувшись, он удалился к себе в юрту. Беседа уже не клеилась, и профессор, откланявшись, ушел, оставив генерала наедине со своими думами.

После обеда в русский торговый дом, где остановился профессор, зашли несколько офицеров Унгерна. После краткого знакомства с Оссендовским офицеры оживленно заговорили. Вдруг за дверями послышался автомобильный гудок, заставивший офицеров мгновенно замолчать.

— Генерал проезжает, — заметил один изменившимся голосом.

Прерванная беседа возобновилась, но ненадолго. В комнату вбежал служащий торгового дома с криком:

— Барон!

Открыв дверь, генерал замер на пороге. Лампы еще не зажигали, и хотя в комнате было темновато, барон всех узнал, тепло поздоровался, поцеловал у хозяйки руку и согласился выпить чашку чая. Затем заговорил:

— Я собираюсь похитить вашего гостя, — обратился он к хозяйке и, повернувшись в сторону профессора, спросил: — Хотите совершить со мной автомобильную прогулку? Покажу вам город и окрестности.

Натягивая пальто, Оссендовский привычно сунул в карман револьвер, барон заметил это и рассмеялся:

— Да оставьте вы эту игрушку! Со мной вы в полной безопасности. Не забывайте о вами же поведенном мне пророчестве хутухты из Нарабанчи, что вам будет во всем сопутствовать удача.

— У вас хорошая память, — ответил профессор, рассмеявшись в ответ. — Пророчество помню. Но только что понимать под «удачей»? Может, смерть — как отдых после долгого трудного путешествия? Но должен признаться, что предпочитаю лучше скитаться и дальше — к смерти я не готов.

Унгерн с Оссендовским направились к воротам, где стоял большой «фиат» с включенными фарами. Водитель в офицерской форме недвижимым изваянием сидел у руля и, пока важные лица влезали в автомобиль и усаживались, держал руку у козырька.

— На телеграф! — приказал барон.

Автомобиль рванулся с места. В городе по-прежнему гудел и толпился народ, но на все это теперь был как бы наброшен покров тайны. Монгольские, бурятские и тибетские всадники на всем скаку врезались в толпу; ступающие в караване верблюды важно поднимали при встрече с авто свои головы; жалобно скрипели деревянные колеса монгольских телег, и все это заливала ослепительная дуга света от электрической станции, которую барон Унгерн приказал запустить вместе с телефонным узлом сразу же после взятия Урги. Он распорядился очистить от мусора и продезинфицировать город, который не знал метлы еще со времен Чингисхана. По его приказу наладили автобусное движение между отдельными районами города; навели мосты через Толу и Орхон; начали издавать газету; открыли ветеринарную лечебницу и больницу; возобновили работу школ. Барон оказывал всяческую поддержку торговле, безжалостно вешая русских и монгольских солдат, замешанных в грабеже китайских магазинов.

Однажды комендант города арестовал двух казаков и одного монгольского солдата, укравших из китайского магазина коньяк, и доставил мародеров к генералу. Тот приказал бросить связанных воришек в свой автомобиль и отвез их к китайцу. Вернув тому украденный коньяк, генерал велел монголу вздернуть одного их русских сообщников тут же, на высоких воротах. Когда казак закачался в петле, генерал scomандовал:

— И напоследок этого!

Теперь на воротах болтались уже двое казаков; барон заставил повесить и монгола. Все свершилось молниеносно; придя в себя, владелец магазина в отчаянии бросился к генералу с мольбой:

— Господин барон! Господин барон! Прикажете убрать этих людей с моих ворот — у меня же не будет покупателей!

Проехав торговый район, барон со своим новым приятелем направились в русский поселок, расположенный по другую сторону небольшой речушки. На мосту стояли несколько русских солдат и четверо принарядившихся монголок. Солдаты, превратившись тут же в истуканов, отдавали честь, поедая глазами сурового командира. Женщины, засуетившись, хотели было убежать, но, завороченные дисциплинарным рвением своих ухажеров, тоже приложили руки к голове и застыли. Барон со смехом сказал профессору:

— Можете убедиться, какова у меня дисциплина! Даже монголки отдают мне честь!

Впереди оказалась равнина, и автомобиль помчался как стрела; ветер свистел в ушах, пытаясь сорвать с пассажиров одежду. Но сидевший с закрытыми глазами барон Унгерн только повторял: «Быстрее! Быстрее!» Барон и его спутник долго молчали.

— Вчера я ударил своего адъютанта за то, что он, войдя без приглашения в юрту, прервал мой рассказ, — сказал генерал.

— Вы можете продолжить его сейчас, — предложил Оссендовский.

— А вам не будет скучно? Моя история подходит к концу, становясь, впрочем, здесь интереснее всего. Я говорил уже, что собирался основать орден Военных буддистов в России. Зачем? Чтобы охранять процессы эволюции, борясь с революцией, ибо я убежден: эволюция приведет нас к Богу, а революция — к скотству. Но я забыл, что живу в России! В России, где крестьяне в массе своей грубы, невежественны, дики и озлоблены — ненавидят всех и вся, сами не понимая почему. Они подозрительны и материалистичны, у них нет святых идеалов. Российские интеллигенты живут в мире иллюзий, они оторваны от жизни. Их сильная сторона — критика, но они только на нее и годятся, в них отсутствует созидательное начало. Они безвольны и способны только на болтовню. Так же, как и крестьяне, они ничего и никого не любят. Все их чувства, в том числе и любовь, надуманны; мысли и переживания проносятся бесследно, как пустые слова. И мои соратники очень скоро начали нарушать правила ордена. Тогда я предложил сохранить обет безбрачия — вообще никаких отношений с женщинами, отказ от жизненных благ, роскоши, все в соответствии с учениями «Желтой веры», но, потакая широкой русской натуре, разрешить потребление алкоголя и опиума. Теперь за пьянство в моей армии вешают и солдат и офицеров, тогда же мы напивались до белой горячки. Идея с орденом провалилась, но вокруг меня сгруппировалось триста отчаянно храбрых и одновременно беспощадных людей. Позже они

показали чудеса героизма в войне с Германией и в единоборстве с большевиками, ныне уже почти никого не осталось в живых.

— Радиостанция, ваше превосходительство, — доложил шофер.

— Заедем, — приказал генерал.

На вершине плоского холма стояла весьма мощная радиостанция; китайцы, отступая, частично разрушили ее, но инженеры барона Унгерна быстро восстановили. Генерал внимательно прочитал телеграммы и передал их Оссендовскому. Депеши из Москвы, Читы, Владивостока и Пекина. На отдельном желтом листке располагались закодированные послания. Барон сунул их в карман со словами:

— Это от моих агентов — из Читы, Иркутска, Харбина и Владивостока. Все они евреи, мои друзья, умелые и отважные люди. Здесь у меня тоже служит один еврей Вулфович, он офицер — командует правым флангом. Свирип, как сам сатана, но умен и храбр... Ну а теперь продолжим наш стремительный бег..

И они вновь нырнули во мрак. Какая бешеная езда! Автомобиль то и дело подпрыгивал, минуя канавки и небольшие камни, а крупные валуны первоклассный шофер объезжал, искусно лавируя между ними. Когда вырвались в степь, профессор заметил в отдалении яркие вспышки огоньков; продержавшись секунду-другую, они гасли, чтобы через мгновение загореться вновь.

— Волчьи глаза, — улыбнувшись, объяснил Оссендовскому его спутник. — Досыта накормили их своими мертвецами и трупами врагов, — спокойно откомментировал барон и продолжил исповедь: — Во время войны русская армия постепенно разлагалась. Мы предвидели предательство Россией союзников и нарастающую угрозу революции. В целях противодействия было решено объединить все монгольские народы, не забывшие еще древние верования и обычаи, в одно Азиатское государство, состоящее из племенных автономий, под эгидой Китая — страны высокой и древней культуры. В этом государстве жили бы китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, монгольские племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки. Предполагалось, что это могучее — физически и духовно — государство должно преградить дорогу революции, ограждать от чужеродных посягательств свое духовное бытие, философию и политику. И если обезумевший, развращенный мир вновь посягнет на Божественное начало в человеке, захочет в очередной раз пролить кровь и затормозить нравственное развитие, Азиатское государство решительно воспрепятствует этому и установит прочный, постоянный мир. Пропаганда этих идей даже во время войны пользовалась большой популярностью у туркмен, киргизов, бурят и монголов... Стоп! — вдруг вскричал генерал.

Автомобиль резко затормозил. Унгern вышел из машины, пригласив своего попутчика последовать его примеру. Они зашагали по степи. Барон все время нагибался, что-то высматривая на земле.

— Ага, — пробормотал он наконец. — Уехал!..

Оссендовский удивленно посмотрел на барона.

— Здесь стояла юрта богатого монгола, поставщика русского купца Носкова. Носков был презестокая бестия, об этом можно судить и по данному ему монголами прозвищу — «сатана». Своих должников он избивал или при пособничестве китайских властей заключал в тюрьму. Он безжалостно ограбил этого монгола, и тот, потеряв свое богатство, переехал на другое место, в тридцати милях от старого. Но Носков и там нашел его и, отобрав последний скот и немногих лошадей, оставил его с семьей умирать с голоду. Когда я занял Ургу, этот монгол пришел ко мне, а с ним главы еще тридцати семейств, разоренных Носковым. Они требовали его смерти... Я повесил «сатану»...

Автомобиль вновь рванулся вперед, сделав большой круг по степи, а барон Унгерн опять заговорил — резко и нервно, тоже вернувшись окружным путем к своим мыслям об обстоятельствах азиатской жизни:

— Подписав Брест-Литовский договор, Россия предала Францию, Англию и Америку, а себя ввергла в хаос. Тогда мы решили столкнуть с Германией Азию. Наши посланцы разъехались во все концы Монголии, Тибета, Туркестана и Китая. В это время большевики начали резать русских офицеров и нам пришлось, оставив на время наши паназиатские планы, вмешаться, объявив им войну. Однако мы надеемся еще вернуться к ним, разбудить Азию и с ее помощью вернуть народам покой и веру. Хочу надеяться, что, освобождая Монголию, я помогаю этой идее.

Он умолк и задумался, но вскоре вновь заговорил:

— Некоторые из моих соратников по движению не любят меня из-за так называемых зверств и жестокостей, — печально заметил барон. — Никак не могут уразуметь, что наш противник — не политическая партия, а банда уголовников, растрителей современной духовной культуры. Почему итальянцы не церемонятся с членами «Черной руки»? Почему американцы сажают на электрический стул анархистов, взрывающих бомбы? А я что — не могу освободить мир от негодяев, покусившихся на душу человека? Я, тевтонец, потомок крестоносцев и пиратов, караю убийц смертью!... Назад! — вдруг скомандовал генерал шоферу.

Спустя полтора часа показались огоньки Урги.

В апартаментах барона разговор по душам возобновился с новой силой. Видимо, сказалось освежение собеседников совершенной поездкой, а также вечернее настроение, весьма способствующее мудрым встречам.

— А как вы, профессор, оцениваете важность вопроса веры? — заинтересованно и одновременно взыскующе спросил генерал.

— Я не знаю, барон, что и сказать вам, ведь за веру или неверие легко и убить могут! — заметил Оссендовский.

— Если вы, профессор, опасаетесь моего гнева, то я прошу вас не опаса́ться его в данном случае. Мы с вами сейчас только опытные и образо-

ванные собеседники, способные вполне удовлетворить собственную потребность в познании истины, — уже дружелюбно заговорил «кровавый барон».

— Хорошо, я попробую поведать о том, что волнует меня самого. Для начала полемики я поставлю под сомнение буддизм как веру в полном смысле этого слова. Почему вдруг? Да потому, что в нем нет Бога-творца или Бога-личности. В нем мир считается «ником не созданным и никем не управляемым». Буддизм отрицает бытие вечной, заметьте именно вечной, души, искупление грехов, а значит, и сам грех как понятие. В нем нет безоговорочной веры в особые сверхъестественные силы — силы Провидения. Он отрицает абсолютную преданность, не имеет религиозной организации наподобие церкви. В буддизме нет единого канона, догматов, а значит, нет и ересей. Сказанное позволяет мне утверждать, что и подлинное самодержавие как Божье помазание через него также невозможно. То есть сторонники буддизма на самом деле либо замаскированные атеисты, либо вообще черт знает что... Сам Будда утверждал лишь то, что он — только мистическое прозрение реальности как она есть сама по себе, — закончил свое вступление несколько вызывающе Оссендовский.

— Но позвольте, профессор, а как же тогда бог войны?! — буквально вскричал барон.

— Извольте, — быстро заговорил Оссендовский, — бог войны в понятии буддизма — это один из духов природы, кстати, наказанный за свою страсть к войне непрерывным перерождением. И потом, верования древних монголов времен Чингисхана сугубо языческие (шаманизм) или они совсем даже не буддистские. В частности, Чингисхан исповедовал так называемую религию Бон или религию особого Света. То есть я хочу подчеркнуть, что ваша ставка на буддизм, как бы это поделикатнее выразиться, ну не очень перспективна.

— Вы даже так трактуете, профессор?! — уже не на шутку встревожился генерал и напористо продолжил: — Но ведь и христианство, с его выдуманным Богочеловеком, предлагавшим подставлять врагу вторую щеку на удар в первую, разве выход из положения, в котором оказалась ныне белая раса!? И потом, разве Иисус не является иудеем или представителем бесчестного народа корысти и наживы?

— В этом смысле, генерал, мне трудно вам что-то возразить. Впрочем, замечу еще и то, что не всегда канонический Иисус Христос был таким покладистым. Например, в момент своего общения с иудейской верхушкой Он прямо заявлял ее представителям, что они сыны отца лжи и что им никогда не будет прощения. То есть в христианстве различается борьба верующего за себя самого и его же борьба уже за устои христианской веры. Другое дело, что нынешнее христианство вполне само себя скомпрометировало и во многом предало свою же веру, разменяв ее на блага

мира сего. Кстати сказать, сие скорбное дельце случилось не без влияния и со стороны культурного сообщества. Вот вы давеча сказали, что грядет неведомое зло; оно уничтожит культуру, разрушит мораль и истребит человечество. Так вот, помянутый вами Ф. М. Достоевский на вопрос о причине распятия Христа авторитетно сообщил своим многочисленным поклонникам, что его предали смерти за то, что он, видите ли, запретил торговлю в храме. Тогда как иудейские первосвященники сами заявили открыто о том, что предадут его римским властям исключительно по причине того, что он назвал себя самого сыном Бога, подкрепив свои слова чудом воскрешения Лазаря. Иначе говоря, они боролись с ним сугубо за власть над умами и душами людей. То есть даже такие влиятельные деятели культуры, как писатель Ф. М. Достоевский, заметно исказили ключевые смыслы христианской веры, а злые революционеры лишь воспользовались плодами подобного фальшивого просвещения или ситуацией, сформированной до них и без них. Другими словами, известные культурные деятели много печального сотворили для того, чтобы белые народы потеряли саму связь с христианством, получив взамен него что-то весьма фальшивое. В отношении же Христа — галилеянина как иудея, замечу, что он, по его собственным словам, пришел к погибшим овцам дома Израилева. Иначе говоря, говорить о нем как об иудее можно исключительно в случае полного неверия в его Божественную сущность. А кроме того, именно самые влиятельные и самые авторитетные иудеи организовали его распятие, чем и запечатлели в мировой истории скорбную роль всего иудейского племени. Однако другие иудеи в лице уже простолюдинов — апостолов отчасти оправдали иудейский народ как народ все же божеский.

— И как нам теперь быть? — с любопытством поинтересовался обескураженный словами Оссендовского барон.

— Мое мнение, генерал, — восстанавливать веру христианскую поелику сие возможно, — спокойно заметил Оссендовский, — а подыгрывать буддистам в их высокомерном презрении к вере в Бога вряд ли стоит. И потом, буддисты в самой сути своего учения, если отшелушить его чувственную или эмоциональную оболочку, следуют практически в русле научного атеизма, который ориентируется только на силы природы и законы наличной Вселенной. И в этом смысле вы где-то совпадаете с большевиками, ставшими на путь открытого богоборчества.

— Не скрою, профессор, вы меня много озадачили... — задумчиво произнес барон Унгерн, невольно углубившись в мир собственных воспоминаний.

В разговоре возникла тревожная пауза, и Оссендовский, в свою очередь, подумал:

«Ну вот, наговорил сам себе на смертный приговор. Хорошо еще, если без предварительных мучений...»

Наконец генерал очнулся и спросил:

— Профессор, а что вы думаете о разумности восстановления монархии в России?

Оссендовский облегченно вздохнул и снова простодушно ответил:

— Ныне это вряд ли возможно, но бороться за это следует уже сегодня, дабы нашим последователям в будущем было бы на что опереться. Кстати, для полноты рассказа о главных мировых верованиях сообщу дополнительно еще некоторые подробности об исламе. В Коране однозначно указано, что Иисус (Иса) Христос просто один из пророков, а не Богочеловек как утверждают христиане. Кроме того, никакого распятия Христа не было, а значит, не было и Воскресения его, так как Богу это ни к чему. Было лишь видение распятия Христа сторонникам Иисуса, которое не следует принимать за правду. Иначе говоря, мусульмане не просто противники христиан. Они попросту и твердо считают их неверными. То есть какой-либо расчет на поиск серьезной опоры среди мусульман ошибочен изначально. Ислам лишь идейное колено иудаизма.

Последние слова вернули блеск глазам барона, который оживился и стал быстро говорить:

— Я своим подчиненным недавно сообщил, что новым государем освобожденной с помощью нашего оружия России будет император Михаил Александрович Романов. Впрочем, есть слух, что большевики уже убили его. Но я считаю, что ему удалось уйти из Перми. Поэтому великий князь и будущий всероссийский император будет нашим знаменем — знаменем всего Белого дела и народного восстания против большевистской и всякой революционной или самозваной власти. Он объявится тогда, когда Белое движение на Востоке и в Сибири обретет большую воинскую силу.

— Хорошо, если так, если вы, генерал, не обманываетесь и не выдаете желаемое за действительное. Но лично я боюсь, что всерьез дело реставрации в России монархии наступит еще очень не скоро, — подвел своего рода черту Оссендовский и тут же, спохватившись, подумал, что сия нечаянная откровенность может выйти ему боком.

— Не скрою от вас, профессор, вы меня очень огорчили. Но ваша позиция очевидно честна и весьма обоснована, и тем она привлекательна. Вы дали мне пищу как в прозрении на мое дело и на мою личную участь, так и надежду на будущее России. Впрочем, надежда эта выглядит ныне не очень убедительно. Но все равно спасибо вам, профессор. Полагаю, что когда-то наш разговор по душам сыграет свою роль в полной мере. А ваша личная просьба об отъезде в Пекин будет удовлетворена. Мне же предстоит поход в Забайкалье, где, судя по всему, и придет конец моему земному пути. Что ж, видно так на роду написано, а значит, испить сию чашу мне предстоит до дна...

Заключение

Подходя к ответу на поставленный в настоящем исследовании вопрос, видимо, следует еще привести некоторые документальные свидетельства той поры. Во-первых, это первый пункт уже упоминавшегося приказа № 15 русским отрядам на территории Советской Сибири:

«Я — начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн — сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России следующее.

Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия осталась могущественной, крепко сколоченной империей.

Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего руслу народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем укладом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасываясь от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя.

Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916–1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца.

Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин Земли Русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опаматования и выздоровления народа русского...»

Во-вторых, к приказу № 15 было сделано существенное примечание, которое вполне отвечало унгерновской «духовности»:

«Народами завладел социализм, лживо проповедующий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба.

Нужен мир — высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит святой пророк Даниил, предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира:

“И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней...”

Твердо уповаю на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу».

А вот еще примечательное и провидческое письмо барона Унгерна эсеру В. И. Анучину:

«Советская власть изжила себя, разлагается и тянет за собой в пропасть все наше государство. Ее крушение будет очень болезненно для всех граждан России, ждать естественной смерти этой власти — значит принимать участие в сознательном разрушении России. Нужно с большевиками договориться о мирном уходе их от власти или сбросить их силой. Третьего не дано».

Обдумывая приведенные выше документы, а также учитывая содержание всего настоящего текста, невольно приходишь к тому заключению, что барона Унгерна можно посчитать *предтечей грядущего русского чудо-царя*. Этот талантливый генерал в стане Белого движения практически в одиночку и весьма причудливо (он сначала «рвался» восстановить Циньскую династию в Китае и строил планы создания великой державы, стержнем которой должно было стать Монгольское государство) пытался деятельным образом восстанавливать в России монархию. При этом он не побоялся поставить, как говорится, на кон все, что имел, и даже более. Им двигала великая вера в спасение нашей страны исключительно через возвращение в нее самодержавия. Все остальные пути ее спасения он решительно отвергал. Лишь одна его способность наводить мгновенно без малейшей оглядки требуемый инстинктом самосохранения порядок уже указывает на то, что только подобное самоотречение и станет в будущем воистину спасительным для нашего Отечества. Но почему речь идет именно о чудо-царе? Да потому, что простое появление царя в России XXI столетия уже возможно воспринять таковым. А кроме того, его приход непременно потребует от него же невероятных для обычного человека доселе качеств веры, ума

и души. То есть он должен будет стать своего рода камертоном для всего русского народа и даже мира в целом. И это помазание на царство, и последующее доподлинно самодержавное правление станут главным чудом из чудес, какие только знала в своей истории Россия и современное человечество. Впрочем, пока это всего лишь догадка, судьба которой во многом в руках всех действительно честных людей России, давно ожидающих невиданной ранее славы Божьей на русской земле.

1 октября 2013 года

Санкт-Петербург

Приложения



От советского патриотизма к русскому национализму.....	385
Бирюлевский гамбит	392
Путинщина как нравственная порча русского народа	393
Несостоявшийся разговор честного писателя с президентом России ..	395
Речь о будущем России-Руси.....	398
Почему конституция в России всерьез может быть только православной?.....	400
Прерванный разговор и его возможное продолжение.....	402
О некоторых смыслах христианской веры	405

От советского патриотизма к русскому национализму

2013 год, Россия. В чем специфика исторического момента? Наша страна в руках наследников советской номенклатуры, предавшей СССР во имя собственных корыстных интересов. Ныне эти властители предлагают нам к исповеданию некое подобие советского интернационализма, обозначаемого сегодня как российский патриотизм. Почему нам следует признать его неуместным и даже погибельным? Его враждебность русскому народу вытекает из самого его антирусского смысла. То есть российский патриотизм возможен на практике только за счет ущемления русского народа в пользу всех других национальностей, как и осуществлялся в недавнем прошлом в СССР советский патриотизм. Но тогда официальная атеистическая идеология вполне позволяла уравнивать во всех смыслах русское большинство со всеми национальными меньшинствами, предполагавшая фактический постепенный отказ в перспективе от национальности уже в принципе. Настойчиво и последовательно проводилась в жизнь линия на естественную жертвенность русских людей в вопросе непрерывного оказания помощи другим народам СССР и даже всего мира. Но после изменнического разрушения советского (коммунистического) образа жизни и последующего вслед тому распада СССР на национальные государства остро встал вопрос уже о целях самого русского мира вне парадигмы упомянутой выше жертвенности. Что же послужило созданию русского государства? Православная христианская вера? Именно так. А чем она характерна и почему она же не толерантна в принципе? Для ответа сначала определимся: являются ли народы мира одинаковыми во всех смыслах? Отрицательный ответ вполне очевиден, так как есть миролюбивые народы, а есть агрессивные, есть народы очень энергичные и трудолюбивые, а есть народы, во многом созерцательные. Кроме того, есть народы очень меркантильные, а есть некорыстные. В результате подходить к ним ко всем с одной меркою никак нельзя, а значит, и права у них в итоге будут разными, ведь плоды их непосредственной жизнедеятельности как раз и составят их же содержание. Иначе говоря, одни народы с вещественной точки зрения будут жить богато и свободно, а другие — бедно и бесправно, одни весьма гармонично, а другие — скандально. И все же, в чем специфика православной веры? А она в том, что только ее исповедание в Господа нашего Иисуса Христа спасает душу человека, всякое иное верование ее же непременно губит. Сие утверждение в принципе означает

только то, что никакое иное вероисповедание, включая атеистическое, не может быть воспринимается действительно русскими людьми наравне с православной верою. Именно ради исповедания этой веры родился и существует в истории человечества и сам русский мир. Без нее само его существование вполне избыточно и, несомненно, будет прекращено. Впрочем, тут же могут сказать свое слово и сторонники славянского язычества, полагая православие привнесенным извне явлением. На это уже исчерпывающе ответил в свое время митрополит Иоанн в своей работе «Самодержавие духа»:

«Чтобы понять, какой благодатный переворот произвело в наших предках приобщение к Православию, стоит кратко описать их дохристианские обычаи. Древние славяне рассматривали мир как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. И тот и другой требовали соответствующих жертв. Мнимая самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая культовые формы славянского сатанизма, обретшие позднее свое законченное воплощение в почитании Перуна — верховного божества языческого пантеона дохристианской Руси.

Летописи VI века, рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине десятого века, незадолго перед крещением, русы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, какое было непривычным даже в те суровые времена. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа. Жгли монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин. В 971 году после боев у Доростола между ратью Святослава и византийским императором Цимисхием русы принесли в жертву богам множество пленников. Византийским историком Львом Диаконом это описано так: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разожгли много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (несколько) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра (Дуная)».

Собираясь заложить Новгород, народные старшины по указанию жрецов велели в основание городской крепости замуравить ребенка как «строительную жертву» богам.

Столь же беспощадны были и семейные обычаи. Вместе с умершим воином на погребальном костре сжигались и его жены (одна или несколько — славяне признавали многоженство). Этот жуткий обряд подробно описал арабский путешественник Ахмед Ибн-Фадлан, оказавшийся в 922 году очевидцем погребения знатного руса. (Ибн-Фадлан попал на Волгу в ка-

честве посла халифа Ал-Муктадира, к нему относились с соответствующим уважением и даже дали толмача, объяснявшего все происходящее.)

Закон позволял матери умертвить новорожденную дочь, если ее рождение казалось излишним. В свою очередь, признавалось и право детей на убийство родителей, обременяющих семейство старостью или болезнью. Межродовые распри передавались из поколения в поколение, подогреваемые обычаем кровной мести, удовлетворявшейся лишь смертью обидчика или его потомков.

Справедливости ради надо сказать, что современные историки отмечали и привлекательные черты славян, говоря, что они не знали ни хитрости, ни обмана, хранили древнее простодушие и простоту нравов. С пленными, оставшимися в живых, наши предки обходились дружелюбно, назначая лишь определенный срок их рабства, по истечении которого пленник мог, по выбору, либо покинуть своих бывших хозяев, либо остаться с ними жить на равных правах, как вольный человек.

Свято соблюдаемый обычай гостеприимства делал славянские земли безопасными для путешественников, и хозяин головой отвечал обществу за безопасность гостя-чужеземца. Купцы тем охотнее посещали славян, что между последними не было ни воров, ни разбойников, хотя выгодной торговли в славянских землях ждать не приходилось — суровые воины не знали роскоши и не ценили золота.

Вопреки всем обстоятельствам, первоначально складывавшимся неудачно для Православной Церкви, сверхъестественный Промысел Божий изъял Россию из тьмы язычества. По всем человеческим расчетам, приняв христианство, Русская земля должна была бы потерять свое единство или же, сохранив целостность, закоснеть в неисправимом языческом упорстве. Находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, православного Востока, католического Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Русь должна была бы ради спасения своей целостности хранить и свою религиозную самобытность. Казалось, ей предназначена судьба языческой империи. Любые уступки соседям должны были бы привести к неминуемому разделу Руси на “зоны влияния” мусульманства, иудаизма и христианства с последующей утерей государственного, религиозного и национального единства. История южных славян подтверждает это — когда-то единый народ разделился на православных сербов, католиков-хорватов и даже славянских мусульман, ожесточенно враждующих ныне между собой.

Не менее поучителен и пример Золотой Орды. Основанная Батыем в 40-х годах XIII века после набега на Европу, завершившегося выходом татарской конницы к побережью Адриатического моря, Орда два столетия являлась одним из самых мощных государств мира. Внутреннее единство поддерживалось религиозной самобытностью, основывавшейся на совокупности многочисленных племенных культов. Это позволило Орде не

только покорить огромные территории, но и благополучно пережить целую серию гражданских войн. Но когда в 1313 году хан Узбек принял ислам и объявил его государственной религией, это стоило Орде существования. Ее распад показывает, какова была бы судьба России, если бы все текло “естественным” образом. Похожесть событий необычайна. И там и тут — новая вера распространяется верховной властью. И там и тут — религия единобожия призвана заменить древние языческие обряды. И там и тут — обращение завершает период междоусобиц. И там и тут — дикий, воинственный народ, отсутствие жесткого государственного единства, наличие как сторонников, так и противников новой религии. Совпадения можно перечислять и дальше. Тем более примечательна — дивны дела Твои, Господи! — полная противоположность следствий перемены веры. Святой равноапостольный князь Владимир возвеличил свою родину, а хан Узбек свою погубил. Вспыхнувшая религиозная междоусобица стала для Орды роковой, положив начало ее дроблению с последующим завоеванием бывших ордынских земель растущим и крепнущим русским государством. Что теперь — Орда и что — Россия?! А ведь, судя по всему, в X–XI веках Русь ждала та же участь, что постигла монголо-татар в XIV–XVI веках...

Владимир Креститель

НАКАНУНЕ КРЕЩЕНИЯ Руси и образования единой Киевской державы славянское язычество достигло наивысшей точки своего развития. В течение IX–X веков, при Игоре, Святославе и Владимире, кровавый культ Перуна стал государственной религией Руси. Язычество крепло и развивалось. Даже название князя — “Владимир-Солнце” (переименованное потом христианами в ласковое “Красно Солнышко”) уводит нас в седую древность к скифским, дославянским культам мифического Кола-Ксая, Царя-Солнца, почитавшегося кочевниками в качестве своего первого властителя.

Религиозная самобытность рассматривалась князьями как основа государственной независимости, как форма и средство сохранения политической самостоятельности. Причем языческие гонения на зарождавшееся христианство проявлялись не только в грубой форме мучений и уничтожения православных церквей, но и более тонко, изощренно — в попытках противопоставить цельному церковному мировоззрению столь же цельное антихристианское видение мира. Дьявол, этот лукавый подражатель истины, по словам святых отцов, действует хитростью там, где не взять силой.

Христианское откровение о Пресвятой Троице — Боге едином в существе и троичном в Лицах, язычество переименовывало по-своему, вводя в официальный пантеон Стрибога (он же Сварог, то есть небесный) как “бога-отца”, Дажьбога как “бога сына” небесного Сварога и Семаргла,

крылатое божество как «бога святого духа». Пресвятой Богородице противопоставлялась Макошь — богиня плодородия. И надо всем этим царил кровожадный Перун — бог грома и грозы, покровитель воинов и князей. Его помощи приписывал Владимир свой успех в междоусобной расправе, возникшей между братьями Святославичами после смерти отца и окончившейся воцарением Владимира.

После смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег у древлян, а Владимир в Новгороде. Олег вскоре умер, и его владения отошли Ярополку. Изгнанный братом Владимир бежал к варягам, через два года вернулся в Новгород с варяжской дружиной, взял город, занятый было наместниками Ярополка, и объявил, что будет вести войну за великое княжение. Начал он с того, что отобрал у брата невесту, Рогнеду, дочь полоцкого конунга Рогволода. Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду сделал своей наложницей-женой (помимо многочисленных наложниц, которых он содержал — подобно восточным владыкам-мусульманам). После этого будущий благоверный святой князь, а в ту пору ярый язычник, двинулся к Киеву, осадил его, склонил киевского воеводу к измене, выманил к себе брата Ярополка и убил.

Таким образом, к 980 году Владимир с помощью варяжской дружины и злодейского братоубийства овладел Киевским государством. Отправив буйных варягов, требовавших слишком многого, в Византию, князь одновременно уведомил императора письмом, что оставлять их на службе в столице опасно, а надо разослать малыми отрядами по дальним городам и ни в коем случае не допускать обратно в Россию. Император, не желая портить отношений с воинственным соседом, прислушался к совету. Таким образом, Владимир окончательно утвердил в Киеве свою власть.

Далее, говоря словами Карамзина, он «изъявил отменное усердие к богам языческим». Отвоевав в 981 году Червенские города (Перемышль и другие), ранее захваченные Польшей, совершив успешные походы против вятичей (981–982), ятвягов (983), радимичей (984) и камских болгар (985), князь возжелал воздать почести благосклонным «богам», покровительствовавшим его дружине в деле объединения страны. «И постави кумиры на холме вне двора теремного, — говорит летописец, — Перуна деревянна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Макошь. И приносил им жертвы, называя их богами. И приводжали сынов своих и дщерей и служили бесам и оскверняли землю требами своими».

Земля осквернялась не только животной жертвенной кровью. «Боги» требовали и человеческих жертв. В 983 году жребий быть принесенным в жертву идолам пал на юного Иоанна, сына православного варяга Феодора. Отец отказался выдать его язычникам, сказав: «Если ваши боги всемогущи, пусть сами придут и попробуют взять сына у меня!» Разъяренная толпа умертвила Феодора и Иоанна в собственном доме, на месте кото-

рого впоследствии обратившийся Владимир воздвиг первую созданную им церковь — во имя Успения Пресвятой Богородицы. (Она получила название Десятинной, так как благочестивый князь давал на ее содержание десятую часть своих доходов.)

Личное обращение Владимира как бы прообразует изменения, ожидавшие по крещении и соборную душу народа. Обращение — всегда тайна. Невидимо, неуловимо, неощутимо касается Господь человеческой души, сокрушая узы греховного ослепления. Никто, даже сам прозревший, не в силах понять и рассказать, как наступило прозрение. Всемогущий Бог, милосердствуя о своем погибающем творении, властно действует в человеке, врачуя и вразумляя, воссоздавая свой оскверненный образ столь же непостижимым действием, как и самое действие создания его. Лишь очень приблизительно может проследить за обращением внешний наблюдатель.

Во время приверженности язычеству буйная натура князя безоглядно отдавалась порывам самых разрушительных страстей. Публичное насилие над пленной княжной Рогнедой, предательское убийство брата Ярополка, участие в человеческих жертвоприношениях, необузданная похоть, для удовлетворения которой Владимир содержал в трех гаремах 800 наложниц, — вот далеко не полный перечень, позволяющий судить о его характере.

Тем разительнее перемена, произведенная в князе крещением. Преподобный Нестор-летописец указывает, что еще до обращения ему было какое-то видение, не уточняя и не раскрывая, какое именно. Внутренняя духовная причина перемен, происшедших с Владимиром, осталась тайной его души, скрытой от любопытных взоров потомков».

С другой стороны, кто-то заметит, что хваленое православие само себя во многом скомпрометировало на Руси, а значит, и горевать-то, собственно, и не о чем. Что тут можно возразить или пояснить? Да, во многом в сказанном выше правда, ведь внутри самого православия исстари идет непрерывно незримая борьба со всевозможными ересями. Еще во времена Александра Невского еретическое православие сотрудничало с язычниками в лице Золотой Орды. Во многом святыми усилиями Сергия Радонежского эта печальная традиция была переломлена. Вслед ему уже первый русский царь Иоанн Грозный также продолжил решительную зачистку православия от многих еретических, а значит, изменнических настроений, и православие снова воссияло на Руси. Затем случился раскол Никона, во многом поддержанный царской властью. А уже логическое развитие последнего и привело к появлению в Петровские времена института Синода и породившего, в конце концов, февраль 1917 года. То есть именно утрата подлинной веры, подмена ее на еретическую и бросили Россию в революцию. Далее период официального безбожия, перешед-

ший в этап ритуальной веры. Другими словами, вся русская история — это история борьбы за самую что ни на есть подлинную православную веру на Руси. Эта борьба часто принимало необычайно причудливые формы, но она никогда не прекращалась.

И вот теперь под видом уже отрыжки советского интернационализма русскому народу предлагают российский патриотизм — новое еретическое слово агентов международного финансового капитала. Иначе говоря, нам предлагают радостно привечать всяких формальных и неформальных, чужих и своих инородцев, приравнивая их себе, выражая согласие на их освоение русской земли. В ответ на курс нынешней безбожной российской власти русский люд стихийно обратил свой взор на устои национализма, усматривая в нем себе последнюю возможность самосохранения. Следует ли в этом усматривать фашистское начало? Вряд ли. И все же: что есть такое русский национализм в своей основе? Является ли он естественной необходимой обороной или он, по примеру германского нацизма, есть принципиально агрессивное явление? Если в совокупном немецком сознании Гитлером было обнаружено желание заявить миру о себе в качестве господина людей, то в русском духе таких позывов никогда не было. Взамен была и есть поныне потребность справедливого мироустройства. Но тогда русский национализм в целом — это сугубо здоровое явление? Ответ же возможен тут один: только русский национализм в постсоветские времена позволяет русскому народу, во-первых, сохраниться, во-вторых, иметь шанс обретения независимости в вопросе организации своей — собственной жизни и судьбы как восстановления Православной монархии. Всякие иные пути ведут его с гарантией в скорое небытие.

Бирюлевский гамбит

Осень 2013 года. Уже который день шумят и шумят продажные и бес-толковые СМИ: Погромы! Бунт! Мятеж расовой нетолерантности в московском районе Бирюлево! На самом деле, местные жители выступили дружно и решительно против засилья пришлых инородцев. Впрочем, кто-то и успокаивает, что, мол, во Франции, Англии и Швеции тоже бунтуют, бесчестно умалчивая, что бунтуют только вот пришлые люди, требуя себе дополнительных прав на чужой земле. У нас же изначально все не так, ведь уже просто от досады, что русские женщины отказывают в половой близости, пришлые инородцы в наказание за русскую нетолерантность, буквально как баранов, режут коренных жителей Москвы. Почему кремлевские власти разрешают этим, в сущности, еще очень диким людям, ходить по столице России с НОЖАМИ, не сажая их за ношение холодного оружия? Почему тем самым нагло поощряют их на **ВООРУЖЕННЫЕ** нападения? Видимо потому, что сами по природной личной ТРУСОСТИ защищены многотысячной перевооруженной охраной, а народ русский хотя бы дополнительно держать в страхе и кабале. Или по собственному природному слабоумию «не ведают что творят», запуская в страну миллионы людей с объективно **ВРАЖДЕБНОЙ** русской России традицией социальной жизни, решая смешные геополитические проблемы? А кроме того, нам, ссылаясь на Европу, тупо объясняют, что России нужны иностранные рабочие низкой квалификации для «черной работы», так как коренные жители, видите ли, совсем не хотят работать за МИЗЕРНУЮ зарплату. Но разве власти не знают, что нынешние **ПРОДАЖНЫЕ** времена совсем не советские, что ныне человек человеку вовсе не товарищ и не брат, а конкурент в любом смысле, что сегодня пришлые народы в целом идут сюда сугубо за тем, чтобы в обозримой перспективе русскую территорию и ее возможности подмять под себя? И в этой очевидной ситуации подобная политика есть политика откровенной сдачи страны инородцам. Это как надо не любить русских людей, чтобы организовать фактически ползучий геноцид русского народа во имя сохранения политического строя **БЕЗУДЕРЖНОЙ** наживы идейных наследников бывших советских фарцовщиков (спекулянтов), а также их пошлого выводка? Вопросы, вопросы. Но, надо полагать, что разумные, а значит, и спасительные ответы на них весьма скоро будут получены. Станет ли это время ответов бескровным или нет — его уже все равно не исправить, как говорится, процесс пошел. Однако все равно дни суровой неотвратимой атаки на истинных врагов России неумолимо приближаются...

Путинщина как нравственная порча русского народа

На дворе русской жизни 4 ноября 2013 года как новый праздник России, ставший стихийно по самому факту своего бытия праздником РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА (вспомним народные русские марши). Многие россияне презрительно отмахиваются от него, полагая в том свою особую мудрость и новую честь. Но чем эти многие могут похвастаться? А лишь тем, что они прагматичны или умеют жить. То есть эти люди, совсем не раздумывая, легко меняют моральные ценности или свою совесть на роскошные вещественные блага. Нынешние очень продвинутые россияне живут весьма зажиточно и весело, прожигая фантастические ресурсы мира земного. Что же обеспечивает им сие счастье, ведь сами они по себе ничего такого уж гениального явно и давно не производят? А они просто лучше других своих сограждан сумели (изловчились) приблизиться к мощным финансовым потокам, рождающимся в результате масштабной распродажи минеральных и прочих ресурсов нашего Отечества. И кто же устроил им такую сладкую халяву? Ответ очевиден — господин Путин и его единомышленники. Чем же таким особым славен сей круг?

Названные россияне сильны тем, что их поддерживают многие русские. Почему же их поддерживают? Да потому, что как и когда-то многие из окружения Иоанна Грозного «живут для себя» (о человечестве, Отечестве, как и о Боге, у них совсем нет сколь-нибудь серьезной заботы). Кстати, по свидетельству Усольцева (коллеги и товарища Путина по периоду его службы в ГДР), это есть принцип жизни нынешнего президента РФ. Но когда-то бояре и князья, остро «желавшие жизни для себя», и познали как раз за это стремление царский гнев. Да так крепко познали, что до сих пор все их идейные наследники вздрагивают. Нынешние же сановники, наоборот, торжествуют, так как их вожак воплощает в жизнь принцип «живи сам, и давай жить другим» (снова ссылка на свидетеля Усольцева). Упомянутый лозунг на практике означает лишь одно: злоупотребляй сам всеми наличными возможностями и позволяй сие безобразие своему близкому окружению. Иначе говоря, всевозможные сердюковы, строго выполняющие правила поведения ближнего круга, остаются абсолютно неприкасаемыми, чтобы они не творили в части воровства бюджетных (народных) средств. Они, как во времена Муссолини, вне закона — они над законом. Но в своих публичных речах ны-

нешний владыка как скрывал сие означенное выше беззаконие, так и будет натужно маскировать его впредь, прибегая от случая к случаю к ловкой патриотической риторике и выдавая себя демагогически или вполне лживо радетелем общественного блага. А ему будут истерично вторить о том же через федеральные СМИ всевозможные прохановы и им подобные люди.

Поэтому главная проблема вовсе не в борьбе граждан за ресурсы России «для себя», не в делении граждан на недалеких и агрессивных русских националистов и всех прочих толерантных россиян. Она лишь в том, что ныне многие русские сильно отравлены новыми хозяевами их жизни ложноверием или впали в глубокое еретичество (в страсть так называемого умения жить). Вот в чем главная беда многих современных русских людей. А исцелять их основательно от сей тяжкой нравственной порчи будет уже грядущий русский государь, который восстановит самодержавие, и восстановит его не без сурового возмездия всем истовым адептам помянутой путинщины. Впрочем, этому его спасительному появлению как раз и будет предшествовать, судя по всему, уже эволюция самого русского национализма, освобождение его от всевозможных суеверий и ересей. Кстати, национализм в представлении автора настоящего текста — это вовсе не бунтующая чернь, собранная воедино по этническому или генетическому (кровному) признаку и желающая самой себе особых преференций за счет якобы недоразвитых инородцев, подлинный национализм — это всецелая практика полностью осмысленного бытия нации или народа, уже вполне осознающего самого себя и в собственной истории, и в истории всего человечества. В результате этот зрелый национализм и станет фундаментом для возведения новой Православной монархии на Руси как наступления эры подлинно нравственной русской жизни.

Несостоявшийся разговор честного писателя с президентом России

В ноябре 2013 года состоялась встреча писателей России с ее президентом, который и выступил в роли инициатора последней. Целый ряд авторитетных и популярных мастеров пера отказалась от участия в работе этого своего рода уникального форума власти и деятелей литературы, сославшись на то, что толку от него может быть чуть, зато репутационных потерь — заведомо много. Однако само по себе названное мероприятие вполне могло породить и серьезный разговор с президентом России уже почти от имени всей нации, ведь подлинный писатель всегда близок к тому, чтобы знать объемлющие смыслы жизни своего народа. И вот в настоящем тексте и приводится сей возможный, но так и несостоявшийся разговор.

— Вот вы, господин президент, на вопрос о заключенных по «Болотному делу» ответили молодому писателю, что мы все должны учиться жить по закону. И понимать, что если кому-то будет позволено нарушать этот закон, срывать погоны с полиции, бить в лицо, мы можем столкнуться с такими же проблемами, с которыми столкнулись в 1917 году. Но ведь нормативные акты нынешней очевидно нелегитимной Думы разве могут считаться уважаемыми обществом законами, ведь всякая узурпация имеет изначально преступный характер? То есть действия любых властей, совсем не имеющих подавляющей поддержки всего общества, уже содержат в себе самих проблему произвола и последующего преступного насилия. А ваша полиция, и это знает вся Россия, и вовсе не соблюдает даже те простые нормативы поведения с гражданами, которые она должна блюсти просто как «Отче наш». Иначе говоря, выходит то, что вы и ваши полицейские помощники, по причине явно низкой управленческой квалификации, уже много лет никак не можете научить рядовых полицейских умению вести себя в обществе. Сие же лично ваше острое неумение выражается в результате в обильной грубости ваших полицейских, а также в их постоянном навязчивом стремлении применять без прямых санкций вашего же закона психологическое и физическое насилие в непрерывном желании вымогать в свою пользу средства граждан. Или выходит ровно то, что совсем не вам учить граждан России как и каким образом им выражать прямое недоверие этой вашей на редкость затянувшейся неспособности вести подлинную державную политику. Впрочем, вы можете заявить в ответ, что, мол, народ плох, а значит, и полицейские таковы. На это вам можно возразить, что русские люди так сами о себе не думают, полагая

разумно, что именно ваша власть таким незатейливым способом лишь прикрывает собственную вопиющую безответственность, нагло проводя политику подавления всякого не контролируемого лично вами публично-иного инакомыслия. Другими словами, никак не решая всерьез задач управления государством, вы лично, господин президент, и готовите грядущее массовое выступление сограждан против вашей власти. Поэтому-то и ваши насмешки над молодым писателем, что он, мол, «музам служит, а с головой не дружит» выглядят вполне омерзительно, — закончил свою нелицеприятную реплику честный писатель.

После явно затянувшейся паузы, вызвавшей некоторую растерянность в притихшем зале, президент ответил:

— Разрешите спросить собравшихся: разве писатель политик? Разве он знает политическую кухню и способен с ней хоть как-то совладать? Да, у нас в России сегодня многое еще не получается. Но мы стараемся улучшить ситуацию, которая, кстати, во всем мире ныне совсем не простая. Вот вы господин, смелый писатель, пытаетесь пугать нас нелегитимностью! Спорить не буду, она недостаточна! А кто сегодня из вас, мудрецов, вполне легитимен? Кто из вас конкретно сумеет своей мыслью и своей же волей обуздать совокунный российский нрав? Вы ведь все начнете, чуть что, называть вместо себя навалных и им подобных претендентов на власть, ведь так? А вы сами-то готовы будете идти за их очень даже вероятные неудачи на плаху? Отрицательный ответ, как говорится, на поверхности. Так что же вы так недовольны текущей властью? Разве вы все заслужили лучшую долю? Разве вы не передеретесь в тот же день, как я уйду с поста президента? Ругать нас, конечно, есть за что, но брать нас на испуг все же не следует. Мы отдадим власть, но только более сильным, чем мы. Вот мой вам ответ в части нашей легитимности.

В зале снова возникла грозная пауза. Все присутствующие смотрели в сторону честного писателя. Он, чувствуя общий вызов, собирался сказать свое слово президенту России, которое зазвучало сначала тихо и спокойно:

— Хорошо уже то, господин президент, что вы осознаете свою малую или недостаточную легитимность. Или, как говорится, от этого важного признания уже можно двигаться вперед... Неужели вы всерьез верите в то, что на действительно свободных и честных выборах ваша партия «Единая Россия» получит решительное большинство? А если не верите, то зачем вбиваете ее в горло русскому народу обманом и силою?! Разве это идет на пользу России?! Вы же не верите в русский народ, считая его, видимо, нецивилизованным?! Разве не так? Ваша беда, господин президент, в том, что вы очень сильно преувеличиваете собственную роль в истории России. Тогда как ваши реальные достижения по развитию страны хотя бы против советского времени весьма невелики, зато нарекания уже сегодня — вполне запредельны. Именно в годы вашего явно затянувшегося правления безответственность и аморальность всей рос-

сийской власти стали просто гигантскими или невиданными в истории нашей страны. И все это фактическое разложение печальным образом стало проникать и в народную толщу. То есть, чтобы такого ваши власти не вытворяли, они всегда в целом сохраняют самих себя на властных позициях, закрывая всякую возможность для подлинного развития страны, ставшей при вас фактической вотчиной отдельных и фантастически коррумпированных кланов. Разве вы, господин президент, не понимаете, что ваше дальнейшее нахождение у власти просто погубительно для России?!!

В зале опять буквально разлилось угрожающее ожидание. Вдруг один из ведущих встречу писателей с президентом России быстро заговорил, что литераторы пришли вовсе не для невежливой перебранки с главой государства и что участникам встречи следует прекратить свои выпады в адрес президента как глупые и детские выходки. Однако президент, почувствовав себя всерьез уязвленным, тут же остановил ведущего и заявил, что не нуждается в сторонней защите самого себя. После короткого молчания он заговорил громко и твердо:

— Я повторяю еще раз: я и мои соратники за власть не держимся, но мы никогда ее не бросим просто из того факта, что кто-то считает нас плохими руководителями. Мы отдадим ее только реальной политической силе, которая сумеет превзойти нас и в энергии поддержки себя российским обществом, и в части демонстрации всему народу тех новых программ развития страны, которые нашей команде окажутся не под силу. На том я как президент России стою и стоять буду впредь! Очень надеюсь, что меня поняли внятно все присутствующие в зале, а также далеко за его пределами.

«Видимо, далее на Руси все пойдет по пословице: “Меня не любишь, так и не доставайся ты, разэтакая, никому”. Или по-хорошему действительно не выйдет, а значит, впереди новая гражданская война», — подумал честный писатель и невольно встал со своего места, намереваясь неожиданно для себя самого покинуть зал, дальнейшее нахождение в котором ему уже теперь представлялось совсем излишним...

Постскриптум

Касательно уже упомянутого выше нынешнего российского главного руководителя, то, скорее всего, уместно привести также слова из предсказания древнего русского прорицателя Василия Немчина, которые заметно проясняют само существо его правления:

«Человек со шлемом и забралом», не раскрывающий своего лица, “безликий образ”, “меченосец”, “человек из болота”... глаза его отливают зеленью и болотом... Он будет у власти, когда у него сойдутся две пятерки. У его была смертельная рана, но она исцелена... он упал, но снова поднялся и стал мстить всем за свое унижение. И будет кровь, связанная с падением зеленоглазого “шлемоносца”... затем он будет низвергнут в пучину».

Речь о будущем России-Руси

Сегодня как никогда ранее, видимо, стоит сказать о главном — о будущем нашего Отечества. Уже близко новое историческое время нашей Родины, которое начнется распадом постсоветской прокладочной эпохи — эпохи симулякров государственной жизни и ползущей русофобии. Кстати, последняя беда наглядно представлена в следующем примере. Сосед автора сих строк рассказал о недавнем случае на автобусной остановке, где по телефону громко разговаривала женщина, приехавшая в Санкт-Петербург из Таджикистана. Когда кто-то из ожидавших автобуса людей сделал ей замечание, что, мол, в Санкт-Петербурге хорошо бы уже говорить по-русски, она язвительно ответила, что, наоборот, скоро русским придется учить таджикский язык, если они захотят здесь жить. То есть, не растекаясь долго по древу, следует ясно сказать, что прокладочная, или коммерческая, эпоха непременно приведет всех нас к новому 1917 году. И перед нами неотвратимо встанет вопрос индивидуального социального выбора: с кем каждый из нас и ради чего готов приносить себя и своих близких в жертву? Впереди, как говорят многие авторитетные эксперты, грядет создание русского государства, во главе которого встанет новый подлинный православный государь. Прокладочная Россия, в свою очередь, по причине собственных внутренних причин и острого политико-экономического давления извне, в течение ближайших 10 лет расколется на две большие части, одна из которых будет за государя, другая с оружием в руках станет поддерживать нынешних властителей, выражающих сущностные интересы мирового финансового капитала. Кто-то возразит, что 10 лет — это еще очень долго, а значит, и беспокоиться рано. Но, во-первых, «в течение» не означает «через». Во-вторых, сам судьбоносный выбор потребует длительного индивидуального размышления, ведь придется верить в собственный выбор всерьез, а также он потребует постепенного индивидуального отхода от фактически вынужденного служения врагам России. В-третьих, для того и говорится загодя, чтобы потом не сказали бы, что «нас не предупреждали». Иначе говоря, «отмыться» следует начинать заранее.

Поэтому, завершая, автор сего воззвания желает всем русским людям осознанного и правильного выбора, ибо ошибка будет стоить очень дорого, так как активные изменники, или сателлиты прокладочного режи-

ма, будут разыскиваться всюду и свозиться в Россию-Русь со всего мира, где будут предаваться царскому суду и последующей казни. Об этих событиях поведал еще Серафим Саровский. В свою очередь, автор полагает, что всякий подлинно русский человек сумеет преодолеть все свои страхи и сомнения и сможет смело и умело выступить на стороне русского народа...

Почему конституция в России всерьез может быть только православной?

12 декабря 2013 года. Россия идейных наследников Б. Ельцина празднует 20-летний юбилей постсоветской конституции. В чем же ее специфика, или в чем ее суть? Она олицетворяет собой антикоммунистический (западный) атеизм (коммунистический атеизм был отброшен вместе с идеей строительства коммунизма), в котором решительно нет места каким-либо мировоззренческим вопросам, так как господствующий западный взгляд всерьез не полагает существование человеческой души ради нее самой, а также каких-либо отдельных смыслов для ее же самостоятельно-го бытия. Иначе говоря, названная конституция выдает себя за всего лишь несколько усложненные правила дорожного движения, регулирующие пребывание биологических объектов в среде земных условий и соответствующих им страстей. Но разве атеизм, в основе своей отрицающий бытие Божие, меняет свой смысл от того, что он имеет общественный или частно-корпоративный характер? Поэтому и выходит ровно то, что при-сваивать России сугубо атеистические смыслы ее бытия как нечто устойчивое в обозримой перспективе вряд ли стоит. То есть попытка удержать Россию в русле, отрицающем поэтическое «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить» не просто глупо, но и опасно. Как так и почему вдруг? Да потому, что Россия изначально в своей истории государство сугубо религиозное — православное. Она возникла и окрепла благодаря обретенной славянскими племенами христианской вере. Впрочем, опрометчиво отрицать и другой факт — факт гибели Российской империи по причине уже проблем самой православной веры, во многом со временем утратившей собственный дух под давлением всевозможных европейских ересей. Именно по этой скорбной причине многие противники подлинного православия ныне и отмечают яростно предложение ее возврата в текст Основного закона. Но без него все равно остается проблема, которую формулируют по-разному: кто поиском национальной идеи, кто духовными скрепами, кто приисканием смысла цели бытия России. По-другому конституция России без объявления в ней мировоззренческого смысла высочайшего уровня, как тело без души, вряд ли когда-либо заработает по-настоящему. Но почему речь идет только о православии, минуя, скажем, ислам, иудаизм или буддизм? Да потому, что только оно имеет своим истоком взвешенные смыслы. То есть именно в нем сформу-

лирована изначальная надмирная цель спасения души человеческой для ее же вечной жизни в царстве Небесном. Иначе говоря, только православие действительно ДУХОВНО, так как только оно решает задачу очищения души человеческой от ее совокупного греха. Или лишь оно восстанавливает ее от сатанинского повреждения. Причем восстанавливает не во имя каких-либо земных или даже потусторонних наград, а исключительно во имя любви к самому Богу. Кроме того, только подлинная православная христианская вера объявляет богатство отдельных людей конкретной нации на фоне нарочитой нищеты народа, непреодолимым препятствием для вхождения их в царство Небесное, а значит, и для получения каких-либо прав на занятие важных государственных должностей. С другой стороны, православие абсолютно отрицает какое-либо насилие над волей человека в выборе им своей веры, а значит, пресекает любую попытку навязывания христианства тюремным заключением. В случае же обмана и злоупотребления бюджетными средствами в православной России в целях личного обогащения уличенный в том преступник карается исключительно смертной казнью. Тем самым лишь православие, как ПРЕДЕЛЬНАЯ духовная основа, естественным порядком возвышается самими собственными смыслами над любой другой человеческой верой, а значит, и ее навязчивое приравнивание к всевозможным иным верованиям в России происходит только по недоразумению либо сугубо по злому умыслу.

Завершая настоящее короткое размышление, следует твердо заявить, что только внесение в преамбулу конституции слов о ключевой исторической роли подлинного православия в жизни России определяет и ее жизнеспособность, и непреходящий смысл самого ее существования.

Прерванный разговор и его возможное продолжение...

15 декабря 2013 года состоялась телевизионная передача «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». В ее рамках впервые на российском телевидении возникла крайне любопытная ситуация вполне откровенного и действительно важного разговора. Впрочем, начавшаяся было беседа между Ириной Прохоровой (главный редактор издательского дома «Новое литературное обозрение») и Иосифом Райхельгаузом (режиссер, народный артист России), с одной стороны, и Дмитрием Смирновым (член высшего церковного совета РПЦ) — с другой, была решительно прервана В. Соловьевым. Что так и почему? Об этом можно только гадать. Тема, видимо, могла оказаться слишком опасной для того, чтобы ее могла услышать Россия. Но о чем, собственно, была речь? Участники программы пытались формулировать систему мировоззренческих ценностей, защита которой обществом была бы уместна. В частности, Ирина Прохорова отметила, что современной России, как главные ценности, достаются лишь куски идеологии Павлика Морозова, что у нас сегодня случился сбой этических кодов, что все споры решаются исключительно с помощью Уголовного кодекса, что в прошлом Иван Грозный, перерезавший полстраны, и последовавшие вслед ему большевики разрушили окончательно институт семьи. Поэтому введение ныне новой системы запретительных мер на государственном уровне как еще одной формы насилия над человеком приводит к полному сворачиванию еще оставшихся ценностей гуманизма. Тогда как еще Карл Поппер четко определил, что разница между жестоким (тоталитарным) государством и гуманистическим (демократическим) во все не в вопросе отношения к частной собственности, а в отношении к человеку, к защите его от бесправия.

В ответ Дмитрий Смирнов сказал, что не понимает смысл слова «толерантность», что он только знает, что с его помощью его заставляют делать то, что он считает невозможным. Далее Смирнов спросил свою собеседницу:

— Верите ли вы в Бога?

Прохорова ответила:

— Не знаю...

— Так вы агностик?

— Не знаю...

— Каждый человек должен во что-то верить, ведь так?

— Вы меня допрашиваете как прокурор? Это недопустимо! Я ведь называю сугубые христианские, гуманистические вещи...

— У нас с вами совершенно разное понимание христианства, тогда как гуманизм в своей сути противостоит христианству. Вы создаете на ходу некоторые мифы и пытаетесь нас склонить к ним. У вас другие духовные корни.

— А почему вы так говорите обо мне, кто вам дал право? И почему ваше понимание христианства лучше моего?

— Видимо потому, что я профессиональный учитель христианства.

Тут вдруг взял слово Иосиф Райхельгауз:

— Я тоже прочитал несколько книжек о христианстве, и что из этого? Почему ваше понимание христианства верно, а наше нет?

Но дальнейшего развития начавшийся было разговор не получил, так как его прервал своей властью В. Соловьев. В свою очередь, попробуем представить дальнейшее, что так и не прозвучало в эфире:

— А потому, что вы считаете самих себя очень нравственными людьми, которые легко могут судить о нравственности всякого лица. Тогда как ваша нравственность на почве гуманизма не может не быть антихристианской в самой своей сути. Еще Александр Блок поведал нам о ней такие строки:

Но тот, кто двигал, управляя,
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас...

Иначе говоря, гуманизм — это земная религия, религия плоти и страстей. Вот в чем ваше зерно. Да, по житейским меркам вы люди вполне достойные, то есть моральные. Однако суть христианства только во внутреннем умалении собственных противоречивых земных достижений как опасного источника личной гордыни — величайшего из грехов для христианина. Вот почему вы не знаете христианства, а если и знаете, то не признаете его в принципе. Ваш настоящий удел — лишь проповедь лжехристианства или многих ересей. По этой причине вы не любите Россию и сами страдаете от этого весьма чувствительно. Вы страстно хотите здесь господства европейской атмосферы, в которой вам лично приятно быть. Но вам никак не понять, что здесь никогда не будет того, к чему вы так упорно стремитесь. И вам не усвоить того, что грядущие перемены в России будут совсем не те, на которые вы зря рассчитываете, ведь Россия твердо движется от досадно выбранного в 1991 году стремления к земной свободе уже к свободе небесной — к подлинному христианству. Здесь вас не спасет и восстановление названных этических культурных кодов, о которых вы

так хлопочите, ведь они все равно связаны со всем искусственным, со всем, истово противостоящим творению Божьему. Именно поэтому в противовес явному богоборчеству, заметьте: совсем не атеизму как в советское время, в России наконец-то воплотится народный — христианский идеал жизни. По-другому выражаясь, никакого плюрализма верований впредь, как русского государственного бытия, на Руси больше уже никогда не будет.

Дмитрий Смирнов замолчал. Через небольшую паузу слово взяла Ирина Прохорова:

— Вот-вот, и я о том же говорю, и наперед предвижу наступление реакции или, если хотите, церковного мракобесия. Но вы не надейтесь, что легко овладеете Россией, мы вам этого не позволим и не дадим.

— Но тогда и вы не маскируйте свои ценности христианством. Лучше скажите всем прямо, что вы сущий противник БОГОЧЕЛОВЕКА Иисуса Христа. Такой поступок все равно будет ближе к истине, а значит, он позволит всем ясно понять, кто и к чему стремится на самом деле. А кому одержать верх на Руси — пусть решит время.

О некоторых смыслах христианской веры

Спору нет, что вера христианская сложна и многотрудна, ведь в ней присутствуют сложнейшие смыслы, например любви к собственным врагам. Именно по этой причине она полностью исключает принуждение к самой себе. Сам христианин стремится обрести через свою веру и любовь к Спасителю ЧИСТОЕ сердце, лишь наличие которого спасает и его душу, открывает ей царство Небесное. Для понимания этого утверждения достаточно взглянуть на земной путь БОГОЧЕЛОВЕКА Иисуса Христа, изложенный в Новом Завете. То есть постоянная проповедь внутри себя самого всяким верующим христианином, скажем, смыслов Нагорной проповеди, и ведет его же к достижению цели принятой им веры. Почему призывы к толерантности или к терпимости иных вер для христианина странны? Да потому, что они умаляют его собственную веру, делают ее вкусовым предпочтением, тогда как сам образ Спасителя говорит каждому явно о другом. Он, объявляя самого себя Истиной и единственным Путем в жизнь вечную, совсем не допускает иной возможности человеку в его восхождении к Богу как только через неукоснительное следование раскрытым ему христианским заповедям. Иначе говоря, выходит так, что любое верование за пределами христианства для человека есть его частное заблуждение. Другое дело, что в земном бытии или, как говорится, в жизни в миру человеку приходится сталкиваться кроме собственных страстей еще и со многими страстями окружающих его людей. При этом ему воспрещается их судить, так как изначально несовершенный человек от этого занятия впадает в обольщение на свой собственный счет, что уж он-то точно лучше им осужденного. В результате получается, что сей непростой призыв начинает незаметно распространяться и на грехи самого верующего, ведь не зря сказано: «не суди». То есть верующий вместо разумного суда всякого поступка или влечения, как чужого, так и своего собственного, начинает пугаться этого естественного свойства самой человеческой жизни. По-видимому, речь все же идет не о суде как таковом, а об эмоциональной реакции, например о грубом поношении кого-либо за что-либо. Последняя реакция, конечно же, достойна запрещения, так как содержит в самой себе очевидную погрешность или неточность. В результате вместо адекватного суждения о конкретном поступке или даже просто нескромном желании выходит своего рода клеймение человека за них, тогда как всякий человек очевидно шире любого своего желания или поступка. Поэтому он всегда может, повинившись, отказаться от них по своей воле. Но,

с другой стороны, заметьте, что Иисус Христос совсем не прощает иудейских первосвященников, объявляя их загодя детьми отца лжи. По-иному говоря, далеко не всем и не всегда следует подставлять свою вторую щеку. Бывают случаи, когда примирение невозможно в принципе, так как оно будет уже предательством самой христианской веры. Каковы же эти случаи? Во-первых, это отрицание утверждения, что Иисус Христос есть Сын Божий. Во-вторых, что Он не умирал крестной мучительной смертью и не воскресал на третий день после нее. В-третьих, что вовсе не будет второго пришествия Спасителя в мир земной уже для суда над всем человечеством. Вот примерно то, что следует знать всякому критику христианства для острастки им самого себя от лишних и пустых выпадов в его адрес.

Закljučая, то есть для тех, кто так и не понял до конца сказанного выше, автор настоящего текста может сообщить следующее. Критиковать заявленные выше смыслы, ведущие человека в вечность, с позиции даже всей известной ныне человеческой истории неразумно, так как мерить ВЕЧНОЕ скоротечным смыслом невозможно в принципе. Другое дело, когда кто-то вспоминает явные грехи из самой истории христианства либо даже факты текущего времени, которых было и, видимо, еще будет предостаточно. Тут для всякого бойкого критика всегда найдется место. Только толку от сей работы все равно немного, так как это будет список справедливых претензий, но только в адрес еретических проявлений, и ни более того. Поэтому борьба с подлинным христианством возможна только по примеру действий древних иудейских первосвященников, что, конечно же, уже есть сущее и воистину непростительное богоборчество.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: КНЯЗЬ ПРАВДЫ И СОВЕСТИ? (разъясняющее чтение)	5
ИОАНН ГРОЗНЫЙ — СТРАХ БОЖИЙ И ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА РОССИИ... (роман-наставление)	65
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ: МИЛОСТЬ БОЖЬЯ ВСЕМУ РУССКОМУ НАРОДУ, ИЛИ СВЯТОЕ В УСЛУЖЕНИИ МИРСКОМУ... (актуальное чтение)	303
БАРОН УНГЕРН: ПРЕДТЕЧА РУССКОГО ЧУДО-ЦАРЯ? (на правах послесловия к книге «Русло русского речения»)	363
<i>Приложения</i>	383

Александр Николаевич Миронов

**РУСЛО
РУССКОГО РЕЧЕНИЯ,**

или

О сокровенном русском смысле по-русски

Художественный редактор *С. И. Вацёнок*

Корректор *Н. П. Дралова*

Технический редактор *М. Г. Столярова*

Подписано в печать 03.02.2014. Формат 60 × 90^{1/16}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 200 экз. Заказ № 025Р.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru